

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

1

1 9 5 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

№ 3225

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

1

1 9 5 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

(103)
56

Редакционная коллегия:

Редактор профессор С. П. Толстов,
заместитель редактора И. И. Потехин,
М. Г. Левин, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов,
С. А. Токарев, В. И. Чичеров

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 10

Подписано к печати 10.III 1952 г. Формат бум. $70 \times 108 \frac{1}{16}$. Бум. л. $7 \frac{1}{4}$ Печ. л. 19,86 +
+2 вклейки. Зак. 1672 Т 01550 Уч.-изд. листов, 24,5 Тираж 2250 экз.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

БОРЬБА ЗА МИР И СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Движение сторонников мира, поставившее своей целью «спасти человечество от новой мировой войны, изолировать клику поджигателей войны и обеспечить мирное сотрудничество»¹, растет и крепнет с каждым днем. Замечательной чертой этого движения является его всеобщий характер: в нем участвуют сотни миллионов людей всех стран мира независимо от их расовой и национальной принадлежности, религиозных и политических взглядов, рабочие и крестьяне, интеллигенция и средние слои. Обращение Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира подписали к 1 января 1952 г. 596 302 298 человек². На первом месте по сбору подписей стоит великий Советский Союз, могучий оплот мира и демократии — 117 669 320 подписей. В обстановке полицейского террора сбор подписей под Обращением проводился в Англии и в Южно-Африканском Союзе, в Испании и в Пуэрто-Рико, в Алжире, в Бирме, Японии и т. д.

Это движение миллионов является показателем не только того, что угроза войны становится все более зловещей и что народы мира осознают эту опасность. Оно является показателем того, — и в этом его сила, его всемирно-историческое значение, — что простые люди всего мира поверили в свои силы и полны непреклонной воли сорвать кровавые замыслы поджигателей войны. Величайшее мобилизующее и организующее значение для успехов движения сторонников мира имеет указание товарища Сталина:

«Мир будет сохранен и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца»³.

Одним из грязных средств подготовки войны является клевета. Поджигатели войны не гнушаются никакими средствами, чтобы опутать народы ложью и втянуть их в войну. Они без устали раздувают антикоммунистическую истерию, кричат о «коммунистической опасности», всякое движение поработенных империализмом народов за свою национальную независимость, за свободу и демократию пытаются представить как «заговор Кремля», направленный против «безопасности». Мирлюбивую политику Советского Союза и стран народной демократии поджигатели войны стараются изобразить как агрессивную политику, а свои военные агрессивные планы выдают за планы подготовки к обороне. Разоблачение этой клеветы является центральной задачей всех сторонников мира.

«Поэтому, — говорит товарищ Сталин, — широкая кампания за сохранение мира, как средство разоблачения преступных махинаций поджигателей войны, имеет теперь первостепенное значение»⁴.

¹ М. Сулов, Защита мира и борьба с поджигателями войны. Доклад на заседании Информационного бюро коммунистических партий в ноябре 1949 г., Сborn. «Совещание Информационного бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине ноября», М., 1950, стр. 50.

² «Правда» от 5 января 1952 г.

³ Беседа т. Сталина И. В. с корреспондентом «Правды», «Большевик», 1951, № 4, стр. 5.

⁴ Там же.

В распространении клеветы, в идеологической подготовке войны принимают участие не только дипломаты и продажные журналисты, но и реакционные представители буржуазной науки. Со страниц многочисленных «научных» журналов и толстых фолиантов «исследований», с университетских кафедр широкой рекой льется клевета на СССР, на страны народной демократии, на все живое и прогрессивное, борющееся за лучшее будущее человечества. Особую роль в этом ансамбле клеветников играет реакционная часть этнографов, прежде всего американских.

Официальная буржуазная этнография США давно уже порвала с лучшими традициями прошлого, отказалась от научных исследований и избрала критерием истинности той или иной теории полицейские соображения. Американские этнографы работают теперь по заданиям государственного департамента и военного ведомства, сопровождают оккупационные войска (Рут Бенедикт в штабе Макартура, а затем в Западной Европе в качестве директора «Комитета по исследованию современных культур» и др.).

Реакционная американская этнография занята теперь «разработкой» грязных, клеветнических психорасистских характеристик на народы, которые уже стали жертвой американской агрессии или которые по бредовым планам Уолл-стрит должны стать такой жертвой. А поскольку эти планы имеют своей целью установление мирового господства американских финансовых магнатов, то это распространяется на все народы мира, не исключая и простых людей Америки, протестующих против этих безумных авантур, не желающих проливать кровь ради удовлетворения алчности жрецов золотого дьявола.

Выполняя это поручение хозяев, американские этнографы приписывают всем народам мира «несовершенную» психику: одни оказываются безвольными и пассивными, другие страдают крайней подозрительностью и неуверенностью в себе, у третьих отсутствует чувство равновесия и т. д. и т. п.⁵ Эти характеристики относятся как к народам колоний и зависимых стран, которым американские монополисты решили оказать «помощь» на основе известной программы Трумэна, так и ко всем другим народам. Так, например, по отношению к японскому народу, «попавшему в беду в связи с иностранной оккупацией»⁶, американские психорасисты клеветнически утверждают, что внутренний мир японцев не регулируется сознанием⁷.

Генерал Макартур в августе 1950 г., т. е., когда он еще не был бит героической Народной армией Кореи, с солдафонским апломбом заявлял, что «для восточной психологии свойственно уважать агрессивную, решительную и динамичную политику и подчиняться ей»⁸. Особенно изощряются эти «ученые» лжецы, когда речь идет о советских народах и народах стран народной демократии.

Эти подлые характеристики имеют двойное назначение. Во-первых: отравить расистским ядом простых людей Америки, воспитать в них презрение ко всем другим народам и таким образом подготовить их к роли убийц. Во-вторых: подорвать чувство национальной гордости всех других народов и заставить их покорно признать «моральное» американское руководство, т. е. стать американскими рабами. Как бы ни были сумасбродны эти намерения, их нельзя игнорировать, так как распространением психорасистских идей занят огромный пропагандистский аппарат.

⁵ Подробно об этом см. сборник Института этнографии АН СССР «Англо-американская этнография на службе империализма», М., 1951.

⁶ Новогоднее послание И. Сталина японскому народу, «Правда» от 1 января 1952 г.

⁷ R. Benedict, *The Chrysanthemum and the Sword*. Cambridge, 1946.

⁸ «Сторонники мира», 1950, № 16, стр. 35.

Советские ученые стоят в лагере мира. Вместе со всем советским народом, вместе со всеми сторонниками мира, демократии, прогресса они борются против темных сил реакции, фашизма и войны. «Все честные ученые должны быть активными борцами за мир, так как дело подлинной науки — служить созиданию, а не разрушению, служить человечеству», — говорил Президент Академии Наук СССР академик А. Н. Несмеянов на третьей Всесоюзной конференции сторонников мира⁹. Советские ученые отдают все свои силы и знания мирному созидательному труду, вместе со всем народом закладывают материально-технический фундамент коммунистического общества, плодотворно трудятся над развитием культуры и искусства. Каждый успех советских ученых, каждое открытие в области техники, каждый научный труд в любой отрасли науки являются вкладом в дело мира. Многообразна роль советских этнографов в борьбе за мир.

В годы второй мировой войны советская этнография сыграла большую роль в разоблачении реакционной сущности звериной идеологии расизма, пропагандировавшейся германскими фашистами. Советский Союз разгромил германский империализм, спас мир от фашистского рабства, предотвратил уничтожение мировой культуры. Новые претенденты на мировое господство, говорит товарищ Сталин, начинают дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что «только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершать судьбы всего мира»¹⁰. Советские этнографы и антропологи не могут поэтому прекратить и не прекращают борьбы с расизмом.

Разоблачение психорасистской клеветы на народы мира, распространяемой американской реакционной этнографией, окажет большую услугу движению сторонников мира. И лучшим средством решения этой задачи является показ культуры и быта, национального характера народов такими, какие они есть на самом деле.

Народы мира стоят на разных этапах своего развития: одни из них, как народы Советского Союза, построившие социалистическое общество, ушли далеко вперед, другие, как народы колоний, далеко отстали. Причины этой неравномерности кроются в конкретных условиях исторического развития каждого отдельного народа или группы народов, и расовая принадлежность не имеет к этому никакого отношения. Очевидно, что народы колоний, например, отстали в своем развитии не вследствие их особой расовой природы, а вследствие порабощения и ограбления их империалистическими державами, и что предоставление им независимости при бескорыстной помощи передовых народов является единственным путем ликвидации этой отсталости.

Народы мира не похожи один на другой по своей культуре, по своему бытовому укладу, по образу жизни. «Советские люди считают, — говорил И. В. Сталин на обеде в честь Финляндской Правительственной Делегации 7 апреля 1948 г., — что каждая нация, — все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций»¹¹. Эта специфика объясняется конкретным историческим путем, пройденным каждым отдельным народом, взаимными культурными влияниями, географической средой, а конструируемые американскими психорасистами «модели культуры», «психологические профили» и т. п. не имеют к этой живой действительности никакого отношения.

⁹ «Правда» от 28 ноября 1951 г.

¹⁰ И. В. Сталин. Интервью с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля 13 марта 1946 г. Госполитиздат, 1946.

¹¹ «Большевик», 1948, № 7, стр. 2.

Реакционные этнографы включились в космополитический хор идеологов американского мирового господства, призывают к отказу от национальных культур, к восприятию «американского образа жизни» под видом вымышленной мировой «модели культуры». Но мировая культура не космополитична, она не существует вне национальных форм культуры. Она является совокупностью, синтезом тех качественных особенностей культуры, которые «вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее»¹².

Исследование и распространение знаний о национальных формах культуры, об этнических особенностях народов, о том вкладе, который вносит в мировую сокровищницу культуры каждый народ, — является важнейшей задачей этнографии. Это является надежным средством борьбы с реакционной идеологией космополитизма как завуалированной формой расизма, средством пропаганды гуманных идей интернационализма, укрепления дружбы между народами.

Страна победившего социализма — Советский Союз — является могучим оплотом мира во всем мире, передовым отрядом всех прогрессивных сил мира в борьбе против поджигателей войны. Советская внешняя политика, выражающая коренные интересы народов нашей страны, всегда была и остается миролюбивой политикой. Этот характер внешней политики СССР обусловлен характером советской социалистической системы, советского общественного и государственного строя, отсутствием эксплуататорских классов, заинтересованных в войне. Пропаганда войны в нашей стране карается как тягчайшее уголовное преступление.

В то время как империалистический лагерь занят лихорадочной подготовкой к войне, в нашей стране широким фронтом разворачивается коммунистическое строительство. В то время как правящие классы в империалистических странах ведут бешеное наступление на жизненные интересы народов под лозунгом «Пушки вместо масла», в стране социализма происходит неуклонный подъем материального благосостояния трудящихся, расцветают наука, культура, искусство.

Внешняя политика Советского государства отвечает интересам народов всех стран, выражает их чаяния. «Неугасимым маяком высится наша социалистическая Родина, указывающая всему человечеству надежный путь к миру и прогрессу. С любовью и надеждой смотрят трудящиеся всех стран на миролюбивую советскую державу, видя в ней верного знаменосца мира, негибаемого борца против империалистических поджигателей войны», — говорил на Третьей Всесоюзной конференции сторонников мира представитель ленинградцев¹³.

Любовь и преданность народов всего мира нашей советской стране вызывает бешеную ненависть империалистических агрессоров. Они пытаются очернить наш советский строй, наш социалистический образ жизни и противопоставить ему как якобы совершенный — «американский» образ жизни.

В разоблачении мифа об «американском» образе жизни большую роль может и должна сыграть советская этнографическая наука, изучающая повседневную жизнь народа, его быт. Большое значение в решении этой задачи имеют исследования, описания жизни трудящихся масс США, в частности, условий жизни негров и индейцев, подвергающихся расовой дискриминации в самых чудовищных формах. Известно, что от нескольких миллионов индейцев, живших на территории США полторы сотни лет тому назад, осталось теперь лишь немногим более 300 тысяч человек. Загнанные в перенаселенные резервации, своеобраз-

¹² Речь товарища И. В. Сталина на обеде в честь Финляндской Правительственной Делегации 7 апреля 1948 года, «Большевик», 1948, № 7, стр. 2.

¹³ «Правда» от 29 ноября 1951 г.

ные расовые заповедники, лишённые медицинской помощи и образования, индейцы влечат жалкое, полуголодное существование и постепенно вымирают¹⁴.

Позорная практика линчевания негров, поощряемая правящими кругами США, является неотъемлемой частью пресловутого «американского образа жизни». «При тайном поощрении со стороны финансового капитала Севера и контролируемых им организаций, представляющих общественное мнение, искусство, литературу, образование, прессу и радио, хитроумно распространяется утверждение о «врожденной неполноценности» негров, внедряемое в сознание американского народа. Вплетенное в ткань национальной жизни, это стало неотделимой частью «американского образа жизни»¹⁵.

Советские этнографы сделали большой вклад в дело распространения знаний об условиях жизни народов нашей многонациональной Родины, о достижениях ленинско-сталинской национальной политики в СССР.

Советская национальная политика является образцом решения национального вопроса. На основе этой политики бывшая «тюрьма народов» — царская империя — превратилась в дружную семью народов, где каждый народ сохраняет свою национальную специфику, развивает свои национальные формы социалистической культуры и в тесном единстве со всеми другими народами занят общим делом строительства коммунистического общества. Советская страна не знает ни расового, ни национального, никакого иного угнетения народов. Отношения между народами строятся на основе взаимного уважения, сотрудничества и братской взаимной помощи.

Величественны и грандиозны достижения национальной политики советской власти. Народы, ранее отсталые, стоявшие накануне Великой социалистической революции еще на докапиталистических стадиях развития, а некоторые из них еще не порвавшие с родовым строем, в рекордно короткий срок, минуя стадию капитализма, при братской помощи великого русского народа создали у себя социалистические отношения и передовую социалистическую культуру. Один пример. «До Октябрьской революции на территории нынешнего Таджикистана было 10 религиозных школ, где обучалось 369 детей эмирских чиновников, мулл и ишанов. Сейчас в республике работают три тысячи школ, сорок высших и специальных средних учебных заведений, Таджикский государственный университет»¹⁶.

Идея мира овладела сознанием сотен миллионов людей, она стала могучей силой развития. Во имя укрепления мира трудящиеся Советского Союза и стран народной демократии совершают трудовые подвиги. Во имя укрепления мира героически сражаются с американскими оккупантами солдаты Кореи и китайские добровольцы. Во имя укрепления мира проливают кровь герои Вьетнама, Малайи и Филиппин, подвергаются полицейским преследованиям, заключаются в каторжные тюрьмы простые люди Америки и Европы. Борьба за мир стала одной из ведущих тем не только в советской, но и в мировой передовой, прогрессивной литературе¹⁷, театре, изобразительном искусстве.

Тема борьбы за мир находит яркое выражение в устном народном творчестве. Рядовые рабочие и колхозники нашей страны слагают песни

¹⁴ Е. Э. Бломквист, Дискриминация ирокезов в Соединенных Штатах Америки, «Советская этнография», 1951, № 2.

¹⁵ Harry N. Wood, Negro liberation, New York. Русское издание: Г. Хейвуд, Освобождение негров, 1950, стр. 190.

¹⁶ «Коммунист Таджикистана» от 18 декабря 1949 г. Из обращения таджикского народа к товарищу Сталину в связи с двадцатилетием Таджикской ССР.

¹⁷ «Прогрессивные писатели в борьбе за мир», «Вестник Академии Наук СССР», 1951, № 11.

и частушки, пословицы и поговорки, в которых клеймят позором англо-американских поджигателей войны и выражают свою готовность довести дело борьбы за сохранение мира до победного конца¹⁸. Эта благородная тема вдохновляет и мастеров народного изобразительного искусства. Изучение образцов народного творчества, посвященных борьбе за мир, помощь в собирании и популяризации лучших из них являются одной из важнейших задач советских этнографов и фольклористов.

Силы мира растут со дня на день. Но было бы ошибкой считать, исходя из укрепления сил лагеря демократии и социализма, что угроза войны стала теперь меньше. Исторический опыт показывает, что чем ближе конец империалистического господства, тем больше угрожает человечеству опасность преступных военных авантюр. Борьбу за мир надо вести упорно и последовательно. Советская этнография своими исследованиями должна еще активнее участвовать в этом великом движении современности.

¹⁸ См. ниже статью В. К. Соколовой «Народное поэтическое творчество в борьбе за мир».

Поэтому широкая кампания за сохранение мира, как средство разоблачения преступных махинаций поджигателей войны, имеет теперь первостепенное значение»². В этой кампании очень большую роль может сыграть и играет народное поэтическое творчество и творчество писателей и композиторов профессионалов. Лучшие поэты всех стран борются за мир оружием художественного слова. Они создают пламенные песни и стихи, призывающие к борьбе за мир и срывающие маски с империалистов — поджигателей войны. Широкое распространение получили такие песни советских поэтов и композиторов, как «Гимн демократической молодежи мира» (слова Л. Ошанина, музыка А. Новикова), «Песня мира» («Ветер мира колышет знамена побед», слова Е. Долматовского, музыка Д. Шостаковича), «В защиту мира» («Вновь богачи разжигают пожар», слова И. Френкеля, музыка В. Белого), «Песня борцов за мир» (слова В. Харитонов, музыка В. Мурадели), «Москва — Пекин» (слова М. Вершинина, музыка В. Мурадели), «Наша Родина — мира оплот» (слова Я. Белинского, музыка В. Кручинина) и др. Эти песни с полным правом можно назвать всенародными. Их поют не только народы Советского Союза, но и сторонники мира за рубежами нашей страны. Они получили всеобщее признание, потому что в простой, доходчивой до всех форме они выражают мысли и чувства, волнующие сейчас всех простых людей, указывают им путь для сохранения мира. И если народы принимают эти песни как свои, то это значит, что они прониклись идеями, которые в этих песнях выражены.

Советские песни о мире в полный голос звучат в странах народной демократии, уверенно строящих социализм. Они проникают и в страны капитализма, где за сочувствие делу мира преследуют, бросают в тюрьмы. Но гнусные палачи, замышляющие черное дело, не в силах заглушить звонкую свободную песню, зовущую к борьбе за мир, ибо

Для песни мира нет границ,
Ее не скроют тюрем своды,
Она сорвет замки темниц,
С ней в бой за мир идут народы.

(«Песня борцов за мир»)

Вторит песне той
Весь шар земной,
Эту песню не задушишь, не убьешь.

(«Гимн демократической молодежи»)

Агитационное значение массовых советских песен о мире очень велико. Напоминая о надвигающейся угрозе, о том, что «вновь богачи разжигают пожар», они неуклонно внушают мысль, что общими усилиями народов войну можно предотвратить.

Песни убеждают, что лагерь мира и демократии сильнее лагеря империализма, что «армия мира всех сильнее», и «не бывать войне-пожару, не пылать земному шару», если народы будут непреклонны в борьбе за мир.

Атомной бомбой народ не убить,
Ложью и золотом нас не купить...

(«В защиту мира»)

Призыв к единению, к активной борьбе составляет основной пафос этих песен. Все эти песни — боевые призывы, песни борьбы и победы.

² Беседа т. Сталина И. В. с корреспондентом «Правды», «Большевик», 1951, № 4, стр. 5.

В. К. СОКОЛОВА

НАРОДНОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО В БОРЬБЕ ЗА МИР

Растет и ширится во всем мире движение борцов за мир. Все простые люди, труженики разных национальностей и рас, разных политических и религиозных убеждений громко заявляют о своей готовности бороться против нависшей над миром угрозы новой мировой войны. Народы восстают против замыслов поджигателей войны, потому что война, приносящая империалистам колоссальные сверхприбыли, несет простым людям смерть и разорение. Слишком живы еще в памяти людей ужасы только что минувшей войны, не зажили еще все раны и не высохли слезы сирот, вдов и матерей, чтобы подлые банкиры Уолл-стрита и их лакеи могли рассчитывать на успех своей пропаганды в пользу подготавливаемой ими новой мировой бойни. Народы жаждут не войны, а мира, они с надеждой смотрят на великий Советский Союз, оплот мира, неуклонно проводящий мирную политику.

С глубоким удовлетворением восприняли все простые люди мира указание товарища Сталина о том, что войны не будет, если народы не захотят этого и будут активно бороться против замыслов поджигателей войны. «Мир будет сохранен и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца»¹. Эти слова великого вождя вселяют в сердца всех честных людей уверенность и надежду и являются для них боевой программой действия.

Движение борцов за мир — величайшее движение современности — растет и крепнет с каждым днем. Вместе с Советским Союзом за мир борются страны народной демократии, Китайская Народная Республика, Германская Демократическая Республика. Множатся ряды сторонников мира и в странах капитализма, их волю не могут сломить ни обманы, ни провокации, ни угрозы и репрессии. В борьбу за мир включаются люди разных профессий, представители физического и умственного труда, которые начинают понимать, что мир надо завоевать, что за мир надо бороться. Об этом свидетельствует успех кампании по сбору подписей под Стокгольмским воззванием и еще больший размах кампании по сбору подписей под обращением Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира между пятью великими державами. Коммюнике Секретариата Всемирного Совета Мира сообщило, что на 1 января 1952 г. под Обращением в различных странах подписались 596 302 298 человек — цифра, которая заставит задуматься врагов мира, вынашивающих свои черные замыслы и мечтающих нажиться на крови и страданиях народа.

Большое значение для развертывания борьбы за мир имеет массовая агитация и пропаганда, разъясняющая задачи сторонников мира и разоблачающая происки англо-американских империалистов. «Война может стать неизбежной, — предупреждает товарищ Сталин, — если поджигателям войны удастся опутать ложью народные массы, обмануть их и вовлечь в новую мировую войну.

¹ Беседа т. Сталина И. В. с корреспондентом «Правды», «Большевик», 1951, № 4, стр. 5.

Отсюда и их волевая интонация, их четкий, часто маршеобразный ритм. Грозное «нет» говорят они тем, кто хочет свергнуть мир в новую всемирную бойню:

В защиту мира
Вставайте люди.
Ряды тесней,
Страна к стране,
И пусть над миром
Сильней орудий
Призыв наш реет:
— Не быть войне.

(«В защиту мира»)

Советские люди, руководимые партией Ленина — Сталина, показывают примеры того, как надо отстаивать свои права, как следует бороться за мир:

Лети, наша песня, к друзьям молодым,
Мы в битве за правду, за мир — победим
Недаром прямою дорогой вперед
Нас партия Ленина смело ведет.
Нас Сталин к победам ведет,
Велик наш Советский народ,
Могуч наш Советский народ,
Наша Родина — мира оплот.

(«Наша Родина — мира оплот»)

Советские массовые песни о мире не случайно получили всемирное признание. Советский народ идет в авангарде борцов за мир, и вполне закономерно, что в его поэтическом творчестве полнее и ярче всего воплощена тема борьбы за мир. Эта тема является ведущей не только в творчестве известных поэтов, но и в творчестве самых широких масс трудящихся. Стихи и песни о мире слагают рабочие, колхозники, служащие, студенты, военнослужащие, домашние хозяйки. Они берутся за перо или складывают песни устно, потому что хотят выразить переполняющие их чувства, хотят заявить о своем непреклонном стремлении к миру, о радости мирного созидательного труда. Песни о мире создают прославленные мастера народного творчества, самодеятельные коллективы, хоры народной песни и люди, впервые выступающие на поэтическом поприще. «Литературная газета» в очерке «Сталинград, улица Мира...» сообщала об одном таком народном поэте — слепом инвалиде Отечественной войны, жителе вновь строящейся улицы Мира, Максиме Павловиче Харахоркине. Советская власть дала ему возможность приобрести специальность, дала работу. И советский патриот выражает в своих стихах благодарность Родине и партии, призывает к борьбе за мир:

О мире я песни слагаю,
Их радостно люди поют,
Я высшего счастья не знаю,
Чем мирный любимый наш труд³.

Трудящиеся выступают со своими стихами и песнями на митингах в защиту мира, исполняют их на вечерах художественной самодеятель-

³ Ю. Чепурин, Сталинград, улица Мира..., «Литературная газета» от 27 сентября, 1951 г.

ности, в обеденные перерывы, помещают их в стенгазетах. Много стихов о мире опубликовано за последнее время в центральной и местной печати. Стихи трудящихся включаются в сборники рядом со стихами поэтов-профессионалов⁴. Сборник стихов и песен о мире издан Всесоюзным Домом народного творчества имени Н. К. Крупской⁵. Все это подлинное народное творчество, непосредственный живой отклик масс на происходящие события, на все, что волнует их. Его с полным правом можно назвать «голосом народного сердца», как назвала «Правда» патриотические записи на избирательных бюллетенях, поданных во время выборов в местные Советы 17 декабря 1950 г. за великого Сталина. Среди этих записей было немало стихотворений, посвященных борьбе за мир⁶.

Понимание необходимости борьбы за сохранение и упрочение мира вошло в плоть и кровь советских людей, овладело их сознанием. Это и обусловило тот грандиозный размах народного поэтического творчества, который наблюдается сейчас. Песни о мире и дружбе народов звучат на языках всех народов многонационального Советского Союза. Различные по национальной форме, но единые по мысли и чувству, они сливаются в один мощный хор, прославляющий счастье мирной жизни и звучащий грозным предостережением поджигателям войны. Народные произведения выявляют морально-политическое единство нашего народа, говорят о его преданности Родине, партии и любимому вождю и учителю товарищу Сталину, о его готовности любой ценой защищать свой счастливый и радостный труд.

Люди мирной советской страны
Дружбой, волей единой сильны.
Все, как один, подписав Обращение,
Мы говорим: «Не допустим войны,—⁷.

заявляет казахский народный акын Нартай Бекежанов в своей новой песне о мире, сложенной во время сбора подписей под Обращением Всемирного Совета Мира.

Народное творчество со всей убедительностью свидетельствует, что советским людям чужды какие бы то ни было агрессивные замыслы, что они хотят мира и только мира. «Нам нужен мир»,— основная мысль всех песен и стихов о мире, основная мысль современного советского народного творчества:

Народам дорог мир, а не война...
И в самом деле, братья, кто из нас
Не хочет мира каждый день и час?⁸—

говорит 73-летняя эстонская народная сказительница Аннэ Вабарна в «Сказании о мире», возникшем как отклик на Стокгольмское воззвание.

«Мир — это счастье»,— эти слова являются лейтмотивом многих песен и стихов.

Мир — это счастье, мир — это жизнь,
Мир — это значит творить коммунизм,
Мир — это новой войне не бывать!
Наша задача — его отстоять! —

⁴ См. сборники: «Мы за мир», стихи, Иркутск, 1951 г. «Во имя мира», Стихи, Челябинск, 1951; «За мир и труд», Ставрополь, 1951.

⁵ «За мир. Поэтическое творчество трудящихся». Составитель Н. В. Покровская. М., 1951.

⁶ См. газ. «Правда» от 19 декабря 1950 г.

⁷ «Песня о мире», «Правда» от 29 сентября 1951 г.

⁸ «Советская Эстония» от 28 января 1951 г.

лишет Н. Лукашевский, студент Львовского политехнического института⁹.

Советские люди не хотят войны, потому что война несет неисчислимые бедствия и страдания всем народам. «Война — это горе», и надо все усилия направить на то, чтобы не позволить англо-американским империалистам развязать новую мировую бойню.

Мир — счастье, война — это горе.

Мы — армия счастья. Вперед!

.

Мир — солнце, война — это горе.

Мир — армия солнца. Вперед!¹⁰ —

воскликает народный киргизский поэт Аалы Токомбаев.

Советским людям нужен мир, чтобы заниматься мирным трудом, чтобы осуществить грандиозный Сталинский план преобразования природы, чтобы все быстрее и увереннее идти вперед к коммунизму. Об этом хорошо говорит в стихотворении «Знаменосец мира» рабочий Злаутовского металлургического завода имени Сталина В. Нечаев:

Нам нужен мир! Войны мы не хотим!

Все ужасы ее мы испытали!

Плечом к плечу в колонне мы стоим,

Ведет нас знаменосец мира — Сталин!

Нам нужен мир, чтоб уголь добывать,

Чтоб дать стране сверх плана тонны стали,

Чтобы везде и всюду побеждать,

Как учит знаменосец мира Сталин!

Нам нужно, чтобы Родина цвела,

Чтобы хлеба, как море бушевали,

Чтоб жизнь еще прекраснее была,

Чтоб улыбался нам великий Сталин!¹¹

Строительство гидростанций на Волге и Днестре и Главного Туркменского канала, названных народом стройками коммунизма и воспеваемых в песнях и сказаниях, служит прекрасным доказательством миролюбия нашего народа и опровергает клевету наших врагов о якобы ведущейся в СССР подготовке к войне. «...Не может ни одно государство, в том числе и Советское государство, — говорит товарищ Сталин, — развертывать во-всю гражданскую промышленность, начать великие стройки вроде гидростанций на Волге, Днестре, Аму-Дарье, требующие десятков миллиардов бюджетных расходов, продолжать политику систематического снижения цен на товары массового потребления, тоже требующего десятков миллиардов бюджетных расходов, вкладывать сотни миллиардов в дело восстановления разрушенного немецкими оккупантами народного хозяйства, и вместе с тем, одновременно с этим, умножать свои вооруженные силы, развернуть военную промышленность. Не трудно понять, что такая безрассудная политика привела бы к банкротству государства»¹².

⁹ «Львовская Правда» от 23 сентября 1951 г.

¹⁰ «Советская Киргизия» от 22 сентября 1951 г.

¹¹ «Во имя мира», стр. 3.

¹² Беседа т. Сталина И. В. с корреспондентом «Правды», «Большевик», 1951, № 4, стр. 2.

Тема мирного созидательного труда всегда была одной из основных тем народного поэтического творчества. С особой силой она зазвучала в советском народном творчестве, когда освобожденные народы познали счастье свободного творческого труда, труда не на эксплуататоров, а на самих себя, на свое родное Советское государство. В грозные годы Великой отечественной войны народ мечтал о мирной жизни, о возвращении к мирным профессиям. Не успели еще отгреметь залпы войны, а советские люди уже с энтузиазмом взялись за восстановление разрушенных фашистами городов и сел. И с новой силой зазвучала в послевоенном народном творчестве тема трудовых подвигов. Усиливающаяся угроза новой всемирной бойни, опасность, нависшая над миром, заставила народных певцов связать тему труда с темой борьбы за сохранение и упрочение мира. Каждое новое строительство, каждый новый производственный успех — удар по поджигателям войны. Так думают простые советские люди, работающие на фабриках и заводах, на колхозных полях и в научных лабораториях. Через все произведения народного творчества красной нитью проходит мысль, что чем сильнее будет Советский Союз, тем увереннее можно быть, что войны не будет.

«Великими стройками коммунизма мы утверждаем мир на земле», — говорят акын Нартай Бекежанов.

Советские люди против войны.
Стремлением к миру сердца их полны,
Заняты мирным трудом мы сейчас.
Мирные стройки повсюду у нас.
Взгляните на Волгу, на Днепр и на Дон, —
Фундаментом мира ложится бетон.
Твердо, уверенно мы говорим:
Мир на планете мы отстоим!
Мирные песни народ наш поет,
Сталин нас к миру и счастью ведет —

пишет слесарь-инструментальщик В. Попов ¹³.

Гремят трактора,
Землю режут ломтями,
Труд с нами,
Мир с нами ¹⁴, —

поется в латышской народной песне.

Не бомбой, не винтовкой,
Не гулом пулеметной трескотни —
Трудом под Сталинградом и Каховкой
Мы бой за мир решаем в эти дни ¹⁵, —

говорится в стихотворении М. Сергеева.

Свои слова и призывы, свои подписи под Стокгольмским воззванием и Обращением Всемирного Совета Мира трудящиеся нашей страны подкрепляют конкретными делами, самоотверженным стахановским трудом. Девушки-льноводы Калининской области, подписывая Стокгольмское воззвание, создали частушки, призывающие еще лучше работать на колхозных полях и тем крепить дело мира:

¹³ «Львовская Правда» от 23 сентября 1951 г.

¹⁴ Материалы Всесоюзного Дома народного творчества имени Н. К. Крупской.

¹⁵ «Мы за мир», стр. 58.

Мы воззвание подписали,
Подпись делом подкрепим —
Государству урожай наш
Своевременно сдадим.

Враг грозит из-за границы
И кричит, что он силен,
Надо, девушки, добиться,
Чтоб хороший вырос лен¹⁶.

Такие мысли выражаются и в частушках, записанных в других областях:

Всем колхозом мы за мир
Подписи поставили
И сверх плана государству
Хлеба мы отравили.

Трудящиеся города и деревни становятся на стахановские вахты мира, и народное творчество отмечает это патриотическое движение.

Вахту мира в городах
Люди объявили,
Мы колхозом на нее
Дружно заступили.

Народные певцы и поэты создают в своих произведениях образы строителей коммунизма — передовых рабочих и колхозников, которые за своим станком, за рулем трактора или комбайна, на строительстве гидростанций и новых жилых домов чувствуют себя солдатами мира, стоящими на передовой линии и несущими свою боевую вахту. «Нельзя не воспеть радость мирного созидательного труда», — пишет мастер стахановского каркасно-электросварочного участка завода «Гомсельмаш» Б. Спринчан и рисует в своих стихах образ юного электросварщика, только недавно овладевшего сложной профессией и ставшего одним из лучших стахановцев цеха.

А сварщик юный
Передовик —
Шов золотистый
Рукоюстрой
Кладет на стык.
И весь в движеньи,

От напряженья
Металл поет,
А сварщик пламя
Как мира знамя,
В руках несет¹⁷.

Такой же образ простого рабочего паренька, ощущающего свою работу как удар по врагу, дается в стихотворении весовщика станции Магнитогорск А. Салдаева «Металлоткач»:

Рабочий у станка стоит,
В руках его все спорится,
Челнок, как пулемет, стучит,
Стучит, бежит, торопится.
Он видит в беге челнока,

¹⁶ Частушки записаны аспиранткой МГУ Л. Дорофеевой в Бежецком районе Калининской обл.

¹⁷ Б. Спринчан, Мы люди мирного труда, «Советская Белоруссия», от 30 сентября 1951 г.

В мотках железной сетки
 Удар по замыслам врага,
 Уверенный и меткий.
 Мне нужно нормы перекрыть,
 Так думал паренек.
 — Войне не быть, не быть, не быть,
 Выстукивал челнок¹⁸.

Обобщенный образ строителей, воздвигающих новые прекрасные дома над Леной, в краю, который в царской России был заброшенной окраиной, служившей местом отдаленной ссылки революционеров, дан в стихотворении В. Степанова «Строители»:

Работа вдохновенная,	Размах труда стремителен,
Как песнь, как жизнь сама.	Доволен бригадир.
Растут над светлой Леною	Так борются строители
Просторные дома.	За долгий прочный мир ¹⁹ .

Думы о мире вдохновляют на трудовые подвиги и комбайнера, убирающего богатый колхозный урожай этого года, названный народом урожаем мира. Комбайнер знает, что и его труд вливается в общее дело защиты мира, что собранное им зерно войдет в областную сводку, которая полетит в Москву к великому вождю.

И летит она над скалами Урала
 К человеку, чьи глаза ясны,
 Кто стрит бесценно у штурвала
 Самой мирной на земле страны.
 Вот берет он сводку и читает —
 Всей земли Советской бригадир,
 И глаза родные отражают
 Радость всех, кто борется за мир²⁰.

В народном творчестве отмечены, таким образом, типические черты советских людей. Коммунистическое отношение к своему труду, ясное сознание целей, уверенность в завтрашнем дне, понимание сложности международной обстановки и коварных замыслов врагов мира, непреклонная решимость бороться за торжество мира и демократии, стойкость, выдержка и мужество — присущи всем героям советской народной поэзии.

Труд кипит на полях и заводах.
 И работает Сталин в Кремле
 Ради счастья всего народа,
 Ради мира на всей земле²¹.

С отеческой любовью изображены в стихах, песнях и сказаниях образы советских ребят, их счастливое, ничем не омрачаемое детство. Эти образы напоминают отцам и матерям об их ответственности за судьбу своих детей, призывают их быть бдительными и готовыми дать отпор, если подлый враг посмеет посягнуть на их жизнь и счастье. Наши дети воспитываются в духе международной солидарности всех трудящихся, всех честных людей, они знают, что мир — это высшее благо лю-

¹⁸ «Во имя мира», стр. 42.

¹⁹ «Мы за мир».

²⁰ И. Луговской, Урожай мира, «Мы за мир», стр. 33—34.

²¹ М. Рагозин, Ради счастья, «Мы за мир», стр. 50.

дей, и учатся ненавидеть войну. Образ ребенка, впервые севшего за школьную парту и старательно, еще неумелой рукой выводящего в тетради первые, самые дорогие слова — Сталин и Мир, — встречается в ряде стихотворений, созданных народными поэтами в разных концах Советской страны, независимо друг от друга. Этот образ еще и еще раз говорит о мирных намерениях советских людей, об их любви к жизни, к детям, в которых они видят свое прекрасное будущее.

Теплотой, мягким лиризмом овеяны в народной поэзии образы советских людей, борющихся своим трудом за сохранение и упрочение мира. Такой же теплотой согреты и образы зарубежных борцов за мир, тех, кого не страшат никакие угрозы и пытки. Советские народные певцы слагают песни о подвиге французской патриотки Раймонды Дьен, о Назыме Хикмете, борющемся за мир своим пламенным и гневным стихом, о боевой призывной песне Поля Робсона, о сотнях и тысячах честных людей, говорящих «нет» поджигателям войны. С особым сочувствием и волнением следят советские люди за героической борьбой свободолюбивого корейского народа, ставшего жертвой агрессии американского империализма.

Рабочий завода имени С. М. Кирова в Ленинграде А. Байков, выражая чувства всего советского народа, пишет в стихотворении «Мы помним бомбы свист»:

Мы, ленинградцы, помним звук сирены
И бомбы свист над городом родным,
Вот почему, солдаты Ким-Ир-Сена,
Мы, восхищаясь вами, говорим:

Ваш подвиг свят.
Во имя мира в битву
Идете вы на подвиги вперед.

Нет, не сломить убийцам Уолл-стрига
Корейский героический народ²².

Советские люди знают, что они не одиноки в своей борьбе за мир, что их поддерживают трудящиеся стран народной демократии, поддерживают честные люди всего мира. «Как в морально-политическом, так и в экономическом отношении лагерь демократии и социализма представляет собой единую, несокрушимую силу. Сила этого лагеря увеличивается тем, что он отстаивает правое дело защиты свободы и независимости народов», — писала «Правда» в передовой «За победу мира и демократии»²³. Художественные произведения трудящихся говорят о все возрастающей силе демократического лагеря, о тысячах и десятках тысяч бойцов за мир, поднимающихся во всех странах. Народы берут дело сохранения мира в свои руки, и в этом залог их победы.

И верю я, что мир на свете будет:
Он нужен для людей как солнца свет.
Его крепит своим стихом Неруда,
Его крепит своим стихом Хикмет.
В борьбе за мир моя страна Советов,—
Для всех людей труда родная мать,—
Ведет весь мир к грядущему рассвету
И бомбами ее не запугать.
От Франции до синих гор Памира

²² Материалы Всесоюзного Дома народного творчества имени Н. К. Крупской.

²³ «Правда» от 11 ноября 1951 г.

Встают за мир деревни, города.
И наша воля и стремленье к миру
Сильней, чем ваши бомбы, господа! ²⁴ —

пишет мастер завода «Гомсельмаш» Б. Спринчан.

Гневом и ненавистью звучат народные стихи и песни, когда они говорят о представителях лагеря империализма — лагеря смерти, разоблачают их подлые дела и намерения.

Мы поджигателю, зачинщику войны
Проклятья шлем — его дела черны,
А череп ядом золота отравлен,
Он страшными убийствами прославлен.
Ему не жаль ни мира, ни людей,—
Он сбрасывает бомбы на детей,
И нет конца его делам проклятым.

Так клеймит агрессоров эстонская сказительница Аннэ Вабарна в «Сказании о мире».

Народные певцы знают цену лживых, елейных речей Трумэна, прикрывающего болтовней о мире черные дела американских интервентов в Корее. Разоблачая англо-американских убийц, народные произведения показывают, что действия этих убийц ничем по существу не отличаются от действий гитлеровцев, тактику и лексикон которых они восприняли. Обращаясь к американскому интервенту, пришедшему в Корею, чтобы жечь, грабить и убивать мирное население, Н. Перевалов подчеркивает его духовное родство с германским фашизмом:

Ты — наемный убийца, янки,
И в твоей бандитской осанке
Ничего для меня не ново —
Я встречал такого-ж другого,
Черной свастикой был он помечен
И железным крестом увенчан,
Но к кресту получил в придачу,
Как и следует,—смерть собачью...
Не уйдешь из чужого края —
Участь ждет и тебя такая... ²⁵.

Советский народ помнит указания своего великого учителя и вождя о том, что мира не просят, что мир нужно завоевать. И их поэтические произведения звучат как боевой клич, как призыв к единению, обращенный ко всем честным людям мира, ко всем, кому дороги мир и свобода. Они напоминают народам, что дело сохранения и упрочения мира в их руках, что от них самих зависит теперь быть или не быть войне.

На праведный бой за мир зовет «Песня молодых защитников мира», сложенная хорovým коллективом Харьковского машиностроительного техникума. Она напоминает о незаживших еще ранах прошлой войны, об ужасах и испытаниях, которые несут войны:

Встали мы грозной единой силой,
Наши сердца возмущенья полны.
Мы не забыли, еще не зажили
Раны недавней войны.

²⁴ «Советская Белоруссия» от 16 сентября 1951 г.

²⁵ «Мы за мир», стр. 46.

Все, кому дороги мир и свобода,
С нами вставайте на праведный бой,
Честные люди, вместе добудем
Мир неустанной борьбой²⁶.

Любой ценой преградить путь войне призывает армянский народный певец Паркешт. Он указывает всем народам на пример великой Советской державы, неизменно стоящей на страже мира.

Поднимемся железною стеной!
Войну предотвратим любой ценой!
И прочный мир удержим над землей,
Чтоб мирно жить могли простые люди.
У всех перед глазами есть пример —
Не хочет войн могучий СССР,
Он в трудовых свершеньях смел,
Чтоб мирно жить могли простые люди²⁷.

Образ Советского Союза, с момента Октябрьской революции неуклонно проводящего мирную политику, возглавляющего лагерь мира и социализма, указывающего путь всем народам и вселяющего в их сердца веру в победу, — один из центральных образов советской народной поэзии. СССР — несокрушимая твердыня мира, к которой обращены взоры всех трудящихся. «Кремлевские звезды далеко видны и объединяют людей доброй воли», — поется в белорусской песне.

Казахский акын Картай Ермакбаев сложил песню о могучей Советской стране, стоящей непреодолимой преградой на пути врагов мира, о светоче мира Сталине, призывающего всех честных людей к борьбе за мир.

Моя страна — богатств полна,
Она могуча и сильна,
Ее животворящей силой
Вселенная обновлена...
В боях, в труде из года в год
Наш путь все выше, все вперед.
К вершинам светлым коммунизма
Великий Сталин нас ведет.
Рад факельщик войны — банкир
Устроить вновь кровавый пир.
Но светоч правды, мудрый Сталин
Зовет друзей к борьбе за мир.
И подвигом труда своим
Мы знамя мира укрепим:
Под ленинским пурпурным стягом
Народный фронт непобедим²⁸.

СССР — символ единения всех трудящихся в борьбе за мир. Уверенностью в своей силе звучит припев уральской народной песни о мире:

Кремлевские звезды все ярче горят,
И правда, и мир на земле победа.

²⁶ Из доклада т. Айзенштадт «Народное творчество Харьковщины в борьбе за мир», прочитанного на конференции во Всесоюзном Доме народного творчества. (Материалы ВДНТ).

²⁷ «За мир», стр. 28.

²⁸ Из материалов Всесоюзного Дома народного творчества имени Н. К. Крупской

С образом непобедимого Советского Союза в народном творчестве неразрывно связан образ Сталина, ведущего нашу страну от победы к победе и возглавляющего борьбу за мир во всем мире. Образ дорогого вождя и учителя, возглавляющий поэтическое творчество всех советских народов, получает сейчас в народной поэзии дальнейшее развитие, дополняется новыми чертами. «Сталин — это мир», говорят советские люди и слагают песни о Сталине, знаменосце мира, возглавляющем все народы в их справедливой борьбе.

За дело мира, как твердыня,
Стоит на страже он всегда,
Священным стало его имя
Для всей земли людей труда²⁹,—

поется в белорусской песне, сложенной Г. П. Головастиковым.

О Сталине, надежде всех трудящихся, всех народов, стряхивающих со своих плеч гнет иноземных империалистов, говорит армянский народный певец Сероб:

Ты мудр, и прост, и справедлив —
Об этом знает твердо мир.
Ты неуклонно против войн,
Твоя забота — прочный мир.
Недаром, стряхивая гнет,
К тебе надежды устремил
Индус, китаец и монгол,
Отец наш Сталин³⁰.

Особенно популярным в творчестве народов СССР последних лет стал образ Сталина, бессменно несущего в Кремле боевую вахту мира.

«С нами Сталин родной и любимый,
Вахту мира несет он в Кремле,
Все мы тем и горды и счастливы,
Что живет он на нашей земле,—

поется в колхозной песне о мире, сложенной коллективно на слете песенников Воронежской области.

Знаменосец мира с нами,
Наш простой любимый Сталин,—

с гордостью говорят советские люди, вкладывая в эти слова всю любовь и доверие к советскому правительству, к партии и товарищу Сталину.

Наш народ одобряет и поддерживает мирную политику, которую с первых дней своего существования проводит Советская страна. Эта мирная политика является выражением не слабости, а силы и могущества Советского Союза. В грозные годы Великой отечественной войны это могущество было продемонстрировано перед всем миром. Советский строй выдержал все испытания и показал свое несравненное преимущество перед капиталистическим строем. В период войны еще больше окрепла нерушимая дружба советских народов, проявилось их морально-политическое единство, еще теснее сплотились они вокруг пар-

²⁹ Сборн. «Песни счастья», М., 1950, стр. 6.

³⁰ Из материалов Всесоюзного Дома народного творчества имени Н. К. Крупской.

тии. И когда сейчас советские люди уверенно говорят, что войны не будет, то это не пустое бахвальство, а глубокое понимание международной обстановки, понимание того, что лагерь мира и социализма сильнее лагеря империализма и войны. Советские люди верят, что мир будет сохранен, потому что в авангарде борьбы за мир идет Советский Союз, который сейчас силен, как никогда, потому что возглавляет самое мощное движение современности испытанный в боях полководец, великий знаменосец мира товарищ Сталин.

Знаем, люди труда не допустят войны,
Воля Сталина силы дала им,
И доносится громко из каждой страны:
«Мы за мир! Мы войны не желаем!»³¹.

Тема борьбы за мир в советском народном творчестве получает все большее развитие. Каждый день возникают новые стихи, песни, поэмы, частушки. Не все они одинаковы по своим художественным достоинствам, среди них встречаются произведения, недостаточно совершенные по форме, но все они являются правдивым историческим документом, запечатлевшим мысли и чувства трудящихся. Они свидетельствуют о все возрастающей активности советских народов, об их непреклонной воле отстаивать дело мира. Народные поэтические произведения говорят о высокой сознательности нашего народа, о его единстве. Они говорят также о все более возрастающем поэтическом мастерстве самых широких масс, создающих новые художественные ценности. Собрать и изучить современное народное творчество — долг советских этнографов и фольклористов.

³¹ «За мир», стр. 5. Из песни «Мы за мир», сложенной П. Шидловским, зав колхозной читальней с. Присынок Минской обл. БССР.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Г. Ф. ДЕБЕЦ, М. Г. ЛЕВИН и Т. А. ТРОФИМОВА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСОВ ЭТНОГЕНЕЗА *

1. Общие вопросы

Та отрасль антропологии, которая занимается изучением сходства и различия, однородности или разнородности этнических групп по их физическому типу и которая теперь обычно называется у нас этнической антропологией, зародилась и развивалась в тесной связи с изучением проблем этногенеза. Уже одно это обстоятельство не только дает нам право, но и обязывает рассмотреть ту роль, которую должны играть антропологические данные при разработке этногенетических проблем в свете сталинского учения о нации и языке.

Работы И. В. Сталина по вопросам языкознания открыли перед антропологами, как и перед представителями других специальностей, новые возможности в освещении проблем этногенеза, показав полную несостоятельность так называемого «нового учения о языке», оказавшего вредное влияние и на работы части советских антропологов, которые безусловно должны нести известную долю ответственности за пропаганду учения Марра¹. Это учение будто бы «подтверждалось» антропологическими данными.

В действительности эти данные не давали, конечно, основания для опровержения взгляда на происхождение родственных языков от языкоосновы. И даже антропологи, считавшие теорию Марра прогрессивной, не могли этого не видеть. Г. Ф. Дебец² вынужден был признать, что «на антропологическом материале теорию праязыка, причинно не связанного с расой, нельзя ни доказать, ни опровергнуть».

* Доклад на совещании по методологии этногенетических исследований, 30 октября 1951 г.

¹ См. Г. Ф. Дебец, Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии, Антропол. журн., 1932, № 1; его же, Так называемый «восточный великорусс», Антропол. журн., 1933, № 1—2; его же, Палеоантропология СССР, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. IV, М., 1948; Т. А. Трофимова, Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. VII, М., 1949. Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров, Значение учения о языке Н. Я. Марра в борьбе за марксистско-ленинскую антропологию, Антропол. журн., 1934, № 1—2; Н. Н. Чебоксаров, Из истории светлых расовых типов Евразии, Антропол. журн., 1936, № 2. Об ошибках Н. Н. Чебоксарова в вопросах этногенеза финноугорских народов, сделанных им в работах 1948—1949 гг. под влиянием теории Марра, см. его доклад «К вопросу о происхождении народов угрофинской языковой группы», публикуемый ниже, стр. 36—50.

² Г. Ф. Дебец, Расы, языки, культуры, Сборн. «Наука о расах и расизм», М., 1938, стр. 109.

Антропологические материалы подтверждали, конечно, правильность известного сталинского положения: «нация — не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей»³. В таких случаях Н. Я. Марру совершенно неосновательно приписывались заслуги в «разработке» этого положения. Антропологи, так или иначе следовавшие за Н. Я. Марром, видели эти заслуги в перенесении наблюдений над историей народов на историю их языков. Они оказались не в силах увидеть в учении Н. Я. Марра вульгаризацию и искажение четких и исчерпывающих сталинских положений.

Наиболее вредное влияние на развитие этнической антропологии оказала концепция происхождения родственных языков путем «социального схождения». Идя в этом отношении за Н. Я. Марром, его последователи в антропологии часто преждевременно прекращали работу над выяснением физических связей племен и народностей, говорящих на родственных языках. Тем самым роль антропологических данных в изучении проблем этногенеза искусственно снижалась, изучение этногенетических процессов отрывалось от фактической базы и подменялось искусственными схемами, в той или иной степени искажавшими действительную сущность этногенетических процессов.

Взгляды Н. Я. Марра и его последователей на распространение славянского языка по территории русской равнины, согласно которым это распространение рассматривалось как процесс языковой трансформации, отразились, например, на работах, касающихся антропологии восточных славян⁴. Антропологические данные о связях восточных славян с западными были предметом внимания в последнюю очередь, и о них говорилось вскользь, в то время как связи с неславянскими народами всячески подчеркивались, что приводило к одностороннему освещению многогранного процесса этногенеза русского народа. Проникновение типов западного происхождения на территорию русской равнины полностью, правда, не отрицалось, о чем мимоходом делались даже соответствующие оговорки⁵, а иногда и прямые указания, когда соответствующие выводы непосредственно диктовались фактами. Но само планирование антропологических исследований и публикаций сосредотачивалось главным образом вокруг тех групп русского народа, которые обнаруживали антропологическое сходство с народами финской семьи языков.

Непредубежденный читатель мог, правда, без особого труда истолковать эти данные как свидетельство ассимиляции финских языков славянским (древнерусским), но тенденциозный подбор фактов не мог, конечно, не снизить убедительности даже правильных частных выводов антропологической науки в глазах лингвистов и историков, не ослепленных учением Марра.

Следует также отметить ошибочное использование работ Марра в отношении тех или иных путей конкретных связей. Т. А. Трофимова⁶, установив исключительное сходство в типе черепов Балановского могильника и черепов древнего населения Закавказья и Передней Азии, пыталась подкрепить это наблюдение ссылками на фантастические марровские параллели в языке и наименовании чувашей с языком и наименованием шумеров. Так как подобные «параллели» можно найти у Марра по отношению к любым народам, то ссылка на его работы, конечно, не усиливала, а ослабляла аргументацию автора и ценность

³ И. В. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, Соч., т. 2, стр. 293.

⁴ Г. Ф. Дебец, Указ раб., а также: К проблеме расового типа протофиннов, Ученые записки МГУ, вып. 63, Антропология, 1941.

⁵ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 287; Т. А. Трофимова, Кри- бычи, вятичи и славянские племена Поднепровья, «Советская этнография», 1946, № 1.

⁶ Т. А. Трофимова, К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры, «Советская этнография», 1949, № 3.

его наблюдений, сделанных вне всякой зависимости от марровского учения.

Надо, впрочем, сказать, что среди сторонников теории Марра усилия упомянутых выше антропологов осуществить «увязку» данных антропологии с «яфетической теорией» тоже не встретили сочувствия. В изданиях, находившихся в руках последователей «нового учения о языке», работы антропологов либо вовсе не упоминались, либо встречались резко враждебно, особенно тогда, когда совершенно очевидные факты заставляли антропологов признавать и устанавливать те или иные переселения племен и народностей⁷.

Дело в том, что советские антропологи в основном руководились не Марром, а непосредственно учением И. В. Сталина, согласно которому нации и народности сложились из различных рас и племен, поэтому основные выводы и достижения антропологической науки в СССР с теми или иными поправками сохраняют свое значение и на данном этапе изучения проблем этногенеза.

II. Соотношение антропологических типов с языковыми и этнографическими группами

Использование антропологического материала как исторического источника должно основываться на теоретической разработке соотношения антропологических типов с языковыми, культурными и этническими общностями.

В современной буржуазной антропологии в методологическом отношении существуют две основные трактовки этой проблемы.

1. Расистская: язык и культура — «душа расы».

Эта концепция отражает наиболее агрессивную идеологию империализма, в недалеком прошлом преимущественно германского, а ныне англо-американского. Это учение неоднократно подвергалось разбору и критике в трудах советских антропологов⁸.

2. Другая концепция представляет собой попытку буржуазных либералов отгородиться от звериной идеологии расизма. Путь, по которому обычно идут в этих случаях буржуазные либералы, ведет к агностицизму. Еще в 1900 г. С. Рейнак опубликовал в «L'Anthropologie» письмо, автор которого решительно заявлял: «раса и язык совершенно различные понятия, между которыми ни на один момент нельзя допустить ни тени сближения; обсуждение вопросов антропологии ни под каким видом не должно содержать ни одного слова, касающегося лингвистики, и наоборот».

Нетрудно видеть, что и этот подход неприемлем для советской антропологии, так как он отвергает пользу сотрудничества между разными областями знания и, конечно, не приближает, а отдаляет нас от познания истины.

Советские антропологи при использовании антропологического материала как исторического источника рассматривают расселение и смешение антропологических типов как следствие исторических процессов. Язык и культура могут распространяться и независимо от распространения антропологических типов, но антропологические типы никогда не распространяются без культуры и языка.

⁷ Г. И. Петров, Рецензия на «Антропологический журнал» № 2 за 1932 г., «Проблемы истории докапиталистич. обществ», 1934, № 6; его же, Рецензия на статью А. И. Ярхо «Туркмены Хорезма и Северного Кавказа», «Проблемы истории докапиталистич. обществ», 1934, № 2.

⁸ Сборн. «Наука о расах и расизм», М., 1938; Я. Я. Рогинский, Фриц Ленц и расы, «Антропод. журн.», 1934, № 3; М. Г. Левин, Я. Я. Рогинский, Н. Н. Чебоксаров, Англо-американский расизм, «Советская этнография», 1949, № 1.

Встречающиеся в антропологических работах выражения, вроде: «расселение монголоидов» или «смешение европеоидов с негроидами» — являются «техническими» выражениями специальной литературы. Если они и допустимы, то только для краткости. Никогда не следует забывать об их условном значении, так как в действительности подобного рода явления представляют собой лишь отражение в антропологических особенностях переселений и смешений племен, народностей и наций, т. е. исторических, а не антропологических общностей. Поэтому в тех случаях, когда антропологические данные указывают на распространение того или иного антропологического типа, перед историками и археологами, этнографами и лингвистами встает задача выяснения исторических условий, вызвавших это распространение, а также тех историко-культурных и языковых явлений, которые были с ним связаны.

Этот тезис является основным для теоретической разработки проблем этногенеза на антропологическом материале. В той или иной форме этот тезис уже излагался в советской антропологической литературе, но не получил дальнейшего развития. Совершенно несомненно, что теория Марра являлась для этого самой серьезной помехой. Дело в том, что успешная разработка данного тезиса исходит из предпосылки, согласно которой образование любого антропологического типа не может быть понято без изучения тех исторически складывающихся человеческих общностей, в которых формируются антропологические типы. Следовательно, антрополог обязан сопоставлять свои данные с данными археологии и языкознания, этнографии и истории о разных формах этнической общности людей, воплощенных в конкретных культурных и языковых группировках. А сторонники теории Марра как раз и не изучали этих группировок, высокомерно третируя попытки их выявления как влияние различных форм буржуазной идеологии. Поэтому антропологические исследования в лучшем случае должны были опираться на классификации буржуазных языковедов в том виде, в каком они были изложены десятки лет назад, без учета новых достижений языкознания. У последователей «нового учения о языке» этих достижений и не было, а труды лингвистов, в той или иной мере отходивших от позиций Марра, оставались в условиях арапкеевского режима в большинстве случаев неопубликованными. Поэтому все попытки найти те общественные группировки человечества, на базе которых складывались антропологические типы, обычно тонули в «яфетической» путанице.

Только теперь, после того как труды И. В. Сталина вывели советское языкознание из тупика, советские антропологи имеют возможность действительно участвовать в коллективной разработке этногенетических проблем. Последовательная и непримиримая борьба с расистской фальсификацией исторического процесса не должна приводить к агностическому отрицанию пользы сотрудничества антропологии с языкознанием, этнографией, археологией и историей.

Роль антропологических данных в изучении процессов этногенеза была бы минимальной или даже сводилась бы к нулю, если бы исторические науки и языкознание имели все данные для освещения всех сторон и этапов этногенеза всех народов. Но так как пробелы в материалах этих областей знания еще весьма значительны, то результаты антропологических исследований могут иногда указывать и действительно указывают путь, по которому должны идти исследования языковедов, этнографов и археологов.

Значение антропологических материалов в общем возрастает по мере увеличения древности рассматриваемых этногенетических процессов. Исторические события последних столетий не должны, конечно, ускользать от внимания антропологов. Во-первых, они ведут не к меньшим изменениям антропологического состава населения, чем переселения доисторических эпох. Ясно, например, что отличия антропологиче-

ского типа ительменов и береговых коряков Камчатки в значительной мере обуславливаются тем, что в состав ительменов вошло гораздо большее число потомков русских переселенцев XVIII и XIX вв., чем в состав коряков. Недостаточное внимание к историческим событиям последних столетий и даже десятилетий может быть источником ошибок и заблуждений в интерпретации антропологических данных. Во-вторых, недавние исторические события обычно хорошо известны во всех своих деталях и позволяют точнее выяснить характер их отражения в антропологическом составе населения. Это имеет, конечно, большое методическое значение для уточнения теоретических предпосылок использования антропологического материала при разработке этногенетических проблем. Сами же по себе исторические события, достаточно подробно освещенные письменными и иными источниками, обычно не нуждаются, повторяем, в изучении их на основе антропологических данных.

Но чем дальше от современности, тем, в общем, большую роль начинают играть результаты антропологических исследований. Уже по отношению к процессам этногенеза, происходившим в условиях рабовладельческого и феодального строя, антропология играет роль важной вспомогательной дисциплины. Напомним хотя бы роль антропологических данных в критических замечаниях Д. Н. Анучина о славянской теории происхождения гуннов⁹. Еще больше примеров успешного использования антропологических данных для изучения этногенетических процессов сравнительно поздних эпох имеется в советской антропологической литературе. Н. Н. Чебоксаров¹⁰ широко использовал свои антропологические наблюдения для критики распространенной теории о формировании коми-зырян в результате переселения с Камы на Вычегду и Мезень. Распространенный в бассейне Мезени беломорский вариант, характеризующийся очень светлой пигментацией волос и глаз, сравнительно высоким ростом и мезокефалией, не мог проникнуть в занимаемую им область из бассейна Камы, где преобладает более низкорослый, скорее брахицефальный и темноволосый тип. Антропологические данные свидетельствуют, что в процессе формирования народов коми имел место скорее обратный процесс расселения носителей светлых европеоидных типов на Каму.

По отношению к более древним эпохам, не освещенным письменными источниками, роль антропологических данных еще более возрастает. В трудах советских археологов, касающихся древнейшей истории народов Сибири, значительно лучше изученной в палеантропологическом отношении, чем другие части нашей страны, ссылки на антропологические данные представляют собой обычное явление, наглядно свидетельствуя о плодотворности контакта различных областей знания¹¹.

Некоторые стороны исторического процесса были впервые освещены именно антропологическими данными. Приведем несколько примеров.

Т. А. Трофимова¹², исследовав черепа Луговского могильника ананьинской культуры, установила, что в нем преобладают черепа выражено монголоидного облика. Это ясно указывало на связи с Зауральем, притом только с лесной и лесостепной его полосой. Свидетельство антропологии было настолько определено, что оно вошло в качестве твердого положения в число основных фактов, используемых для изучения вопроса о происхождении ананьинской культуры. С тех пор не

⁹ «Труды V Археол. съезда», М., 1887; «Труды Этногр. отд. Об-ва любителей естествозн., антропол. и этнографии», т. VII, 1886.

¹⁰ Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми по данным антропологии, «Советская этнография», 1946, № 2.

¹¹ См., напр., С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1949; А. П. Окладников, История Якутии, т. I, Якутск, 1949.

¹² Т. А. Трофимова, Черепа из Луговского могильника ананьинской культуры. Ученые записки МГУ. вып. 63, Антропология, М., 1941.

было и не могло быть ни одной работы по этому вопросу, так или иначе не опиравшейся на результаты антропологического исследования¹³.

Е. В. Жиров¹⁴ также установил наличие монголоидной примеси в составе неолитического населения Карелии, оставившего могильник на Южном Оленьем острове (Онежское озеро). В сопоставлении с данными по антропологии современного населения европейского Севера этот факт также послужил твердым основанием для заключения об участии племен сибирского происхождения в заселении человеком этой территории. Антропологи категорически поставили перед археологами задачу поисков культурных влияний, шедших с востока, исходя из высказанного выше положения о наличии исторических причин в каждом переселении людей. И соответствующие археологические факты были найдены¹⁵, хотя и теперь еще данные антропологии в этом вопросе являются самыми обоснованными и наиболее существенными, не допуская иного объяснения, кроме того, которое было дано Е. В. Жировым.

Выходя за пределы нашей территории, следует отметить первостепенное значение антропологических данных в проблеме путей первоначального заселения Америки. Мы можем категорически утверждать, что предки коренного населения обеих Америк до огнземельцев включительно некогда переселялись туда из Азии через область Берингова пролива. Можно еще спорить о том, был ли этот путь единственным. Но нет сомнения в том, что он был основным. Можно, конечно, спорить о том, насколько важно для науки установление этого факта. Но нет сомнения в том, что он устанавливается главным образом, даже почти исключительно, на основе антропологических данных. В языках народов Америки пока не удалось обнаружить достаточно убедительных свидетельств родства с какими-либо конкретными языками других частей света. Отдельные высказывания по этим вопросам представляют собой еще весьма шаткие гипотезы. В таком же положении и свидетельства этнографии. Археологические находки древнейших следов человека в Америке обнаружены пока в центре Северной Америки, далеко от возможных областей первоначального появления человека в этой части света, и тоже не дают прямых указаний на пути проникновения первых обитателей американского материка. Заметим, кстати, что самый факт переселения первых людей в Америку из другой части света, невозможность признать Америку хотя бы частью той области, где происходило превращение обезьяны в человека, также устанавливается в первую очередь на основании сопоставления данных антропологии и зоологии.

Не менее важны данные антропологии для разрешения проблемы населения Мадагаскара. В лингвистическом и этнографическом отношении этот остров относится к Индонезии. Встречающиеся на некоторых картах обозначения языков группы банту на западе Мадагаскара представляют собой результат недоразумения. В крайнем случае речь может идти о знании некоторыми обитателями острова языка суахили, являющегося торговым языком на востоке Африки. Культурные элементы африканского происхождения (рогатый скот и др.) также явно относятся к числу поздних заимствований. Археологические исследования находятся в зачаточном состоянии. Можно было бы думать, что Мадагаскар был впервые заселен с востока. Но данные антропологии с полной категоричностью указывают на существование африканских антропологических типов, особенно в западной части острова. Нет сомнения, что, когда археологические данные будут известны больше и лучше, в

¹³ См., напр., О. Н. Бадер, Древнее Поволжье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья, «Советская этнография», 1951, № 2.

¹⁴ Е. В. Жиров, Заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова, «Краткие сообщения ИИМК», вып. VI, Л., 1940.

¹⁵ М. Е. Фосс, Культурные связи Севера Восточной Европы во втором тысячелетии до нашей эры, «Советская этнография», 1948, № 4.

них также обнаружатся следы древнего заселения острова из Африки. Данные антропологии уже позволяют предвидеть подобные открытия.

Научное исследование проблем этногенеза немислимо без установления форм этнической общности людей на разных уровнях развития общества. Здесь с наибольшей остротой встают проблемы периодизации первобытно-общинного строя. И в этой проблеме весьма существенным фактом являются данные антропологии. Переход от неандертальского человека к современному, несомненно, является следствием существенных перемен в общественной истории человека, и было бы величайшей ошибкой не учитывать результатов палеантропологических исследований при разработке проблемы периодизации истории первобытного общества.

При современном состоянии наших знаний значение антропологических данных неодинаково при разрешении этногенетических проблем на разных территориях. В общем использование антропологических данных наиболее эффективно в зонах контакта между расами первого порядка. К таким зонам принадлежат: западная Сибирь, русский Север, вся южная Азия, северная и восточная Африка. Это объясняется не столько сущностью самих этногенетических процессов, сколько степенью различия антропологических типов. Проследить негроидную примесь в среде европеоидного или монголоидного населения и, наоборот, — гораздо легче, чем установить примесь северных европейских типов среди южных или восточных монголоидных типов среди северных.

Поэтому значение антропологических материалов не адекватно степени различия сравниваемых групп в языковом и этнографическом отношении. Переселение карелов на территорию нынешней Калининской области, где они окружены русским населением, не изменило антропологического состава населения этой территории (в той мере, в какой это изменение может быть прослежено при современном состоянии наших знаний), хотя обе сравниваемые группы принадлежат к разным языковым семьям. Наоборот, переселение татар Поволжья в западную Сибирь, где они слились с сибирскими татарами, резко изменило антропологический состав последних, хотя обе группы татар этнически и лингвистически весьма близки. Аналогичные явления могли иметь место и в прошлом, поэтому возможны случаи, когда в антропологических данных полнее и ярче отражаются второстепенные исторические события и слабее проявляются или даже совсем не проявляются события, кардинально изменяющие этнический состав, языковую принадлежность и культурные связи населения исследуемой территории.

Отсутствие прямых соответствий в антропологической и лингвистической классификациях установлено еще в прошлом столетии. С тех пор это стало «азбучной истиной». Совершенно ясно, однако, что, наряду с многочисленными примерами принадлежности народов, говорящих на родственных языках, к разным расам и антропологическим типам, можно указать на ряд случаев, когда даже соседние народы различаются и по языку и по типу. Выяснение соотношений между антропологическими и языковыми связями народов и является основным путем комплексного изучения процессов этногенеза, путем, на котором одинаково вредны как предвзятые попытки установления соответствий, так и принципиальное, вопреки очевидности, отрицание существующих параллелей. Этот вопрос заслуживает более детального рассмотрения.

Семьи родственных языков, возникающие в процессе расхождения языка-основы, исторически складываются в различных условиях; либо в процессе языковой ассимиляции, когда при смешении языков один из них выходит победителем (примеры: романские языки, вероятно, также тюркские, самодийские языки на севере и т. д.), либо в результате распада языка народа, расселяющегося в условиях первоначального освоения территории (примеры: эскимосы, полинезийцы).

В первом случае побежденные языки в той или иной мере оказывают влияние на победивший язык, обогащая его словарный запас и видоизменяя различные, большей частью второстепенные, особенности его грамматической структуры. Во втором случае влияние иных языков отсутствует и изменение языка-основы происходит исключительно по внутренним законам развития языка в связи с историей отдельных групп расселяющегося народа. Если с чисто лингвистической точки зрения различие между обоими путями формирования языковой семьи и не особенно существенно, поскольку в том и другом случае в основе лежит один исходный язык и поскольку ассимиляция неродственных языков не исключает изменения языка-основы по внутренним законам развития, то с точки зрения истории народов оба пути представляются весьма различными. Весьма существенным является решение вопроса о том, в какой форме исторические процессы, обусловившие различные пути складывания языковой общности, отражаются на образовании антропологических типов.

Значительная разнородность антропологических типов, входящих в состав народов, лингвистически более или менее близких, при отсутствии переходных форм между этими типами, свидетельствует скорее о формировании языковой общности в результате ассимиляции. Так, повидимому, обстоит дело с тюркскими языками в западных областях их распространения. Азербайджанцы, например, имеют в своем составе совершенно ничтожную примесь монголоидных элементов и, судя по всем данным, антропологически весьма близки к тем группам населения Азербайджана, процесс перехода которых на язык тюркской семьи еще не завершился (удины, таты, курды и др.). Другим примером подобного же соотношения языковой и антропологической принадлежности могут служить некоторые калифорнийские племена, говорящие на языке алгонкинской семьи, но антропологически близкие к остальным калифорнийцам. Следует, однако, специально подчеркнуть, что антропологическая близость не дает основания отрицать процесс ассимиляции. Тунгусские языки, например, распространены на очень большой территории, и распространение их, по всем данным, происходило путем ассимиляции, но тунгусоязычные группы в антропологическом отношении в общем довольно однородны. Это объясняется тем, что дотунгусское население Сибири было также в значительной степени однородным в антропологическом отношении. Не являясь, таким образом, бесспорным свидетельством против предположения об образовании языковой семьи путем ассимиляции языком-основой неродственных языков, антропологическая однородность народов той или иной языковой семьи, той или иной географической области ставит перед исследователями истории этих народов новую задачу выяснения тех форм исторической общности, которые привели к образованию единого антропологического типа. В частности, перед лингвистами и этнографами стоит задача установления тех форм исторической общности, которые привели к образованию сравнительно однородного антропологического типа народов Дагестана.

Языковой общности, связанной с расселением группы в условиях первоначального освоения территории, соответствует обычно и близость антропологического типа, несмотря на то, что в этих случаях особенно сильно сказывается непосредственное влияние среды на формирование антропологических признаков, вследствие чего возможно значительное расхождение в пределах единого антропологического типа. Упомянутые уже эскимосы и полинезийцы характеризуются довольно четко очерченными антропологическими типами, которые обычно фигурируют в классификациях под этническими наименованиями, что в данном случае не вызывает никаких неудобств.

Антропологические данные могут играть важную роль в определении тех субстратов или «суперстратов», которые принимали участие в обра-

зовании отдельных народов и, главное, в определении характера конкретных исторических явлений, обусловивших процесс распространения языка. На Северном Кавказе, например, кумыкский и ногайский языки одинаково входят в число тюркских языков. Однако кумыки антропологически целиком связаны с соседними кавказскими народами, и в их составе пока не удалось обнаружить сколько-нибудь определенных следов центральноазиатских монголоидов, а у ногайцев монголоидные элементы выступают совершенно отчетливо. Ясно, что исторические условия формирования этих двух народов были существенно различны. И если с точки зрения языкознания, распространение тюркских языков среди кумыков и среди ногайцев представляет собой один и тот же процесс, то это говорит только о недостаточности данных языкознания для выяснения истории народа.

В этом примере антропологические данные непосредственно согласуются с этнографическими. Бывают, однако, случаи, когда свидетельства антропологии далеко не столь ясно подкрепляются другими данными, но тем не менее вполне определены. Давно уже установлено, например, что русские в разных областях обнаруживают тесную антропологическую близость с соседними народами финской семьи. Соответствующие наблюдения делались, правда, также на этнографическом и лингвистическом материале, но эти выводы далеко не столь определены, как свидетельства антропологии. Последние сами по себе позволяют утверждать, что финские элементы играли весьма существенную роль в образовании русского народа, независимо от того, насколько заметна эта роль в данных этнографии и лингвистики. Вместе с тем в отдельных областях русской равнины распространение славян явно связано было с распространением антропологического типа, отличающегося от типа соседних финских народов. Так обстоит дело, например, на северо-западе русской равнины, где, несмотря на относительную близость антропологических типов, палеантропологические данные все же ясно отражают этапы славянской колонизации.

Гипотеза возникновения языковой общности в результате сближения языков, входящих в состав «первобытной лингвистической непрерывности»¹⁶, предполагает длительное общение разных групп между собой, сопровождающееся брачными отношениями, адаптацией и т. п. Это, естественно, должно было бы приводить к возникновению антропологических связей, к «антропологической непрерывности» и, следовательно, к образованию картины, внешне весьма сходной с той, которая образуется в результате распада языка-основы в условиях первоначального освоения территории. С другой стороны, гипотеза «лингвистической непрерывности» не обязательно предполагает, что общение разных групп, входивших в состав формирующейся общности, охватывало всю территорию данной «непрерывности». Крайние группы такой общности могли оставаться антропологически весьма различными, а последующие исторические процессы консолидации отдельных групп могли привести в некоторых случаях к исчезновению переходных форм, почему опять-таки может получиться картина, внешне весьма сходная с той, которая образуется в результате формирования языковой общности в процессе ассимиляции языков разных групп языком-основой.

Таким образом, изучение антропологических типов только «в прошлом», т. е. основанное только на исследованиях современного населения (или хронологически близкого к современному), не всегда может дать указания на характер исторических явлений, которые привели к формированию той или иной языковой общности. В ряде случаев эти исследования должны быть обязательно дополнены анализом пале-

¹⁶ С. П. Толстов. Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии, «Советская этнография», 1950, № 4.

антропологических данных, указывающих на хронологическую последовательность и позволяющих, в сочетании с археологическими данными, судить о конкретной исторической обстановке, вызвавшей изменение антропологического состава населения изучаемой территории.

Вопросы классификации народов по особенностям культуры остаются в нашей литературе совершенно неразработанными. В общей форме можно говорить о двух принципах этнографической или историко-культурной классификации.

1. Классификация по хозяйственно-культурным типам (в качестве примеров хозяйственно-культурных типов можно привести арктических приморских охотников, оленеводов тундры, кочевников-скотоводов степей и др.) исходит из направления хозяйственной деятельности и связанных с ней особенностей культуры.

2. Классификация по так называемым историко-этнографическим областям, т. е. общностям, складывающимся на определенной территории в результате длительных связей, взаимного влияния, общности исторических судеб населяющих данную область народов. Примером историко-этнографической области может служить амуро-сахалинская область, где нанайцы, ульчи, орочи, удэгейцы, ороки, нивхи обнаруживают, несмотря на существенные различия в хозяйстве и быте, значительное сходство по очень многим признакам материальной и духовной культуры.

Если на этнографическом материале бывает обычно легко различить оба типа общностей, то на археологическом разграничение их встречается порой со значительными затруднениями, что объясняется фрагментарностью археологических объектов. В археологической литературе термин «культура» применяется как к тому, так и к другому из указанных типов культурной общности. Для выяснения той роли, которую могут сыграть антропологические данные в разграничении типов «археологических культур», следует обратиться к соотношениям антропологических типов с обеими формами культурной общности на этнографическом материале.

Принадлежность группы к тому или другому хозяйственно-культурному типу имеет, конечно, прямое отношение к исследованию процессов формирования антропологических типов. Здесь необходимо учитывать ряд обстоятельств.

1) Влияние различных условий среды и образа жизни на формирование антропологических признаков.

Давно уже замечено, что палеолитические, а частично также неолитические типы отличаются от современных большей массивностью лицевого скелета, более развитыми надбровными дугами и другими признаками. Замечено также, что в южных районах эти особенности сглаживаются раньше, чем в северных. Вполне закономерно поставить вопрос о значении земледелия и связанного с ним изменения пищи для объяснения этих процессов.

2) Неодинаковая подвижность групп при разных типах хозяйства и связанная с этим большая или меньшая степень их изолированности.

Совершенно очевидно, например, что поразительная однородность физического типа казахов от Иртыша до Урала в значительной мере объясняется условиями кочевого скотоводческого хозяйства, а гораздо большей разнородности антропологического типа населения Европы немало способствовала длительная оседлость в условиях земледельческого хозяйства.

3) Различия в демографических процессах у групп, относящихся к разным хозяйственно-культурным типам.

Якуты, например, антропологически в общем отличаются от тунгусов. Численность представителей «якутского» (условно) антропологического типа в Якутии во много раз превосходит численность представи-

телей «тунгусского» типа. Между тем в момент переселения якутов на север они, по всем данным, даже уступали тунгусам по численности. Современное соотношение объясняется не массовым характером переселения якутов, а гораздо большим приростом населения в скотоводческих группах по сравнению с охотничьими. Аналогичные явления могли иметь место и в прошлом и оказать существенное влияние на соотношение разных типов в палеантропологических материалах.

Поскольку сходные хозяйственно-культурные типы могут развиваться независимо друг от друга и общность в этих случаях не обуславливается историческими связями, взаимодействием разных групп, — нет оснований предполагать при этой общности близость или особые генетические связи антропологических типов. Не существует, например, специфической антропологической общности ни у охотников на морского зверя от Белого моря до Гренландии, ни у скотоводов евразийских степей, ни у древних земледельцев в долинах больших рек от Янцзы до Нила.

Следовательно, при решении этногенетических проблем классификация по историко-этнографическим областям имеет гораздо большее значение. Очевидно, что сложение антропологических типов определенной территории связано с формированием той общности, которая выступает как историко-этнографическая область. За последние годы была проделана значительная работа по изучению историко-культурных связей народов Сибири. В результате намечилось несколько историко-этнографических областей: западно-сибирская, алтае-саянская, восточно-сибирская, камчатско-чукотская и амурская. Одновременно, но независимо разрабатывалась антропологическая классификация народов Сибири. Выделенные группы типов: уральская, центрально-азиатская, байкальская и арктическая соответствуют (в порядке перечисления) историко-этнографическим областям, последняя, амурская, область характеризуется распространением амуро-сахалинского антропологического типа, не нашедшего места ни в одной из перечисленных групп типов и занимающего обособленное положение. Сходную, повидимому, картину можно наблюдать и в Северной Америке. Хотя американские этнографы недостаточно ясно различают оба упомянутых типа культурной общности и хотя материалы, собранные американскими антропологами, методически весьма несовершенны, можно все-таки заметить, что антропологические типы в общем соответствуют историко-этнографическим областям (но ни в коей мере не группам языковой классификации).

Исходя из этих данных, можно попытаться определить характер тех или иных археологических культур и групп этих культур, хотя палеантропологические материалы еще гораздо более фрагментарны, чем археологические. Можно, например, утверждать, что черты сходства «культур круглых курганов» Британии с «культурой колоколовидных кубков» Центральной Европы объясняются их историко-этнографической общностью, что такой же характер носит «андоновская культура» Казахстана и Минусинской котловины. Можно, наоборот, высказать серьезные сомнения в историко-этнографической общности «культур крашеной керамики» по всей территории их распространения или «скифо-сибирских культур», связи которых если и существовали, то не имели глубокой исторической базы.

Работа в этом направлении только начинается, поэтому, конечно, многие вопросы совершенно еще не разработаны, в особенности вопрос о характере историко-этнографических общностей на разных этапах развития общества и, в связи с этим, вопрос о соотношении антропологических типов с этническими общностями, складывающимися в различные периоды истории человечества. Выяснение этих вопросов является наиболее актуальной задачей разработки методов и приемов использования антропологических материалов для изучения проблем этногенеза.

III. Методические вопросы

Одной из главных трудностей в деле использования антропологического материала как исторического источника, одной из основных причин ошибок и заблуждений является смешение понятий сходства и родства антропологических типов. Наглядными примерами сходства, не свидетельствующего о прямом родстве, являются: «европеоидный» облик айнов, «монголоидные» черты у бушменов и готтентотов. Весьма вероятно также, что примесь светлых оттенков глаз у различных европеоидных типов имеет иногда самостоятельное происхождение, не свидетельствуя о прямом родстве. Можно утверждать далее, что выделение в составе европеоидной расы группы «темных брахицефалов», распространенных от Памира до Альп, не имеет реального генеалогического обоснования. Классификация типов по сходству независимо от степени родства может иметь значение для разработки теоретических проблем, связанных с общими вопросами формирования антропологических типов, с изучением факторов расогенеза и т. п. Однако для разработки проблем этногенеза основное значение имеет генеалогическая классификация, в которой типы группируются не по сходству, а по родству.

Оба принципа классификации отнюдь не характеризуются полной независимостью. Морфологический критерий, лежащий в основе классификации по сходству, является также самым главным, но не единственным критерием классификации по родству. Для построения генеалогической классификации важнейшее значение имеет установление генеалогического значения отдельных признаков. Разработанный советским антропологом А. И. Ярхо принцип таксономической, равноценности антропологических признаков и категорий антропологической классификации лежит в основе метода дифференцированного сравнения, использованного в работах большинства советских антропологов и содействовавшего правильному пониманию родства антропологических типов. Сущность этого метода состоит в том, что разные признаки имеют разную степень стабильности и, следовательно, в разной мере пригодны для установления родства. Длина тела, например, или форма черепа менее стабильны, чем форма волос, развитие волосяного покрова на теле или ряд особенностей в строении лица. Недостаточное внимание к этому основному принципу антропологической классификации неоднократно приводило к существенным ошибкам. К числу таких ошибок, неоднократно повторяющихся у разных авторов, относится, например, сближение брахицефалов Центральной Европы с брахицефалами Центральной Азии или выделение особой «пигмейской расы».

Применение метода дифференцированного сравнения приводит, однако, к положительным результатам только в том случае, когда таксономическое значение признаков определено правильно. Особенно большие затруднения вызывает оценка систематического значения признаков при разграничении типов внутри основных человеческих рас: европеоидов, монголоидов, негроидов.

При оценке значения отдельных признаков, используемых в антропологии для разграничения типов, входящих в состав одной большой расы, следует исходить из тех же критериев, что и при определении «ценности» признаков в общечеловеческом масштабе. Критерии эти в значительной мере содержатся в характере географической дифференциации признаков. При взгляде на мировые карты распределения признаков легко заметить, что в одних случаях свойства признака практически одинаковы на больших площадях, охватывающих порой целые материк. Такой тип географической дифференциации, который можно назвать компактным, обнаруживает, например, резкая уплощенность лица, область распространения которой охватывает восточную Азию, курчавоволосость, локализованная в Африке и в Меланезии, сильное разви-

тие третичного волосяного покрова, область которого широкой и сплошной полосой разрезает эйкумену от Европы до Австралии и т. п. Наоборот, такие признаки, как длина тела, головной указатель, профиль спинки носа и другие, характеризуются весьма пестрым или дисперсным типом дифференциации, когда сходные свойства встречаются отдельными участками в разных областях земного шара.

Уже на этом основании можно сделать предварительное заключение о большей или меньшей древности и, следовательно, о большей или меньшей ценности отдельных признаков для генеалогической классификации. Свойства, распространившиеся на целые материки, очевидно, являются более древними, так как для их распространения должно было потребоваться больше времени. На характере географической дифференциации признака может, правда, сказываться также степень его биологической жизненной важности или приспособленности к среде. Естественно, что по более важным в этом смысле признакам сходство (в сходных условиях среды) выработается скорее, чем по признакам, биологически безразличным. Однако по отношению к человеку можно говорить о приспособлении к географической среде только для древнейших периодов истории человечества; тем самым даже такие явно приспособительные признаки, как цвет кожи, часто являются свидетельствами общности происхождения.

Легко заметить, что признаки, характеризующиеся компактным распределением, обнаруживают сосуществование в определенных комбинациях, причем эти комбинации проявляются только при сравнении групп, а не индивидов. Русская школа сравнительных анатомов называет подобную форму сосуществования координацей¹⁷. На территории СССР наблюдается, например, ясно выраженная координация между развитием третичного волосяного покрова, частотой эпикантуса, профилем верхней губы и другими признаками, функционально не связанными между собой. Наоборот, форма черепа не связана координацией ни с какими другими признаками и встречается в любых комбинациях с ними. Есть все основания думать, что это объясняется более коротким временем существования признаков, характеризующихся дисперсным типом географической дифференциации. Устойчивые комбинации просто не успели сформироваться.

Таким образом, критерием для установления таксономической ценности признака является время его образования, определяемое косвенным путем. Практический вывод из формулированного заключения о критерии таксономического разграничения признаков состоит в том, что признак является более или менее значимым для антропологической классификации не сам по себе, а в зависимости от характера его распространения и координации с другими признаками. Отсюда неизбежно вытекает признание условности разграничения признаков по категориям. Один и тот же признак может иметь разную таксономическую ценность в разных географических зонах, причем в зонах компактного распространения эта ценность выше. Наглядным примером могут служить бушмены. По форме волос и носа они сближаются с негроидами, по цвету кожи и строению века — с монголоидами. Негроидные признаки в данном случае являются более важными для установления родства, так как они примыкают к зоне их компактного распространения в экваториальной Африке.

Определение таксономического значения признака является, таким образом, не исходной предпосылкой, а начальным этапом исследования. Это в особенной мере относится к установлению различий внутри больших рас.

По отношению к Сибири удалось уже выяснить, что классификация

¹⁷ Иногда эта форма связи признаков называется исторической корреляцией.

населяющих эту область типов монголоидной большой расы должна исходить в первую очередь не из головного указателя, как это первоначально пытались делать, а из других признаков. По отношению к сибирским монголоидам такими признаками наиболее высокой таксономической ценности являются: степень выступания носа, вертикальная профилировка лица (т. е. степень склонности к прогнатизму), ширина грушевидного отверстия на черепе, количество смешанных оттенков глаз, развитие волосяного покрова на лице и строение верхнего века.

По отношению к другим областям СССР и земного шара подобная работа еще не проделана и существующие классификации нуждаются в пересмотре, хотя, конечно, этим отнюдь не исключается возможность того, что эти классификации окажутся действительно отражающими родственные связи антропологических типов.

Принимая во внимание возможности ошибок в определении таксономического значения признаков при пользовании методом дифференцированного сравнения, результаты анализа, основанного на морфологическом критерии, следует обязательно контролировать путем:

а) возможно более широкого использования палеантропологических данных, дающих прямые указания на последовательность смены типов;

б) всестороннего биологического анализа признаков, их функциональной сущности и путей развития;

в) учета этнического и географического распределения полученных комбинаций признаков.

Последний пункт связан, таким образом, с требованием не только использовать антропологический материал в качестве исторического источника, но также использовать исторические данные для изучения процессов образования антропологических типов.

Только таким путем может быть осуществлен принцип комплексного подхода к изучению проблем этногенеза, принцип, лежащий в основе советской науки об этногенезе и базирующийся на одном из главных положений марксистского диалектического метода, согласно которому «любое явление может быть понято и обосновано, если оно рассматривается в его неразрывной связи с окружающими явлениями, в его обусловленности от окружающих его явлений»¹⁸.

¹⁸ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, Госполитиздат, стр. 536.

Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАРОДОВ УГРОФИНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ГРУППЫ *

1

Вопросы этногенеза, издавна интересовавшие как историков, так и лингвистов, приобрели особо актуальное научное значение и идейно-политическую остроту в наши дни, когда во всем мире происходит национальная консолидация разнообразных по языку и культуре народов, одни из которых успешно строят коммунизм в СССР, другие закладывают основы социализма в странах народной демократии, третьи борются за независимость и освобождение от гнета империалистов США в буржуазных государствах и колониях. Хорошее знание истории формирования отдельных народов и их групп, говорящих на родственных языках, помогает борьбе прогрессивных сил человечества за суверенитет всех больших и малых наций, способствует разоблачению реакционных домыслов идеологов империализма о создании в настоящее время какой-то единой «мировой» культуры по американскому образцу. Активно участвуя в этой борьбе, передовые ученые Советского Союза и зарубежных стран — этнографы и антропологи в том числе, — опираются на методологию марксизма-ленинизма, на гениальные работы И. В. Сталина по национальному вопросу и языкознанию, на его известное положение о том, что «каждая нация, — все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее»¹. Каждый, кто изучает этническую историю тех или иных народов, хорошо знает, какую большую роль играет в этой истории их культурная самобытность, часто проходящая красной нитью через все время их существования с глубокой древности до наших дней².

Проблема происхождения угрофиннов занимает, вне всякого сомнения, очень видное место среди вопросов этнической истории народов СССР и соседних стран, Венгрии и Финляндии в первую очередь. Проблема эта находилась в центре внимания исследователей различных национальностей — русских, венгерских, финских, эстонских и др. — на всем протяжении развития таких отраслей науки, как языкознание, этнография, археология, этническая антропология, историческая география. Не угасала, начиная с конца XVIII в., и идейная борьба вокруг коренных вопросов угрофинского этногенеза, постоянно использовавшихся для

* Доклад на совещании по методологии этногенетических исследований, 2 ноября 1951.

¹ Речь товарища И. В. Сталина на обеде в честь Финляндской Правительственной Делегации 7 апреля 1948 г., «Большевик», 1948, № 7, стр. 2.

² Более подробно о разработке проблем этногенеза в трудах советских этнографов и антропологов см.: С. А. Токарев и Н. Н. Чебоксаров, Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания, «Советская этнография», 1951, № 4, стр. 7—26; Г. Ф. Дебедц, М. Г. Левин и Т. А. Трофимова, Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза (публикуется выше).

обоснования тех или иных концепций общелингвистического и общесторического характера.

Одним из первых историков, заинтересовавшихся этими вопросами, был В. Н. Татищев, который, отдавая обычную для его времени дань Геродоту, производил всю семью финских народов от сарматов и пытался найти соответствие между древними и современными этническими группами населения севера Восточной Европы; так, например, геродотовских аримаспов Татищев отождествлял с удмуртами, известными в некоторых средневековых памятниках под названием «арян»³. Великий корифей русской науки XVIII в. М. В. Ломоносов также проявил живой интерес к проблеме происхождения угрофиннов, которых он совершенно справедливо связывал с летописной чудью. «Немалое число чудского поколения,— писал Ломоносов,— соединилось со племенем словенским и участие имеет в составлении Российского народа»⁴. Древнюю культуру финских народов гениальный русский ученый считал самобытной и достаточно высокой. «Рассуждая о разных племенах, составивших Россию,— подчеркивал он,— никто не может почесть ей это в унижение»⁵. Многие этногенетические соображения Ломоносова, особенно мысли о тесных культурно-исторических связях между финнами и восточными славянами, не потеряли своего значения до настоящего времени. Особо следует отметить его глубокий патриотизм, красной нитью проходящий через всю «Древнюю Российскую Историю», в частности и через три первые ее главы, посвященные вопросам этногенеза и носящие в высшей степени выразительные названия: «О старобытных жителях в России», «О величестве и поколениях словенского народа», «О древности словенского народа». Сведения об угрофинских племенах сосредоточены главным образом в первой из этих глав.

В рамках журнальной статьи нет, конечно, никакой возможности, да и необходимости, останавливаться сколько-нибудь подробно на различных концепциях этногенеза угрофиннов, предложенных русскими и зарубежными учеными XIX—XX вв. Укажу только, что с 20-х годов прошлого столетия над проблемами происхождения народов угрофинской языковой группы усиленно работали финские и венгерские лингвисты. Большую роль в развитии угрофинского сравнительного языкознания сыграл, несомненно, А. Кастрен, изложивший в законченном виде урало-алтайскую теорию этногенеза угрофиннов, согласно которой область их первоначального формирования была расположена к востоку от Урала и находилась в ближайшем соседстве с областью формирования самоедов, входящих вместе с угрофиннами в уральскую языковую семью⁶. Позднее взгляды Кастрена были в значительной степени пересмотрены, и в традиционном «угрофинноведении» получили преобладание другие этногенетические концепции, авторы которых искали «прародину» угрофиннов в Восточной Европе. Венгерский исследователь Б. Мункачи, например, считал, что прародина эта «лежала среди хорошо орошенных долин в лесах к северу от Кавказа»⁷, в то время как соотечественник Мункачи Ж. Синней склонялся к мысли о ее нахождении где-то в области среднего течения Волги⁸. Крупнейшим пороком всех подобных построений было то, что этногенез угрофиннов рассматривался вне всякой связи с историей соседних народов (в частности, славян) и сводился по

³ В. Н. Татищев, История Российская, кн. 1, ч. 1, 1768, стр. 14.

⁴ М. В. Ломоносов, Древняя Российская История, СПб., 1786, стр. 7.

⁵ Там же, стр. 9.

⁶ Многочисленные работы Кастрена сведены в 12-томном издании под редакцией А. Шифера: M. A. Castrén, Nordische Reisen und Forschungen, SpB., 1853—1862.

⁷ Цит. по тезисам В. Н. Чернецова «К вопросу о месте и времени формирования финноугорской этнической группы», Тезисы докладов и выступлений сотрудников Института истории материальной культуры АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований, М., 1951, стр. 24.

⁸ Там же.

существо к ряду последовательных языковых дроблений и переселений в пустом пространстве, где до появления угрофинских племен никто будто бы не жил. Племена эти изображались, таким образом, как единственные первоначальные насельники всей лесной полосы Западной Сибири и Восточной Европы от Обь-Енисейского водораздела до Балтийского моря. Самый процесс расселения угрофиннов на указанной огромной территории рисовался почти исключительно на основании лингвистических материалов без достаточного учета археологических, антропологических и этнографических данных, а нередко и в прямом противоречии с ними.

Наибольшее распространение концепции такого рода получили в буржуазной Финляндии, где они в 20—30-х годах нашего века открыто использовались фашистскими элементами для пропаганды бредовой идеи о создании в будущем «великой Финляндии» от Балтики до Урала. Одним из центров этой пропаганды явилось так называемое «Академическое карельское общество», которое ставило перед собой задачу «доказать» единство происхождения всех угрофинских народов, их былую культурную общность и глубокое отличие — этнографическое и антропологическое — от соседних славян. В работах многих финских языковедов и этнографов этого периода — У. Сирелиуса, Т. Итконена, Х. Паасонена, Э. Сетэля, И. Вихман и других — последовательно проводится мысль о существовании не только угрофинской языковой семьи (что не вызывает никаких сомнений), но и особой угрофинской культуры, будто бы свойственной всем народам этой семьи от лопарей до венгров и от эстонцев до хантов⁹. В то же время, не считаясь с фактами, финские ученые всячески стараются обойти молчанием или затушевать огромное сходство между угрофинскими и восточнославянскими народами, ярко выступающее почти во всех элементах материальной и духовной культуры. Следовали за своими финскими коллегами и исследователи буржуазной Эстонии. Так, например, в капитальном труде И. Маннинена «Материальная культура Эстляндии» очень много места уделено этнографическим параллелям между эстонцами и другими угрофиннами, а также между первыми и народами Западной Европы; сравнения же культуры эстонцев и соседних русских в этой книге почти нет¹⁰. В современной Финляндии шовинистические концепции этногенеза продолжают разрабатываться в том же Академическом карельском обществе, возобновившем после войны свою деятельность при явном поощрении проамериканских элементов, связанных с США и пытающихся вбить клин между финнами и народами СССР.

2

Советские ученые — представители различных языковедческих и исторических дисциплин — живо интересовались вопросами происхождения угрофиннов на всем протяжении развития науки в СССР со времени Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Однако в разработке этих вопросов, как и других проблем этногенеза, было допущено много существенных ошибок, связанных главным образом с влиянием так называемого «нового учения» о языке акад. Н. Я. Марра и его последователей. Сам Марр о различных языках угрофинской группы писал очень много, но никакой законченной теории их происхождения не дал, да и не мог, конечно, дать, исходя из своих методологически порочных и противоречащих фактам положений о

⁹ См., например, U. T. Sirelius, Suomen kansanomaista kulttuuria, p. I—II, Helsinki, 1919—1921; T. Itkonen, Suomen sukusset kansat, Helsinki, 1921, а также сборник «Финское племя» (Suomen Suku, I—II, Helsinki, 1926), в котором приняли участие все перечисленные авторы.

¹⁰ I Manninen, Die Sachkultur Eslands, I—II, Tartu, 1931—1933.

«единстве мирового глоттогонического процесса», о надстроечном классовом характере языка, о его «стадиальном» развитии путем взрывов, обусловленных скрещеннями, об обязательности яфетической ступени в истории всех языков мира. В соответствии с этими ложными положениями Марр, как известно, утверждал, что «доисторические племена, следовательно, по речи все те же яфетиды, одинаково сидят в русских Костромской губернии, как и финнах, равно и в приволжских тюрках, получивших вместе с финнами доисторическое праурало-алтайское рождение из яфетической семьи, разумеется, более раннее, чем индоевропейцы получили из той же доисторической этнической среды свое праиндоевропейское оформление...»¹¹. Таким образом, выходило, что угрофинские по языку народы, как и все другие народы Восточной Европы и Западной Сибири (да и всего мира), возникли путем трансформации первобытных яфетических племен в местах их коренного обитания. Когда, где и почему произошла эта внезапная трансформация, Марр объяснить не мог, для обоснования же ее возможности прибегал к пресловутому «анализу по четырем элементам», представляющему собой псевдонаучную лингвистическую эквилибристику и заслуженно сопоставленному И. В. Сталиным с гадианом на кофейной гуще¹².

К сожалению, аракчеевский режим, долгое время господствовавший в советском языкознании, и крикливые «антирасистские» фразы последователей Марра привели к тому, что многие исследователи, работавшие над проблемой происхождения угрофиннов, некритически восприняли марровскую концепцию их этногенеза (если вообще здесь можно говорить о «концепции») и даже старались всеми способами втиснуть в ее узкие рамки свои фактические материалы, которые лишь с большим трудом поддавались этой искусственной и насильственной операции.

Ряд ошибок, возникших под влиянием концепции Н. Я. Марра, был допущен и в моих работах, посвященных вопросам этнической антропологии и этногенеза народов угрофинской языковой группы. Так, в одной из статей 1936 г., разоблачая реакционность и фактическую несостоятельность антинаучных «теорий» о существовании расовой общности всех угрофиннов, я пытался их несомненную антропологическую смешанность объяснить с позиций Марра, считавшего, что все современные языковые «системы» (т. е. семьи) образовались на широких территориях в процессе непрерывных скрещений племен, говоривших первоначально на яфетических языках¹³. В более поздней работе о происхождении коми я избежал, правда, толкования этногенеза этого народа в духе Н. Я. Марра, но лишь в очень малой степени использовал конкретные данные о языке коми, без которых нельзя всесторонне осветить и их этническую историю¹⁴. Здесь сказался, несомненно, своего рода «запрет», тяготевший в годы аракчеевского режима в языкознании над всеми лингвистическими материалами, не прошедшими через препарирование их последователями Марра. Неправильную позицию я занял по некоторым вопросам также в полемике с Д. В. Бубрихом о задачах изучения угрофинских народов. Мираж пресловутой яфетической стадии заставил меня, ссылаясь на Марра, упрекать Д. В. Бубриха в недооценке «архаических» связей между народами Волго-Камья, Кавказа и Средиземноморья и даже призывать его к более широкому использованию трудов создателя мнимо-марксистского «нового учения» о языке¹⁵.

¹¹ Н. Я. Марр, Приволжские и соседние с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий, Избранные работы, т. V, стр. 306.

¹² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 33.

¹³ Н. Н. Чебоксаров, Из истории светлых расовых типов Евразии, «Антропол. журн.», 1936, № 2, стр. 193—227.

¹⁴ Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми по данным антропологии, «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 51—80.

¹⁵ Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы изучения финноугорских народов в СССР, «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 176—185; его же, Еще раз о не-

Критика взглядов Д. В. Бубриха на вопросы происхождения угрофинских народов велась мною с позиций Н. Я. Марра — о ведущей роли скрещений в процессе этногенеза и о позднем образовании современных языковых семей, которые будто бы развились на основе повсеместно распространенной в прошлом яфетической речи¹⁶. Аналогичные ошибки были допущены в работах, так или иначе связанных с вопросами этногенеза угрофиннов, и другими советскими антропологами, в частности Г. Ф. Дебецем¹⁷ и Т. А. Трофимовой¹⁸. Корни этих ошибок заключаются и здесь главным образом в принятии «на веру», без необходимой критической проверки многих положений Н. Я. Марра, который, несмотря на внешнюю «материалистичность» и даже «революционность» его «учения», по сути дела оставался «лишь упрощителем и вулгаризатором марксизма, вроде «пролеткультовцев» или «рапповцев»¹⁹.

К каким нелепостям может привести идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра в вопросах происхождения народов угрофинской языковой группы, показывает книга Н. И. Шишкина «Коми-пермяки», вышедшая в 1947 г.²⁰ и получившая на страницах «Советской этнографии», к сожалению, слишком мягкую, недостаточно принципиальную оценку²¹. Автор этой книги, слепо подражая Н. Я. Марру в крайне произвольных приемах анализа племенных названий, приходит к выводу, что народ коми сложился в результате скрещений нескольких самостоятельных этнических элементов: северо-восточного «пер», связанного с Печорой, западного «емь», тяготевшего к низовьям Вычегды, юго-восточного «коми», распространившегося из бассейна Камы, и, наконец, юго-западного «ису» или «йоз», проникшего на север с Вятки. Все эти этнонимы рассматриваются как «тотемные названия племен» (?); название «пермь» или «перемь» расшифровывается как двухэлементное скрещение (пер + емь), а название «коми» сопоставляется с именем зырянского божества «Куль»²². Таким образом, получается совершенно фантастическая картина связей и скрещений, к которым оказываются причастными самые различные племена от какой-то группы скифов (?) до прибалтийско-финской еми, столь милой сердцу сторонников идеи великой Финляндии от Балтики до Урала. От дальнейшего разбора псевдонаучных домыслов Н. И. Шишкина нас, к счастью, избавляет то, что домыслы эти уже получили в советской научной литературе должную оценку со стороны Д. В. Бубриха и И. П. Шаскольского, показавших, как этимологическая эквилибристика в духе Марра смыкается с этногенетическими построениями реакционных финских ученых²³.

Выход в свет гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, открывший новый период в разработке проблем этногенеза вообще, дал в руки советских исследователей различных специальностей,

которых вопросах изучения финноугорских народов, «Советская этнография», 1949, № 2, стр. 197—204.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Г. Ф. Дебец, Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии, «Антропол. журн.», 1932, № 1, стр. 54—73; его же, Палеоантропология СССР, М.—Л., 1948 (особенно гл. IV, стр. 186—291).

¹⁸ Т. А. Трофимова, Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, М.—Л., 1949; ее же, К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры, «Советская этнография», 1949, № 3, стр. 37—74.

¹⁹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33.

²⁰ Н. И. Шишкин, Коми-пермяки (Этногеографический очерк). Молотов, 1947.

²¹ См. рецензию В. Н. Белицер, напечатанную в журн. «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 207—209.

²² Н. И. Шишкин, Указ. раб., стр. 5—42; схема на стр. 38—39.

²³ Д. В. Бубрих, Не достаточно ли емских теорий? Изв. Карело-Финского филиала АН СССР, 1950, № 1, стр. 80—92; И. П. Шаскольский, О емской теории Шёгрена и ее последователях, там же, стр. 93—102.

изучающих происхождение народов угрофинской языковой группы, прочную методологическую базу для преодоления прежних ошибок и дальнейшей плодотворной работы. Основная цель настоящей статьи и состоит в том, чтобы показать, как при разработке вопросов этногенеза угрофиннов могут быть использованы конкретные антропологические материалы. Однако, ставя перед собой такую цель, необходимо сразу же оговориться, что автор далек от мысли дать исчерпывающий ответ на все вопросы, которые могут в данном случае возникнуть. Это представляется совершенно невозможным уже потому, что ни антропология, ни этнография в отдельности, ни даже обе эти дисциплины вместе не могут до конца разрешить все проблемы, связанные с происхождением угрофиннов. Необходимо твердо помнить, что само понятие «угрофинны» — это в первую очередь лингвистическое, а не этнографическое и уж тем более не антропологическое понятие. Как культурно-бытовые, так и расовые различия между современными народами угрофинской языковой группы настолько велики, что, если бы мы не знали о языковом родстве этих народов, перед нами никогда не встал бы вопрос о возможности их изучения как какой-то реальной общности, как какой-то этнической совокупности, все члены которой хотя бы отдаленно связаны между собой. Что общего, в самом деле, между хантами и эстонцами или между мадьярами и лопарями, кроме некоторого сходства в языке? Кому пришлось бы в голову сравнить культуру этих народов, географически разобщенных и живущих в совершенно различных естественных и исторических условиях, если бы сравнительное языкознание не указывало на их принадлежность к одной языковой семье? Таким образом, проблема происхождения народов угрофинской языковой группы должна быть определена как проблема лингвистическая или, говоря точнее, историко-лингвистическая, поскольку речь идет именно об истории формирования группы языков, связанных реальным генетическим родством. Однако для решения этой историко-лингвистической проблемы, кроме собственно лингвистических материалов, могут и должны быть использованы также данные этнографические и антропологические, раскрывающие перед исследователем культурно-бытовые особенности и расовый состав народов, создавших угрофинские языки. Несомненно, ведь, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»²⁴.

3

Данные этнической антропологии имеют наиболее существенное значение при разработке вопросов, связанных с ранними периодами этногенеза угрофиннов, особенно с периодом первоначального распространения их языков на обширной территории лесной полосы Западной Сибири и Северо-Восточной Европы. Можно смело утверждать, что при освещении процесса освоения людьми этой территории в последниково-бронзовое время ведущая роль должна принадлежать, наряду с археологическими материалами, именно данным об антропологическом составе древнейшего населения рассматриваемой части эйкумены. В свете новейших работ советских антропологов становится все более и более несомненным, что население это уже в IV—III тысячелетиях до н. э. не было однородным в расовом отношении, но состояло из представителей двух больших рас — европеоидов и монголоидов, — постепенно

²⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

смешивавшихся между собой. Так, например, среди скелетов из ранне-неолитического могильника Южного Оленьего острова (на Онежском озере) при общем преобладании европеоидного расового типа, морфологически близкого к кроманьонскому, выделяется несколько особей с концентрированными монголоидными признаками. Описавший эту серию Е. В. Жиров высказал очень правдоподобную мысль о том, что «антропологические особенности людей Южного Оленьего острова возникли в результате метисации высокорослых, весьма широколицых, хамеконых европеоидов, т. е. кроманьонцев, с более малочисленной монголоидной популяцией»²⁵. Типы смешанного европеоидно-монголоидного происхождения очень ясно выступают также среди черепов из могильника II тысячелетия до н. э., раскопанного А. Я. Брюсовым в местечке Караванха близ озера Воже (Вологодская область)²⁶. Некоторые из этих черепов обнаруживают черты сходства с современными лапоноидными формами, для которых также характерно сочетание европеоидных и монголоидных особенностей (при очень специфическом общем морфологическом облике). С лапоноидным лицом сближаются, повидимому, и отдельные черепа неолитического периода из Языкова (Калининская область) и Волосова (район Муромы)²⁷. Аналогичные предположения высказывались также относительно черепов из Риннекальна в Латвии относящихся, возможно, к дометаллическому времени²⁸. В самое последнее время, наконец, М. М. Герасимов реконструировал лицо на женском черепе из ранне-неолитической Шигирской стоянки в Зауралье; «лапоноидный» или, точнее, переходный европеоидно-монголоидный облик этого лица выступает очень ярко²⁹.

Таким образом, присутствие монголоидных компонентов в составе неолитического населения лесного севера Восточной Европы и Зауралья можно считать твердо установленным. Компоненты эти на рассматриваемой территории с глубокой древности смешивались с массивными европеоидными типами кроманьонского облика, ярко выраженными, например, среди известных ладожских черепов³⁰ или среди костных находок из различных стоянок Эстонии, относящихся ко II тысячелетию до н. э.³¹ Нет ни малейшего сомнения, что монголоидные и европеоидные типы, принадлежащие к двум различным большим расам, не могли возникнуть одновременно в пределах одной и той же географической области. Учитывая сравнительно позднее заселение людьми лесного европейского севера (в мезолите и раннем неолите), следует предполагать, что как монголоиды, так и европеоиды проникли сюда различными путями в уже сложившемся виде. Монголоиды могли распространиться, очевидно, только с востока, из-за Урала, где в Центральной Азии находилась по всем данным область их формирования. На этот путь указывает и находка на верхнепалеолитической стоянке Афонтова гора II под

²⁵ Е. В. Жиров, Заметки о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова, «Краткие сообщения ИИМК», VI, 1940, стр. 51—54.

²⁶ См. М. М. Герасимов, Основы восстановления лица по черепу, М., 1949 стр. 88—89.

²⁷ О. Н. Бадер, Археологические работы у дер. Языково и на оз. Скорбей летом 1935 г. в связи с вопросом о древнем лапоноидном компоненте в антропологическом типе населения Восточной Европы, «Антропол. журн.», 1936, № 2, стр. 257—262; Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 87.

²⁸ R. Virchow, Archeologische Reise nach Livland, Ztschr. f. Ethnologie Verhandl. d. Berlin. Gesellschaft f. Anthropol., Ethnolog. u. Urgeschichte, 1877; Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 95.

²⁹ Устное сообщение М. М. Герасимова.

³⁰ А. П. Богданов, Человек каменного века (в книге: А. А. Иностранцев, Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера, СПб. 1882); Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 89—90.

³¹ J. Aul, Etude anthropologique des ossements humaines neolitique de Sorst d'Ardu, Tartu, 1935 (оттиск); Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР стр. 90—92.

Красноярском детского черепа с резко выраженными монголоидными чертами³². Каких пределов достигли монголоиды на западе, сказать трудно, однако некоторые данные по палеантропологии Восточной Германии позволяют предполагать, что волны древнейших переселений из Азии могли докатываться до Центральной Европы³³. Пути проникновения на лесной север европеоидов были, надо думать, гораздо короче; начало этих путей лежало, вероятно, в Северном Причерноморье, где типы кроманьонского облика по данным палеантропологии прослеживаются по крайней мере с мезолитического времени³⁴. Возможно также, что смешение между монголоидами и европеоидами уже в период неолита (если не раньше) происходило не только в Восточной Европе, но и в Западной Сибири, где европеоидные формы могли сосредотачиваться в более южных степных районах, а монголоидные — в более северных лесных³⁵. На правдоподобность такого допущения указывает как будто и морфологически переходный облик шигирского черепа, свидетельствующий о древности межрасового смешения в Зауралье.

Новейшие работы советских археологов прекрасно подтверждают почти все выводы о путях первоначального заселения лесной полосы Восточной Европы, сделанные на основании данных палеантропологии. А. Я. Брюсов, например, пишет: «В противовес гипотезе о заселении этой полосы с запада изучение материала приводит к выводу о расселении населения по этой полосе с востока, повидимому, из Среднего Урала. Хронологическое исследование уральских стоянок позволяет утверждать, что древнейшие культурные слои Шигирского торфяника следует датировать V—IV тысячелетиями до н. э., а может быть, и более ранним временем. В III—II тысячелетиях до н. э. наблюдается новая волна расселения по северу Европейской части СССР, исходящая в основном из волго-окского междуречья. Об этом свидетельствуют многие северные стоянки того времени, дающие типичный инвентарь, характерный для волго-окских неолитических культур»³⁶. Восточные насельники нашего лесного севера в расовом отношении, как мы видели, относились к монголоидам или во всяком случае включали монголоидные элементы. Племена, распространившиеся к северу из Волго-Окского междуречья, были антропологически неоднородными; значительную роль в их составе играли, однако, европеоидные типы, первоначально связанные, повидимому, с Северным Причерноморьем³⁷. О языках этих древнейших групп населения Северо-Восточной Европы и Западной Сибири в нашем распоряжении нет, конечно, никаких непосредственных данных. Домыслы Марра и его последователей о повсеместном распространении в прошлом яфетидов и о последующем «перерождении» их в угрофиннов (или тюрков, индоевропейцев и т. д.), конечно, никого не удовлетворяют. Зато вполне законной представляется мысль о принадлежности языков первоначальных насельников лесного севера, освоен-

³² Г. Ф. Дебеч, Фрагмент лобной кости человека из культурного слоя стоянки «Афонтова гора II» под Красноярском, «Бюлл. комиссии по изучению четвертичного периода», 1946, № 8, стр. 73—76.

³³ Н. Н. Чебоксаров, Монголоидные элементы в населении Центральной Европы, Ученые записки Моск. гос. ун-та, вып. 63, 1941, стр. 249—252 (о монголоидных черепах мезолитического периода с берегов Притцерберского озера в Мекленбурге).

³⁴ Г. Ф. Дебеч, Палеоантропология СССР, стр. 43—45 (скелеты мезолитического периода из Крыма).

³⁵ Там же, карта на стр. 294.

³⁶ А. Я. Брюсов, Заселение севера Европейской части СССР в неолитическую эпоху, Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР, подготовленные к совещанию по методологии этногенетических исследований, М., 1951, стр. 23.

³⁷ Европеоидными являются, например, два черепа из Володарской неолитической стоянки Горьковской области (см. Т. А. Трофимова, Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей, «Советская этнография», 1950, № 3, стр. 56).

ного людьми только в IV—II тысячелетиях до н. э., к крупным языковым семьям, существующим и в настоящее время. Мысль эта опирается на положение И. В. Сталина о том, что «элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства»³⁸.

Учитывая все изложенные соображения, естественно предположить, что языки человеческих коллективов, проникавших на север Европейской части СССР с востока (антропологически преимущественно монголоидных), были родственны языкам позднейших народов Западной Сибири, т. е. могли принадлежать, по крайней мере частично, к уральской (угрофинно-самоедской) группе, в то время как языки коллективов, продвигавшихся с юга (антропологически главным образом европеоидных), относились скорее к индоевропейской семье, само существование которой в III—II тысячелетиях до н. э. вряд ли может вызвать какие-либо сомнения³⁹. Подобные же передвижения, сопровождавшиеся, вероятно, скрещиваниями языков и поглощением более слабых из них более сильными, происходили в Восточной Европе и позднее. Об этом с большой убедительностью свидетельствуют опять-таки палеоантропологические данные, относящиеся к бронзовому и железному векам. Так, например, в середине II тысячелетия до н. э. в Среднее Поволжье с юга проникают племена кочевников-скотоводов, принадлежавшие антропологически к относительно узколиким европеоидам восточно-средиземноморского типа⁴⁰. В период ананьинской культуры VII—II вв. до н. э. в Прикамье распространяется новая волна монголоидных элементов, связанная с переселением из-за Урала каких-то племен, входивших, вероятно, в угрофинскую языковую семью⁴¹. Средневековые краниологические серии, этническая принадлежность которых в большинстве случаев не вызывает уже сомнений; свидетельствуют о сложности антропологического состава угрофинских народов в это время. Достаточно отчетливо среди них выделяются три основные группы антропологических типов: переходная монголоидно-европеоидная, сосредоточенная главным образом в Волго-Камье и лишь частично на крайнем востоке Прибалтики (у берегов Финского залива), широколистая европеоидная, распространенная на обширной территории от берегов Балтийского моря до Среднего Поволжья (в общем западнее и отчасти южнее первой группы), и узколистая европеоидная, тяготеющая преимущественно к югу Волго-Окской области⁴². Характерными представителями первой группы являются, например, черепа из Поломского могильника IX в. (Кировская область)⁴³, второй — ижорские черепа из могильника XIII—XIV вв. под Гатчиной⁴⁴, третьей — черепа из финских могильников VIII—X вв. по реке Цне⁴⁵. Данные обо всех этих кранио-

³⁸ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

³⁹ Б. В. Горнунг, К постановке вопроса об исторической общности индоевропейских языков, «Изв. АН СССР, Отд. литературы и языка», IX, 5, 1950, стр. 337—350; его же, О некоторых вопросах, связанных с образованием и развитием индоевропейской семьи языков, Тезисы докладов научных сотрудников Ин-та языкознания на объединенной сессии Ин-та этнографии, Ин-та истории материальной культуры, Ин-та истории и Ин-та языкознания АН СССР, М., 1951.

⁴⁰ Т. А. Трофимова, Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей, стр. 57—61.

⁴¹ Т. А. Трофимова, Антропологический тип населения ананьинской культуры в Приуралье, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1940, стр. 42—47.

⁴² Г. Ф. Дебеч, Палеоантропология СССР, стр. 214—248; В. В. Седов, Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода, рукопись, 1951; Н. Н. Чебоксаров, Ильменские поозеры, Труды Института этнографии, новая серия, т. I, М.—Л., 1947, стр. 264—267.

⁴³ Г. Ф. Дебеч, Палеоантропология СССР, стр. 215—217.

⁴⁴ Е. В. Жиров, Древние ижорские черепа, «Советская археология», II, 1937, стр. 151—160.

⁴⁵ Г. Ф. Дебеч, Палеоантропология СССР, стр. 229—230 (см. также таблицы 94 и 95).

логических сериях допускают уже сопоставление с материалами о современном населении соответствующих районов Европейской части СССР.

Данные об антропологическом составе современного населения должны использоваться при разработке вопросов этногенеза с большой осторожностью, так как состав этот, во многих случаях окончательно сформировавшийся только на протяжении последних двух-трех столетий, в значительной степени отражает исторические процессы недавнего времени, не имеющие прямого отношения к происхождению отдельных народов или, тем более, их больших групп, говорящих на родственных языках. Так, например, антропологическое изучение колвинских ненцев, живущих в Усть-Усинском районе Коми АССР, показывает, что они представляют собой типично смешанную группу, в состав которой вошли более темные монголоидные и более светлые европеоидные компоненты. Отсюда, казалось бы, можно сделать вывод о древности расового смешения в бассейне Нижней Печоры и о большой роли его в истории антропологического состава ненецкого народа. Гипотеза эта, однако, рассыпается в прах, как только исследователь начинает знакомиться с историей формирования самих колвинских ненцев, сложившихся в особую этническую группу, оказывается, лишь в 30-х годах прошлого века, когда на реке Колве православными миссионерами был основан поселок, население которого составилось из переселенных сюда молодых ижемских женщин и ненецких мужчин из Большеземельской тундры⁴⁶. Было бы все же ошибкой думать, что материалы по этнической антропологии современного населения вовсе не могут быть использованы при решении этногенетических проблем. Напротив, такое использование вполне возможно и даже необходимо, если только исследователь не теряет исторической перспективы и всегда старается выяснить конкретную хронологию и географическую локализацию прослеживаемых им процессов формирования тех или иных антропологических типов. С этих позиций должны мы, конечно, подходить и к анализу антропологического состава современных народов угрофинской языковой группы.

Новейшие работы по этнической антропологии Восточной Европы и Западной Сибири, принадлежащие главным образом советским ученым, ясно показывают, что в состав этих народов входят по крайней мере три группы антропологических типов. Первая из них, часто фигурирующая в специальной научной литературе под названием «уральской»⁴⁷, по многим признакам занимает промежуточное положение между монголоидами и европеоидами. Для нее характерно сочетание мягких, но прямых, большей частью черных или темнорусых волос, ослабленного по европейским масштабам третичного волосяного покрова, карих или смешанных глаз, несколько уплощенного, часто низкого лица, сильно развитой складки верхнего века, спорадического эпикантуса, средневысокого переносья, вогнутой спинки носа, тенденции к проехилии. Наиболее отчетливо специфические особенности уральской группы типов среди угрофиннов выступают у большинства хантов и манси⁴⁸. В менее резкой форме особенности эти прослежи-

⁴⁶ Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми по данным антропологии, «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 72.

⁴⁷ Термин этот впервые предложен В. В. Бунаком в его статье «Антропологический тип черемис» («Русск. антропол. журн.», т. XIII, вып. 3—4, 1924, стр. 137—177). В моей работе «Основные принципы антропологических классификаций» (сборник «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии, новая серия, т. XVI, М.—Л., 1951) выделена особая «уральская группа» антропологических типов, занимающая промежуточное положение между европеоидами и монголоидами (стр. 317).

⁴⁸ С. И. Руденко, Антропологическое исследование инородцев северо-западной Сибири, Записки Академии Наук по физ.-мат. отд., т. XXXIII, № 3, П., 1914; Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров, Антропологическое изучение манси, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1940, стр. 28—37.

ваются среди удмуртов и мари⁴⁹, а также в отдельных группах мордвы⁵⁰ и коми (в верховьях Камы, на Иньве, Сыsole и верхней Мезени)⁵¹. В составе уральской группы имеются как относительно длинноголовые, так и относительно короткоголовые варианты; к последним принадлежит, в частности, так называемый «лапоноидный» тип — крайне низкорослый и низколикий, — характерный для саамов (лопарей), но встречающийся и среди соседних с ними северных карел⁵². За пределами угрофинской языковой семьи различные типы уральской группы широко распространены среди ненцев и селькупов⁵³, тобольских и барабинских татар⁵⁴, шорцев, алтайцев и хакасов⁵⁵, а также среди башкир⁵⁶, татар Поволжья⁵⁷ и чувашей⁵⁸. «Лапоноидные» и близкие к ним «сублапоноидные» элементы вошли в состав русского населения севера Европейской части СССР⁵⁹.

Вторая группа антропологических типов, обычная среди народов угрофинской языковой семьи — «беломорско-балтийская»⁶⁰, — принадлежит к европеоидной большой расе, но обнаруживает некоторые особенности, указывающие на вхождение в ее состав незначительной древнемонголоидной примеси⁶¹. Для этой группы характерно сочетание мягких, прямых или слегка волнистых волос, русых или белокурых по окраске, умеренно развитого третичного волосяного покрова, светлых глаз, небольшого по абсолютным размерам лица, средне профилированного в горизонтальном сечении, довольно ясно выраженной складки верхнего века, средневысокого переносья, вогнутой или прямой спинки носа. Различные типы рассматриваемой группы, как более короткоголовые, так и более длинноголовые, наиболее широко распространены среди прибалтийско-финских народов — эстонцев⁶², ливов⁶³, вепсов⁶⁴.

⁴⁹ В. В. Бунак, Антропологический тип черемис; П. И. Зенкевич, Характеристика восточных финнов, Ученые записки Моск. гос. ун-та, вып. 63, 1941.

⁵⁰ В. В. Бунак, Антропологический тип мордвы, «Русск. антропол. журн.», т. XIII, вып. 3—4, 1924, стр. 178—210.

⁵¹ Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми по данным антропологии (см. сводную таблицу, стр. 74—75).

⁵² Д. А. Золотарев, Кольские лопари, Л., 1927; его же, Карелы СССР, Л., 1930; Г. Ф. Дебеч, «Неприветливые» и «радушные», «Антропол. журн.», 1933, № 1—2, стр. 234—237.

⁵³ С. И. Руденко, Указ. раб.; С. А. Шлугер, Антропологическое исследование ненцев, «Краткие сообщения о научных работах Ин-та и Музея антропологии МГУ», М., 1941, стр. 23—26; Г. Ф. Дебеч, Селькупы (антропологический очерк), Труды Ин-та этнографии, новая серия, т. II, М.—Л., 1947, стр. 103—146.

⁵⁴ Т. А. Трофимова, Тобольские и барабинские татары, Труды Ин-та этнографии, новая серия, т. I, М.—Л., 1947, стр. 194—215.

⁵⁵ А. И. Ярхо, Алтае-сайские тюрки, Антропологический очерк, Абакан, 1948.

⁵⁶ С. И. Руденко, Башкиры, Опыт этнографической монографии, ч. I, Физический тип башкир, П., 1916.

⁵⁷ Т. А. Трофимова, Этногенез татар Среднего Поволжья в свете данных антропологии, «Советская этнография», 1946, № 3, стр. 51—74; ее же, Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, М.—Л., 1949.

⁵⁸ Т. А. Трофимова, Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей.

⁵⁹ Н. Н. Чебоксаров, Русские севера Европейской части СССР, «Краткие сообщения о работе Ин-та и Музея антропологии МГУ», 1941, стр. 65—66.

⁶⁰ Н. Н. Чебоксаров, Из истории светлых расовых типов Евразии, «Антропол. журн.», 1936, № 2, стр. 193—227; его же, Ильменские поозеры, стр. 247—253.

⁶¹ Н. Н. Чебоксаров, Основные принципы антропологических классификаций, Сборник «Происхождение человека и древнее расселение человечества», М., 1951, стр. 316.

⁶² J. Aul, Anthropologische Forschungen in Eesti, Tartu, 1935.

⁶³ J. Vilde, Materiali par Libiesu anthropologiju, Latvijas Univers, Raksti, 1924, II, стр. 93—181.

⁶⁴ Г. Ф. Дебеч, Вепсы, Ученые записки Моск. гос. ун-та, вып. 63, 1941, стр. 139—174.

карел⁶⁵ и финнов-суоми⁶⁶, а также среди удорских, ижемских и вычегодских коми⁶⁷ и лукояновской мордвы-эрзи⁶⁸. В большом количестве беломорско-балтийские компоненты входят, кроме того, в состав латышей и литовцев⁶⁹, поляков, белоруссов и северных великоруссов⁷⁰. Таким образом, беломорско-балтийская группа вполне «оправдывает» свое название: составляющие ее типы действительно тяготеют к Белому и Балтийскому морям.

Третья группа типов, играющая известную роль в антропологическом составе народов угрофинской семьи, в предложенной мной классификации названа «атланта-черноморской»⁷¹. Группа эта, как и предыдущая, относится к европеоидной большой расе и занимает по пигментации промежуточное положение между ее основными подразделениями: индо-средиземноморскими брюнетами и североευропейскими (балтийскими) блондинами⁷². Для всех атланта-черноморских типов характерны такие признаки, как темные, большей частью широковолнистые или прямые волосы, значительное развитие третичного волосяного покрова, карие или смешанные глаза, узкое, обычно удлиненное лицо, сильно профилированное в горизонтальном сечении, слабо развитая складка верхнего века, высокое или среднее по высоте переносе, прямая или слегка выпуклая спинка носа. Географически атланта-черноморские типы распадаются на две подгруппы: западную или атлантическую и восточную или черноморскую (иначе «понтийскую»). В настоящей работе нас интересует главным образом последняя подгруппа, элементы которой отчетливо выступают в составе некоторых угрофинских групп; ивдельских манси Свердловской и Молотовской областей⁷³, иньвенских коми-пермяков⁷⁴, ижевских удмуртов⁷⁵ и особенно наровчатской мордвы-мокши⁷⁶. Специфические черты атланта-черноморских типов во всех перечисленных группах сочетаются с мезокефалией или умеренной брахикефалией. Аналогичная комбинация антропологических признаков наблюдается также во многих группах южных великоруссов⁷⁷ и поволжских татар⁷⁸, а также некоторых народов Балканского полуострова и Северо-западного Кавказа, как, на-

⁶⁵ Д. А. Золотарев, Карелы СССР, Л., 1930; T. Y. Roschier, Anthropologische Untersuchungen an Bewohner der Landschaft Karjala, Acta Inst. Anat. Univers (Helsinki), IV, 1931.

⁶⁶ Y. Kajaava, Die anthropologischen Untersuchungen des finnischen Volkes, Anthr. Anz., 1925, N 2; A. O. Archo, Anthropologische Untersuchungen in den Landschaften Aaland und Varsinais-Suomi, Acta Inst. Anat. Univers (Helsinki), VI, 1936.

⁶⁷ Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми по данным антропологии.

⁶⁸ Г. Ф. Дебеч, Антропологический очерк бывш. Лукояновского уезда, Ученые записки Моск. гос. ун-та, вып. 63, Антропология, М., 1941.

⁶⁹ M. Hesch, Letten, Litauer, Weissrussen, Wien, 1933; N. Jerums u. T. M. Vittols, Beiträge zur Anthropologie der Letten, Latvijas Univers, Raksti, 1928, XVIII, стр. 279—342.

⁷⁰ Обзор основных данных по этим народам см. в моей статье «Ильменские озёры». — Н. Ч.

⁷¹ Там же, стр. 258—264.

⁷² Н. Н. Чебоксаров, Основные принципы антропологических классификаций, стр. 312.

⁷³ Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров, Антропологическое изучение манси, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1940, стр. 28—37.

⁷⁴ М. А. Гремяцкий, Антропологический тип иньвенских коми (пермяков). Ученые записки Моск. гос. ун-та, вып. 63, 1941; Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми по данным антропологии, стр. 57—58.

⁷⁵ П. И. Зенкевич, Характеристика восточных финнов.

⁷⁶ Г. Ф. Дебеч, Так называемый «восточный великорусс», «Антропол. журн.», 1933, № 1—2, стр. 34—69.

⁷⁷ Там же

⁷⁸ Т. А. Трофимова, Этногенез татар. Поволжья в свете данных антропологии, ч. III, стр. 117—249.

пример, пловдивских болгар⁷⁹ или адыге⁸⁰. Более короткоголовые варианты той же группы типов, известные в антропологической литературе под названием «альпийских» и «динарских», играют большую роль в расовом составе венгров и соседних с ними народов Центральной Европы, говорящих на славянских и германских языках⁸¹. Тяготение всех атланта-черноморских антропологических типов к югу, к бассейнам Средиземного и Черного морей совершенно очевидно.

4

Что же все-таки дают реально изложенные выше материалы по этнической антропологии народов угрофинской языковой группы для понимания процессов их этногенеза? Первый вывод, к которому приводит анализ этих материалов, — вывод о глубокой и очень древней антропологической смешанности угрофиннов, исключаяющей всякую мысль об их расовом единстве даже в далеком прошлом. Если принять, однако, вслед за большинством современных советских лингвистов, тезис о развитии всех угрофинских языков из одного корня — древнего языка-основы⁸², — то необходимо будет допустить существование в какую-то историческую эпоху реальной этнической общности людей, создавших этот язык-основу. Трудно представить себе, что такая общность, занимавшая, конечно, вполне определенную, географически ограниченную территорию, могла быть антропологически столь же разнородной, как современные народы угрофинской семьи. Гораздо более вероятно, что рассматриваемая общность включала в свой состав только одну из трех групп антропологических типов, описанных на предыдущих страницах. Но какую же именно? — вправе мы сейчас же поставить вопрос. Об атланта-черноморской группе здесь вряд ли можно говорить, так как она для народов угрофинской семьи явно не характерна и сосредотачивается только на южных окраинах области их расселения. Основной ареал этой группы типов лежит в таких странах Причерноморья и Западной Европы, где угрофиннов, очевидно, никогда не было. Трудно представить себе, что древние угрофинны первоначально принадлежали к атланта-черноморской группе, позднее же почти полностью «сменили» свои антропологические типы на уральские и беломоро-балтийские. Что касается двух других рассмотренных групп — беломоро-балтийской и уральской, — то «преимущество» в нашем вопросе оказывается скорее на стороне второй, поскольку первая, хотя и очень широко распространена среди угрофиннов (точнее, среди финнов), но не менее обычна и в составе других восточно- и центрально-европейских народов — славянских, балтийских (летто-литовских) и германских. По своему происхождению группа эта связана с берегами Балтийского и Белого морей, где вряд ли могла лежать область формирования угрофинской языковой семьи. Уральская же группа, не являясь также специфичной для угрофиннов, все же наиболее характерна именно для них или для народов, которые с ними были генетически связаны (селькупы, ненцы, частично также шорцы, алтайцы и хакасы). Складывались типы уральской группы, вероятно, в Приуралье и Запад-

⁷⁹ J. Drontschilow, Beiträge zur Anthropologie der Bulgaren, Arch. f. Anthropologie, Neue Folge, XIV, 1915.

⁸⁰ В. И. Левин, Этно-географическое распределение некоторых расовых признаков у населения Северного Кавказа, «Антропол. журн.», 1932, № 2, стр. 84—88.

⁸¹ L. Bartucz, Ein Abriss der Rassengeschichte in Ungarn, Ztschr. f. Rassenkunde, I, 1935, стр. 225—239; Н. Н. Чебоксаров, Антропологический состав современных немцев, Ученые записки Моск. гос. ун-та, вып. 63, 1941, стр. 271—308.

⁸² См., например, Б. В. Горнунг, В. Д. Левин и В. Н. Сидоров, Проблема образования и развития языковых семей, Тезисы докладов научных сотрудников Института языкознания на объединенной сессии Ин-та этнографии, Ин-та истории материальной культуры, Ин-та истории и Ин-та языкознания АН СССР, М., 1951.

ной Сибири, т. е. как раз там, где многие лингвисты ищут зону образования угрофинских языков.

Мысль об «уральской» антропологической основе угрофиннов уже высказывалась В. В. Бунаком⁸³. Необходимо, однако, подчеркнуть, что само понятие о «расовом прототипе» мало подходит к уральской группе, которая, как мы видим, является отнюдь не первичной расой, но целой совокупностью близких антропологических комплексов, сложившихся в процессе смешения между монголоидами и европеоидами. Смешение это, начавшееся, повидимому, еще в конце палеолита, предшествовало бесспорно выделению исходной угрофинской этнической общности, которая с самого начала должна была включать как монголоидные, так и европеоидные расовые компоненты, с течением времени все более и более переплетающиеся между собой. Поскольку археологические материалы указывают на заселение севера Европейской части СССР с востока только в период мезолита и раннего неолита, можно предполагать, что смешение между обеими большими расами первоначально развернулось за Уралом, где и лежала, скорее всего, область формирования древнейшей угрофинской этнической общности. Вполне законен вопрос о возможной связи этой общности с шигирской культурой, носители которой были, вероятно, антропологически уже неоднородными. Наличие в составе угрофиннов тех же уральских антропологических типов, что и в составе ненцев, селькупов, сибирских татар, шорцев, части алтайцев и хакасов, является отражением глубоких этногенетических связей между всеми этими народами. Следует думать, что в прошлом они говорили на близко родственных языках, впоследствии частично исчезнувших. Так антропологические материалы подводят нас вплотную к целому ряду важнейших проблем этнической истории угрофиннов и других народов Западной Сибири и Алтае-Саянского нагорья.

Не менее интересные этногенетические проблемы встают при сравнительном анализе антропологического состава угрофинских и соседних с ними народов Восточной Европы. С какими этническими общностями, возникает вопрос, были первоначально связаны широко распространенные здесь типы беломорско-балтийской группы, где и когда они формировались? Считать, что к угрофиннам типы эти проникли в период средневекового контакта со славянами, балтийцами (летто-литовцами) или германцами, совершенно невозможно, так как подобная гипотеза неизбежно привела бы к абсурдному выводу о позднем переходе на финскую речь целых групп населения, говоривших на языках индоевропейской семьи. Пришлось бы, например, допустить, что предки эстонцев, карел или вепсов, принадлежащих антропологически к беломорско-балтийской группе, первоначально были индоевропейцами! Более правдоподобно предположение о том, что формирование в Восточной Европе беломорско-балтийских типов и распространение здесь с востока угрофинской речи происходили одновременно в процессе освоения людьми на заре неолита обширной территории лесного севера, сравнительно недавно освободившейся от ледникового покрова. Переселявшиеся из-за Урала древнейшие угрофинские группы, антропологически уже смешанные, по мере продвижения на запад впитывали все большее и большее количество европеоидных компонентов, просачивавшихся в лесную полосу с юга. На каких языках говорили эти европеоиды, мы не знаем, так как их языки, повидимому, были поглощены речью более многочисленных угрофиннов. Заслуживает внимания во всяком случае гипотеза многих специалистов по угрофинскому языкознанию о том, что предки прибалтийско-фин-

⁸³ В. В. Бунак, Антропологический тип черемис; ср. также V. B u n a k, Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas, Ztschr. f. Morphol. u. Anthropol., XXX, 1932, стр. 441—503.

ских народов (а также лопарей) первоначально говорили на языках, не принадлежавших к угрофинской семье, и лишь впоследствии усвоили угрофинскую речь, внося в нее некоторые своеобразные фонетические особенности⁸⁴. Весьма вероятно, таким образом, что задолго до начала расселения по северу Восточной Европы славянских племен жившие здесь угрофинны уже включали в свой состав крайне депигментированные типы беломорско-балтийской группы, ставшие среди них не менее распространенными, чем типы уральские. Недаром сложилась у более темных русских легенда о «чуди белоглазой», ушедшей в землю.

Совсем иной была, несомненно, история проникновения к угрофиннам антропологических типов атланти-черноморской группы. В этом случае можно действительно говорить о внедрении в угрофинскую этническую среду каких-то племен, связанных по своему происхождению с арало-каспийскими или причерноморскими степями, которые до первых веков н. э. были населены, как известно, различными ирано-язычными народами, принадлежавшими в антропологическом отношении к умеренно депигментированным европеоидам понтийского типа. Не случайно, конечно, наиболее отчетливо относительно темные антропологические компоненты атланти-черноморского облика выражены у мордвы-мокши — самой южной этнической группы угрофиннов. Для выяснения конкретных причин и путей проникновения этих компонентов к различным народам угрофинской языковой семьи должны быть привлечены не только антропологические, но и историко-этнографические данные, анализу которых автор намерен посвятить следующий очерк по вопросам угрофинского этногенеза.

⁸⁴ Д. В. Бубрих, Финноугорские языки Европы, (рукопись), 1949.

Б. О. ДОЛГИХ

О НЕКОТОРЫХ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ (ПЕРЕСЕЛЕНИЯХ НАРОДОВ И РАСПРОСТРАНЕНИИ ЯЗЫКОВ) В СЕВЕРНОЙ СИБИРИ *

Всякое этногенетическое исследование является в первую очередь исследованием историко-лингвистическим. Для того, чтобы решать вопросы происхождения народов, мы должны суметь в общем потоке явлений и событий исторического процесса, в том числе и в процессах развития языков, выделить те явления и факты, которые непосредственно отражают или непосредственно связаны с образованием народов, с развитием их этнических, в частности и языковых, особенностей, с их распространением.

Полное систематическое изложение явлений и фактов, касающихся образования народа, анализ и объяснение этих фактов с позиций диалектического и исторического материализма должны дать нам картину происхождения данного народа. Антропология, этнография, языкознание, археология и данные писаной истории способствуют уяснению различных сторон сложного исторического процесса образования народа; данные всех этих наук необходимы для разрешения конкретных этногенетических проблем. Какое-либо предпочтение одной из этих наук не должно иметь места и может быть лишь вынужденным вследствие отсутствия других источников.

Надо также иметь в виду, что все процессы, формирующие этнический облик народов, происходили и происходят не на пустом месте. В основе каждой этнической группы современности лежат этнические общности древности, а в основе современных языков лежат древние языки. Поэтому каждое этногенетическое исследование в числе своих конечных результатов имеет установление древних народностей и племен, которые вошли в состав современной народности или нации, установление древних языков, к которым восходят современные языки.

При этом происходило скрещивание языков, и языки-победители распространялись на иноязычные в прошлом группы с иной культурой и бытом. Это обстоятельство подчеркивается И. В. Сталиным в его положении о том, что «при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает»¹.

Поэтому изучение процессов распространения народов и языков является одной из важных задач, связанных с разрешением проблемы образования этнических общностей и языковых групп. Сама постановка вопроса о дроблении, расхождении, а также схождении и скрещивании

* Доклад, зачитанный на совещании по методологии этногенетических исследований 2 ноября 1951 г.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 29—30.

языков предполагает распространение языков и передвижение народов по территории, расширение или сужение пространства, занятого тем или иным языком и народом.

Распространение языков на иноязычные в прошлом группы надо считать одной из важнейших причин образования многих народов, одной из важнейших причин, обусловивших современную нам этнографическую карту мира.

В настоящей статье мы хотим на примере некоторых народов северной Сибири, стоявших на сравнительно ранних ступенях исторического развития, остановиться именно на этой стороне этногенетического процесса. Мы берем при этом только народы севера и не включаем в наше рассмотрение ни народы Амура, ни алтае-саянские народы, ни даже некоторые части северносибирских народов, обитавших в более южных районах, например, эвенков — коневодов и скотоводов Забайкалья.

Из всех народов северной Сибири наиболее высокую степень общественно-экономического развития занимали якуты. Русские в XVII в. нашли у якутов скотоводческое хозяйство и раннеклассовый общественный строй. Наряду с сохранением родоплеменных подразделений, у якутов существовала классовая дифференциация и четко выделялся класс богатых скотовладельцев — тойонов.

Большинство народов северной Сибири к приходу русских находилось на разных ступенях развития патриархально-родового строя. Такими народами являлись тунгусы — эвенки (с эвенами и предками долган); юкагиры; самоедские по языку народы — ненцы, энцы, нганасаны и селькупы; кеты и угорские по языку народы — ханты и манси. Наиболее раннюю стадию общественно-экономического развития из них представляли, видимо, юкагиры.

И по этнографическим описаниям Иохельсона конца XIX в., и по сообщениям источников XVII в., можно предполагать, что ко времени прихода в северо-восточную Сибирь русских, т. е. к середине XVII в. у юкагиров сохранялись еще весьма ранние формы отцовско-родового строя, сопровождавшиеся значительными пережитками матриархально-родовых порядков. Так, например, у юкагиров существовал матрилокальный брак. Оленеводство, которое к приходу русских было уже известно большинству юкагиров, повидимому, было заимствовано ими от тунгусов сравнительно недавно. При этом оленеводство юкагиров имело лишь подсобное, транспортное значение, а в основном их хозяйство оставалось охотничье-рыболовческим. Юкагиры получали у эвенков железо, но в небольшом количестве. У юкагиров Индигирки, например, в XVII в. топоры были еще каменные, а доспехи — костяные. Близки были к юкагирам по своей культуре и некоторые племена северных тунгусов, например, на побережье Охотского моря.

Типичную картину отцовско-родового строя представляли в первой половине XVII в. предки небольших самоедских народов — энцев и нганасан, а также селькупов, и предки современных кетов. При этом у двух первых из этих четырех народов патриархально-родовой строй имел своей хозяйственной базой сочетание оленеводства с охотой и рыболовством, а у двух последних, у которых оленеводства не было, вся хозяйственная деятельность заключалась лишь в охоте и рыболовстве. Собирания ягод и съедобных корней мы не считаем, так как оно имело совершенно подчиненное значение. Но надо отметить, что эти народы знакомы были с горячей обработкой железа, а родственные кетам по языку племена южной Сибири умели добывать железо из руды.

Ненцы, некоторые эвенкийские племена, а также ханты и манси находились на сравнительно высоких ступенях развития патриархально-родового строя и, кроме того, испытали на себе сильное влияние с стороны патриархально-феодальных обществ южной Сибири, а эвенки и якуты. Все это не мешало им, впрочем, сохранить в своей социально

организации ряд очень архаичных пережитков, например, у хантов и манси — фратриальное деление.

Наиболее отсталыми в прошлом народами северной Сибири можно считать ительменов, чукчей, коряков и азиатских эскимосов. Хозяйство этих народов было основано на охоте (считая охотой и морской зверобойный промысел) и рыболовстве. В изготовлении орудий производства еще полностью господствовала неолитическая техника. Только отдельные железные предметы проникали до прихода русских к этим народам. Часть чукчей и коряков, правда, уже к приходу русских занималась оленеводством. Но это занятие у них, как и у юкагиров, было, видимо, очень недавнего происхождения, и полное свое развитие оленеводство тех же чукчей получило лишь в XVIII в.

Г. М. Василевич и М. Г. Левин в своей работе «Типы оленеводства и их происхождение»² убедительно показывают связь чукотско-корякского оленеводства с тунгусским (эвенкийским), при возможном посредничестве юкагиров — чуванцев, самое имя которых стало обозначать чукчей и коряков оленеводов. Попытка И. С. Вдовина обосновать теорию происхождения чукотского оленеводства на месте, на Чукотке, — неубедительна³.

Социальный строй северо-восточных палеазиатов и эскимосов отличался некоторыми чертами материнско-родового строя (пережитки матриликальных поселений и группового брака, женские духи и божества, когнатный характер культа огня и т. п.) и отсутствием ряда основных признаков отцовско-родового строя. В частности, у этих народов не было деления на роды (или фратрии) и не было родовых экзогамии. Можно считать, что материнский род у чукчей, коряков, ительменов и эскимосов распался и развитие пошло в направлении к патриархально-родовым отношениям, некоторые элементы которых — патриархальная семья, многоженство, патриархальное рабство — уже были налицо у этих народов.

В целом чукчи, коряки, ительмены и эскимосы в большей или меньшей степени, но в общем уже значительно отошли от материнско-родового строя, но можно считать, что они по своему социально-экономическому и культурному развитию находились на ступени, предшествующей развитому патриархально-родовому строю.

Таким образом в северной Сибири в XVII в., ко времени прихода русских, существовали самые различные степени развития патриархально-родового строя, от чукчей, коряков, ительменов и эскимосов, у которых он еще не сложился в своих характерных формах, до якутов, у которых этот строй уже сменился раннеклассовыми отношениями.

С того времени, когда народы северной Сибири впервые встретились с русскими, и до конца XIX — начала XX в. этнографическая карта северной Сибири значительно изменилась.

Главнейшим из этих изменений является огромное расширение пространства, занятого населением, говорящим на якутском языке. Ко времени прихода к ним русских (1631 г.) якуты занимали сравнительно небольшую территорию, а именно так называемый Амгинско-Ленский район около современного города Якутска. Северной границей сплошного расселения здесь якутов была р. Алдан от ее устья до устья р. Амги. Восточной границей являлась р. Амга от устья и до места современной Амгинской слободы. На юге границей сплошного расселения якутов можно принять линию от Амгинской слободы до устья р. Синей на Лене. На западе этой границей приходится считать также условную линию, проходившую от устья р. Синей на север вдоль среднего течения р. Ситы и выходившую опять на Лену недалеко от устья Алдана. За

² «Советская этнография», 1951, № 1, стр. 82—84.

³ См. И. С. Вдовин, К истории общественного строя чукоч, «Ученые записки Ленинградского гос. ун-та», № 115, Факультет народов севера, вып. 1, 1950, стр. 79.

пределами этой территории было только два островка якутского населения: один — в верховьях Яны, другой — в низовьях Вилюя.

В 1926 г. на якутском языке говорила уже большая часть коренного населения на огромном пространстве от низовьев Енисея до Колымы и от Северного Ледовитого океана до низовьев Олекмы и среднего течения Алдана включительно. На Вилюе в пределах Якутии все население перешло на якутский язык.

Распространение якутского языка происходило двумя путями. Во-первых, из очерченного выше района центральной Якутии происходило выселение. Переселенцами были заняты низовье Лены, Вилюй, Индигирка, среднее течение Колымы, район Олекминска, бассейн Оленека частью бассейн Хатанги. Во-вторых, на якутский язык перешло население, говорившее на других языках. Так, в бассейне Вилюя на якутский язык перешли эвенки родов Сологон, Мургат (Брангат), Фугляд (Югулэт), Кантакуль (Келтяки) и др.; на Лене — эвенки Долган, Эдигэн; на Оленеке — Эдян; на Анабаре — Синигир; на Хатанге — потомки промышленных людей XVII в., затундренские крестьяне, и т. д.

Везде здесь в результате скрещивания якутского языка с другим происходило не образование какого-либо нового языка, а побеждал якутский язык.

В процессе этого распространения якутов и перехода на якутский язык ряда эвенкийских групп, на севере Якутии сложилась новая этнографическая группа якутов, а именно, якутов-оленеководов, которой не было в составе якутского народа к приходу русских. По своему происхождению эти якуты-оленеководы являются потомками занявшихся оленеводством переселенцев из центральной Якутии, частью же обьякученных эвенков, юкагиров и даже русских.

От якутов-скотоводов центральной Якутии, Вилюя, Яны и т. д. эти якуты-оленеководы отличаются, помимо занятий, целым рядом бытовых черт и особенностями диалекта. Большинство этнографических особенностей якутов-оленеководов связано с эвенкийским (тунгусским) элементом, вошедшим в состав этих северных якутов. Таково переносное жилище якутов-оленеководов, представляющее собой полную аналогию эвенкийскому чуму; такова вся техника оленеводства и охотничьего промысла; такова вся терминология, относящаяся к оленеводству, и т. д. Вместе с этим быт северных якутов-оленеководов сохраняет и ряд черт, свойственных южным якутам. Таково зимнее жилище — балаган, аналогичное балагану якутов центральной Якутии, праздничная одежда старинного якутского типа и т. д.⁴ Что касается диалекта северных якутов-оленеководов, то при всех его словарных заимствованиях из эвенкийского языка, влиянии эвенкийской фонетики, при наличии заимствований из старорусского языка и ряда архаизмов по сравнению с современным якутским языком, этот диалект все же остается якутским языком, а сами якуты-оленеководы не перестают себя считать якутами.

Сложнее обстоит дело с другим этническим новообразованием, появившимся в результате распространения на север якутского языка, а именно, с образованием народности долган, сложившейся в пределах современного Таймырского национального округа.

Долганы образовались из частей нескольких эвенкийских племен (в том числе и племени долган) и родов, перешедших на якутский язык в течение частью, быть может, XVIII, но главным образом XIX в. В их состав вошло и некоторое число упомянутых выше якутов-оленеководов, а также так называемые затундренские крестьяне, тоже ставшие кочевыми якутоязычными оленеводами, и небольшое число ассимилированных долганами самоедов энцев.

⁴ См. И. С. Гурвич, Оленекские и анабарские якуты (автореферат кандидатской диссертации), М., 1949.

Язык всего этого слившегося в одну народность конгломерата тоже якутский, с рядом отличий по сравнению с якутским языком центральной Якутии и очень сходный с диалектом якутов-оленьеводов. Быт долган представляет смесь эвенкийских, русских и якутских черт. Их национальный костюм северозэвенкийского типа. Жилищем служат русские избы и балки, а также эвенкийские чумы. В технике оленеводства, охоты, рыболовства констатируются тунгусские (эвенкийские), самоедские, русские и якутские черты.

Фольклор долган содержит и якутские олонхо, и переведенные на якутский язык русские сказки, и эвенкийские предания. Говоря между собой, долганы называют себя не только долганами, но и *саха*, т. е. якутами, язык свой называют *саха-тыла*, т. е. якутским языком, но якутами себя не считают, противопоставляя себя как особый народ и упомянутым выше якутам-оленьеводам, и, в особенности, якутам центральной Якутии.

Таким образом, в процессе распространения якутов и якутского языка по северу Сибири произошло образование не только новой этнографической группы якутского народа — якутов-оленьеводов, но и новой народности — долган. История образования этой народности, формирование ее этнографического облика и образование долганского диалекта якутского языка представляют очень благодарный материал, который позволяет детально проследить процесс образования народности на ранних ступенях развития классового общества.

Большие изменения произошли также в период с середины XVII по начало XX в. в расселении и составе народов северной Сибири, находившихся на ступени патриархально-родового строя. Произошло распространение эвенкийского языка за счет юкагирского, ненецкого — за счет хантыйского и энецкого, нганасанского — за счет эвенкийского. Сменили свой язык целые племенные и родовые группы, в результате чего изменился и этнический состав населения северной Сибири.

Мы не имеем возможности сейчас подробно останавливаться на всех этих процессах. Рассмотрим лишь случай смены языка и этнической принадлежности одним северозэвенкийским племенем.

К приходу русских в бассейне Хатанги, главным образом в районе большого озера Есей, обитало эвенкийское племя ваяндыр. В течение второй половины XVII и в начале XVIII в. это племя очень пострадало в результате столкновений с другими эвенкийскими племенами и неудачных восстаний. Наиболее активная, воинственная часть этого племени ушла с оз. Есей на север и там стала кочевать близ оз. Таймыр (летом) и по р. Боганиде (зимой), к северо-востоку от племени авамских нганасан. Миддендорф, живший у потомков этих переселившихся на север эвенков, называвшихся в его время (в 1843 г.) уже вадеевскими самоедами, характеризует их как настоящих самоедов по языку и быту, какими их потомки являются и в настоящее время.

Мы можем уточнить время перехода предков вадеевских нганасан с эвенкийского языка на нганасанский. В сохранившемся их списке 1768 г.⁵ у лиц старшего поколения еще преобладают чисто эвенкийские имена, у лиц же младшего поколения имена уже по большей части нганасанские. В списках XVII в. у них все имена были эвенкийские, а в наше время, как мы уже указали, это настоящие нганасаны, самоеды. От их эвенкийского происхождения у них самих остались лишь смутные предания. Изредка встречались у них эвенкийские имена, данные в честь какого-либо предка. В 1926 г. один старый шаман этого племени пел по эвенкийски, когда шаманил, но уже не понимал смысла произносимых им слов.

⁵ Центральный государственный архив Древних Актов (ЦГАДА), фонд 214, кн. 1648.

Так появилось новое самоедское племя вадеевских нганасан и исчезло эвенкийское племя ваяндыр.

Причиной заимствования переселившимися на Таймыр эвенками нганасанского языка и культуры можно считать их тесный контакт, в частности браки, с авамскими нганасанами и почти полная изоляция их от остальных эвенков, сохранявших свой язык, от которых их отделяла широкая полоса лесотундры, занятой затундренскими крестьянами, якутами и обьякученными эвенками — долганами, а за ней — еще полоса пустынных гольцов.

Более сложный процесс имел место в бассейне р. Турухана. К приходу русских здесь жила часть самоедов энцев. В конце XVII и начале XVIII в. селькупы, вытеснив энцев с р. Таз, проникают и в бассейн Турухана. Одновременно в бассейн Турухана с Енисея проникают кеты, вытеснившие энцев с левобережья Енисея между устьями Елогуя и Турухана. Энцы в большей части уходят с Таза и Турухана на север, в низовья Енисея.

В XIX в. в бассейне Турухана констатируется новая племенная группа селькупов, так называемые баихинские селькупы, язык которых выделяется в качестве особого говора селькупского языка. Изучение родового состава баихинских селькупов обнаруживает, что часть их родов по происхождению селькупы, другие — кеты, третьи — энцы. Таким образом селькупский язык победил здесь языки кетов и оставшейся части энцев, в результате чего образовалась новая селькупская племенная группа. Дальнейшее продвижение селькупов и кетов на север привело к вытеснению ими энцев с низовьев р. Курейки. Это произошло примерно в середине XVIII в. Здесь также образовалось смешанное кетско-селькупско-энецкое население. Но если на Турухане победил селькупский язык, то на Курейке в конце-концов победил кетский. Еще в 40-х гг. XIX в. Кастрен выделял здесь особый «карасинский» говор селькупского языка. Но в начале XX в. здесь уже господствовал кетский язык.

Поглощение иноязычных элементов отразилось на языке-победителе. По свидетельству Г. Н. Прокофьева, артикуляционная база баихинского (туруханского) говора селькупского языка приближается к артикуляционной базе кетского языка⁶.

Среди этнических групп северной Сибири, у которых не сложилось обычных форм патриархально-родового строя, отмечается распространение с XVII—XVIII вв. на большой территории чукотского народа и чукотского языка. Даже первоначальное распространение этнографической группы оседлых приморских чукчей — охотников на морского зверя по побережьям Чукотского и Берингова морей сопровождалось поглощением чукчами эскимосского населения. Об этом процессе упоминал уже Богораз, а в последнее время об этом же писал подробно И. С. Вдовин. Он приводит 15 названий чукотских поселков несомненно эскимосского происхождения⁷. Этот же автор сообщает: «В материальной культуре и языке приморских чукок очень много элементов, заимствованных от эскимосов и связанных главным образом с приморским охотничьим бытом, например, ряд названий морских животных, орудий промысла и т. п. Эскимосское влияние сказывалось и на религиозных представлениях приморских чукок. Обрядовая сторона праздников, связанных с китом, моржом, почти полностью совпадает с такими же праздниками у эскимосов, что получило соответствующее отражение и в языке, например, религиозная пляска — пугуран (эскимосское пугуракук) и т. д.»⁸.

⁶ Г. Н. Прокофьев, Селькупская грамматика, Л., 1935, стр. 9

⁷ И. С. Вдовин, Расселение народностей северо-восточной Азии во второй половине XVII и начале XVIII в., «Известия Всесоюзного географического общества», т. 76, вып. 5, 1944, стр. 256.

⁸ Там же, стр. 262; см. того же автора: «К истории общественного строя чукок» (цит. выше), стр. 77.

Можно предполагать, что само образование приморских чукчей, как особой этнографической группы чукотского народа, происходило на эскимосской основе, в результате вытеснения эскимосского языка чукотским.

Это поглощение предками чукчей эскимосов и образование этнографической группы приморских береговых чукчей происходило, видимо, до прихода русских. Наоборот, другой процесс — распространение оленных чукчей — происходил уже в историческое время на глазах русских в XVIII—XIX вв.

К приходу русских на Анадырь (1648 г.) и в ближайшие последующие десятилетия, вплоть до начала XVIII в., граница сплошного расселения чукчей (т. е. не считая небольшой их группы к западу от Колымы в районе р. Бол. Чукочей) проходила примерно от мыса Шелагского у Чаунской губы и далее на восток по водоразделу между бассейном Анадыря и бассейнами рек, впадающих в Чукотское море. Заканчивалась она у залива Креста на Беринговом море. Здесь, к югу от залива Креста находилась ярмарка, на которую сходились чукчи и юкагиры. Богораз, а также И. С. Вдовин указывают более широкие пределы первоначального расселения чукчей, включая в их территорию все левобережье Анадыря и его устье. Но И. С. Вдовин сам указывает, что «левые притоки Анадыря, как Белая, Еропол и др., были заселены юкагирами»⁹.

Как известно, к началу XX в. чукчи уже занимали всю территорию, которая вошла в пределы современного Чукотского национального округа, и кое-где даже выходили за ее пределы. Территория же Чукотского национального округа охватывает целиком весь бассейн Анадыря и подходит к Колыме. Таким образом территория, занятая оленными чукчами, увеличилась с начала XVIII в., т. е. за 200 лет, в несколько раз. В процессе своего распространения оленные чукчи вытеснили, частью истребили, частью поглотили юкагирские племена чуванцев и ходынцев, кроме той части этих юкагиров, которая слилась с русскими. Уже во второй половине XIX века значительное число чуванцев усвоило чукотский язык и кочевало среди чукчей и коряков, ничем не отличаясь от них.

Мы видим, что отличия процессов распространения языков сибирских народов, стоявших на разных ступенях исторического развития, заключаются не в сущности этих процессов, а в том, на какие этнические группы этот процесс распространялся и какие этнические группы он образовывал. Так, в связи с распространением якутского языка мы видим появление новой этнографической группы якутской народности — якутов-оленоводов и появление новой народности — долган. Распространение языков в условиях патриархально-родового строя происходило путем включения отдельных групп, носителей побежденного языка, в племя победителей в качестве отдельных родов или фратрий или путем ассимиляции целых племен, которые таким образом меняли свою языковую и этническую принадлежность, а вместе с тем обычно и свою материальную и духовную культуру.

Нам осталось лишь сказать несколько слов о некоторых частностях процесса поглощения одних народов другими на ранних ступенях развития человеческого общества. Большое значение, повидимому, имела различная численность и плотность населения, обусловленная различным характером и уровнем развития производительных сил. Например, на территории Амгинско-Ленского района, на которой могло просуществовать племя эвенков охотников-оленоводов численностью не более

⁹ И. С. Вдовин, Расселение народностей северо-восточной Азии..., стр. 251. И. С. Вдовин не совсем точно изображает и этнические взаимоотношения на Анадыре в XVII и начале XVIII в. Не русские и юкагиры теснили там чукчей, а чукчи, захватывая у юкагиров «плави» диких оленей через Анадырь, теснили и в конце концов вытеснили юкагиров.

тысячи человек, якутов-скотоводов ко времени прихода русских в середине XVII в. жило не менее 25 тысяч. На среднем течении Вилюя к приходу русских обитало полторы-две тысячи эвенков-оленьеводов, охотников и рыболовов. В середине XIX в. здесь жило уже 50 тысяч якутов, которые не только освоили имевшиеся здесь пятна лесостепи, но и создали для своего скота новые луговые пространства, спуская воду из многочисленных в этом районе озер. Если у скотоводов лесостепи — якутов в XVII в. один человек приходился на 3—4 км² территории, то у охотников-оленьеводов тундры и лесотундры — нганасан и юкагиров один человек приходился на 300—400 км². Такова была разница в плотности населения у различных групп населения северной Сибири.

В условиях северной Сибири при совместном проживании на одной территории большая численность, конечно, являлась одной из предпосылок распространения языков одних народов за счет языков других народов. В частности, как мы уже указали, упомянутые выше вилюйские эвенки все перешли на язык своих более многочисленных соседей якутов.

Как правило, на севере Сибири язык более передового и многочисленного на данной территории народа вытеснял язык менее численного и отсталого народа. Но имели место и такие случаи, когда отсталый народ, заимствовав у более передового какие-либо новшества, поднимал их на более высокую ступень развития, увеличивал тем самым свои производительные силы, увеличивался в численности и начинал поглощать тот народ, от которого он эти новшества заимствовал. Так было в истории взаимоотношений чукчей и юкагиров. Предки чукчей, видимо стали оленеводами позже, чем юкагиры-чуванцы. Но, став оленеводами, может быть, заимствовав оленеводство от тех же чуванцев, как предполагают Г. М. Василевич и М. Г. Левин, чукчи так развили оленеводство и сами настолько увеличились в численности, что сперва оттеснили, а затем и поглотили чуванцев, язык которых в конце концов заменился чукотским.

Предки авамских нганасан — тавги были, по их преданиям, мало-оленьими охотниками и, судя по топонимике, говорили на диалекте эвенкийского языка. От своих соседей — самоедских (энецких) родовых групп они заимствовали самоедские способы ведения тундрового оленеводческого хозяйства, ряд элементов самоедской материальной культуры (типы санок, жилища, одежды и т. д.) и, наконец, были ассимилированы и в языковом отношении. В течение XVII—XVIII вв. эти тавги, предки нганасан, очень развили свое оленеводство, увеличились в численности и частью оттеснили, а частью поглотили некоторые энецкие родовые группы. В результате образовалось племя авамских нганасан, в котором можно было различать собственно тавгийские по происхождению роды и слившихся с ними самоедов энцев.

Распространение отдельных языковых семей в Сибири, видимо, в некоторой степени также отражает пути продвижения языков, а с ними и некоторых элементов культуры носителей этих языков и таким образом указывает на пути распространения некоторых основных сдвигов в области производства. Так, распространение самоедских языков в XVII в. в Сибири указывает, видимо, путь распространения оленеводства с Саян в тундры северо-западной Сибири. Распространение в южной Сибири ко времени прихода русских в XVII в. кетских языков, а также кетской топонимике примерно соответствует району древнего железнорудного промысла в юго-западной части средней Сибири. Распространение тунгусского (т. е. эвенкийского с эвенским) языка было, очевидно, связано с распространением железа и верхового оленеводства восточного типа на севере восточной Сибири и т. д. Такие и другие, подобные им факты должны быть учтены при разработке вопросов происхождения народов.

Ближайшими задачами этногенетических исследований в Сибири надо считать установление очагов первоначального формирования этнических общностей, путей, времени, а также причин их распространения. Опираясь на гениальные труды И. В. Сталина по языкознанию, используя все виды исторических источников — письменных, этнографических, археологических, лингвистических, а также данные антропологии, советские исследователи, несомненно, выполнят эти задачи.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

В. Н. БЕЛИЦЕР *

• О ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕПЕЧОРСКИХ И НИЖНЕПЕЧОРСКИХ КОМИ

Этнографическая экспедиция в Коми АССР, организованная Институтом этнографии АН СССР в 1950 г., продолжала работы, начатые в 1945—1946 гг.¹ В 1950 г. для изучения были взяты северные районы республики, расположенные в бассейнах рек Печоры, Усы и Ижмы: Троицко-Печорский, Кожвинский, Усинский и Ижемский². Одной из ведущих в работах экспедиции была тема «Формирование культуры народа коми по данным этнографии». Собранный материал позволяет коротко осветить основные черты культуры печорских коми и сделать некоторые предварительные выводы.

Население обследованных экспедицией районов в настоящее время отчетливо делится на две группы: верхнепечорских коми и нижнепечорских коми-ижмцев. Эти группы населения различны по своему происхождению, имеют своеобразные особенности в культуре и говорят на двух различных диалектах коми языка. Поселения верхнепечорских коми сосредоточены в Троицко-Печорском и южной половине Кожвинского района. От Троицко-Печорска (районного центра) вверх по Печоре коми живут вплоть до дер. Мамыль (где население смешанное), а далее вверх идут исключительно русские поселки: Якша, Курья, Усть-Унья и др. Вниз по Печоре поселения верхнепечорских коми спускаются вплоть до дер. Медвежская.

В дореволюционное время верхнепечорские коми были известны под именем «зырян». Жители Троицко-Печорска, называвшегося раньше Мылдин (дін на языке коми — около; село стоит при впадении р. Северной Мылвы в Печору), и окружающих деревень часто называли себя также «мылдинцами».

Верхнепечорское население говорит на диалекте «л» языка коми, одним из признаков которого является при чередовании согласных *л* и *в* сохранение звука *л* в конце и в середине слова перед другим согласным звуком. Примерами «л»-диалекта могут служить слова: «в*о*л — лошадь.

* Доклад, прочитанный на Этнографическом совещании в январе 1951 г.

¹ См. отчеты о работе экспедиции в Коми АССР в 1945 и 1946 гг., «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. II и III, 1947.

² В экспедиции принимали участие: старший научный сотрудник Института этнографии В. Н. Белицер (руководитель), В. В. Бокин (художник), Л. Н. Рубинштейн (младший научный сотрудник), Л. Н. Жеребцов (аспирант Коми филиала АН СССР). Экспедиция работала с 20 июля по 5 октября 1950 г.

ныл — девушка, олны — жить, сѡлтны — нагрузить и т. д. Диалект «л», кроме селений по Верхней Печоре, распространен в основном к югу от р. Вычегды по рекам Сыsole, Летке и в Прилузье (исключая Объячский и Читаевский сельсоветы), а также в некоторых селениях по Верхней Вычегде (как, например, Керчомья, Пожег) и далее к югу по границе с Молотовской областью (селения Воч, Канава и др.).

Нижнепечорские коми известны под названием коми-ижемцы³. Само название этой группы «изьва-тас». Коми-ижемцы в основной массе живут на территории Ижемского, Ухтинского, Усинского и большей части Кожвинского районов. По Печоре селения ижемцев поднимаются несколько выше дер. Кожвы, вплоть до дер. Бызовой, расположенной в 15 км от дер. Медвежьской, заселенной уже верхнепечорцами. Коми-ижемцы говорят на северном диалекте, который распространен по верхнему течению р. Выми и частично по Мезени. Одним из признаков северного диалекта является удлинение в слове конечного гласного, предшествующего согласному звуку *л* в южных диалектах (например, *воо* вместо *во́л* и *ныы* вместо *ны́л*).

Между верхнепечорскими и нижнепечорскими коми имеются антропологические различия, которые сохраняются вплоть до наших дней. Согласно данным, которые приводит Н. Н. Чебоксаров в своей работе «Этногенез коми по данным антропологии»⁴, верхнепечорцы антропологически близки к верхневыхогдцам и представляют собой сложный конгломерат различных типов, среди которых основную роль играют сублапоноидные и восточнобалтийские элементы, проникшие на Печору главным образом с Сысолы. С другой стороны, среди коми-ижемцев преобладают представители беломорского варианта северного расового типа, распространившегося на Нижней Печоре в связи с удорской и новгородской колонизацией.

История формирования той и другой группы коми протекала различно. Первые селения на Верхней Печоре появляются во второй половине XVII в. Переписная книга 1678 г. уже отмечает починок Кузьминский с 5 дворами на р. Печоре при устье реки Мылвы. В начале XVIII в. (1710 г.) по Верхней Печоре было зарегистрировано 14 дворов и 46 человек населения обоего пола, а через 77 лет, при генеральном межевании дач в 1787 г., в регистрацию попало 153 двора с населением в 1047 человек. Такое увеличение населения не может быть объяснено только естественным приростом; повидимому, шел интенсивный приток населения из других районов, а возможно, что многие жители уклонились от первой регистрации. Районы Верхней Печоры заселялись в основном старообрядцами, которые, спасаясь от строгих наказов царского правительства, бежали в глухие печорские леса и основывали здесь скиты и починки. Вплоть до настоящего времени жители верхнепечорских селений придерживаются старообрядчества, в особенности по рекам Илычу, Шугору и Подчерью.

Из кого же состояло основное ядро первых переселенцев? Сопоставление наиболее распространенных в Троицко-Печорском районе фамилий со старыми переписями и фамильными списками других районов республики показало, что только в Сысольском районе обнаружены такие фамилии, как Пыстины, Шахтаровы и некоторые другие, которые до настоящего времени встречаются в Троицко-Печорском районе. Общий диалект в этих районах подтверждает возможность частичного перехода населения с Сысолы на Печору. Кроме переселенцев с Сысолы, в состав населения Верхней Печоры вошли переселенцы и из других районов, в частности с Верхней Вычегды. Тесные экономические и культурные свя-

³ Термин «ижемцы» произошел, вероятно, от названия р. Ижмы и употребляется до настоящего времени.

⁴ Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми по данным антропологии, «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 71.

зи между Верхней Вычегдой и Верхней Печорой сложились издавна и существуют вплоть до настоящего времени. Торговый путь на Вычегду из Троицко-Печорска шел по северной и южной Мылве, истоки которых почти соприкасаются (расстояние между ними 4 км). Не случайно и то, что по переписи 1707 г. поселения коми на Верхней Печоре были отнесены к погосту Пожег на Вычегде, который «стал вновь» на месте починок под тем же наименованием, упоминаемого еще в книге 1678 г.

Причины переселения на Печору были весьма различны. Так, например, 50-летний колхозник И. Н. Попов рассказывал, как его прадед переселился в Троицко-Печорск с Вычегды: «он был затребован сюда как грамотный человек — писарь, построился, приобрел землю, женился». За его специальность он сам и все его поколение получили прозвище «пищик», которое сохраняется за И. Н. Поповым вплоть до настоящего времени. Этот пример является только частным случаем, но были и другие причины переселения на Печору, — привлекали хорошие рыболовные и охотничьи угодья. Среди населения Троицко-Печорского района существует много рассказов о русских старообрядцах, бежавших на Печору из соседних районов — Чердыни и Ныроба. Часть их постепенно сливалась с местным населением коми, восприняла их язык и культуру. В настоящее время, с развитием промышленности и разработки лесных богатств края, население Троицко-Печорского района быстро растет, главным образом за счет русских, приезжающих из самых различных районов Советского Союза.

Этнографические материалы, собранные в Троицко-Печорском районе, очень разнообразны. Они помогают вскрыть процесс формирования верхнепечорских коми и характерные особенности их культуры.

Местный, наиболее древний культурный пласт, общий для всех групп коми, прослеживается полнее на Верхней Печоре в охотничье-рыболовном хозяйстве, а также во временных постройках и промысловом костюме, связанных с этим типом хозяйства. Охота на пушного зверя до наших дней сохраняет свое значение в хозяйстве верхнепечорских коми. Охотник имеет собаку из породы лаек и специальное снаряжение. Легкие длинные санки «нарт» на двух тонких полозьях с высокими копыльями и прикрепленной к ним лямкой из веревки везет сам охотник, иногда ему помогает и собака; отправляясь на промысел, охотник нагружает сани продуктами питания, а возвращаясь с промысла, — мехом и дичью. Охотник имеет лыжи: одни широкие без изгиба и недлинные «лямпа» для ходьбы по сухому снегу, вторые — «лызь» такого же размера, но подбитые оленьим мехом, что облегчает охотнику подъем на гору и дает возможность быстро идти по мокрому снегу.

У каждого охотника имеется «кой бeдь» — особое деревянное копье, на одном конце которого насажен кованый из железа наконечник, а другой конец представляет собой небольшую деревянную лопатку. Кой бeдь употребляют при запорашивании следа снегом на тропе, при постановке капкана, при ходьбе на лыжах, а иногда кой бeдь выполняет роль сошки при стрельбе.

Все эти предметы охотничьего снаряжения чрезвычайно характерны для народа коми.

Специфические, наиболее древние черты национальной одежды сохраняются в охотничьем костюме. Идя на промысел, охотник Троицко-Печорского района надевает специальный костюм: поверх рубашки и штанов — верхнюю одежду «дукос» длиной до колен из серого или белого сукна, суконную шапку такого же цвета, сшитую из пяти клиньев с лопастью, спадающей сзади на шею; обязательной принадлежностью охотничьего костюма является «лаз» или «лузан» — безрукавка из полосатого дмотканного сукна с капюшоном и спадающими на рукава наплечниками. «Лаз» плотно облегал спину и грудь, закрепляясь сбоку на пряжке. Сзади к лазу прикрепляется кожаная петля для топо-

ра. На внутренней стороне лаза устроены карманы, в которые охотник складывает беличьи шкурки, спички и кисет с табаком. Лаз верхнепечорских коми по своему материалу и покрою аналогичен лазу нижнепечорских и удорских коми и несколько отличается от лаза сысольских

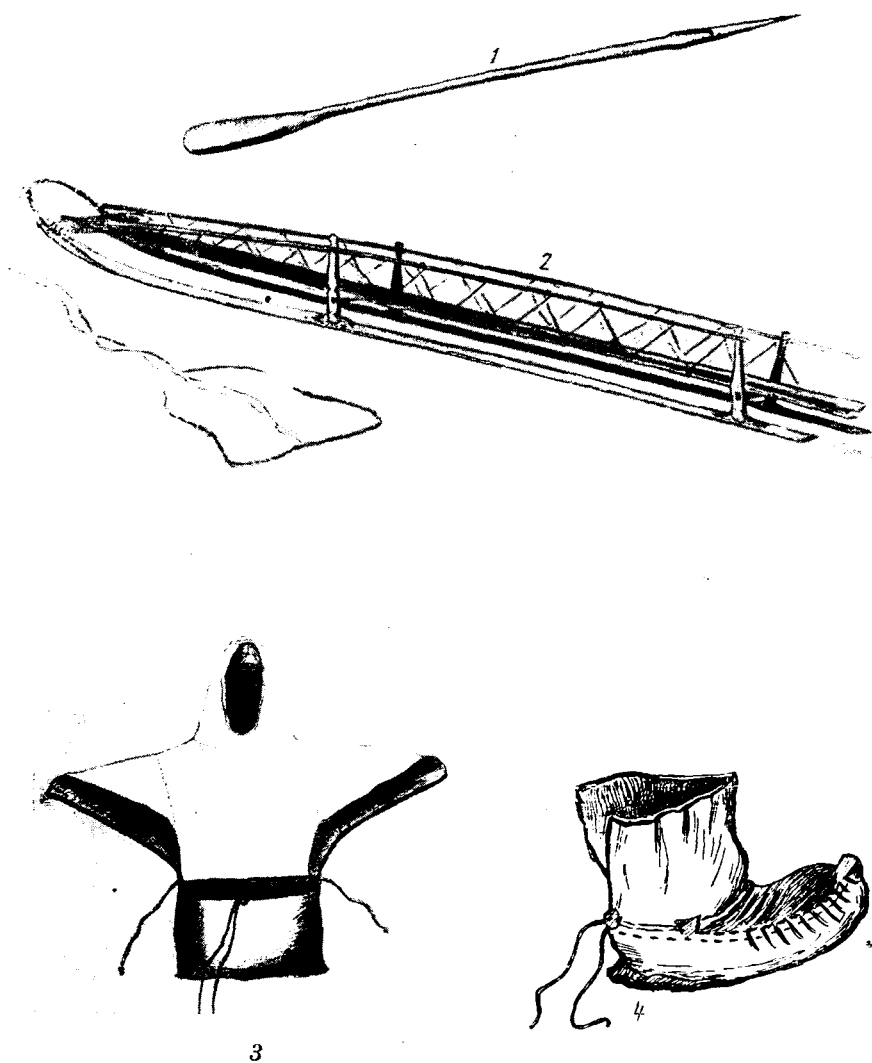

Рис. 1. Предметы охотничьего снаряжения (д. Подчерье, Троицко-Печорский район): 1 — *кой бедь*, деревянное копье с железным наконечником; 2 — *нарт*, сани для перевозки пушнины; 3 — *лаз*, распорщенная охотничья одежда; 4 — *кõм*, зимняя охотничья обувь

и вычегодских коми, где его шьют из холста, без капюшона, с нашивками из кожи на плечах.

Ноги охотник обувает в «бродни» — кожаные сапоги без каблука, с мягкой подошвой, а зимой — в «кõм», самодельную старинную обувь, еще бытующую в Троицко-Печорском и других охотничьих районах республики. Кõм шьют из сыромятной кожи, пропитывая ее смоляной водой, чтобы она не пропускала сырости. Головка имеет загнутый кверху носок с петлей на конце (чтобы удобно было сушить на палке перед огнем), а подошва состоит из нескольких слоев кожи. К кожаной головке пришивают суконное голенище.

Из других элементов культуры верхнепечорских коми, типичных для всех коми, интересно остановиться на постройках, связанных с охотничьим бытом. Лесная охотничья избушка «вөр керка», в которой ночует охотник, находясь на промысле, представляет собой 3×4 -метровый сруб, проконопаченный мхом, с двускатной крышей из колотого теса или жердей, с одним или двумя небольшими окошками (которые служат одновременно и отверстием для выхода дыма) и деревянным полом. Постель устраивается на нарах, куда кладутся сено и сухой лист. Напротив входа складывается печь-каменка, которая отапливает помещение и служит

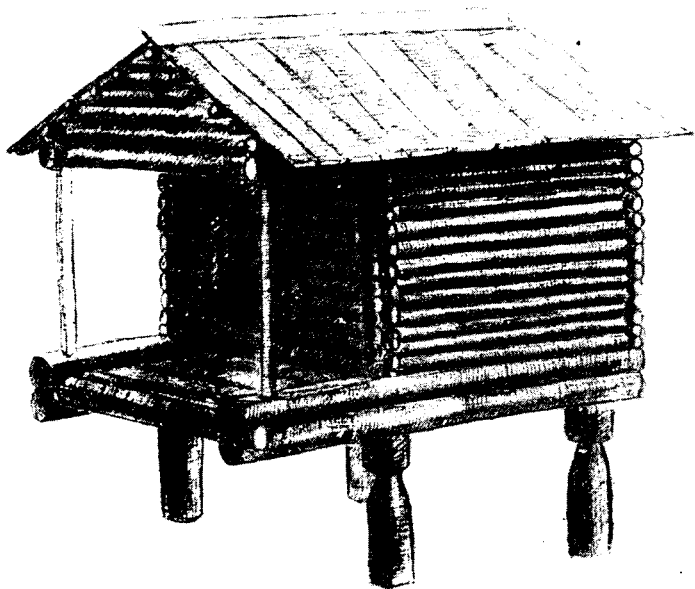

Рис. 2. *Житница* — амбар на сваях для хранения зерна и различных продуктов (д. Абар, Троицко-Печорский район)

для приготовления пищи. Вөр-керка очень близко напоминает современную «черную» крестьянскую баню коми, где имеется та же печь-каменка, полки для мытья и маленькое окно.

К этой же группе временных построек следует отнести амбар-кладовую (кум, шамья), поставленную в лесу для хранения пушнины и дичи. Шамья представляет собой небольшой сруб под односкатной крышей, приподнятый над землей метра на два, поддерживаемый столбом с крестовиной из толстых досок, а иногда и четырьмя столбами, поставленными под углы сруба. Аналогичный тип амбара на столбах под названием «житница» широко распространен и в деревнях Троицко-Печорского района (Подчерье, Абар, Заречье и др.). Он служит для хранения зерна, муки и других продуктов. К этой же группе построек, связанных с охотничье-таежной культурой, можно отнести и другие временные постройки, как, например, «чом» под односкатной крышей, закрытый с трех сторон бревнами или жердями и напоминающий шалаш или заслон от дождя и ветра. Его ставят на сенокосе, на рыбном промысле и на охоте в лесу.

Анализ других элементов материальной культуры верхнепечорских коми позволяет связать их культуру с земледельческим хозяйством и культурой соседних верхневьчегодских коми. Сельскохозяйственные орудия на Печоре были те же, что и на Вычегде: двухлемешная деревянная соха «гөр», борона с деревянными зубьями «пиня», серп для

житва «чарла», цеп для молотбы «вартан» и коса-горбуша для сенокосения.

Постройки Троицко-Печорского района очень близки к постройкам на Верхней Вычегде (Устькуломский и Помоздинский районы). Наиболее характерным для района Верхней Печоры является тип застройки, который мы условно будем называть «слитная двурядная связь». В этом типе застройки две избы на высокой подклети, совершенно одинаковые по размеру и внутреннему устройству, разделенные сенями, расположены под одним скатом крыши. Под другим скатом находится двухэтажная хозяйственная постройка — «поветь» с хлебом «карта» в нижнем этаже, которая примыкает к жилому помещению. В нее

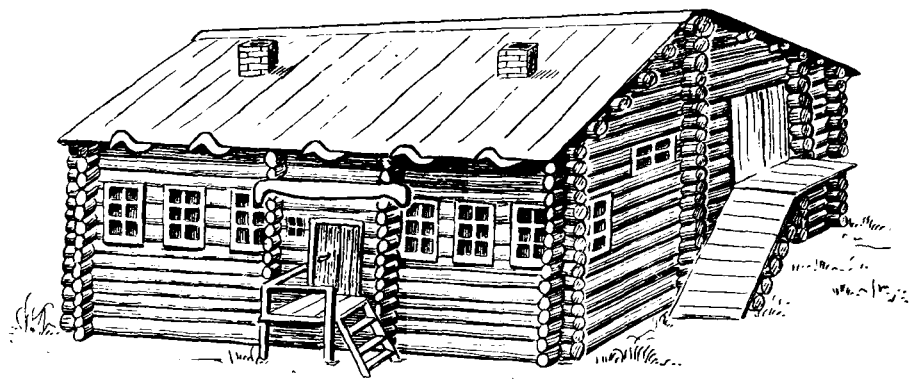

Рис. 3. Распространенный тип дома с маленьким окном в стене за печью и двухэтажным двором со взвозом (Троицко-Печорский район)

ведет один вход из сеней, а на противоположной стороне, в верхнем этаже, устроены ворота с бревенчатым настилом «взвозом». В нижний этаж ведет небольшая наружная дверь, второй вход имеется из сеней. Верхний этаж этой постройки — «поветь» служит сараем. Здесь хранят сено и различные хозяйственные вещи: ткацкий стан, рыболовные принадлежности, ступу, ручную мельницу и т. д. В нижнем этаже под сараем находится «карта» — помещение для скота и стойла для лошадей. В одном из углов двора стоит сруб «гид» для овец, в который при морозах и во время отела загоняют также коров. С наружной стороны к двору примыкает односкатная бревенчатая постройка «загун» или «загон». В «загуне» хранят сани, дровни и сельскохозяйственные орудия. Часто скаты крыши над домом и двором расходятся, и тогда можно наблюдать две совершенно отдельные постройки под односкатными крышами, скрепленные деревянными скрепами «замками», а сверху два ската покрыты одним выдолбленным бревном «князь кер» — охлупенем.

В своей внутренней планировке верхнепечорский дом сохраняет старинные черты жилища коми. Аналогичный план мы встречаем в южно-великорусской избе⁵, но у верхнепечорских коми он имеет своеобразные особенности в устройстве и расположении гоббч выл (высокой пристройки около печи), окна за печью и подполья.

При входе в избу направо или налево от входа расположен «красный угол» и стоит стол. В противоположном по диагонали углу поставлена печь, повернутая устьем к входу. К печи примыкает «гоббч выл» — деревянная пристройка высотой немного ниже печи; в ней имеется дверь, а за дверью — лестница, ведущая в подполье «гоббч». В стене за печью прорубается маленькое окошко «патчер ошинь»,

⁵ См. Н. И. Лебедева, К методике полевой работы по постройкам. Крестьянские постройки, М., 1929, стр. 21.

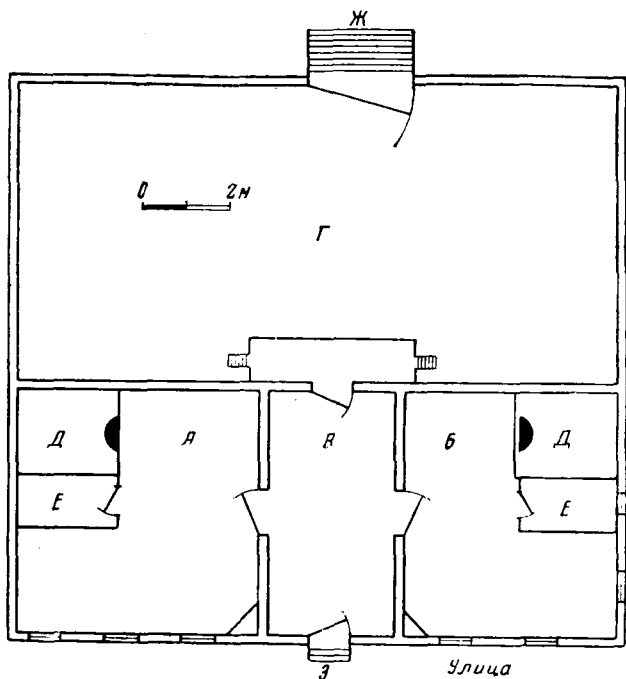

Рис. 4. План дома и двора (Троицко-Печорский район): А, Б — керка, изба; В — посводз, сени; Г — картá, хлев; Д — пач, печь; Е — гóббч выл — деревянный настил над входом в подполье; Ж — сарайнос, взвоз; З — крыльце, крыльцо

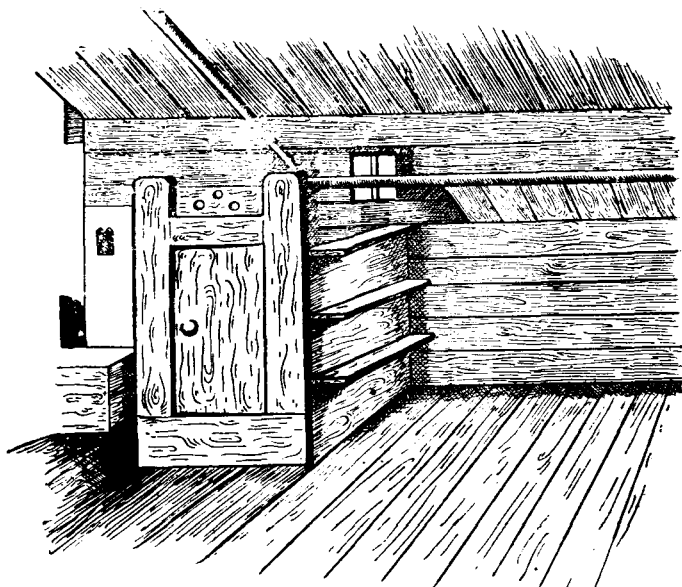

Рис. 5. Дом верхнепечорских коми. Вид на гóббч выл и вход в подполье (Троицко-Печорский район)

освещающее «гёбёч выл» и печь. Так как расстояние от потолка до печи достаточно велико и позволяет свободно сидеть, то на печи и гёбёч женщины занимаются пошивкой одежды, прядением, дети учат уроки. Рядом с печью и гёбёч выл располагаются полати. Печь кирпичная. Глинобитная печь встречается в настоящее время значительно реже. Топка производится «по-белому». «Черные» избы исчезли у верхнепечорских коми в начале XX в. В более новых домах мы встречаем средневеликорусский план. Печь переносится в один из углов около двери, устье ее обращено к окнам. Гёбёч выл в более новых домах чаще бывает открытый и представляет собой настил из досок, поддерживаемый столбами. Люк, ведущий в подполье, устраивается в полу

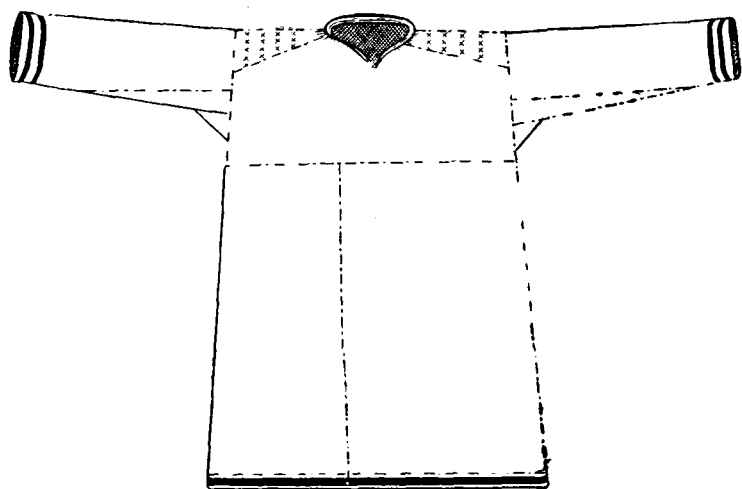

Рис. 6. Женская рубаша с прямыми плечевыми вставками — поликами (верхнепечорские коми)

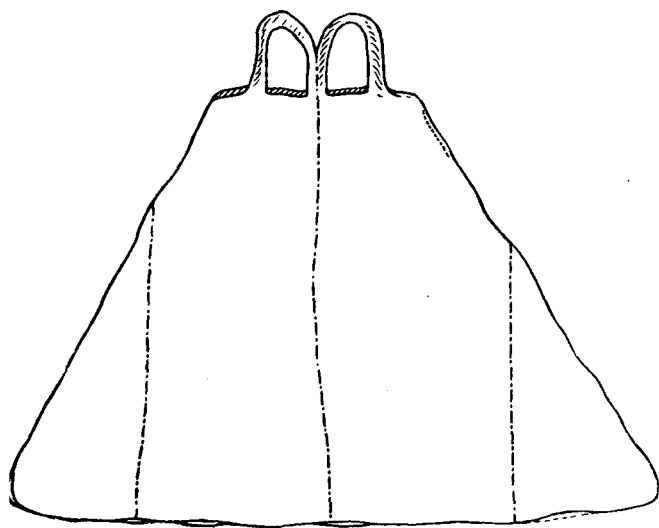
рядом с печью. Маленькое окно за печью исчезает. «Красный угол» и стол переносятся в угол, расположенный наискось от печи, против двери. Место перед печью отделяется перегородкой или занавеской. Подобная планировка избы широко распространена в деревнях Усть-Куломского и Помоздинского районов, а также среди русского населения Вологодской области.

Однако и при средневеликорусском внутреннем плане жилища у верхнепечорцев продолжает сохраняться слитная двурядная связь с однокатным покрытием дома, весьма характерная для коми.

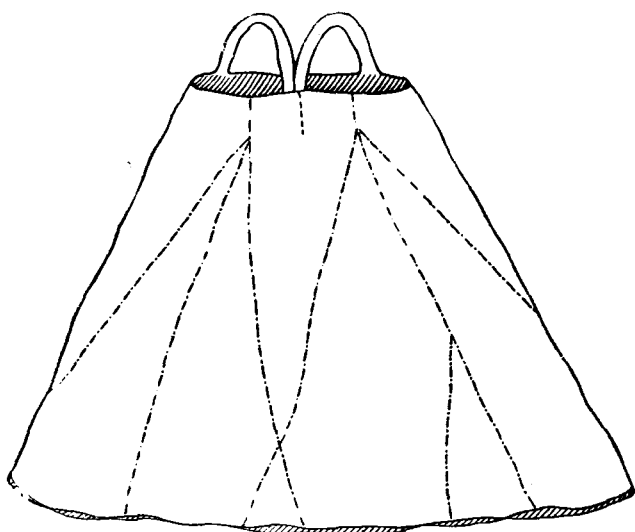
Старинная народная одежда у верхнепечорцев в настоящее время почти не сохранилась; все же удалось восстановить комплекс старинного женского костюма. Он был очень близок к верхневычегодскому и состоял из косоклинного сарафана — сушуна и белой рубашки с широкими рукавами и прямыми плечевыми вставками — поликами. На голове женщины носили «сборники» (головные уборы в форме чепца с твердым верхом) и шелковые платки, девушки — головные повязки — «ленты». Холст на Печоре ткали очень мало, а привозили с Вычегды, из Помоздина.

Культурная близость населения Верхней Вычегды и Верхней Печоры подтверждается распространением одних и тех же музыкальных инструментов, какими являются многостольная «флейта пана», известная у коми под названием «пöлян», и самодельная скрипка «си гудок»⁶.

⁶ Подробнее см. В. Н. Белицер, Отчет о работе комплексной экспедиции в Коми АССР, «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», III, 1947, стр. 11.

а

б

Рис. 7. Косоклиный сарафан: а — вид спереди; б — вид сзади (верхнепечорские коми)

Из пережитков, характеризующих общественные отношения верхнепечорских коми в прошлом, можно отметить патронимию⁷. Между членами уже распавшейся в настоящее время большой семьи, известной в верхней Печоре под терминами «котыр», «став», продолжают сохраняться родственные связи. Члены одного става, имевшие в прошлом общие лесные расчистки, в некоторых местах до настоящего времени пользуются общими охотничьими угодьями, не вступают между собой в брак, осуществляют взаимопомощь и считаются родственниками.

Иначе шел процесс формирования нижнепечорской группы коми. Имеющиеся данные говорят о том, что ее формирование происходило

⁷ См. М. О. Косвен. Семейная община. «Советская этнография», 1948, № 3.

конце XVI в. в бассейне Ижмы. Село Ижма было основано в 60-х гг. XVI в. и заселено, как предполагают некоторые исследователи Севера, выходцами с Удоры, Выми (о чем говорит наличие общего диалекта) и русскими поморами⁸. Вскоре затем и на левом берегу Ижмы возникают такие крупные села, как Сизябск, Мокча, Бакур.

Кто же были действительно первые поселенцы этих мест? Местные предания говорят об охотниках и рыбаках, которые пришли сюда с истоков Ижмы. С. В. Максимов⁹, собиравший материалы на Ижме в конце прошлого столетия, указывает, что население на Ижме сложилось из переселенцев с Мезени, из дер. Глоново, и русских выходцев из Усть-Цильмы.

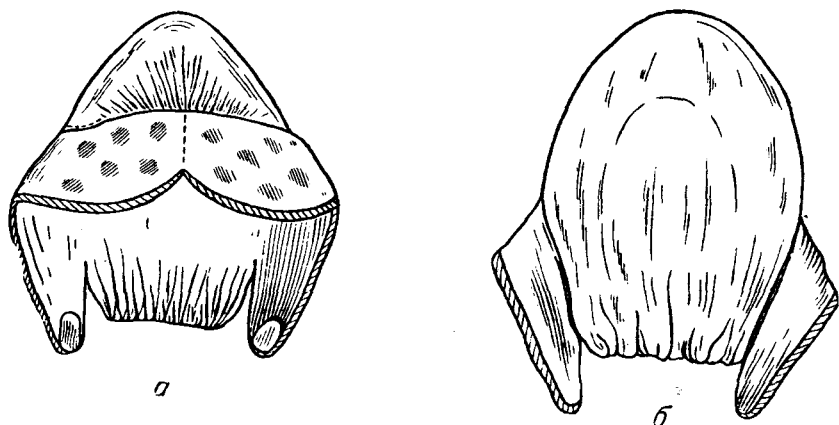

Рис. 8. Сборник — праздничный головной убор замужней женщины: а — вид спереди; б — вид сзади (Троицко-Печорский район)

Колонизационная волна ижемцев быстро распространилась из бассейна Ижмы вверх по Печоре и Усе. Наряду со старыми населенными пунктами в Усинском и Кожвинском районах имеются и еще совсем новые поселения, как село Мутный материк на Печоре, село Петрунь на Усе и некоторые другие. История села Мутный материк свежа в памяти населения. Оно было основано переселенцами из Ижмы в 70-х гг. прошлого столетия. Первый житель Сим-Андрей (Андрей Семенович), 70-летний старик, пришел в эти места промышлять зверя и ловить рыбу, а потом обосновался здесь. Он прожил в Мутном только 10 лет. Сейчас жив его внук.

В культуре ижемцев можно проследить три пласта: первый — местный, который мы условно называем охотничье-таежным, второй — земледельческий, тесно связанный с русской земледельческой культурой европейского Севера, и третий пласт, более поздний, связанный у ижемцев с развитием оленеводства и культурой ненцев.

Местный, наиболее древний пласт, общий для всех групп коми, является в ижемской культуре значительно слабее, чем у верхнепечорских коми. На Ижме немногие охотники имеют лесные охотничьи избушки и сохраняют до настоящего времени старинный охотничий инвентарь. Женщины, в противоположность верхнепечорским, здесь не знали производства глиняной посуды без гончарного круга; уже давно прочно вошла в быт четырехколесная телега и т. д. Здесь значительно сильнее ощущаются связи с русской культурой в земледельческих орудиях, жилище и costume.

⁸ А. П. Энгельгардт, Русский Север, СПб., 1897, стр. 225.

⁹ С. В. Максимов, Год на Севере, М., 1890, стр. 506.

Остановимся коротко на характерных особенностях культуры ижемцев.

В дореволюционное время ижемцы занимались в небольших размерах земледелием: сеяли ячмень, иногда рожь. В качестве орудия для молотбы пользовались «кичигой» — деревянной колотушкой своеобразной формы. Аналогичное орудие молотбы под тем же названием известно удорским коми и русскому населению на средней и нижней Печоре. Встречается кичига и у русских Архангельской области.

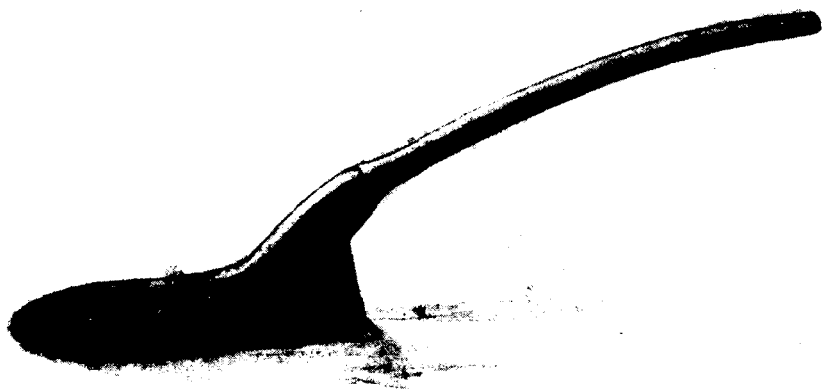

Рис. 9. *Кичига* — старинное орудие для молотбы, в настоящее время вышедшее из употребления (с. Сизябск, Ижемский район)

Такое распространение кичиги не случайно, оно указывает на связь ижемского земледелия не с Вычегодой и Верхней Печорой, где была распространена молотба цепами, а с Мезенью (Удорский район) и русскими поморами Архангельской области, позволяя заключить, что именно оттуда шел колонизационный поток на Ижму. Подтверждением этому служат и другие элементы материальной культуры коми-ижемцев.

На связь с северо-западом указывает также бытующий у ижемцев тип овина-риги (рыныш), который представляет собой срубную высокую постройку с печью, сложенной в одном из углов сруба и топимой «по-черному». Сушка снопов происходит в том же помещении на колосниках, приподнятых на 2,5 м от пола.

Связь с русской культурой, в частности с русскими поморами, наиболее ярко выявляется в типе ижемского дома, его планировке и характере всей застройки. В то время как на Верхней Печоре распространен одноэтажный дом под односкатной крышей с пристроенным к нему сбоку двором (слитная двурядная связь), на Ижме и Нижней Печоре преобладает двухэтажный дом, к которому сзади под той же крышей пристроен двухэтажный двор (однорядная связь). Постройки ижемцев очень близки к постройкам русского населения Усть-Цильмы. Внутренняя планировка ижемского дома также напоминает северовеликорусское жилище. Дом ижемцев стоит фасадом на улицу, вход сбоку. В нижнем этаже устраивается кухня. Печь находится налево или направо от входа и обращена устьем к окнам. Передний угол располагается по диагонали от печи, а стол часто ставится или в переднем углу

или против печи, что также наблюдается у русских Архангельской области и у карел. Полатей и деревянной пристройки около печи над го́ббчем не устраивают. В верхнем этаже находится горница, обставляемая «по-городски», там стоит богато убранная, под цветным пологом, кровать хозяев, диван «конапель» работы местного мастера, зеркало в деревянной резной раме, стеклянная горка с посудой и стол, накрытый вязаной скатертью, с самоваром.

Культурная общность с северными русскими четко выявляется и в комплексе женской ижемской одежды. Праздничный костюм ижемки шьют из цветного шелка или яркой шерстяной ткани; он состоит из короткой рубашки «сос», с широкими рукавами и прямоугольными вставками — поликами, «ластavec» на плечах, круглого прямого, сшитого в складку сарафана на пришивных лямках, головного убора в виде мягкого чепца (кокошника), который замужние ижемки надевают непосредственно на голову и покрывают в праздники цветной шелковой

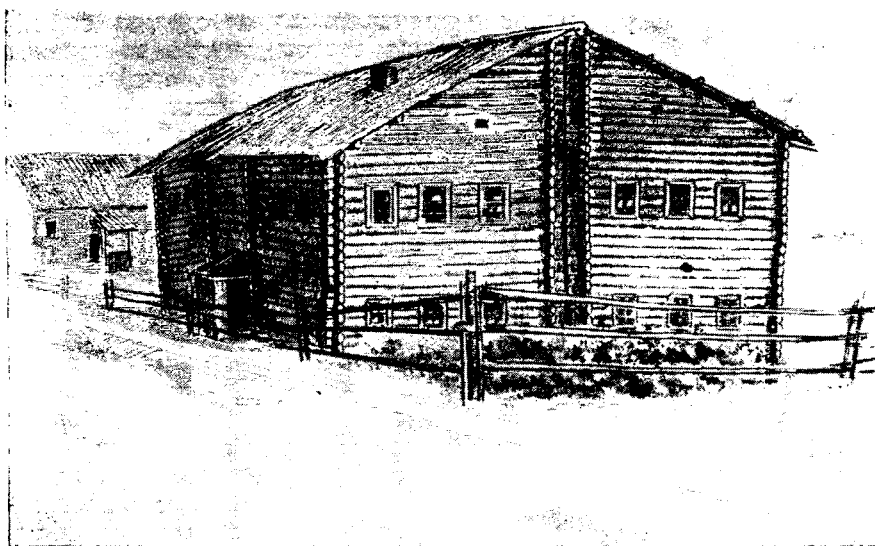

Рис. 10. Распространенный тип дома коми-ижмцев (с. Ижма)

шалью с кистями, а в будни бумажным платком. В качестве свадебного убора был известен «треюк» — парчевый головной убор прямоугольной формы на твердой берестяной основе. Девушки носили на голове платки, свертывая их в виде широкой ленты, металлические цепи на груди и серьги «лапи» с подвесками в виде гусиных лапок (анalogии известны в Удорском районе, на Выми и в Архангельской области). На ногах женщины и мужчины носят шерстяные вязаные узорчатые чулки.

В обычаях и фольклоре ижемцев также ощущаются тесные связи с севернорусской культурой. Так, например, у ижемцев, как и у русских Усть-Цильмы, существовал обычай ритуального съедания хлеба, испеченного в «Великий четверг», на поле во время сева. Был распространен цикл рождественских обрядов, близких к русским обычаям: хождение со звездой, с голубем. Особенно большую близость мы находим при сопоставлении культуры ижемцев с культурой русского населения Усть-Цильмы. Среди коми-ижмцев встречается несколько таких же фамилий, как и в Усть-Цильме (Каневы, Артеевы, Семяшкины). Издавна были распространены на Ижме и Нижней Печоре смешанные браки русских и коми. Существовали близкие обычаи, как, например, угощение

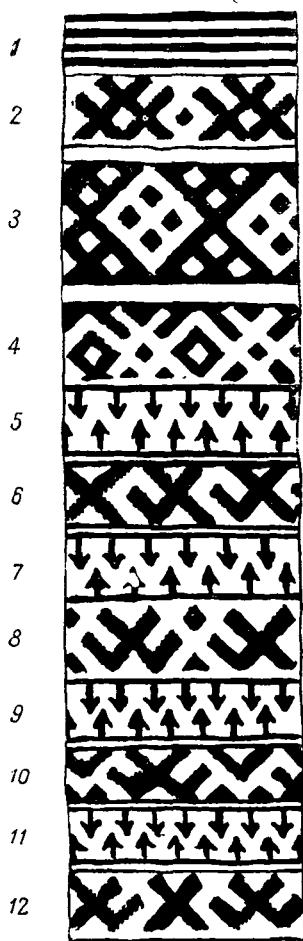

Рис. 11. Узор вязаных чулок (с. Сизябск, Ижемский район)
1—дор, край; 2—тыр меж сюр, полный бараний рог; 3—кодзав, звезда; 4—кык пѡвста-гѡгыль, двойной круг; 5, 7, 9, 11—зубчик; 6, 8—крюк, крюк 10, 12—утысы джын, половина ошейника

«филой»¹⁰, топтание «шишков» (вежа пуляк)¹¹ и т. д. Все это позволяет предполагать, что в состав ижемцев влилось и русское население Архангельской области, в частности с Печоры.

Третий, оленеводческий, пласт связан с ненецкой культурой и вошел в культуру ижемцев позднее. Весь комплекс оленеводческого хозяйства (нарты, способ упряжки, устройство чума) — целиком ненецкий. Ненецкое происхождение этого комплекса предметов подтверждается и терминологией, заимствованной от ненцев.

Широкое распространение получила у ижемцев также ненецкая одежда из оленьего меха. Общераспространенной зимней верхней одеждой мужчин, женщин и детей служит малица — длинная, глухая одежда, сшитая из оленьего меха ворсом внутрь, с пришитым капюшоном и рукавами. Поверх малицы надевают чехол «малица кышет» — в будни из темной бумажной ткани, в праздники из бархата или сукна. Женщины носят малицу поверх домашнего платья, мужчины поверх пиджака и брюк. Различаются праздничные и рабочие малицы по отделке и качеству материала. В сильные холода надевают «сѡвик» — одежду такого же покроя, как и малица, но сшитую мехом наружу. Для осени некоторые ижемцы шьют суконную малицу. Широко распространена обувь из оленьего меха: высокие меховые сапоги «тобоки» и пимы, внутрь которых вкладывают стельки из сухой травы. Тобоки и пимы носят поверх меховых чулок, называемых «липты». Особенно широкое распространение в последнее время получили у молодых женщин бурки — нарядные меховые сапожки; широко бытуют также домашние туфли «кыс туфли» из оленьего меха. Одежду и обувь шьют ижемки, как и ненки, нитками из спинных и ножных сухожилий оленя. Отделка одежды и обуви состоит из меховых аппликаций в виде вставок — квадратов, треугольников — из белого и коричневого меха,

по краям которого пропущены кусочки разноцветного сукна. Из бытовых вещей, связанных с оленеводческим хозяйством, в домах ижемцев часто можно встретить богато орнаментированные рабочие мешки «тучу» и берестяные, с покрывкой из оленьего меха, колыбели «потан», которые ижемки ставят на нарты, когда отправляются с оленями в тундру.

В советское время происходит постепенное стирание локальных особенностей в культуре верхнепечорских и нижнепечорских коми. Само-

¹⁰ После сбора урожая на Ижме и в Усть-Цильме устраивали «филу» — пекли колобки из ячменной муки, которые, раскрошив, поджаривали в масле и ели.

¹¹ Молодые парни утром в праздник Крещения в Усть-Цильме ездили по улицам взапуски на лошадях и, заезжая во дворы и переулки, «топтали чертей» или «шишков». Существовало народное поверье, что в этот день все «шишки» выходят из воды и могут проникнуть во двор и даже в дом и принести несчастье. Аналогичный обычай топтания «шишков» был известен у ижемцев под названием «вежа пуляк».

название нижнепечорской группы изьва (ижемцы) стало употребляться гораздо реже и заменилось общенародным термином «коми». Ижемский и верхнепечорский диалекты теряют свои различия, и на них говорят только в семье. В школе, в учреждениях, на производстве пользуются общепринятым литературным языком коми.

За годы советской власти огромные изменения произошли в экономике Печорского края. Земледелие продвигается все далее на север. В колхозах Усинского и Кожвинского районов имеются посевы зерновых

Рис. 12. *Малица* — зимняя верхняя одежда из оленьего меха (с. Усть-Уса)

культур, хорошо родится картофель. На Нижней Печоре и Ижме распространено огородничество в закрытом и открытом грунте. Почти полностью осуществлена механизация сельского хозяйства, главным образом работы по сеноуборке, заготовке кормов и т. д. Богатые заливные и сухостойные луга, хорошие пастбища позволяют развивать по всей Печоре животноводство. Районы Печоры и Ижмы превратились за годы советской власти в районы крупного молочного животноводства с улучшенными породами рогатого скота, овец и лошадей. Колхозы и совхозы Печорского края дают государству в большом количестве такие продукты, как молоко, масло, мясо, шерсть, оленьи шкуры и т. д. В лучших колхозах организованы опытные участки полевых культур. В Усть-Цилемском районе имеется опытная станция животноводства. Если земледелие за годы советской власти продвинулось далеко на север, то оленеводство за эти годы спустилось на юг, в верховья Печоры, и многие колхозы Троицко-Печорского района имеют лесные стада оленей.

Произошли изменения в охотничьем и рыболовном промыслах. Охотники работают по договорам с государственными организациями, кото-

рым сдают дичь и пушнину и от которых получают снаряжение и боеприпасы. Избушки на былых родовых тропах заменяются специальными промысловыми домами, созданы охотничьи базы, где охотники могут побыть несколько дней, отдохнуть, сдать пушнину, сходить в баню и т. д. Изменилась организация рыбного промысла. В каждом районе имеется рыбный завод. В колхозах созданы рыболовецкие бригады.

Традиционные формы народной культуры в советское время претерпевают изменения, преобразуются, но продолжают сохранять и в социалистическом обществе свои национальные черты.

В Печорском крае вырастают новые колхозные поселки и новые дома для колхозников. Эти новые здания строятся уже по иному плану и не похожи ни на ижемский двухэтажный дом, ни на односкатное жилище верхнепечорских коми. В качестве образца для новых построек взят проект стандартного дома, утвержденный для северных районов РСФСР, — одноэтажный, деревянный, с русской печью, которая ставится посередине и разгораживает помещение на несколько комнат, но в убранстве этих комнат, внутренней планировке помещения, деталях отделки сохраняются специфические для коми особенности.

В одежде все большее распространение получает общегородской костюм, но наряду с ним продолжают сохраняться и национальные формы (меховая одежда).

За годы советской власти республика Коми неизмеримо выросла в культурном отношении и окрепла экономически. Она превратилась в одну из передовых индустриально-аграрных республик, имеющую огромные перспективы для своего промышленного и экономического роста. Сформировался и окреп рабочий класс народа коми. С развитием транспорта (железнодорожного и воздушного) исчезла замкнутость и изолированность отдельных районов, в частности, районов Крайнего Севера, расположенных в бассейне Печоры. Победа социализма способствовала развитию общности психического склада у верхних и нижнепечорских коми. Сложился единый литературный язык, создавалась единая национальная культура, произошла консолидация отдельных разрозненных этнических групп. Народ коми, о котором мы можем говорить уже как о социалистической нации, впитывая в себя все лучшее и передовое в советской культуре, но сохраняя вместе с тем и свои национальные особенности, постепенно осуществляет в тесном содружестве с великим русским народом переход к коммунизму.

Л. П. ПОТАПОВ

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ АЛТАЙЦЕВ

Крупнейшие социалистические нации Советского Союза — русская, украинская, армянская, грузинская и другие «возникли и развились на базе старых, буржуазных наций в результате ликвидации капитализма, — путём коренного их преобразования в духе социализма»¹. Но ряд народов нашей великой многонациональной страны до победы Октябрьской социалистической революции не успел, вследствие своей отсталости, сложиться в буржуазные нации. Минувя стадию капиталистического развития, эти народы миновали и стадию существования в качестве буржуазных наций. Они формируются сразу как нации социалистические.

И. В. Сталин следующим образом характеризует социалистические нации:

«Рабочий класс и его интернационалистическая партия являются той силой, которая скрепляет эти новые нации и руководит ими. Союз рабочего класса и трудового крестьянства внутри нации для ликвидации остатков капитализма во имя победоносного строительства социализма; уничтожение остатков национального гнета во имя равноправия и свободного развития наций и национальных меньшинств; уничтожение остатков национализма во имя установления дружбы между народами и утверждения интернационализма; единый фронт со всеми угнетенными и неполноправными нациями в борьбе против политики захватов и захватнических войн, в борьбе против империализма, — таков духовный и социально-политический облик этих наций»².

Социалистические нации коренным образом отличаются от наций буржуазных. Равным образом и условия формирования новых, социалистических наций коренным образом отличаются от условий формирования буржуазных наций. Поэтому проблема их формирования является особой научной проблемой.

Исследование этой проблемы привлекло сейчас серьезное внимание ряда институтов Академии Наук СССР. В Институте этнографии она занимает одно из центральных мест в общем плане научно-исследовательских работ. Организованы две специальные экспедиции для изучения процессов национальной консолидации народов Сибири и Северного Кавказа.

Едва ли следует подчеркивать трудность и сложность исследования этой проблемы. Столь же очевидно ее большое теоретическое и практическое значение для развития социалистического строительства не только в национальных областях и республиках СССР, но и в странах народной демократии. Отсюда ясна та большая ответственность, которая возлагается на исследователей этой проблемы как при собирании конкретного материала, так и при его научном анализе и теоретических обобщениях.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 339.

² Там же.

Вопросы о путях и характере национальной консолидации того или иного народа могут быть поставлены и разрешены только на основе учения И. В. Сталина о национальном вопросе в целом и о национальном вопросе в условиях социализма. И. В. Сталин создал и разработал научную теорию наций, выяснил условия и факторы национальной консолидации, исследовал и установил законы образования наций как в капиталистическом, так и в социалистическом обществе. И. В. Сталин внес этим, как и разработкой многих других вопросов, гениальный вклад в историческую науку. Он создал незыблемые теоретические и методологические основы для исследования вопросов национальной консолидации любой народности, в любых исторических условиях.

Настоящая работа является лишь предварительным кратким изложением некоторых результатов исследования вопроса национальной консолидации алтайцев. Цель ее — дать ответ только на один, самый общий вопрос: сформировались ли уже современные алтайцы в социалистическую нацию? Что вопрос этот назрел, ясно показала научная конференция по вопросам алтайского языка и литературы, созванная руководящими советскими и партийными органами Горно-Алтайской автономной области летом 1951 г. в г. Горно-Алтайске. В работе конференции приняли участие представители институтов языкознания, этнографии и востоковедения Академии Наук СССР.

Некоторые представители алтайской интеллигенции выступали на этой конференции с решительным утверждением, что современные алтайцы сформировались в социалистическую нацию, хотя и не приводили серьезных доказательств в пользу такого утверждения. Но вопрос этот, как уже подчеркивалось, имеет далеко не академический интерес, и то или иное решение его должно быть достаточно обоснованным, ибо он тесно связан с практикой социалистического строительства в Горно-Алтайской автономной области и глубоко волнует советских и партийных работников Горного Алтая.

Напомним классическое определение понятия нации, данное И. В. Сталиным в его работе «Национальный вопрос и ленинизм»: «Русские марксисты давно уже имеют свою теорию нации. По этой теории нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникающая на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры»³.

Следовательно, чтобы правильно решить вопрос, сформировались ли современные алтайцы в социалистическую нацию, необходимо рассмотреть у них наличие перечисленных признаков нации.

Прежде чем приступить к анализу признаков нации у современных алтайцев, необходимо указать, что до Великой Октябрьской социалистической революции алтайцы безусловно не представляли собой нации. Более того, нет достаточных оснований считать дореволюционных алтайцев сложившимися даже в народность. Они не имели общего самоназвания и по существу представляли собой ряд изолированных друг от друга в экономическом и культурном отношении племенных и территориальных групп, именуемых в литературе собирательно алтайцами по месту обитания их в Горном Алтае. Только одна из этих групп, проживающая преимущественно в Онгудайском и Усть-Канском районах, именovala себя «алтайцами» (алтай кижй, буквально: люди Алтая) и накануне Октябрьской революции проявляла признаки превращения ее в маленькую народность с единым общим самоназванием.

У алтайцев отсутствовал такой определяющий признак нации, как

³ И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 333.

экономическая общность. У них не было ни национального рынка, ни экономических центров, т. е. не было факторов, ликвидирующих хозяйственную раздробленность и стягивающих различные разобщенные территориальные и племенные группы в единое целое. Напротив, алтайцы были раздроблены в хозяйственном отношении на мелкие замкнутые районы, большинство населения которых жило изолированной хозяйственной жизнью, ведя преимущественно натуральное хозяйство. Уже отсутствие одного этого признака у алтайцев до революции решает вопрос о нации у них в отрицательном смысле, ибо, как показал И. В. Сталин, достаточно отсутствия хотя бы одного из признаков, определяющих нацию, чтобы «нация перестала быть нацией»⁴.

Но у алтайцев отсутствовали также и другие признаки, необходимые для существования нации. К ним относится еще, например, отсутствие общности языка и общности национальной культуры. До Октябрьской революции у алтайцев не было единого общенародного языка. Они говорили по существу на двух языках: североалтайском и южноалтайском. Оба эти языка, относящиеся к различным группам тюркских языков, различались по грамматическому строю и словарному составу в такой степени, что северный алтаец (челканец или кумандинец) не мог говорить с южным алтайцем (теленгитом из Кош-Агачского района и с алтайцем из Усть-Канского или Онгудайского района). Они не понимали друг друга.

Не случайно поэтому в лингвистических классификациях тюркских языков североалтайский и южноалтайский языки с их местными диалектами относятся к различным группам. Североалтайский язык распадался на диалекты: кумандинский, тубаларский и челканский (и был весьма близок к языку шорцев), а южноалтайский на диалекты: теленгитский, собственно алтайский и телеутский. Диалекты эти именуются по названию племенных и территориальных групп алтайцев.

Таким образом, ни о каком едином языке не только литературном, которого тогда вообще не было, но и разговорном, у алтайцев до Октябрьской революции не может быть и речи. Это вполне понятно и естественно, так как отсутствие экономической да и политической концентрации у алтайцев обуславливало и отсутствие концентрации упомянутых двух алтайских языков в единый общенародный язык. Стало быть, нельзя считать дореволюционных алтайцев сложившимися в нацию и в силу отсутствия у них общности языка.

Но и это не все. Не было у алтайцев, как уже говорилось, и общности культуры, отражающей общность психического склада. Напомним, что до революции культура алтайцев, если даже иметь в виду только культуру народных масс, была также резко различной, т. е. не была общей. Культура и быт южных алтайцев скотоводов-полукочевников и культура и быт северных алтайцев, преимущественно охотников, настолько резко различались, что это не требует особых доказательств. В наших специальных этнографических работах это различие показано достаточно широко⁵.

Таким образом, вопрос о существовании нации алтайцев до революции решается вполне отрицательно и не является дискуссионным. Между прочим, изложенное объясняет нам также и то, что до Октябрьской революции различные племенные или территориальные группы алтайцев не имели общего национального сознания. Последнее обстоятельство проявлялось в том, что каждая из этих групп именovala себя различно по племенному или территориальному признаку (например, телес, алтай-кижи, теленгет, улаан, или чуй кижы, и т. д.).

⁴ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 297.

⁵ См., например, мои книги: «Разложение родового строя у племен Северного Алтая», Л., 1935; «Очерки по истории алтайцев», Новосибирск, 1948.

Обратимся теперь к современным алтайцам, живущим в социалистическую эпоху, в условиях советской автономии. В этой связи следует прежде всего отметить, что советский государственный строй с его ленинско-сталинской национальной политикой, социалистический общественный строй с его социалистической экономикой, не знающей кризисов и безработицы, дающей возможность зажиточной и культурной жизни трудящимся, с отсутствием эксплуататорских классов,—создали исключительно благоприятные условия для национальной консолидации алтайцев, как и других ранее отсталых народов нашей страны. Повседневная забота коммунистической партии и Советского правительства в области ликвидации политической, экономической и культурной отсталости алтайцев, предоставление им специальной формы государственного устройства — советской административной автономии, огромная практическая помощь русского народа коренным образом изменили хозяйство, культуру и быт алтайцев и дали выход и простор творческой энергии широких трудовых масс. В результате этого в исключительно короткий исторический срок алтайцы достигли высокой ступени общественно-экономического и культурного развития, миновав капиталистическую стадию.

В этих конкретных исторических условиях, на базе социалистических порядков развивается процесс национальной консолидации алтайцев. У них возникают такие признаки нации, как, например, общность территории, экономическая общность. Своеобразие этого процесса у алтайцев заключается в том, что упомянутые признаки нации формируются у них впервые, а не на базе старой разрушенной буржуазной нации, как это происходило у многих наших социалистических наций. Процесс национальной консолидации обусловлен ликвидацией политической, экономической и культурной отсталости на основе практического осуществления ленинско-сталинской национальной политики, переходом от почти первобытных форм быта к развитому социализму, минуя капиталистический путь развития, под руководством коммунистической партии, при братской помощи русского народа.

Таким образом, наличие процесса национальной консолидации у алтайцев несомненно. Необходимо только установить, привел ли этот процесс уже к образованию социалистической нации. С этой целью попытаемся проанализировать конкретный материал, взятый из жизни современных алтайцев. Обратимся, прежде всего, к общности экономической жизни алтайцев как признаку нации, полностью отсутствовавшему в прошлом. Необходимо констатировать, что наличие этого признака у алтайцев в настоящее время сомнения не вызывает.

Экономическая общность у алтайцев порождена социалистическим характером их народного хозяйства и выросла на базе общественного производства, общественной собственности на основные средства производства, социалистического планирования. Выражением этого в основной отрасли народного хозяйства алтайцев, именно в сельском хозяйстве, является колхозная система, с ее высокотоварным планируемым производством сельскохозяйственной продукции как в области животноводства, так и в области земледелия.

Коллективизация сельского хозяйства сыграла важную роль в создании общности экономической жизни алтайцев.

Благодаря социалистическому планированию народного хозяйства быстро растут и развиваются производительные силы Горно-Алтайской автономной области. Различие естественно-исторических, природных условий используется для наиболее эффективного развития разнообразных отраслей сельского хозяйства и промышленности. Районы области со специализацией сельскохозяйственного или промышленного труда благодаря социалистическому планированию оказываются тесно связанными как между собой, так и с другими экономическими центрами нашей страны постоянными, плановыми, а не стихийными связями. В процессе

развития экономической общности алтайцев огромная роль принадлежит и местной промышленности, впервые возникшей в Горном Алтае лишь после образования автономной области. Высокая товарность сельского хозяйства, важнейшим показателем которой является, например, объем заготовок, служит важным условием для развития товарооборота в области в форме государственной и кооперативной торговли.

Таким образом, в результате практического осуществления ленинско-сталинской национальной политики алтайцы не только ликвидировали прошлую, почти первобытную экономическую отсталость, но высоко развили различные отрасли народного хозяйства. Это обстоятельство в условиях социалистического общественного строя, в условиях новых экономических отношений, основанных на тесном сотрудничестве рабочих и крестьян и советской интеллигенции, на дружбе народов, закономерно привело к возникновению общности экономической жизни алтайцев, являющейся одним из необходимых и важнейших признаков нации.

Следует, однако, оговориться, что Турочакский аймак, населенный челканцами и кумандинцами, говорящими на диалектах североалтайского языка, является в экономическом отношении, как и во многих других, в значительной степени изолированным. Это объясняется его окраинным положением, тем, что он отделен от остальных районов области рекой Бией и не связан благоустроенными путями сообщения с экономическим и культурным центром области — городом Горно-Алтайском. Вследствие этого население Турочакского аймака почти не общается с населением других районов области, в которых живут алтайцы, и более тесно связано с русским населением Алтайского края.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с другими признаками нации и прежде всего с языком. Мы должны констатировать, что единого национального языка, закреплённого в литературе, для всех алтайцев пока еще нет. Если диалекты южноалтайского языка довольно быстро успели перемолотся в едином южноалтайском языке, то этого нельзя сказать о североалтайских диалектах, которые в силу указанных обстоятельств продолжают сохранять свою самостоятельность.

В этом нет ничего удивительного, так как процесс образования единого языка из двух старых алтайских языков даже в порядке сотрудничества и взаимного обогащения их не может не быть длительным. Поэтому различия между северным и южным алтайскими языками продолжают существовать и в настоящее время. Эти различия весьма тормозят развитие алтайского литературного языка, возникающего на базе южных диалектов. Северные алтайцы (челканцы, кумандинцы) постоянно указывают на трудность понимания учебников и областной газеты, издаваемых на возникающем алтайском литературном языке, и предпочитают читать на русском языке. Однако тубалары этих трудностей уже не испытывают.

Наличие единого национального литературного южноалтайского языка сомнений не вызывает, но дальнейшее развитие его как национального языка связано с преодолением серьезных трудностей. Эти трудности вытекают прежде всего и главным образом из низкого уровня развития обоих алтайских языков, на котором застала их Октябрьская революция. Об этом говорит их словарный состав. «Словарный состав,— пишет И. В. Сталин,— отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык»⁶. Словарный состав алтайских языков был довольно бедным, ибо языки эти обслуживали потребности населения, находящегося на весьма низком уровне общественно-экономического развития. Какой был уровень общественно-экономического развития алтайцев до революции в районах,

⁶ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 23.

изолированных от русского трудового населения, можно судить хотя бы по следующим данным.

Основным занятием южных алтайцев было примитивное, полукочевое пастбищное скотоводство, без подготовки сена, без стойлового содержания, без ветеринарной помощи. Подсобным занятием было карликовое по размерам земледелие, при котором поле вскапывалось мотыгой или андазыном (прообраз сохи), боронилось суком и засевалось ячменем. Урожай с такого поля выдергивали руками или срезали ножом, колосья обжигали на огне и молотили толстой палкой, а зерно вместо мельницы растирали на каменной зернотерке или размельчали в деревянной ступе. У северных алтайцев основным занятием была пешая охота на зверя с самодельными ловушками и шомпольным фитильным или кремневым ружьем, а подсобным — мотыжное земледелие. У тех и других отсутствовали ремесла и не было никакой промышленности. Основным средством передвижения у южных алтайцев служила верховая лошадь, у северных — лодка-долбленка или плотик для летнего времени и лыжи для зимы.

Жилищем являлись различного типа шалаши с неугасаемым костром посередине, без окон, деревянного пола и печи. Такое жилище не имело и мебели — столов и стульев. Обитатели его жили на полу у костра. Крайне простая домашняя утварь делалась из кожи и дерева.

Совершенно отсутствовала письменность, не было школ, медицинской помощи, сколько-либо развитого изобразительного искусства. Дикие шаманские суеверия, жертвоприношения широко распространялись и поддерживались шаманами и эксплуататорской верхушкой. Общественные отношения выступали в отсталой патриархально-феодальной форме. У алтайцев не было своей государственности. Крайняя политическая отсталость была уделом трудовых слоев алтайцев.

Следовательно, северный и южный алтайские языки жили и развивались в условиях крайне отсталого уровня общественно-экономической и культурной жизни и обслуживали потребности населения с весьма отсталой культурой. Поэтому словарный состав их был весьма ограничен.

Но вот произошла Октябрьская революция, возродившая к самостоятельной национальной жизни алтайцев. В исключительно короткий исторический срок — всего за 25—30 лет, благодаря руководству коммунистической партии, благодаря повседневной заботе об алтайцах Советского правительства, благодаря постоянной братской помощи русского народа, алтайцы совершают гигантский скачок по пути прогресса. Они успешно ликвидируют политическую, экономическую и культурную отсталость.

Возникает вопрос: как, каким образом старые алтайские языки, сложившиеся в описанных выше условиях, смогли обслуживать новую, быстро растущую социалистическую культуру алтайцев?

Нужно прямо сказать, что старый язык как северных, так и южных алтайцев с этой задачей не справился и не мог справиться прежде всего в силу бедности его собственного словарного состава. Достаточно сказать, что в обоих языках нет собственной терминологии для выражения понятий и обозначения слов в области различных наук, как естественных, так и общественно-исторических, нет политической, сельскохозяйственной, технической терминологии, отражающей современный высокий уровень общественного развития социалистического общества, его передовые идеи, его высокоразвитое и многообразное искусство, его высокоразвитое сельское хозяйство, промышленность, науку и технику. В алтайских языках не оказалось слов и для выражения нового государственного устройства, новой, социалистической культуры, новой общечеловеческой морали. В алтайских языках не хватает словарного состава для того, чтобы обеспечить школьные учебники не только в объеме десятилетия, но и в объеме семилетки. И это вполне понятно. Это не вина

алтайских языков, а их беда, поскольку они возникли и развивались в условиях крайне отсталого уровня общественно-экономической и культурной жизни.

Но как же случилось, что, несмотря на то, что оба старых языка алтайцев оказались не в состоянии обслужить потребности общения населения в новых условиях, алтайцы не только не остановились в культурном развитии, а, наоборот, быстро двинулись вперед по пути развития экономики и культуры? Это произошло потому, что на помощь алтайцам пришел русский язык, который помог и продолжает помогать им двигаться по пути прогресса, к коммунизму. В алтайский язык нахлынул огромный поток русских и интернациональных слов, русской терминологии, который резко изменил словарный состав этих языков.

Однако и это не могло удовлетворить практических потребностей общения и культурного развития алтайцев. Язык алтайцев, в частности и возникающий литературный язык, не успевает справиться с этим обильным пополнением языковым материалом, переработать его в собственных грамматических нормах, освоить его. Поэтому алтайцы параллельно родному языку стали учиться говорить, читать и писать на русском языке. Трудящиеся алтайцы быстро убедились на практике в преимуществе русского языка и охотно, добровольно стали овладевать им, ибо увидели в русском языке мощный источник быстрого дальнейшего культурного развития. Ведь это же факт, что русский язык без всякого к тому принуждения, без каких бы то ни было специальных мер так быстро распространился и продолжает распространяться в среде современных алтайцев.

Известно, что и до революции русский язык также распространялся среди алтайцев. Процесс этот шел двумя путями. С одной стороны, алтайцы в районах соприкосновения с русским населением добровольно изучали русский язык в результате естественно возникавших тесных культурно-экономических связей с русским народом, с русским трудовым крестьянством, причем и многие русские крестьяне также добровольно изучали алтайский разговорный язык. С другой стороны, русский язык насаждался у алтайцев принудительно, в порядке ассимиляторской политики царского правительства, в порядке руссификации, когда родной язык алтайцев запрещался, изгонялся, а вместо него сверху, принудительно насаждался русский язык. Однако народные массы алтайцев при этом продолжали оставаться в темноте и невежестве, так как царские колонизаторы были далеки от мысли использовать русский язык как могучий источник повышения культуры алтайцев. Напротив, русский язык насаждался колонизаторами для того, чтобы убить, уничтожить алтайцев как «иностранцев», заставить их обрусеть для того, чтобы было легче и удобнее эксплуатировать трудовые массы алтайцев. Вот почему в то время насильственное насаждение русского языка было для многих алтайцев своего рода пугалом, вызывающим недоверие или даже враждебное отношение ко всему русскому.

Напротив, в советских условиях, в условиях ленинско-сталинской национальной политики, родной язык алтайцев не только не изгоняется, но ему оказывается всяческая помощь в отношении его развития как важнейшего средства приобщения этой народности к высокой социалистической культуре. Но и русский язык по мере культурного роста алтайцев не только не встречает недоверия, тем более враждебного отношения, а его изучают, как уже говорилось, добровольно и с охотой, ибо видят в нем могучее средство овладения высотами современной социалистической культуры. В наших советских условиях изучение русского языка не несет обрусения, ибо овладение русским языком идет параллельно с существованием и постепенным развитием родного языка алтайцев и вовсе не отменяет последний. Овладение русским языком только убыстряет развитие национальной культуры алтайцев. Напротив, искусственная

изоляция алтайцев в рамках бедного словарным составом и словарным фондом своего языка от русского могла бы оказать тормозящее влияние на развитие их национальной социалистической культуры. Отсюда вопрос изучения русского языка для алтайцев, как и для многих других народностей Сибири, приобретает большое практическое значение и не может быть упущен из поля зрения исследователя.

Фактически в настоящее время северные алтайцы (Турочакский аймак), составляющие меньшинство алтайцев, говорят на североалтайском языке, южные (их большинство) — на южноалтайском, и те, и другие — на русском. Русский язык в настоящее время в Горно-Алтайской области является наиболее распространенным и общим языком, хотя и не единственным⁷. За годы строительства социализма русский язык сделался достоянием широких масс алтайского населения. Вполне понятно отсюда, что делопроизводство в учреждениях области, обучение в большинстве школ и во всех средних учебных заведениях, а также в Учительском институте ведется на русском языке. На русском языке издается большинство газет. Таким образом, русский язык играет ведущую роль в развитии социалистической культуры алтайцев, ибо последние убедились в практическом преимуществе его перед своим языком, чем и объясняется исключительно широкое распространение русского языка в области. Однако родной язык как у северных, так и у южных алтайцев, был и остается не только разговорным языком в семье, в домашней обстановке, но и важнейшим средством первоначального приобщения алтайцев к современной социалистической культуре, овладеть высотами которой алтайцы могут только при помощи русского языка.

Все изложенное по поводу языка дает основание утверждать, что у современных алтайцев процесс языкового строительства еще не закончен и говорить об общности и господстве национального языка, закрепленного в литературе, у алтайцев еще рано. Поэтому объяснять те многочисленные неудачи, трудности, ошибки и неполадки в переводах на алтайский язык с русского языка только плохой работой переводчиков, их неподготовленностью и т. п., как это пытаются делать отдельные представители алтайской интеллигенции, неправильно. Это значит закрывать глаза на основную причину этих неудач, заключающуюся в слабом развитии алтайского литературного языка, в его пока еще ограниченных возможностях.

Никакие декларации о богатстве народного языка, на которые не скупятся некоторые товарищи алтайцы, ссылаясь на алтайский народный героический эпос, говоря об этом богатстве в тех же выражениях, какие принято употреблять по отношению к русскому языку, не могут изменить фактического положения дел с алтайским языком. Необходимо реально оценивать его состояние и возможности.

Героический эпос алтайцев, создавшийся в архаических условиях общественно-экономической жизни алтайцев, нельзя считать серьезным источником обогащения современного языка, как это думает С. С. Суриков⁸. Такая постановка вопроса об источниках обогащения алтайского языка неправильна. Источником обогащения и развития литературного языка может быть прежде всего наша современная социалистическая действительность, но никак не героический эпос алтайцев, крайне архаический по своему содержанию и форме. Кроме того, пользоваться таким эпосом нужно весьма и весьма критически и осторожно. Не все, что бытует в народе (особенно у народа, в прошлом отсталого), може

⁷ Численность алтайского населения в области в несколько раз меньше численности русского населения.

⁸ Доклад о состоянии алтайской литературы, зачитанный на научной конференции по вопросам алтайского языка и литературы 15 августа 1951 г. в г. Горно-Алтайске.

быть сохранено в нашей социалистической современности. Мы знаем немало вредных народных обычаев, суеверий и т. п., с которыми нужно вести решительную борьбу, несмотря на то, что они «народные», а не консервировать их.

Рассмотрение вопроса об общности языка у алтайцев показывает, что этот признак нации у них явно отсутствует, и это уже решает в отрицательном смысле вопрос о наличии нации у современных алтайцев в настоящее время. Что касается общности психического склада у алтайцев, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры, то этот признак нации исследовать, конечно, труднее и сложнее. Однако, по нашему мнению, он в основных чертах уже намечился за истекшие 30 лет жизни алтайцев в условиях советской автономии. Нам уже приходилось указывать в печати, что у современных алтайцев впервые возникла новая общая культура, национальная по форме и социалистическая по содержанию, в которой в значительной степени стерлись местные особенности культуры отдельных племенных и территориальных групп. Политическая концентрация алтайцев в рамках специальной формы государственного устройства — советской административной автономии, — развитие экономических связей, экономических центров, общей экономики Горно-Алтайской автономной области естественно способствовали созданию общности культуры алтайцев. Если единство содержания культуры современных алтайцев как культуры социалистической не подлежит никакому сомнению, то необходимо, следовательно, установить, имеется ли такое единство в смысле общности специфических особенностей формы национальной культуры алтайцев.

В чем выражаются специфические формы социалистической культуры алтайцев в настоящее время? О языке как национальной форме культуры мы уже говорили. Укажем теперь на возникающую национальную литературу алтайцев, пока еще молодую и незрелую (о чем говорит почти полное отсутствие прозы)⁹. Сюда же относятся, например, национальная декоративная живопись, появившаяся на базе народного изобразительного и в частности орнаментального искусства, а также национальная алтайская музыка, возникающая на основе народных мелодий, с использованием народных музыкальных инструментов алтайцев.

Перечисленные выше национальные формы культуры алтайцев выросли как формы общеалтайские, а не местные, скажем, теленгитские, тубаларские и т. п., и потому должны быть отнесены к национальной специфике социалистической культуры алтайцев в целом. К этому же ряду явлений мы должны отнести алтайскую национальную школу с обучением на родном языке, национальное издательство и т. д. Кроме того, необходимо иметь в виду наличие значительных национальных кадров алтайцев, работающих в партийном, советском и профсоюзном аппарате области. Советская интеллигенция, вышедшая из среды трудящихся алтайцев различных районов, как сельская, так и городская, писатели, ученые, артисты, художники являются показателем роста национальной алтайской социалистической культуры, еще молодой, но крепнущей и растущей. Все эти люди вместе с передовиками социалистического сельского хозяйства и промышленности, новаторами производства, являются передовыми представителями национальной культуры, отражающей новый психический склад людей социалистического общества, новый национальный характер алтайцев, развивающийся в условиях социалистического общества, в условиях советского государственного строя.

Нам кажется, что приведенные факты вполне достаточны для подтверждения выдвинутого положения о наличии общности специфических особенностей алтайской национальной культуры, отражающих общность

⁹ См., например, произведения П. Кучияка, Ч. Енчинова и других.

психического склада современных алтайцев. Таким образом, этот признак нации у алтайцев в основном наметился, хотя процесс его развития еще далеко нельзя считать завершенным.

В результате всего изложенного выше мы приходим к ответу на основной вопрос, поставленный в настоящей работе, который заключается в том, что современные алтайцы в нацию еще не сформировались. Процесс национальной консолидации у них достиг только такой фазы развития, когда уверенно можно говорить о превращении южных алтайцев составляющих абсолютное большинство алтайского населения области, из разрозненных и обособленных племенных и территориальных групп в прошлом в единую социалистическую народность в настоящем. Можно считать уже завершенным слияние тубаларов с этой народностью. Каковы перспективы процесса национальной консолидации у алтайцев в ближайшем будущем? Решение этого вопроса составляет предмет нашего дальнейшего исследования и в задачу настоящей работы не входит.

Я. Р. ВИННИКОВ

БЕЛУДЖИ ТУРКМЕНСКОЙ ССР *

По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., в районах Марыйской области было 4797 белуджей, или 2,3% общей численности населения области, а по сведениям автора, собранным в процессе полевых этнографических работ, их численность к 1950 г. увеличилась до 5,7 тыс. Расселены они в четырех колхозах Байрам-Алийского района, пяти колхозах Иолотанского, одном Сагар-Чагинского, пяти Куйбышевского и семи колхозах Туркмен-Калинского районов Марыйской области. Небольшое число белуджей живет и работает в совхозах области и на Султан-Бентской ГЭС.

Быстрый рост населения Туркменской ССР¹, и в частности белуджей, обусловлен ростом благосостояния и постоянными заботами Советского государства о здоровье трудящихся. Ленинско-сталинская национальная политика привела не только к расцвету хозяйства и культуры ранее угнетенных и отсталых малых народностей и этнических групп, но и к резкому уменьшению заболеваемости, значительному увеличению рождаемости, а следовательно, и к общему увеличению численности их населения.

Основная же масса белуджей живет на управляемых и контролируемых Англией территориях, где, по переписи 1941 г., их численность определялась цифрой в 1032 тыс. человек². В Иране белуджей насчитывается около 350 тыс., в Афганистане, главным образом в пограничных районах, проживает приблизительно 180—200 тыс.

Белуджи впервые появились на территории быв. Закаспийской области незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции. Переселение белуджей из Белуджистана, Ирана и Афганистана на территорию современного Серахского и Тедженского районов Туркменской ССР было обусловлено их тяжелым экономическим и политическим положением в тех странах, откуда они выселились.

Значительное большинство белуджей уже до их расселения в районах Марыйской области утратило свои родовые связи. Они называли себя не по родовому названию, как это имело место среди туркмен-текинцев, а по имени хана, управлявшего подразделением рода — кхелем. Нередко наблюдались случаи, когда отдельные хозяйства или группы белуджей переходили из одного кхеля в другой. Каждое такое подразделение возглавлял хан. Его подчиненные строго выполняли весь распорядок вполне сложившихся патриархально-феодальных отношений. Мелкие ханы в свою очередь подчинялись самому крупному хану-феодалу, по имени Керим-хан. Этот последний имел личного секретаря,

* Настоящая статья имеет целью познакомить читателя с современной культурой и бытом колхозников белуджей на основе материалов, собранных автором как в период непосредственного участия в проведении земельно-водной реформы и последующих мероприятий по расселению и землеустройству белуджей на Валуевском и Турбинном каналах и в других районах Марыйской области Туркменской ССР, так и в период экспедиционных работ летом 1950 г.

¹ Население Туркменской ССР за 1926—1939 гг. увеличилось на 25,6%.

² «Census of India», vol. 7, part, I, 1941, стр. 108.

вооруженную охрану из четырех-пяти всадников, штат конюхов, поваров и других обслуживающих лиц (муллу, певца «шаира», посыльных и т. д.), содержание которых вместе с колоссальными поборами Керим-хана и его свиты тяжелым бременем ложилось на плечи рядовых белуджей. Влияние ханов на белуджей-кочевников сохранялось в первые годы советской власти; оно поддерживалось социальной верхушкой белуджей, эксплуататорскими элементами, являвшимися хранителями старых традиций, старого уклада жизни.

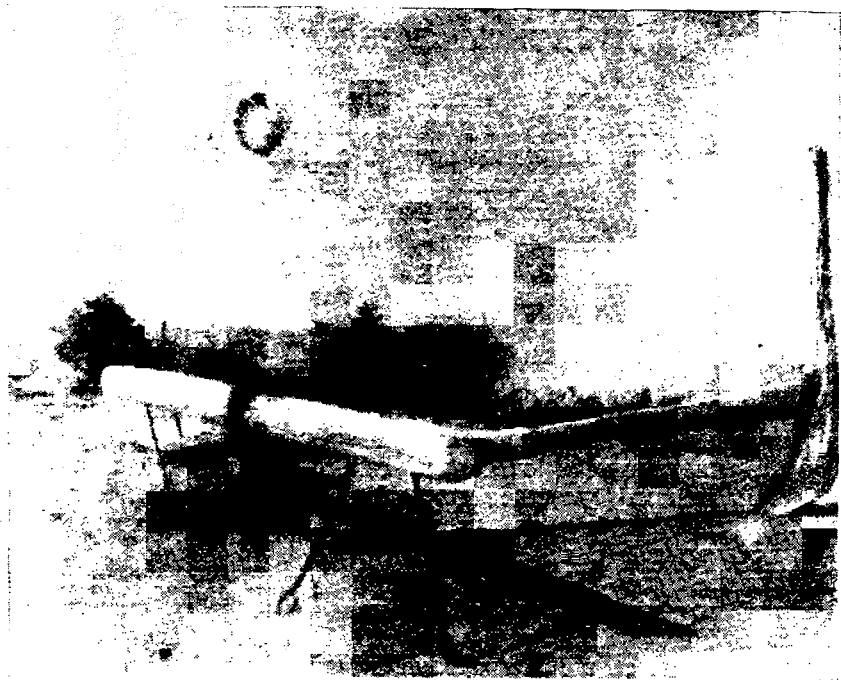

Рис. 1. *Омач* — примитивное орудие для вспашки земли в прошлом

Партия Ленина — Сталина, советская власть, осуществляя комплекс мероприятий по ликвидации политической, экономической и культурной отсталости народов Средней Азии, оказали большую помощь и белуджам. Забота Советского государства нашла свое яркое проявление в расселении и устройстве белуджей, в организации среди них низовых органов советской власти — сельсоветов.

Мероприятия советской власти по переустройству общественных отношений, землеустройство и оказанная беднякам помощь рабочим скотом, сельскохозяйственным инвентарем, семенами и продовольствием быстро разрушали старые социальные отношения и лишали ханов влияния на трудящиеся массы белуджей. Дальнейшие мероприятия советского правительства по укреплению сельсоветов, оказанию практической помощи по агрозоотехническому обслуживанию, повышению культурного уровня белуджей помогли этим недавним кочевникам окончательно осесть на землю и заняться земледелием.

Автор в 1926—1930 гг. имел возможность наблюдать огромную и кропотливую работу специалистов из земельных органов, обучавших бывших кочевников белуджей приемам обработки земли как старыми орудиями труда, так и новым сельскохозяйственным инвентарем, а также агротехнике и поливу возделываемых культур. На первых порах перехода белуджей на оседлость в системе их земледелия преобладали

посевы пшеницы и ячменя, но наряду с ними начинали постепенно культивироваться и хлопок, люцерна и различные овощи.

Из-за недостатка земледельческого опыта культура земледелия у белуджей была невысока и способы обработки были примитивны. Пахали главным образом омачом (рис. 1), представляющим собой разновидность деревянной сохи, снабженной железным лемехом без отвала; семена разбрасывали вручную, а затем производилось в один или два следа боронование известной по всей Средней Азии бороной — «мала». Во всех полевых работах белуджи, подобно туркменам, широко использовали лопату «пил». Пшеницу и ячмень жали вручную при помощи серпа туркменского типа «орак», неумело и высоко срезая колосья. Вымлачивали зерно с помощью животных (лошадей, волов и ослов), которых гоняли вкруговую по разбросанным на току («хармане») снопам пшеницы или ячменя до тех пор, пока животные своими копытами не выбивали зерно из колосьев. Зерно очищали путем подбрасывания на лопате по ветру. Хранили его в специальных сооружениях, обмазанных глиной (см. рис. 2).

Рис. 2. Старинное сооружение для хранения зерна

Постепенное освоение белуджами современной культуры земледелия, основанной на широком использовании сельскохозяйственных машин, а главное — наглядный успешный опыт коллективной работы колхозников соседних туркменских колхозов вызвал переход белуджей на колхозный путь.

Первые белуджские колхозы появились в 1935 г., к концу 1937 г. коллективизация среди белуджей была завершена. Из 23 колхозов Марыйской области, в которых живут и работают теперь белуджи, лишь 9 являются чисто белуджскими; в остальных 14 колхозах белуджи живут и работают вместе с туркменами, казахами, иранцами и другими народами.

Победа колхозного строя уничтожила экономическую и культурную отсталость белуджей, открыла им широкую дорогу к зажиточной жизни, к культуре, к знаниям. В каждом колхозе, где живут и работают белуджи, есть теперь мастера своего дела. Появились неизвестные им ранее профессии тракториста, шофера, бухгалтера, учителя, знатного животновода, передовика и организатора современного социалистического земледелия.

Новые условия жизни белуджей рожают у них и новые запросы, новые духовные и бытовые потребности. Ярким примером всего этого может служить образ жизни белуджей в колхозе «Нокин Зиндиганы» сельсовета Нижние Белуджи Куйбышевского района Марыйской области Туркменской ССР.

Колхоз «Нокин Зиндиганы» был организован осенью 1936 г. Расположен он в 10 км к северо-востоку от железнодорожной станции Талхатан-Баба и районного центра Куйбышевск. За колхозом закреплено навечно 591 га земли, в том числе пахотной 344 га. Нелегко было на

первых порах молодому колхозу. Недоставало средств производства. Колхозники белуджи слабо знали новую агротехнику возделывания хлопка, отсутствовал у них и опыт коллективной работы. Поэтому первый сельскохозяйственный 1937 год колхозники белуджи завершили, получив урожай по 5 ц с 1 га. Колхоз и организационно и экономически был слаб. Государственный кредит позволил ему расширить производственную базу. Практическая помощь районных организаций, и в первую очередь Талхатан-Бабинской МТС, усилила механизацию и вызвала активизацию усилий колхозных масс на борьбу за повышение урожайности хлопка и всестороннее развитие артельного хозяйства. В результате урожайность ведущей культуры — хлопчатника — с 5 ц в 1937 г. выросла до 13,8 ц с 1 га в 1941 г.

Рис. 3. В колхозном винограднике

Шли годы, принося колхозу «Нокин Зиндиганы» успех за успехом. Артельное хозяйство росло и организационно укреплялось. Урожайность длинноволокнистого хлопка в 1949 г. достигла 21,2 ц с 1 га, денежный доход вырос до 1056 тыс. рублей.

Доход на трудодень с 1,2 рубля и 0,5 кг зерна в 1937 г. или 5,9 рубля и 0,9 кг зерна в 1945 г. вырос до 20,4 рубля и 5,9 кг зерна в 1949 г. и до 27,1 рубля и 3,1 кг зерна в 1950 г.

В этих успехах колхоза «Нокин Зиндиганы» несомненно огромная заслуга принадлежит колхозной партийной организации и «башлыку» — руководителю артельного хозяйства Гулам Мирдостову.

Тов. Гулам Мирдостов родился в Афганистане в 1914 г. в семье бедняка из рода Рохшани. Отец его, бывший батраком, вместе с основной группой белуджей Керим-хана перешел русскую границу и поселился на территории Марыйской области, где вскоре умер. После смерти отца (мать умерла раньше) сирота Гулам в возрасте 10 лет был отдан в Байрам-Алийский интернат, где в течение шести лет учился и воспитывался советской властью за государственный счет. С 1929 по 1933 г. Мирдостов учился в педагогическом техникуме, по окончании которого около года обучал грамоте детей белуджей. Затем в течение пяти лет занимал руководящие должности в районных организациях области. В декабре 1938 г. Гулам Мирдостов вступил членом в колхоз

«Нокин Зиндиганы», а в феврале 1939 г. был выбран председателем его правления.

На протяжении 12-летней работы в качестве руководителя колхозного хозяйства у Гулам Мирдостова было немало трудностей, но он всегда проявлял способность их преодолеть. Строгое выполнение основного закона колхозной жизни — Устава сельскохозяйственной артели, широкое использование механизации, передовой мичуринской науки в сочетании с опытом передовиков колхозного производства помогли Мирдостову вывести колхоз на верный путь. Механизация сельскохозяйственных работ позволила колхозу расширить объем производства, повысить культуру земледелия и вырастить новые квалифицированные кадры строителей новой, зажиточной и культурной жизни, как, например, Азис Салмаметов, Бегенч Бяшимов, Муса Шабек, Шарип Мадатов и др. Подъем культурно-технического уровня и повышение производственной квалификации колхозного крестьянства, рост социалистической сознательности в свою очередь обеспечили рост производительности общественного труда. В полной мере все это нашло свое выражение в развитии социалистического соревнования и движения передовиков.

Начавшийся с осени 1950 г. переход колхоза на новую систему орошения еще более усилил и улучшил механизацию всех сельскохозяйственных работ. На примере белуджского колхоза «Нокин Зиндиганы» видно, на какую высокую ступень может подняться сельское хозяйство белуджей в советских социалистических условиях. В противовес этому у зарубежных белуджей, например в Белуджистане, господствуют феодальные отношения, сельское хозяйство находится в состоянии глубокого упадка³. Преобладающее большинство белуджей работает на карликовых земельных участках, не обеспечивающих им даже полуголодного существования⁴. Нищета, голод, культурная отсталость зарубежных белуджей являются результатом колониального гнета английского империализма и феодально-ростовщической эксплуатации со стороны местных ханов, помещиков и других эксплуататорских элементов. Так, белуджи из племени брахуи, проживающие в окрестностях города Заболъ (Сеистан), за аренду земли и рабочего скота уплачивают помещику Сарабанди $\frac{2}{3}$ валового урожая⁵. По данным А. Пронина, доля помещика обычно бывает не ниже $\frac{2}{3}$, а нередко доходит до $\frac{9}{10}$ валового урожая⁶. По данным иранской газеты «Дад», с крестьян-белуджей взываются непосильные налоги. Белуджи лишены элементарных прав и находятся в полной зависимости от ханов. Встречаются случаи, когда крестьян-белуджей за долги продают в рабство⁷.

В стране социализма жизнь и стахановская работа колхозного крестьянства, например, в белуджской сельхозартели «Нокин Зиндиганы», — это цепь непрерывных успехов в производстве, экономике, культуре и быте.

Новая, советская экономика, созданная победой колхозного строя, и новые, социалистические отношения внесли коренные изменения и в жизнь белуджанок. Старые семейно-бытовые традиции, патриархально-родовые пережитки, поддерживавшиеся всем строем кочевой жизни, с оседанием на землю и переходом к коллективным формам хозяйства отошли в прошлое. Женщины советского Туркменистана, в том числе и белуджанки, став полноправными членами колхоза, активно участвуют во всех отраслях колхозного производства и общественной жизни.

³ См. А. М. Дьяков, Национальный вопрос и английский империализм в Индии, М., 1948, стр. 130.

⁴ См. Ф. Дингельштедт, Аграрный вопрос в Индии, Л., 1928, стр. 81, 86.

⁵ М. С. Иванов, Сельское хозяйство и аграрные отношения в современном Иране, «Вестник Ленинградского гос. ун-та», 1948, № 9, стр. 67.

⁶ А. Пронин, Индия, М., 1940, стр. 55.

⁷ Газ. «Дад», № 1899, 12 Шахривара 1329 (3 сентября 1951 г.).

В корне изменилось их правовое, экономическое и семейное положение. В семьях, где женщины наравне с мужчинами активно участвуют в производстве, а таких семей преобладающее большинство, домашняя работа — уход за скотом, обработка приусадебного участка, реализация с него урожая и даже уход за детьми — выполняется не только женщинами, но и мужчинами. Наличие в колхозе детских ясель и детского сада создает женщинам благоприятные условия для активной работы на производстве и в общественной жизни колхозного села. В условиях же хозяйства и быта зарубежных белуджей, например Иранского Белуджистана, участие женщин в производственных операциях примитивного земледелия или полукочевового скотоводства исключается самой организацией хозяйства. Круг женской работы ограничен рамками дома.

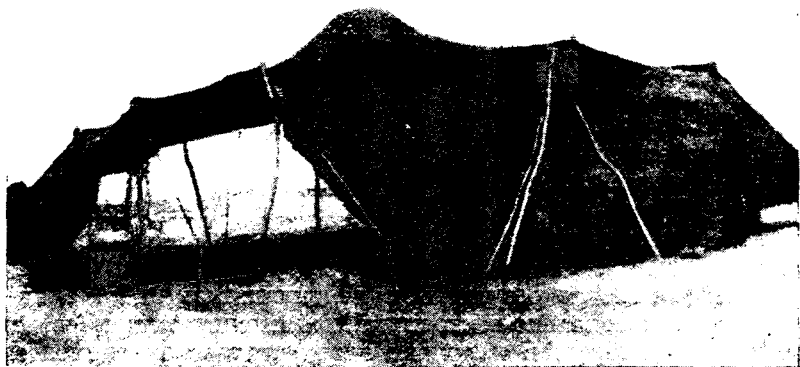

Рис. 4. Гедан — летнее жилище белуджей

Рабочий день женщины зарубежных белуджей заполняется тяжелой и кропотливой работой: кипячением чая, приготовлением пищи, выпечкой хлеба, уходом за детьми, прядением и сучением ниток, окраской шерсти, тканьем ковров и ковровых изделий, тканьем грубых шерстяных тканей для шатров «гедан» или чувалов, тканьем холста, шитьем и вышивкой одежды, стиркой белья и т. д.

За годы сталинских пятилеток в области материальной культуры колхозников-белуджей и, в частности, в типе поселения и бытующего жилища, произошли большие качественные изменения. Однако нельзя не отметить некоторый разрыв между экономическими показателями жизни колхозного населения и уровнем его культуры в отдельных белуджских колхозах. Колхозники-белуджи сельхозартели «Нокин Зиндиганы» только в 1949 г. начали переселяться на территорию колхозного поселка, тогда как во всех других колхозах Байрам-Алийского, Туркмен-Калинского, Иолотанского районов, где живут и работают белуджи, а также во всех туркменских колхозах Марыйской области старые разбросанные аулы уже упразднены. Вместо них появились новые благоустроенные и озелененные колхозные поселки с общественными и культурными учреждениями, парками и т. д. Ныне и колхоз «Нокин-Зиндиганы» осуществляет по утвержденному Куйбышевским райисполкомом проекту организацию благоустроенного и озелененного поселка. Закончено строительство здания правления колхоза. Строится ряд других общественных сооружений и новых домов колхозников.

В условиях советского Туркменистана современные жилища колхозников-белуджей являются важным показателем достижений колхозного строя и нового быта. Известно, что для преобладающей массы белуджей Туркмении до их оседания на землю, а для некоторых из них и до коллективизации, основными видами жилища были: черный шатер «гедан», реже шалаш «капа», обмазанный глиной, или полуземлянка «кудук». Для зарубежных белуджей (Пакистана, Иранского Белуджистана⁸, Афганистана) они остаются и теперь основными и самыми распространенными типами жилища.

Устройство гедана, сохранившегося в настоящее время лишь у некоторой части белуджей Туркменской ССР в качестве летнего жилища, мы покажем на примере летнего жилья колхозника Шарип Мадатова.

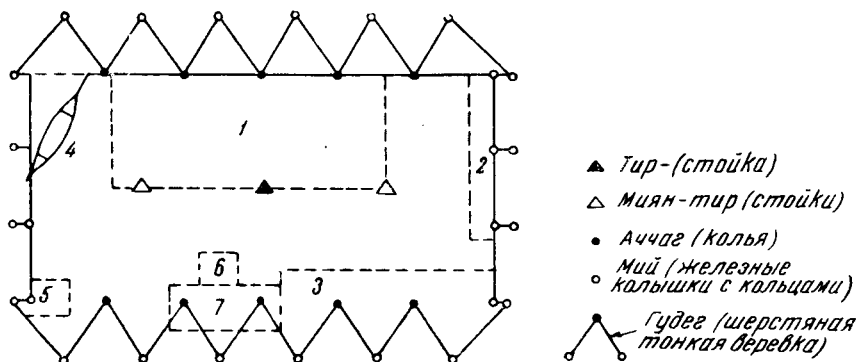

Рис. 5. План летнего жилища колхозника Шарип Мадатова из белуджского колхоза «Нокин Зиндиганы» Куйбышевского района Марыйской области: 1 — место для гостей, покрытое цветными кошами и коврами; 2 — деревянный настил с наложенными на него постельными принадлежностями; 3 — мешки с зерном и другими продуктами; 4 — детская колыбель; 5 — место для хранения воды; 6 — очаг; 7 — разная домашняя утварь

Основной его частью является большой, сшитый из трех полотнищ толстой шерстяной ткани домашней выделки прямоугольник ($3,75 \times 8,2$ м), также называемый «гедан» и служащий верхом шатра. При установке последнего этот прямоугольник расстилается на земле и по краям каждой его узкой стороны вбиваются в землю глубиной на 0,25—0,3 м, по четыре железных колышка «мий» (см. рис. 5); к ним шерстяной веревкой «гудег» привязывается полотнище гедан. Затем оно поднимется кверху путем установки в центре шатра деревянной стойки «тир» высотой в 2 м, а по обе стороны от нее на расстоянии 2 м — еще двух стоек «миянтир» высотой по 1,65 м. По бокам гедан поддерживается вбитыми в землю вдоль его длинных сторон деревянными кольями «аччаг» высотой в 1,15 м. Для придания гедану устойчивости с каждой его боковой стороны на расстоянии 1 м от аччаг вбиваются еще шесть железных колец «мий» (показанных на рис. 5 пунсоном); от «мий» к «аччаг» и далее к следующему «мий» и т. д. натягивается шерстяная веревка гудег. Это переплетение во всю длину гедана покрывается полотнищем «печевал» из такой же ткани, как и верх, образующим боковую сторону шатра. Верхний край печевал прикрепляется к гедану толстыми железными шпильками. Другой же его край, спускающийся по гудег до земли, прикрепляется шерстяными шнурами к железным «мий».

Вход в гедан всегда направлен на юг. В жаркое время года боковые полотнища печевал поднимаются и закрепляются шерстяными шнурами у аччаг.

⁸ См. М. С. Иванов, Указ. работа, стр. 73, рис. 8.

Полезная площадь шатра, несмотря на кажущуюся величину прямоугольника гедана, невелика: значительная его часть не используется в силу невозможности для человека из-за малой высоты шатра передвигаться даже в согнутом положении. Расстановка домашней утвари внутри гедана показана на рис. 5, из которого видно, что внутреннее устройство свидетельствует о сохранении в быту довольно многих старинных обычаев. Так, например, место прямо против входа в гедан, что севернее центральной стойки тир, и даже часть правой стороны считаются почетным местом. Оно в гедане Шарип Мадатова, как и во многих других, покрыто цветными кошмами, поверх которых положен ковер с белуджским орнаментом. Именно на это место всегда усаживают и здесь угощают гостей, а в их отсутствие его занимают мужчины.

Рис. 6. Убранство части жилого помещения белуджа Мадат Дат Худаева.

Правая от входа сторона гедана почти во всю его ширину занята настилом из деревянных тонких жердей. Настил покрыт ковровой дорожкой с пришитыми по краям лицевой стороны белыми мелкими раковинками, спускающимися вниз так, чтобы они были хорошо видны. Поверх ковровой дорожки аккуратно в стопку сложены одеяла, подушки, ковровый хурджум (переметная сума) и ковровые сумки, также украшенные кистями или раковинками (рис. 6).

Промежуток между настилом и землей высотой 22 см занят мелкой домашней и хозяйственной утварью. Вправо от входа расположены мешки с мукой, зерном «галла» и другими продуктами.

Левый угол гедана занят кухонной утварью и посудой для хранения воды. Здесь же нередко, особенно весной и осенью, устраивается очаг под железным треножником — подставкой для чугунного котла. Северный — левый угол занят детской колыбелью туркменского типа, называемой «жунт». Левая часть жилого гедана является женской половинкой и служит рабочим местом женщин.

Другим жилищем бедняков белуджей в прежнее время (ныне ушедшим в область преданий) был обмазанный глиной шалаш «капа». Строился он из двух-трех изогнутых в виде свода цыновок «бердан», сплетенных из еловых ветвей или веток тамариска либо из камыша. Цыновки изнутри поддерживались двумя врытыми в землю деревянными

ни стойками у двери и третьей у противоположной стороны. Дверь отсутствовала. В холодное время вход в шалаш завешивался войлоком либо куском ткани домашней выделки.

Широко распространенным типом бытующего у белуджей Туркмении временного жилища является однокамерный глинобитный дом. Мы покажем его на примерах жилых домов звеньевого Алихан-Амир или 10-летнего колхозника белуджа Муратхан Дат Керим. Глинобитные стены такого дома размером $4,2 \times 5,4$ м при высоте 2,4 м, т. е. сложенного из трех слоев пахсы, гладко очищены и оштукатурены глиной (рис. 7). Крыша почти плоская, земляная, пол тоже земляной, но хорошо смазан толстым слоем глины и по традиции покрыт цветными кошками. Освещается это жилое помещение через одно вмазанное в отверстие стены стекло размером 28×40 см. Внутреннее убранство этого

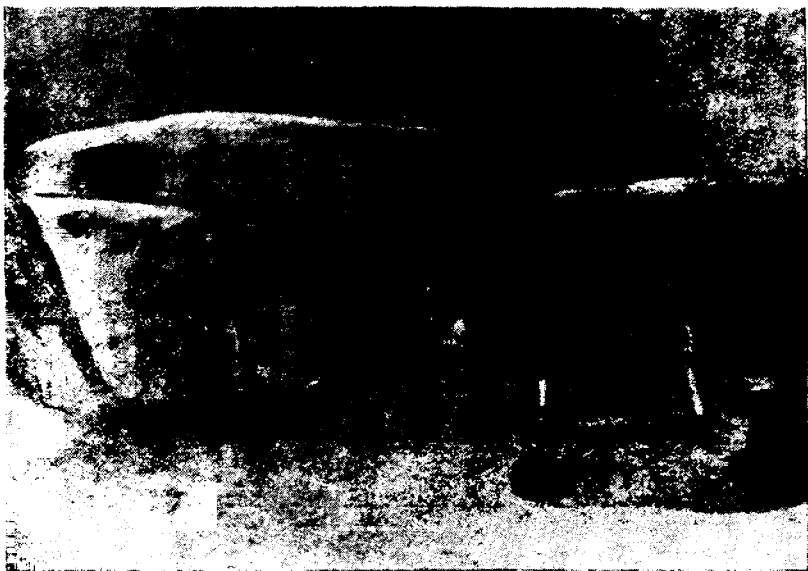

Рис. 7. Однокамерный глинобитный дом белуджа Алихан Амир

жилого дома по своему расположению и находящимся в нем предметам домашней утвари сохраняет в общих чертах тот же распорядок, что и внутри летнего жилого помещения гедана Шарип Мадатова. Доходы колхозника белуджа Муратхан Дат Керимова по трудодням настолько высоки, что позволяют ему построить благоустроенное жилое помещение, но ни он сам, ни члены его семьи не уделяли внимания этому вопросу⁹. Достаточно было, однако, обратить внимание Муратхана на неудобство его жилища, как он решил в 1951 г. построить новый дом городского типа, состоящий из трех-четырех комнат. Многие колхозники белуджи имеют желание и денежные средства для постройки современного, благоустроенного типа жилища, но вследствие своей неопытности не могут осуществить желание. Требуется со стороны районных организаций надлежащее руководство и помощь в части обеспечения строительным материалом, в особенности лесом.

⁹ Сын его Шадат окончил 8 классов средней школы, старшая дочь — четыре класса, две другие дочери учатся в 3 и 2-м классах неполной средней школы; пять членов его семьи принимают самое активное участие в колхозном общественном производстве, систематически перевыполняют нормы, двое из них являются лучшими стахановцами, проводниками новых идей социалистического земледелия.

Вторым, также довольно широко бытующим типом жилого помещения белуджей является одно- или двухкамерный дом из сырцового кирпича, построенный нередко по туркменскому образцу. В качестве примера приведем дом бригадира первой бригады колхоза «Нокин Зиндиганы» Азис Салмаметова. Его дом (рис. 8) построен из сырцового кирпича. Стены клались непосредственно на грунт и с обеих сторон оштукатурены глиняно-соломенным раствором, а внутренние стены раскрашены клеевыми красками по трафарету. Покрытие дома сделано по деревянным балкам, уложенным горизонтально. На эти балки укладываются расколотые вдоль пополам горбыли. Далее идут: камышовая

Рис. 8. Однокамерный кирпичный дом Азис Салмаметова

плетенка, или цыновка, сплетенная из тамариска, поверх нее слой камыша или соломы, глиняная обмазка, земляная засыпка и верхняя обмазка из глины, смешанной с соломой. Уклон кровли невелик, но обеспечивает отвод воды по выступающим из крыш желобам, укрепленным в обрамлении невысокого бортика по краям крыши. Дверь нестандартна, но сделана хорошо. Окно городского типа невелико (30 × 50 см). Отапливается жилая комната железной печью, освещается в вечернее время керосиновой лампой. Изучая обстановку и внутреннее убранство жилого помещения семьи бригадира Азис Салмаметова, мы зафиксировали довольно много предметов новой мебели и утвари. При входе в жилое помещение бросается в глаза двуспальная металлическая кровать, убранная по городскому образцу, тогда как у большинства других белуджей постельные принадлежности обычно сложены стопкой на сундуке, шкафчике или на специальном деревянном настиле. В левом углу жилой комнаты Азис Салмаметова стоит стол с двумя полумягкими стульями около него. На столе стоит радиоприемник и расставлена красивая столовая и чайная посуда (блюда, тарелки, чайники, графины и т. д.). В доме имеются разная посуда и другие предметы нового быта. Ближе к входной двери стоит сундук с одеждой семьи, на нем — швейная машина. Над сундуком укреплено большое в деревянной оправе зеркало «адын», а еще ближе к входной двери расположена вешалка для одежды.

Правый дальний угол занят настилом, на котором хранится зерно в мешках из грубой шерстяной ткани домашней выделки. Рядом с ним

подвешена детская колыбель «жунт». В правом углу у входа в дом стоит деревянный ящик с мукой «арт». Все это показывает, что специфика белуджской материальной культуры в ее национальных формах продолжает сохраняться. В силу традиции мебель не всегда используется по назначению. Сами хозяева дома почти всегда спят, едят и проводят время на полу, покрытом орнаментированными кошмами и небольшим паласом.

Третий тип жилища белуджей советского Туркменистана, получающий все большее распространение, мы покажем на примере дома городского типа Гулам Мирдостова, который на выработанные в 1949 г. трудодни и доход от приусадебного участка получил 36 300 рублей, 6100 кг зерна, 15 кг меда, 30 кг сушеной дыни. За счет этих средств он купил автомашину «Победа» (рис. 9), а в 1950 г. построил высокий

Рис. 9. Председатель правления колхоза «Нокин Зиндиганы» Гулам Мирдостов у своей автомашины

кирпичный дом из пяти комнат (гостиной, столовой, рабочего кабинета, спальни и детской), кухни, коридора и крытой веранды. Все комнаты имеют большие окна, деревянные полы и потолки, стены окрашены клеевой краской, а потолки, двери и оконные рамы — масляной. Кладка стен домов такого типа, устройство крыши, потолка и архитектурное оформление в литературе уже описаны¹⁰. В качестве отличительной особенности дома Гулам Мирдостова следует лишь указать на систему отопления. В его доме печи голландского типа, тогда как в преобладающем большинстве жилые помещения колхозников туркмен и значительной части белуджей отапливаются чугунными или железными печами.

В доме Гулам Мирдостова много предметов нового быта, например шкафы, металлические кровати, столы, стулья, радиоприемник, патефон, постельное белье, скатерти, полотенца, эмалированная и алюминиевая кухонная посуда и целый ряд других предметов обихода. Все это тесно переплетается с традиционной старой утварью белуджей, создавая особый колорит материального быта.

¹⁰ См., например, Я. Р. Винников, Современное жилище колхозников-туркмен Марыйской области, «Советская этнография», 1950, № 2, стр. 116—117.

В современной культуре белуджей-колхозников и, в частности, в домах Гулам Мирдостова, Азис Салмаметова, Мадат Дат Худаева и других, с особой четкостью заметно влияние русской и туркменской материальной культуры. Смешанный русско-туркменский колорит в материальной культуре особенно ярко проявляется в одежде, пище, жилище, средствах передвижения и т. д.

Под влиянием развития экономики колхозов и роста материальной обеспеченности колхозников произошли значительные изменения и в одежде белуджей, с общей тенденцией развития по линии все большей замены предметов старого типа новыми. Однако, наряду с большим распространением среди мужчин одежды городского типа, сохраняется в значительной степени и национальная одежда, особенно среди пожилых мужчин, а также женщин и детей.

В комплексе носимой белуджами одежды встречаются различные вариации сочетания национальных элементов с городским покроем. Для мужского костюма характерно то, что его национальный тип сохраняется как основа, а элементы городской одежды, хотя и входят в его состав, но ни в какой мере не ведут к утрате национальных особенностей белуджского костюма, принимающего новые, но тесно связанные с национальными традициями и вкусами формы.

За последнее время широко распространены отдельные предметы костюма военного образца.

Мужской национальный костюм состоит из рубахи «жамаг», штанов «шалбар» из белой бумажной материи, безрукавки «воскат», обычно из цветной бумажной или шерстяной ткани и нередко бархата, вышитой тюбетейки, чалмы, обуви фабричного или кустарного производства.

Нательной и одновременно верхней национальной одеждой белуджа является рубаха «жамаг». По крою, способу ношения и отчасти по вышивке мужские жамаг сводятся к двум основным типам. Первый тип — выходная рубаха — шьется из белого хлопчатобумажного материала. Чаще всего встречается жамаг со стоячим прямым воротником и прямым разрезом на груди. Жамаг шьется из двух частей. Для первой, верхней части берется полотнище длиной в 60—70 см, сложенное вдвое по утку. К этой основе пришиваются рукава. Рукав делается из также вдвое сложенного полотнища длиной в 55 см, шириной около 1 м, которое пришивается после того, как около половины его ширины уложено на плече мелкими складками, составляющими полосу в 4—5 см. Складки закрепляются узкой, до 1 см шириной, цветной вышитой полоской. У обшлага такие же мелкие складки делаются по всей его ширине, равной 16—18 см. Обшлаг застегивается на три белые пуговицы специально сделанными из шнурка петлями. Под рукава вшиваются небольшие ластовицы. Нижняя часть рубахи состоит из 55 сшитых вместе клиньев, каждый длиной в 60—65 см, при ширине сверху — 2,5 см, а внизу 15 см (рис. 10). Эти клинья составляют подол окружностью свыше 8 м. Верх нижней части рубахи уложен в мелкую складку и пришит к верхней ее части; место соединяющего шва заделывается узкой полоской цветной вышивки в 1 см шириной. Грудь рубахи и обшлага расшиты цветными шелковыми нитками различными узорами; иногда грудь рубахи украшается несколькими рядами вышивки, чередующейся с мелко уложенными складками.

Белуджская рубаха второго типа, довольно широкая и длинная, служит повседневной одеждой и шьется также из хлопчатобумажной ткани. Она проста по крою, отличается от рубахи первого типа тем, что не имеет такого множества складок. При ее крое берется вдвое сложенный кусок ткани длиной 0,9—1,1 м и на сгибе по утку полотнища делается разрез ворота по плечу, обшиваемый тесьмой. К основе рубахи пришиваются с каждой стороны скошенной линией попарно сшитые куски

ткани. Для рукавов используется сложенная вдвое ткань длиной 0,55—60 см, разрезанная так, что одна сторона ее равна $\frac{1}{3}$, а вторая $\frac{2}{3}$ ширины ткани. Каждая часть широкой стороны пришивается к основе. Под рукава вшиты ластовицы.

Штаны «шалбар» шьются из белого материала. Они состоят из 12 вместе сшитых полотнищ (рис. 11) по 80 см ширины каждое, в сумме составляющих окружность у пояса, равную 9,40 м. Шалбар в поясе издергивается шерстяной тесьмой так, чтобы держался на бедрах. Вследствие этого получается множество сборок и складок, характерных для белуджских шалбар, и чем больше таких складок и сборок, тем наряднее и богаче считаются штаны.

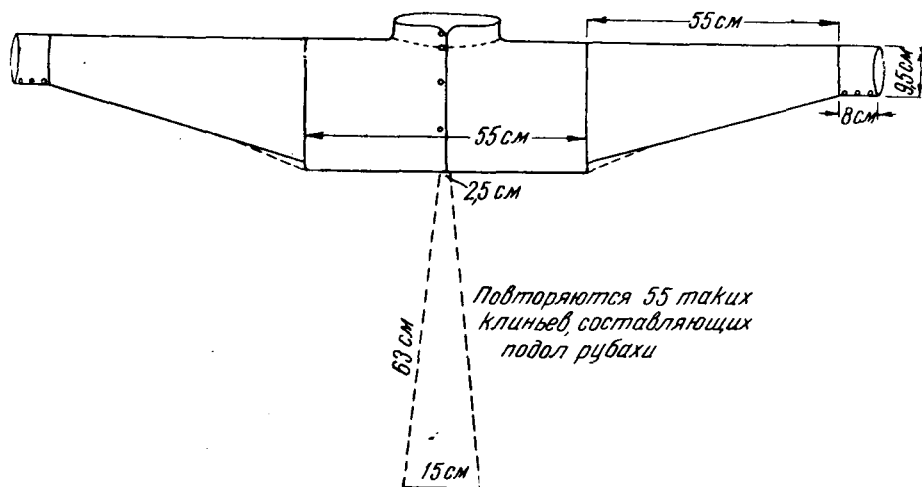

Рис. 10. Чертеж белуджской рубахи жамаг

В целом национальный костюм белуджей отличается большим своеобразием (рис. 12). Жамаг и шалбар подростков и мальчиков отличаются лишь по своей длине. Покрой и тип сохраняются.

Рабочие штаны шьются в большинстве из плотной ткани черного, серого и защитного цвета, но мужчины старше 35—40 лет нередко и теперь шьют рабочие шалбар из белого материала. На рабочие шалбар идет от 4 до 5 м. Нередко встречаются шалбар туркменского покроя. Мужчины до 35—40-летнего возраста и почти вся молодежь часто носят штаны и рубахи городского покроя.

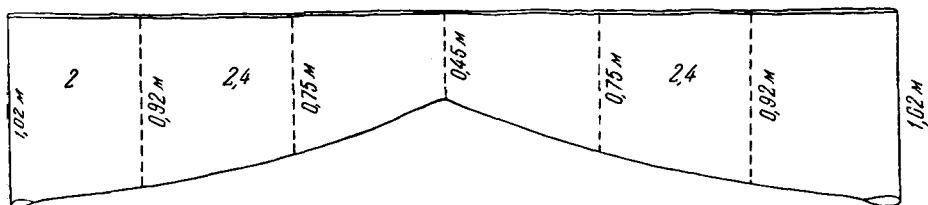

Рис. 11. Чертеж белуджских штанов шалбар

Основным видом верхней одежды являются туркменского типа халаты либо шинели военного образца или городского типа пальто и ватники. Зимние халаты отличаются от весенне-осенних только тем, что делаются на вате. Нередко мужчины зимой носят шубу из выделанных бараньих шкур, сшитых мехом внутрь. Встречаются изредка халаты-накидки, сшитые из белой кошмы.

Главным национальным убором мужчин служит тюбетейка «арахчин» и чалма «лунгута» из белой ткани (от 5 до 10 м), повязанной вокруг головы таким образом, чтобы один ее конец свисал чуть ниже плеча (рис. 13). За последние годы молодежь и мужчины в возрасте до 30—35 лет начали носить обычную шапку-ушанку или шапки современного туркменского типа, сшитые из каракуля. Нередко можно встретить кепи или фуражку.

Обувь у белуджей самая разнообразная. Носят они сапоги, ботинки, туркменские чокой, чарыки, гоуш и резиновые калоши.

Одежда белуджанок наиболее устойчиво сохраняет национальные формы, детали отделки и способы ношения. Натальной одеждой и, одновременно верхним платьем женщин белуджанок служит рубаха-платье «жамаг», сшитая обычно из пестрой хлопчатобумажной ткани, на кокетке, со множеством мелких складок на груди. Длина рубахи делается чуть ниже колен. Вертикальный разрез ворота, с незначительным срезом уголков впереди, обшивается тесьмой и нередко шелком.

Рис. 12. Национальный костюм белуджа

Рубахи девушек и девочек отличаются от женских только более коротким грудным разрезом.

Вторым неотъемлемым элементом женской одежды являются штаны шалбар двух типов. Штаны первого типа по своему покрою и поясу схожи с описанными выше мужскими шалбар, но шьются они чуть уже. Шалбар другого, менее распространенного типа, шьют в виде двух широких прямых юбок-штанов, сшитых вместе и у пояса стягивающихся шерстяной тесьмой. Внешне они имеют вид широкой сборной юбки. Шалбар женщин шьются из хлопчатобумажной ткани специальной расцветки с крупными яркими цветами либо с широкими цветными полосами. Девушки до замужества носят шалбар преимущественно первого типа, сшитые обязательно из белого материала.

Главным убором женщин и девушек является тюбетейка «арахчин», вокруг которой повязывается в виде валика черного цвета платок-косынка «пати»; поверх платка все женщины, девушки и даже девочки накидывают большое, ниспадающее сзади до пят ситцевое цветное, а иногда белое покрывало «чадыр».

В качестве верхней зимней одежды женщины носят туркменского типа цветные стеганные на вате халаты; изредка жены колхозного актива начинают носить пальто городского типа. Обувь носят покупную, главным образом на низком каблучке.

Женщины заплетают волосы в две косы, спускающиеся по спине, переднюю же часть волос подрезают в челку, а две подрезанные пряди

Рис. 13. Белуджский головной убор

волос «зульф» спускают по обе стороны лица. Девушки, подобно женщинам, заплетают волосы в две косы, но вместо «зульф» заплетают косички, вплетаемые в задние косы.

Украшением женщин служат серебряные и позолоченные серьги, разные кольца, браслеты, широкие ажурные парные браслеты и ожерелья из цветных стеклянных бус или из бисера.

Выходная одежда женщин шьется из более дорогих, преимущественно шелковых тканей.

Под влиянием новой колхозной экономики коренным образом изменился пищевой режим колхозников белуджей. В прошлом основная масса белуджей вела полуголодное существование, т. е. жила так, как ныне живут нищие и полуголодные зарубежные белуджи. В условиях колхозного строя нынешний пищевой режим белуджей состоит из разнообразных мучных, мясных и молочных продуктов, растительных и животных жиров, большой запас которых в каждой колхозной семье свидетельствует о значительном росте благосостояния колхозников.

В обычный дневной рацион белуджей входит трехкратное, а летом четырехкратное принятие пищи, в том числе один или два раза — из горячих и мясных блюд. Колхозники и колхозницы весной, летом и осенью перед выходом на полевые работы пьют чай с лепешкой. В 9 часов утра принимают пищу непосредственно в поле. Она состоит из чая, хлеба, молока и других продуктов. Обед бывает в 2—3 часа дня. Обычно употребляется хлеб, чай, пресное или кислое молоко «тажек» либо одно из горячих молочных и нередко мясных блюд. Вечером готовится мясной суп «чорба» либо суп, заправленный салом, животным или рас-

тельным маслом «ругын». Часто готовится молочная лапша «аште жегин», плов, суп «урути», приготовленный из размоченного в воде сухого сыра «урут», запавленного луком, поджаренным в масле или сале, и другие блюда.

В качестве праздничных и лакомых блюд готовится плов («палов») жаренное в сале баранье мясо «даги», ячница «амур», печенье из сдобного теста, жаренного в масле или сале.

В летнее время к перечисленному прибавляются дыни, арбузы и овощи. Из овощей в большом ходу лук, морковь, перец, тыква. Постепенно начинают входить в употребление картофель и помидоры.

Из напитков, кроме зеленого чая, завариваемого для каждого члена семьи в отдельном чайнике, употребляется «чал», приготовляемый из кислого овечьего или верблюжьего молока.

Белуджи, подобно туркменам и другим народностям Средней Азии пищу принимают, сидя на полу. В каждом случае употребления пищи или даже чая с хлебом расстилается продолговатая, обычно шерстяная домотканная скатерть, в которой всегда хранится хлеб, выпекаемый в виде лепешек.

Белуджи до переселения на современную территорию советской Туркмении были поголовно неграмотными. Для ликвидации неграмотности — этого тяжелого наследия прошлого — правительство Туркмении из года в год увеличивало сеть школ, организовывало курсы и школы ликвидации неграмотности. Успешное выполнение закона о всеобщем обязательном обучении детей школьного возраста позволило достигнуть серьезных успехов в росте грамотности и культурного уровня белуджского населения.

В среде зарубежных белуджей число грамотных даже по официальной статистике едва достигает 5—8%¹¹, но среди крестьянского населения грамотность намного ниже. Белуджи Пакистана, Ирана и Афганистана не могут выбраться из культурной отсталости, потому что живущее впроголодь крестьянство, составляющее преобладающее большинство населения, лишено возможности дать образование своим детям. В этих странах огромные ассигнования на нужды армии и полиции тяжелым бременем ложатся на плечи трудящихся. В то же время на нужды образования и здравоохранения расходуются мизерные суммы.

В нашей социалистической стране созданы условия, полностью обеспечивающие трудящимся возможность использовать права, предусмотренные Сталинской Конституцией: право на отдых, на образование, право на материальное обеспечение в старости и в случае болезни. На культурные нужды населения расходуются огромные средства. Все дети белуджей школьного возраста охвачены учебой. Преподавание идет на туркменском языке, но учителями — выходцами из среды белуджей. Школа оказывает большое влияние на быт и культурный рост колхозников. Через школьников прививаются культурные навыки в каждой семье. Школа в белуджском колхозе является центром массово-просветительной работы, проводником новых идей среди населения.

Молодое поколение в нашу социалистическую эпоху со школьного возраста воспитывается в духе новых социальных отношений. Тесно связанные с жизнью колхоза, дети колхозников включаются в круг колхозных интересов и постепенно приобретают трудовые навыки коллективного труда. Они в свободное от учебы время работают в поле, помогая взрослым в обработке, сборе хлопка и в ряде других сельскохозяйственных работ.

Одним из важнейших центров массово-политической и культурно-

¹¹ М. Варенцов, На научном конгрессе в Индии, «Новое время», № 13 от 25 марта 1951 г., стр. 25; М. С. Иванов, Указ. раб., стр. 71.

просветительной работы в белуджском колхозном селе является изба-читальня, расположенная обычно в здании сельсовета. Здесь же, при сельсовете, имеется комната отдыха, где каждый вечер, а нередко и нем большая группа колхозников слушает радиопередачи и концерты царьской, ашхабадской, московской и ряда других радиостанций. Радиоприемники личного пользования являются также важным орудием внедрения в массы новой, социалистической культуры. В колхоз «Нокин Зиндиганы» и другие колхозы Куйбышевского района часто приезжает кинопередвижка. Кино в современных условиях превратилось в средство политического просвещения колхозных масс. Другим важным показателем культурного роста белуджей является число выпускаемых колхозниками газет. Так, колхозники «Нокин Зиндиганы» получали в 1950 г. две газеты на русском, 34 экземпляра республиканской и областной газет на туркменском языке и около десятка разных журналов. Большинство колхозников и колхозниц, а особенно молодежь, свободно владеют туркменским, а некоторые из них и русским языком.

Во всех белуджских колхозах Туркмении имеется в настоящее время своя трудовая интеллигенция. В одном только Куйбышевском районе Марыйской области работают учителя-белуджи Абас Аскеров, Амир Гульмамед, Хезрет Мадат и др., бухгалтера — Ширмамед Шаббаз, Шарип Мадатов, Гулам Мамедов, Мамед Латиев и многие другие. В сельсовете Нижние Белуджи уже более десятка лет существуют медико-санитарные учреждения: фельдшерский пункт, родильный дом, трахманный пункт, обслуживаемые национальными кадрами медицинских работников. Бесплатное и общедоступное медицинское обслуживание, предупредительные прививки против инфекционных заболеваний, периодические обследования состояния здоровья всего населения, своевременное обеспечение больных медикаментами снизили заболеваемость среди белуджей и вызвали их частое обращение к советским лечебным учреждениям.

На базе новой, социалистической экономики и возросшей культуры белуджей все более расцветает и народное творчество. Белуджи высоко ценят свои песни, былины, баллады. В них, по мнению белуджей, всегда отражался и отражается жизненный идеал народа. По словам колхозника колхоза «Нокин Зиндиганы» Джангиян Датхуда, являющегося одним из наиболее известных среди белуджей шаиrow (певцов), любимой песней белуджей Туркмении является «Насреджан», обычно исполняемая на всякого рода семейных и колхозных торжествах и в дни революционных праздников. При исполнении «Насреджан» и ряда других песен певцы обычно обновляют их содержание новыми строками, отражающими современную жизнь колхозников.

Празднование Первого мая, годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и других революционных праздников и советских юбилейных дат проходит с большим подъемом. После торжественной части собрания с докладом председателя колхоза либо секретаря партийной организации проходит премирование лучших производителей и активистов. Затем следует художественная часть с песнями и массовыми танцами, исполняемыми под аккомпанемент «зурны», «сораз», барабана и камышовой дудки «нал». Зурна у белуджей кавказского типа. Сораз — национальный смычковый инструмент — представляет собой род скрипки с металлическими и жильными струнами. Барабан «дол» — это продолговатый длиной до 0,6 м железный цилиндр, диаметром до 0,45 м, обтянутый с двух сторон сыромятной козьей кожей. При игре его вешают обычно на левое плечо и специальной изогнутой деревянной палкой ударяют правой рукой по одной стороне барабана, а с левой стороны играющий выбивает дробь ногтями на средний и безымянный пальцы плоскими палочками и время от времени ударяет всей ладонью руки по кожаной обтяжке.

Самым распространенным массовым танцем белуджей является «лат-бази», изображающий бой. Танцующие держат в руках короткие деревянные палки, которыми попеременно наносят резкие удары по палкам партнеров, движущихся спереди и сзади. Исполнение белуджами этого танца описано А. Барш¹². На всесоюзном фестивале народного танца в Москве в 1936 г. танец белуджей произвел большое впечатление на зрителей.

Другой интересный танец белуджей «дулаты» также изображает бой. Исполняется он двумя мужчинами с короткими палками в каждой руке. Попеременные удары палок противников являются ритмической основой этого танца.

Третьим современным массовым танцем является «чап». Его танцуют от 8 до 30 мужчин и женщин под аккомпанемент бубна «дайрак». Раньше чап танцевали мужчины и женщины отдельно.

Любимым народным развлечением белуджей является парная борьба, заключающаяся в том, что противники берут друг друга за пояса и стараются повалить на землю.

Изобразительное искусство белуджей связано с художественными промыслами. Это — цветной геометрический орнамент ковров, вышивки крестом цветными, в большинстве шелковыми нитками на мужских и женских рубашках, тюбетейках и разных мелких предметах домашнего быта. Особенно широкое распространение в быту колхозников белуджей получили ковры и ковровые изделия, изготавливаемые из овечьей и верблюжьей шерсти, окрашенной растительными красками в темно-коричневые цвета. Среди ковровых изделий наиболее часто встречаются различного рода сумки, значительная часть которых украшена характерными для белуджей кистями, бахромой или, как отмечалось выше, обшиты мелкими белыми раковинами «каури».

В процессе огромных изменений, происшедших в хозяйстве, быту и культуре белуджей, складывалось и развивалось новое, социалистическое сознание. Принадлежность белуджей к отдельным родовым подразделениям и группам потеряла всякое значение в современной советской экономической и общественной жизни. Все больше и больше развивается и крепнет национальное самосознание белуджей, чувствующих себя свободными, полноправными гражданами великого Советского Союза.

Систематический и устойчивый рост материального благосостояния и культурного развития колхозников белуджей Туркменистана имеет твердую основу — советский социалистический строй.

Великие преобразования в жизни белуджей Туркменской Советской Социалистической Республики являются яркой иллюстрацией того, что говорил товарищ Сталин об итогах национальной политики советской власти в докладе о проекте конституции СССР: «Отсутствие эксплуататорских классов, являющихся основными организаторами международной драки; отсутствие эксплуатации, культивирующей взаимное недоверие и разжигающей националистические страсти; наличие у власти рабочего класса, являющегося врагом всякого порабощения и верным носителем идей интернационализма; фактическое осуществление взаимной помощи народов во всех областях хозяйственной и общественной жизни; наконец, расцвет национальной культуры народов СССР, национальной по форме, социалистической по содержанию, — все эти и подобные им факторы привели к тому, что изменился в корне облик народов СССР, исчезло в них чувство взаимного недоверия, развилось в них чувство взаимной дружбы и наладилось, таким образом, настоящее братское сотрудничество народов в системе единого союзного государства»¹³.

¹² А. Барш, Белуджи, журн. «Народное творчество», 1937, № 4, стр. 41.

¹³ «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 513—514.

У белуджей же, проживающих на управляемых и контролируемых Англией территориях, попрежнему господствуют феодальные отношения с значительными пережитками патриархально-родового быта. В течение многих десятилетий владычества английского империализма в Белуджистане не было сделано ничего для развития народного хозяйства и культуры белуджей. Сельское хозяйство и скотоводство до настоящего времени сохраняют те же экстенсивные формы, что и до прихода англичан, но угнетение и эксплуатация крестьянства приняли чудовищные размеры.

Коренные изменения в жизни советских белуджей являются ярким свидетельством того, что, только сбросив колониальный и социальный гнет, поработенные народы мира смогут выйти на путь быстрого и успешного развития.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

А. И. ПЕРШИЦ

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ БЫТ КОЧЕВНИКОВ САУДОВСКОЙ АРАВИИ

Саудовская Аравия, занимающая всю северную и центральную часть пустынного Аравийского полуострова, еще двадцать лет назад была известна в качестве одной из классических областей кочевого скотоводства и лишь отчасти — оазисного земледелия. В 30-х годах Саудовская Аравия стала еще и страной нефти, ареной безудержной экспансии американских нефтяных монополий, фактически завладевших страной. В этих условиях хозяйственный быт населения «страны песков и нефти» сделался особенно интересен и показателен для понимания того порядка, который насаждается империализмом в колониях и полуколониях США.

В конце XIX и начале XX в., до первой мировой войны, не менее двух третей населения нынешней Саудовской Аравии занималось кочевым скотоводством. Среди кочевников абсолютно преобладали верблюдоводы, которые, в отличие от полuosедлых овцеводов Ирака, Сирии и Палестины, называются в Аравии бедуинами, т. е. «жителями пустыни». Будучи главной основой бедуинского хозяйства, одnogорбый аравийский верблюд использовался бедуинами самым универсальным образом. Молоко и мясо шли в пищу, шерсть — для изготовления верхней одежды и мешков, шкура — для выделки обуви и ремней, навоз — для топлива, даже моча служила для мытья и в качестве лекарственного средства. Ежегодная продажа верблюжьего молодняка давала бедуинам возможность покупать зерно, финики, изделия городского ремесла, но многие бедняки-бедуины питались почти исключительно одним верблюжьим молоком в пресном и кислом виде¹.

Вместе с тем, до первой мировой войны верблюд являлся единственным транспортным средством не только для самих бедуинов, но и для многочисленных торговых караванов и караванов хаджжей, что позволяло бедуинам наниматься проводниками, отдавать животных внаем и, главное, создавало обширный рынок сбыта верблюдов. Покупкой их занимались укейли — старинная, широко разветвленная корпорация торговцев верблюдами, имевшая главный центр в Багдаде, а своих представителей — почти в каждом крупном бедуинском племени.

¹ Euting, Tagebuch einer Reise in Innerarabien, Leiden, 1896, I, стр. 94; A. El-Aref, Beduin love law and legend, Jerusalem, 1944, стр. 172.

О том, какое место занимал верблюд в жизни бедуина, говорит уже то обстоятельство, что классификация этих животных по возрасту, полу и качеству включает свыше 100 терминов, а слова «верблюд» и «красота» происходят от одного корня. К сожалению, точные цифровые данные о количестве верблюдов в бедуинском хозяйстве имеются только для начала XIX в.: 300—400 голов в стаде шейха, 60 — у богатого кочевника, 30—40 — у зажиточного, 10 — у бедняка². Буржуазные авторы конца XIX — начала XX в., игнорируя имущественное расслоение среди бедуинов, сообщают лишь средние цифры: 50 верблюдов на хозяйство у бедуинов аназа³, 20 — у бедуинов шарарат и хувейтат⁴.

Скотоводческое хозяйство бедуинов связано с сезонными перекочевками в поисках пастбищ. Почти все бедуинские племена имели три квартиры: зимнюю, весеннюю и летнюю. Зимой, в период дождей, пустынные пространства Аравийского полуострова покрываются зеленой растительностью, в особенности «хада» — красноватым, с мясистыми зелеными листьями кустарником до полутора метров высотой. Это — любимый корм верблюдов; во время обильных дождей они объедаются настолько, что начинают болеть, и пастухи завязывают им морды. Влажный зеленый корм позволяет верблюдам обходиться без воды до 3—4 недель; люди восполняют недостаток воды верблюжьим молоком, в результате чего в зимний период бедуинские племена почти не связаны водными источниками. С наступлением весны (апрель — май) зеленые пастбища под действием солнца высыхают. Верблюды нуждаются в водопоях приблизительно раз в четыре дня, и племя вынуждено перекочевывать на весеннюю квартиру, в окрестности временных дождевых луж или искусственных водохранилищ. Последние чаще всего высечены из камня и имеют несколько метров глубины; нередко большие подземные хранилища воды, в которые ведет колодец с лестницей. Когда, наконец, иссякают и эти водные ресурсы, племя перекочевывает на летнюю квартиру, к постоянным источникам воды, расположенным в земледельческой зоне. Здесь бедуины проводят два самых сухих месяца — июль и август. Верблюды пасутся в окрестных степных районах и, по древнему обычаю, на скошенных крестьянских полях. Здесь же бедуины продают продукты верблюдоводства и запасаются зерном, финиками, необходимыми товарами. С первым осенним дождем — в конце августа или в начале сентября — племя снова уходит в пустыню, и все стадии кочевки повторяются⁵.

Несколько отличен, повидимому, малоизвестный порядок кочевания бедуинских племен центральной Аравии. Климатические условия здесь иные: на широте Мекки имеют место как субтропические зимние, так и тропические летние дожди, а еще южнее последние преобладают.

Двигаясь по традиционным, строго установленным маршрутам, крупные бедуинские племена Аравии пересекали огромные пространства пустыни. Амплитуда перекочевок аназского племени субаа в начале нашего века достигала 1 200 км; у аназских племен руала и амарат эти амплитуды были еще больше⁶. Такой тип кочевания чрезвычайно ограничивал бедуинов в разведении других видов скота. Овцы и козы не могут обходиться без воды сколько-нибудь значительное время, а это не позволяет бедуинам брать их с собой в пустыню. Поэтому бедуины, как

² J. Burkhard, *Bemerkungen über die Beduinen und Wahaby*, Weimar, 1831, стр. 56.

³ Ch. Grant, *The Syrian Desert*, London, 1937, стр. 21; «*Handbook of Arabia*», London, 1920, стр. 50.

⁴ «*Handbook of Arabia*», стр. 61.

⁵ А. Щербатов и С. Строганов, *Книга об арабской лошади*, СПб., 1909, стр. 52; A. Musil, *The manners and customs of Rwala Beduin*. N. Y., 1928, стр. 338.

⁶ A. Boucheman, *Matériaux de la vie bédouine Sbaa*, «*Documents des Etudes Orientales*», vol. 4, стр. 8.

правило, не имели рогатого скота и даже вынуждены были покупать у овцеводов полотнища для палаток, которые изготавливаются не из верблюжьей, а из козьей шерсти. Равным образом, весьма ограничено в бедуинских кочевьях и число лошадей: лошадь служит здесь только для верховой езды и рассматривается как признак немалого богатства ее владельца⁷.

Земледелием до первой мировой войны бедуины не занимались. О крупнейшем бедуинском племени северной Аравии — аназа — официальный английский справочник еще в 1920 г. сообщал, что «плуг не тронул ни одной пяди их территории»⁸. Исключение представляла племенная верхушка — шейхи, нередко владевшие плодородными участками земли, рощами финиковых пальм, иногда целыми оазисами, как, например, оазис Джоф, принадлежавший шейхам аназского племени руала⁹. В одних случаях такие земли являлись уже собственностью шейхов, в других — считались еще коллективной собственностью бедуинского рода или племени, но фактически они всегда принадлежали только шейхам. Однако во всех случаях обработкой земли занимались в описываемый период не рядовые бедуины, которые эксплуатировались в скотоводческом хозяйстве, а шейхские рабы-негры, вольноотпущенники или арендаторы-феллахи. Применительно к двум первым десятилетиям нашего века такой порядок описан для аназских племен валад сулейман и руала¹⁰, нежджских бедуинов субаи¹¹, бедуинов шаммар¹² и др.

Как уже отмечалось, бедуины-верблюдоводы составляли огромное большинство среди всех кочевых скотоводов северной и центральной Аравии. Широко распространенное в Сирии, Ираке и Палестине полукочевое овцеводство в Аравии не получило сколько-нибудь значительного развития из-за отсутствия травянистых пастбищ и скудости водных ресурсов. Однако и здесь имелось некоторое количество полuosедлых овцеводов (Неждж, Джебель Шаммар) и козоводов (горные долины Хиджаза).

Хозяйство полuosедлых племен характеризовалось совмещением кочевго скотоводства с более или менее интенсивным земледелием. Основой скотоводческого хозяйства являлся мелкий рогатый скот, занимавший в жизни полукочевника почти такое же место, как верблюд в жизни бедуина. Разведение крупного рогатого скота в подавляющем большинстве племен развито не было. Число верблюдов было невелико; часто их не было совсем, а для транспортных целей служили крупные аравийские ослы или мулы. Имелись лошади — в большем, чем у бедуинов, количестве, но худшего качества. Кочевание происходило лишь в зимнее время, в период обильных дождей, когда скотоводы имели возможность уходить в пустыню и проводить здесь несколько месяцев, перегоняя стада от одной дождевой лужи к другой. Амплитуда перекочевов никогда не превышала 200—300 км, а некоторые племена или роды, имевшие немного скота и ограниченные в своих выючно-транспортных возможностях, кочевали всего лишь километров на 20. Проводя большую часть года в местах с постоянным водоснабжением, а следовательно, пригодных для земледелия, овцеводы в огромном большинстве случаев совмещали свое скотоводческое хозяйство с обработкой земли: осенью, перед откочевкой на зимние пастбища, они вспахивали и засевали небольшие участки земли, для охраны которых оста-

⁷ C. Guarmani, Northern Najd, London, 1938, стр. 16; «Arabia», London, 1920, стр. 68; K. Raswan, Im Lande der schwarzen Zelten, Berlin, 1934, стр. 151.

⁸ «Handbook of Arabia», стр. 46.

⁹ A. Musil, Указ. соч., стр. 58.

¹⁰ «Arabia», стр. 67, 81; cp. C. Guarmani, Указ. соч., стр. 82.

¹¹ H. St.-J. Philby. The Heart of Arabia, London, 1922, vol. I, стр. 171.

¹² R. Montagne, Contes poétiques bédouines, «Documents des Études Orientales», vol. 5 стр. 38, 115.

валось несколько семейств. Крупные земельные владения имела только племенная верхушка, которая эксплуатировала здесь негров-вольноотпущенников, арендаторов-феллахов и своих обедневших соплеменников¹³.

В зависимости от соотношения скотоводческого и земледельческого укладов различались две группы полукочевников: швайа («рассеянные», «разделенные») и райа («стадо»). У швайа овцеводство (реже козоводство) составляло основу хозяйства, а земледелие носило подсобный, второстепенный характер. Швайа имели значительные стада, прочно сохраняли кочевые традиции, жили круглый год в шерстяных палатках, не имея оседлых домов даже в районе летовок. В своем небольшом земледельческом хозяйстве швайа культивировали только зерновые — ячмень, рожь, пшеницу. К райа относились племена, у которых удельный вес земледелия преобладал над скотоводством. Характерным для них было максимальное использование посевной площади, разнообразный ассортимент сельскохозяйственных культур, очень небольшая амплитуда кочевания, замена верблюда, как основного транспортного животного, ослом или мулом. Незначительное поголовье овец и коз лишь до некоторой степени восполнялось у райа наличием крупного рогатого скота и домашней птицы. Кочевыми палатками райа пользовались не более 2—3 месяцев в году, а остальное время проводили в оседлых жилищах: глинобитных домах, соломенных или пальмовых хижинах¹⁴. Необходимо, впрочем, оговорить, что далеко не всегда можно с уверенностью отнести полукочевое племя к разряду швайа или райа. Во многих североарабских племенах хозяйственный уклад варьировал таким образом, что одни роды вели хозяйство типа швайа, другие — типа райа, третьи были вполне оседлы¹⁵. Эта хозяйственная неоднородность внутри одного и того же племени подтверждает, таким образом, слова Маркса о том, что «у всех восточных племен можно установить общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся с самого начала истории кочевым бытом другой части»¹⁶.

Охарактеризованный нами в основных чертах хозяйственный быт кочевых скотоводческих племен являлся типичным для подавляющего большинства населения северной и центральной Аравии вплоть до начала 20-х гг. нашего века. Это преобладающее, несмотря на тысячелетний процесс оседания кочевников, положение кочевого скотоводства в областях Аравийского полуострова объяснялось двумя причинами. Первой и, думается нам, основной причиной было отсутствие на территории северной и центральной Аравии сколько-нибудь значительных водных ресурсов, вследствие чего переходившие к овцеводству, а затем и к оседлому земледелию кочевые племена должны были выселяться в прилегающие к полуострову районы Сирии и Ирака. Подтверждением этому служит история расселения арабских племен, представляющая собой картину постоянного движения с юга на север, из внутренней Аравии в Сирийскую пустыню и южную Месопотамию; конкретные примеры являет история племен бени тамим¹⁷ и тайй¹⁸, месопотам-

¹³ «Arabia», стр. 68, 74; A. Musil, Указ. соч., стр. 44; cp. El-Aref, Указ. соч., стр. 23; A. Boucheman, Notes sur la rivalité des deux tribus moutonnières: Mawali et Hadedijjin, «Revue des Etudes Islamiques», vol. 8, 1934, стр. 31, 46; «Review of the civil administration of Mesopotamia», London, 1920, стр. 21.

¹⁴ A. Musil, Указ. соч., стр. 44; cp. A. El-Aref, Указ. соч., стр. 22 и сл.; M. F. Jamali, The New Iraq: its problem of beduin education, N. Y., 1934, стр. 67.

¹⁵ I. van Ess, Meet the Arab, N. Y., 1943, стр. 65; cp. H. Field, The anthropology of Iraq, Chicago, 1940, стр. 27.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сборник избранных писем, М.—Л., 1931, стр. 78.

¹⁷ Hudūd al-'Alam, London, 1937, стр. 146; C. Guarmani, Указ. соч., стр. 89; A. Musil, The Middle Euphrates, N. Y., 1927, стр. 139.

¹⁸ R. Montagne, Указ. соч., стр. 37.

ских шаммаров¹⁹ и аназских племен валад али, федаан и субаа²⁰. Вторая причина — неоднократно засвидетельствованный рядом авторов встречный процесс перехода полuosедлых и оседлых арабов к кочевому верблюдоводству²¹, что вызывалось недостатком плодородных земель, упадком ирригационной системы или налоговым гнетом. Встречный процесс «бедуинизации» в известной степени нейтрализовал действие процесса оседания и тем самым поддерживал отмеченное Марксом соотношение между оседлостью и кочевым бытом.

Первый чувствительный удар установившемуся соотношению был нанесен еще в XIX в., когда отсталые натурально-замкнутые страны Аравийского полуострова были вовлечены в сферу мирового капиталистического рынка и начали все сильнее ощущать конкуренцию товарного капиталистического животноводства Австралии, Аргентины, Южно-Африканского Союза. Начинаясь упадок кочевого скотоводства выразился в усилении тяги кочевников к оседлому земледелию, но это стремление не было еще всеобщим, не носило еще массового характера. Положение коренным образом изменилось в 20-х гг. нашего века, когда постепенная до тех пор деградация кочевого скотоводческого хозяйства сдвигалась катастрофической.

Разразившийся в 20-х гг. мировой сельскохозяйственный кризис нанес тяжелый удар всем типам хозяйства североарабских племен, но особенно сокрушительным оказался для бедуинского верблюдоводства. После первой мировой войны империалистические колонизаторы Ближнего и Среднего Востока, стремясь наиболее выгодно использовать захваченные рынки сбыта, источники сырья и одновременно подготавливая стратегические линии и базы для новой войны, занялись строительством автомобильных, а позднее и железных дорог. Автомобильные дороги были проведены не только в Иране, Ираке, Турции, Сирии, Египте и т. д. но прошли почти по всем древним торгово-паллигримским караванным путям внутренней Аравии: Медина — Тебук — Дамаск, Джидда — Мекка — Рийад, Рийад — Кувейт, Рийад — Кати́ф, Джидда — Медина — Хаиль, Хаиль — Неджеф и др.²² Уже первая транса́равийская автомобильная линия, пересекая в 1923 г. Сирийскую пустыню, позволила совершать за 20 часов путь, для которого каравану верблюдов требовалось 30 дней, не говоря уже о том, что автотранспортировка обходилась в несколько раз дешевле. Понятно, что тысячелетний выучный транспорт не мог бороться с современными средствами сообщения, и верблюдоводы не только лишились возможности сдавать животных внаем и сопровождать караваны, но и столкнулись с огромным понижением спроса и цен на верблюдов. Если раньше багдадские укейли в огромном количестве скупали верблюдов по всей северной и центральной Аравии, то теперь не находили сбыта даже собственно иракские верблюды. «До войны, — сообщалось в донесении одного из инспекторов британской мандатной администрации Ирака, — хорошие рынки сбыта иракских верблюдов имелись в Сирии, Турции и Персии, а часть оставлялась для транспортных целей в самом Ираке. После войны... шоссейная система во всех странах была значительно расширена; эти шоссе в настоящее время прекрасно служат для большого и растущего числа автомобилей и грузовиков, которые в огромном большинстве случаев заняли

¹⁹ R. Montagne, Указ. соч., стр. 40—41.

²⁰ C. Guarmani, Указ. соч., стр. 90; «Handbook of Arabia», стр. 45; A. Musil, Arabia Deserta, N. Y., 1927, стр. 116.

²¹ C. Guarmani, Указ. соч., стр. 56; H. Sykes, Journeys in North Mesopotamia, «Geographical Journal», vol. 30, 1907, стр. 250; Longrigg, Four centuries of modern Iraq, Oxf., 1925, стр. 209; Luke and Keith-Roach, The Handbook of Palestine and Trans-Jordan, London, стр. 40, 1934; M. F. Jamali, Указ. соч., стр. 37.

²² A. Mac-Kie Frood, Recent economic and social developments in Sa'oudi Arabia, «Geographie», vol. 24, 1939, стр. 164.

место вьючного транспорта и практически уничтожили, таким образом, доходы бедуинов от продажи верблюдов»²³.

По данным Эль-Арефа, хороший грузовой верблюд стоил на Ближнем Востоке до войны 20—30 фунтов, во время войны 50—100 фунтов, а в 20-х гг. цена упала до 3—6 фунтов стерлингов. Так же обстояло дело и с коневодством: цена кровной лошади среднего качества упала со 100 до 20 фунтов²⁴.

При самом критическом отношении к приведенным выше тенденциозным сообщениям представителей английской мандатной администрации, умышленно преувеличивавших в числе других «достижений» империалистической колонизации и механизацию транспортных средств, совершенно несомненно, что в новых условиях верблюдоводческое хозяйство бедуинов вступило в период настоящего кризиса. Разрушающееся кочевое хозяйство не могло быть спасено и имевшими место в это время попытками перехода от верблюдоводства к овцеводству²⁵, так как и само овцеводство переживало в 20-х гг. тяжелый упадок, обусловленный мировым сельскохозяйственным кризисом²⁶.

Экономический кризис и начавшаяся замена вьючного транспорта автомобильными были основными причинами катастрофического упадка кочевого скотоводческого хозяйства североарабских племен и их массового стремления к оседлому земледелию. Некоторую роль в деле оседания кочевников сыграла политика нового Саудовского государства, объединившего в 20-х гг. все области северной и центральной Аравии.

В 1921 г. эмир Неджда Абд-уль-Азиз Ибн Сауд окончательно расправляется со своим старинным врагом и соперником эмиром Джебель Шаммара и присоединяет эту территорию к своим владениям. В 1922 г. он отбирает у аназских племен оазис Джоф, в 1924 г. захватывает горную часть Асира. Завоевание Хиджаза в 1926 г. превращает небольшой до того времени эмират в королевство Хиджаз, Неджд и Присоединенные области, переименованное в 1932 г. в Саудовскую Аравию. Новое государство занимает территорию в полтора миллиона квадратных километров и, по самому скромному подсчету, имеет свыше четырех миллионов населения, но две трети этого населения — кочевые племена²⁷, управляемые непокорными, сепаратистски настроенными, почти независимыми племенными шейхами. Сбирать налоги с этих «неуловимых бедуинов» было нелегким делом, особенно трудным также и потому, что разоренные, обнищавшие скотоводы не только не хотели, но и не имели возможности платить налоги. Таким образом, Ибн Сауды, стремившиеся централизовать свое феодальное государство и иметь сколько-нибудь значительную государственную казну, прежде всего должны были заняться организацией расстроенной хозяйственной жизни, что в условиях острого кризиса кочевого хозяйства могло означать лишь перевод кочевников к оседлому земледелию. «Бедуины,— пишет по этому поводу арабский писатель Амин Рейхани, впадая в преувеличенно восторженный тон,— были наиболее трудной проблемой, которую Абд-уль-Азизу надлежало разрешить на его пути. Он разрешил ее оригинальным и вполне современным образом, и поэтому султан Абд-уль-Азиз является реформатором, подобного которому Аравия не знала со времен пророка... Он должен был: 1) покорить бедуинов, 2) сделать из них хороших ваххабитов и 3) привязать их к земле»²⁸.

²³ М. Ф. Jamali, Указ. соч., стр. 63.

²⁴ A. El-Aref, Указ. соч., стр. 190—191.

²⁵ K. Raswan, Указ. соч., стр. 152.

²⁶ См. A. Boucheman, Notes sur la rivalité des deux tribus moutonnières: Mawali et Hadedijjin, стр. 43—45; М. Ф. Jamali, Указ. соч., стр. 136.

²⁷ A. Mac-Kie-Francis, Указ. соч., стр. 162; H. St.-J. Philby, Arabia, London, 1930, стр. 222.

²⁸ A. Rihani, Ibn Sa'oud of Arabia, his people and his land, London, 1928, стр. 191.

Первая попытка перевода бедуинов к оседлости была предпринята Ибн Саудом еще в 1912 г., когда на основе колодезной ирригации была основана первая хиджра (ваххабитская земледельческая колония) бедуинского племени мутайр. Опыт был удачным, вскоре появились небольшие хиджры в племенах аджман и атайбан, но к относительно широкому освоению новых земель и к переводу значительных бедуинских групп на оседлость Ибн Сауд приступил лишь в 20-х гг. и лишь в силу отмеченных выше обстоятельств. А. Рейхани, посетивший Рийад во второй половине 20-х гг., называет около 60 хиджр, организованных Саудовским правительством в различных бедуинских племенах внутренней Аравии:

хиджры мутайр	— Иртавийа, Фрайсан, Мулайх, аль-Имар, аль-Итла, аль-Иртави, Миска, аш-Шиб, Зурайа, Верхняя Карна, Нижняя Карна, Судайр, Нукайр, Имбад;
хиджры аджман	— ас-Сиррар, Хунайз, ас-Сихаф, аль-Уджайр, Урайра;
хиджры бени хаджар	— Айн-Дар;
хиджры авазим	— Тадж, аль-Хаси, аль-Ханнат, аль-Атик;
хиджры атайбан	— Гатгат, Дахна, ас-Савх, Саджар, Арджа, Усайла, Нуфай, Ирва, ас-Санам, ар-Равла;
хиджры хитайм	— Бинван;
хиджры бени мурра	— Бенак, Убейрак;
хиджры давасир	— Мутайрака, Вусайта;
хиджры кахтан	— Хайатам, Джуфайр, Хисат, Верхн. ар-Райн, Нижн. ар-Райн;
хиджры харб	— Духна, Шубайкийя, Дулаймийа, Курайн, Садака, Хулайфа, Хунайзал, Буруд, Джбаа;
хиджры шаммар	— аль-Джафр, Ровд-уль-Уйуи ²⁹ .

Число хиджр возрастает к началу 30-х гг., т. е. ко времени дальнейшей централизации Саудовского государства. В 1934 г. насчитывается 140 хиджр, половина которых основана на вновь открытой воде. Первая хиджра Иртавийа достигает к этому времени 12 000 человек, общее количество осевших бедуинов — 200 000 человек. Во всей внутренней Аравии не остается ни одного бедуинского племени, не давшего одной или нескольких хиджр; не перешедшего в той или иной степени к оседлому земледелию ³⁰. Цифровые данные о росте хиджр после 1934 г. отсутствуют.

Переводя бедуинов к оседлости посредством устройства хиджр, Саудовское правительство в первую очередь преследовало цели податной и военной организации. Население хиджр, называемое ихванами («братьями»), делится на три категории: ваххабитских священников — мутава, торговцев и основную массу — земледельцев, часть которых занимается также и отгонным скотоводством, так как многие хиджры имеют собственный пастбищный округ. Последние две категории являются военнообязанными и распадаются на джихад — постоянное вооруженное отобилизованное войско, рекрутируемый из скотоводов резерв и торгово-земледельческий запас второй очереди ³¹. Находясь под сильным влиянием и постоянным надзором мутава, ихваны представляют собой относительно наиболее исправных налогоплательщиков и наиболее надежный контингент войск Саудовского государства. Относительно — потому, что ваххабитская пропаганда не помешала значительной части ихванов принять активное участие в восстаниях 1928—1929 гг.

Таким образом, действуя в своих узко классовых интересах, феодальное правительство Саудовской Аравии в 20-х и 30-х годах перевело известную часть бедуинов к оседлому земледелию. Однако возможность

²⁹ A. Rihani, Указ. соч., стр. 198—199.

³⁰ A. Mac-Kie Frood, Указ. соч., стр. 162.

³¹ A. Rihani, Указ. соч., стр. 194, 223; A. Mac-Kie Frood, Указ. соч., стр. 166.

осесть на землю получили далеко не все к этому стремившиеся, — огромное количество бедуинов, ввиду недостатка орошенных земель, вынуждено было попрежнему заниматься кочевым верблюдоводством. Массовое разорение рядовых бедуинов, совпавшее с резким усилением феодального и налогового гнета в централизованном Саудовском государстве, вызвало в конце 20-х гг. ряд восстаний бедуинских племен против Саудовского правительства. Именно такой характер носили восстания хиджазского племени харб в 1927 г., хассского племени аджман в 1929 г. Антифеодальными в основе были и произошедшие в 1928—1929 гг. восстания нежджских бедуинов мутайр и атайбан, хотя эти восстания и были спровоцированы Англией, использовавшей «инцидент» для захвата нейтральной территории, пограничной с Ираком³².

Восстания кочевых племен были жесточайшим образом подавлены Ибн Саудами, вырезавшими целые бедуинские роды, но так и не принявшими действительно радикальных мер к улучшению положения разоренных кочевников. Нищая с каждым годом все больше и больше, рядовые кочевники массами попадают в кабалу к собственным шейхам и оседлым феодалам, переводящим их на положение полукрепостных пастухов и мелких арендаторов-издольщиков. Другая значительная часть обнищавших кочевников уходит на заработки в промышленные районы страны, где попадает в лапы империалистических монополий, давно уже проникших в пределы Саудовской Аравии.

Еще в 1914 г. Англия, находившаяся в состоянии войны с Турцией и стремившаяся использовать в борьбе с нею арабов, в обмен на небольшую ежегодную субсидию добилась от Ибн Сауда ряда существенных обязательств. Английское влияние продолжало оставаться господствующим и в послевоенной Саудовской Аравии, но с начала 30-х годов нефтяные богатства и важное стратегическое положение Аравийского полуострова привлекли к себе пристальное внимание американского империализма. Англия, как более слабый хищник, вынуждена была уступить. Американские нефтяные монополии закрепились на Бахрейнских островах, а в 1933 г. Аравийско-Американская нефтяная компания (АРАМКО) добилась от Ибн Сауда 60-летней концессии на разработку нефтяных месторождений на площади в 250 000 кв. миль с этого времени сделалась фактическим хозяином Саудовской Аравии. В конце 30-х гг. начались добыча нефти, строительство военных баз, позднее — прокладка нефтепроводов. Центр американской нефтедобывающей промышленности в Саудовской Аравии — Дахран — превратился в значительный город и одновременно в сильную военно-воздушную базу.

Здесь, на предприятиях АРАМКО, на строительствах и нефтепромыслах, ищут работы тысячи разоренных арабских кочевников-скотоводов. Нередко бедуины загоняются сюда насильно племенными шейхами, поставляющими компании рабочую силу, а затем присваивающими себе значительную часть заработка своих «соплеменников». Сведения о положении рабочих АРАМКО весьма отрывочны, но и эти немногие данные позволяют составить достаточное представление об условиях жизни, труде и заработной плате «свободных бедуинов» современной Аравии.

Отходники-бедуины работают на предприятиях АРАМКО преимущественно чернорабочими. Рабочий день длится не менее 12—14 часов, общее количество праздничных дней в году не превышает 8. Ничтожная заработная плата, составляющая в среднем 6—10 пиастров в день, систематически урезывается штрафами и прямым обчетом неграмот-

³² Рафик Муса. Реформы в Геджасе, «Мусульманский мир», 1928, № 1, стр. 55; Е. Вейт, Аравия, М., 1930, стр. 81—82; ср. Report by His Majesty's Government in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland to the Council of the League of Nations on the administration of Iraq for the year 1930, стр. 34.

ных рабочих в дни получки. Рабочего законодательства в Саудовской Аравии нет совершенно, организация профессиональных союзов запрещена, рабочее движение преследуется. Малейшее проявление недовольства со стороны рабочих подавляется собственной полицией АРАМКО, набираемой из сомалийцев. Для того чтобы задержать культурный рост и политическое развитие рабочих-арабов, администрация АРАМКО всемерно поддерживает патриархально-родовые и религиозные ваххабитские традиции. Во владениях компании процветает кровавая месть, «согрешившие» женщины побиваются камнями, посещение кино или игра на музыкальных инструментах влекут за собой телесные наказания, за кражу рубят правую руку и т. п. Не лучше и сохраняемые американскими колонизаторами чисто бытовые условия. На предприятиях АРАМКО нет даже бараков, рабочие живут в полуразвалившихся глинобитных лачугах. В Джидде имеется большая превосходно оборудованная американская поликлиника, но арабам вход в нее запрещен³³.

Таковы способы, посредством которых американские нефтяные монополии получают в Саудовской Аравии баснословные прибыли. Известно, что в 1947 г. чистый доход АРАМКО составлял 68 млн. долларов.

Все приведенные нами данные свидетельствуют о том, что хозяйственная жизнь основной массы кочевников современной Саудовской Аравии находится в состоянии тяжелого упадка. Ирригационная деятельность феодального Саудовского правительства перевела к оседлости лишь некоторую часть кочевников, между тем как огромное большинство разоренных бедуинов попрежнему вынуждено заниматься примитивным кочевым скотоводством, в условиях капиталистического рынка совершенно нерентабельным. Фактическая запродажа Ибн Саудом своей страны американскому империализму еще более ухудшила бедственное положение рядовых бедуинов, в известной своей части вынужденных работать в тяжелейших условиях и за грошевую плату на предприятиях американских нефтяных монополий.

Антиимпериалистическое движение в странах Востока растет и ширится. События в Египте и Иране показывают, что народы Ближнего и Среднего Востока не намерены больше терпеть вмешательство иноземных захватчиков во внутренние дела своего государства, наглую эксплуатацию национальных богатств своей родины.

Экономическая, общественная и культурная отсталость Саудовской Аравии, наличие здесь все еще разрозненных, сохраняющих хозяйственную и культурную обособленность групп оседлого и кочевого населения, крайне низкий в целом уровень промышленного развития страны — все это пока еще препятствует национальной консолидации арабов Саудовской Аравии, затрудняет их антифеодальную и освободительную антиимпериалистическую борьбу. Однако и в этих условиях в Саудовской Аравии зреет классовое и политическое сознание трудящихся масс населения, воля к борьбе за свободу, за избавление от гнета американского империализма и тесно связанной с этим борьбе за мир. С этим растущим народным движением арабских рабочих, крестьян и скотоводов вынуждена уже считаться и господствующая феодальная верхушка страны: антиимпериалистические настроения народных масс — одна из главных причин, которыми объясняется отказ тесно связанного с американскими монополиями правительства Саудовской Аравии послать войска в помощь американской агрессии в Корею³⁴.

³³ А. С т у п а к, В Саудовской Аравии, «Огонек», 1939, № 13; М. И в а н ч е н к о, Страна песков и нефти, «Вокруг Света», 1948, № 6; сообщения в «American Magazine» (October, 1947) и «New York Times Magazine» (January, 1948), приводимые в статье: В. Л у ц к и й. Там, где царят американские рабовладельцы, «Правда Востока» от 26 февраля 1949 г.

³⁴ «Известия» от 6 августа 1950.

Г. М. ПЕТРОВ

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ КУРДОВ СЕНДЖАБИ В ИРАНЕ

Курды сенджаби занимают плодородную долину Махидешта в 50 км с лишним западнее Керманшаха¹. Решением меджлиса в мае 1914 г. были определены районы пастбищ курдов сенджаби, «чтобы сенджаби считали эти земли своей собственностью и не платили налогов Багдаду»². Указание на Багдад свидетельствует о том, что раньше курды сенджаби признавали власть багдадских правителей. Это, может быть, следует объяснить тем, что племя сенджаби образовалось в результате объединения нескольких родов, говоривших на различных диалектах курдского языка (сенджаби, гурани, джафи), в частности и тех родов, которые прибыли из Ирака (Далиян, Суфи, Хесроу, Али вали, Куль куль, Кака, Назке). Кроме того, племя сенджаби включало некоторые роды, перекочевавшие в 1730—1740-х годах из Фарса (бахтиарский род Чалави, Аббасвенд, Довлетменд, Маджрилак, Дархор). Наконец, в это племя вошли также роды, переселившиеся из Луристана (Сейменевенд, Джалильвенд, Сурхавенд, Бахи, Хейравенд)³. Все указанные выше роды входили раньше в состав племени зенгене, а затем в состав племени гуран⁴. Племя сенджаби, по данным 1915 г., насчитывало до 3000 семейств⁵. По сведениям 1944 г. в него входило 2000 семейств⁶. Последнюю величину можно считать более вероятной и для настоящего времени. В состав племени сенджаби входили следующие роды.

По данным 1915 г.

1. Чалави
2. Суфи
3. Сейменвенд
4. Джалильвенд
5. Сурхавенд
6. Хакк Назар хани
7. Дасте джа
8. Дархор
9. Алай хани
10. Аббасвенд

По данным 1948 г.

1. Сенджаби
2. Дасте джа
3. Аббасвенд — 200 семейств. Раньше в этом роду было 1500 семейств⁷.
4. Хурде дасте. Земледельцы. Этот род включал группы семейств: Сейменвенд, Джалильвенд, Серхаки, Сурхавенд, Баги (Бахи)
5. Довлетменд — 200 семейств. Этот род включал группы семейств: Дувавейран, Довлетменд, которые раньше входили в род Чалави.
6. Дархор — 200 семейств (раньше в этом роду было 400 семейств)
7. Далиян — свыше 1000 семейств. Этот род включал следующие группы семейств: Суфи, Али вали, Хесроу, Хакк Назар хани, Куль куль

¹ محمد کیوان پورمکری عشا یرکرد مجله یادگار; год 5-й, 1948, № 4—5, стр. 54.
H. Field, Contributions to the anthropology of Iran, vol. 29, № 1, Chicago, December 15, 1939, стр. 81.

² یادگار; год 4-й, 1947, № 1—2, стр. 7.

³ Там же, год 5-й, 1948, № 1—2, стр. 82, 84.

⁴ یادگار; год 5-й, 1948, № 1—2, стр. 85.

⁵ Материалы по изучению Востока, МИД, СПб., 1915, стр. 172.

⁶ دماوند 24 мая 1944 г.

⁷ یادگار; 1948, № 4—5, стр. 35—36.

Из десяти родов, указанных в 1915 г., в 1948 г. только три рода сохранили свои названия: Дасте джа, Дархор и Аббасвенд. При этом род Дархор уменьшился с 400 до 200 семейств, а род Аббасвенд — с 1500 до 200 семейств. Роды Сейменевенд, Джалильвенд, Сурхавенд утратили свое самостоятельное значение, составив новый, повидимому, искусственно созданный род Хурде дасте. Род Чалави также распался, его остатки составили вместе с другими новый род Довлетменд. Роды Суфи, Хакк Назар хани в результате того же процесса распада вошли в качестве групп семейств в род Далиян. Не стало и рода Алай хани. Что касается родов Дасте джа, Аббасвенд и Хурде дасте, то в настоящее время они в значительной степени утратили свои прежние качества, так как семьи, из которых состояли эти родовые объединения, перешли на оседлость. Хурдемаликские земли района Махидешт принадлежат главным образом курдам аббасвендам и Хурде дасте⁸.

Итак, сенджаби — наиболее позднее название конгломерата родов. Включение ранее родовых объединений курдов и даже бахтияр (род Чалави) в другие курдские племена (зенгене, гурани) свидетельствует о том, что структура и уклад курдских племен допускали объединение самых различных родов. Это значит, что вследствие перехода отдельных племен на оседлость или в результате гибели стад и вызванного этим разорения отдельных родов происходил процесс распада отдельных племен. Члены разорившихся родовых объединений, лишившись скота, были вынуждены продавать свою рабочую силу, чтобы обеспечить себе какой-то прожиточный минимум. Исчезновение одних родов, переход отдельных родовых объединений из одного племени в другое, низведение племени на положение рода, — все это, несомненно, качественные изменения, которыми характеризуется процесс постепенного расчленения племен на оседлую, земледельческую часть населения, с одной стороны, и на кочевую, с другой.

В основе этого процесса были экономические причины. С конца XIX в. сельское хозяйство Ирана все больше приспособлялось к требованиям капиталистических рынков европейских стран. Проникновение в страну иностранного капитала ускорило развитие товарно-денежных отношений. Значительно возросла ценность земли как источника доходов. Применение капиталов в сельском хозяйстве Ирана сулило большие выгоды; купцы, ростовщики, лица духовного звания, высшие чиновники усиленно стали скупать земли. Родовая феодально-ханская знать, постепенно вытеснявшаяся классом помещиков, сохраняла свое экономическое влияние главным образом среди кочевой части населения. Кочевники, среди них и кочевники курды, также оказались вовлеченными в сферу товарно-денежных отношений, особенно те, которые группировались сравнительно недалеко от городов. Повышенный спрос иностранных рынков на персидские ковры, шерсть, кожи, кишки вызвал оживленный интерес местного купечества к заготовкам этих товаров. Родовая аристократия племен стремилась к тому, чтобы монополизировать поставку товаров животноводства купцам-оптовикам; в связи с этим усилилось ограбление рядовых членов племен как со стороны местной ханской знати, так и со стороны купечества, которое старалось скупать товары по самым низким ценам.

Родовая знать племен сосредотачивала в своих руках огромные стада, в то время как масса кочевников беднела. Из-за недостатка скота беднейшие хозяйства кочевников не могли существовать, так как скотоводство не обеспечивало пропитания семьи. Кочевник был вынужден искать другие источники существования: либо заниматься земледелием, либо идти на заработки в город.

Так, переход на оседлость приводил к уничтожению обособления племен, к их распаду. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что группы семейств (ранее составлявшие родовые общины) Джалиль-венд, Сейменевенд, Серхаки и другие являются в настоящее время хурдемаликами (мелкими собственниками земли), «им принадлежат поля и деревни»⁹. Это значит, что родовая организация племени сенджаби, имевшая в прошлом большое значение для сплочения племени как объединения родовых общин, постепенно уступила свое место деревенским общинам.

С переходом на оседлость классовая дифференциация курдов сенджаби получила дальнейшее развитие: часть курдов превратилась в мелких земельных собственников (хурдемаликов), другая часть — в арендаторов карликовых земельных участков, т. е. оказалась в экономической зависимости от помещиков, третья, лишенная скота и не имеющая орудий производства, составила бедняцко-батрацкую часть деревенского населения района. Помещики заняли место родовой ханской знати, хотя в отдельных случаях кое-кто из местных ханов удерживал свои экономические позиции, став также помещиком. В лице деревенских старост образовалась определенная группа кулаков, среди которых преобладают представители родовой знати. Однако родовые отношения уже не играют той роли, какую они играли раньше, так как в этническом и языковом отношении состав населения деревень оказался смешанным. Даже в самых небольших и малонаселенных деревнях отмечаются различные диалекты курдского языка, на которых говорят местные крестьяне. В хозяйственном отношении бедняцко-батрацкая часть оседлого курдского населения оказалась в зависимости от помещиков, кулаков и отчасти от середняков.

Таким образом, не родовыми связями, а прежде всего экономическими определяются общественные отношения крестьян курдов сенджаби как между собой, так и к господствующим классам. Аренда стала главным условием ведения крестьянского хозяйства курдов сенджаби. Наряду с арендой существует отработочная система там, где помещики сами ведут свое хозяйство. Однако таких помещиков сравнительно немного. Большая часть помещиков принадлежит к числу жителей Керманшаха (купцы, крупные чиновники) и постоянно проживает в этом городе.

В настоящее время значительная часть курдов сенджаби (около 80%) проживает в деревнях и занимается земледелием¹⁰. Деревни Махидешта сплошь населены курдами, говорящими на различных диалектах курдского языка: сенджаби, гурани, джафи. В районе расселения курдов сенджаби нет вакуфных земель, преобладает крупная помещичья собственность, имеются хурдемаликские и государственные земли. Раньше земельными собственниками были только ханы племени сенджаби. Впоследствии, к концу XIX в., они продали свои имения родичам, старостам деревень, а эти последние продали их помещикам¹¹. Часть помещичьих земель принадлежит курдской знати: наследникам Рашида Ясеми, известного в Иране ученого, бахтиарскому хану Махмуд-хану сенджаби, Асадуллах-хану сенджаби и др.

На территории расселения племени курдов сенджаби находится 130 деревень. В 1948 г. Мухаммад Кейванпур Мукри опубликовал сведения о 34 деревнях¹². Он привел названия этих деревень, указал число жителей, в чьей собственности находятся земли, сообщил дан-

⁹ یادگار, год 4-й, 1947, № 6, стр. 81.

¹⁰ یادگار, год 4-й, 1947, № 6, стр. 77—78.

¹¹ یادگار, год 5-й, 1948, № 1—2, стр. 78.

¹² Там же, год 4-й, № 8, стр. 35—56.

ные о размерах посевной площади (в джуфтах)¹³ каждой деревни и об урожайности, показал местоположение каждой деревни по отношению к Керманшаху, сообщил, на каком диалекте говорят жители и к какому религиозному толку они принадлежат. Эти сведения суммированы нами в следующей таблице. Данные по земледелию приведены нами в пересчете на гектары и тонны, а число жителей показано в числе семейств; мы считаем в каждой семье в среднем по пять человек, как это обычно принято в Иране.

Из приведенных сведений видно, что в этих деревнях преобладает помещичья собственность на землю. Около одной трети земель принадлежит хурдемаликам, главным образом членам рода Аббасвенд, который, повидимому, целиком перешел на оседлость. Члены отдельных родовых объединений превратились в крестьян-арендаторов или в мелких собственников, ведущих свое хозяйство, заботящихся прежде всего о благополучии своей семьи.

Обращает на себя внимание малонаселенность деревень: от 4—8 до 40—50 семейств в каждой. Во всех 34 деревнях, указанных в таблице, насчитывается 552 семейства. Это свидетельствует о том, что процесс оседания курдов сенджаби на землю еще не закончился. Кроме того, поскольку при существующей эксплуатации карликовых участки земли не обеспечивают крестьянам-беднякам прожиточного минимума, некоторые из них покидают деревни и устремляются в города в поисках заработков.

Нашими советскими исследователями уже была выяснена классовая дифференциация курдов в Иранском Курдистане, в частности, в Южном Курдистане¹⁴. Так, считают вполне установленным, что курдские хозяйства по классовому составу населения делятся на следующие группы:

1) кулаки — пользуются наемным трудом, имеют 60 быков, 30 коров, 20 ослов, 500 голов мелкого скота; предполагают, что кулаков имеется 10%;

2) середняки — имеют 8—10 голов крупного рогатого скота, 50 голов мелкого скота, 1 лошадь, 1 корову. Средняков насчитывают 20%;

3) бедняки — имеют 1 пару быков, 10 баранов, 1 корову и 1 осла; считают, что бедняков имеется 60%;

4) батраки — ничего не имеют и живут продажей своей рабочей силы; считают, что батраков имеется 10%.

Эти соотношения в основном правильны и для курдов сенджаби.

Большая часть бедняков живет на помещичьих землях, засевая в среднем по 1,9 га земли. Арендная плата составляет $\frac{3}{4}$ урожая. Наши подсчеты показывают, что после расплаты с помещиками в распоряжении арендатора-бедняка остается не больше 500 кг зерна.

¹³ Джуфт — площадь, которую одна пара волов может вспахать в течение одного дня (от восхода до заката солнца), или площадь земли, равная 50 джерибам (5,3 га) (см. Баумгартен, Поездка по Восточной Персии, Сборник материалов по Азии, LXIII, СПб, 1896, стр. 355). Размер джуфта, как справедливо отмечал И. П. Петрушевский в своем интересном исследовании, посвященном феодальному хозяйству Рашиад-Дина, был различным в разных районах Ирана (см. «Вопросы истории», 1951, № 4, стр. 93). В данном случае мы считаем джуфт равным 3,125 га. Основанием для такого расчета служат следующие положения: а) считают, что на 1 джуфт требуются 2 харвара (1 харвар равен приблизительно 300 кг) семян (см. Л. К. Артамонов, Астрбад Шахрудский район и Северный Хорасан, ч. II, вып. I, Тифлис, 1894, стр. 138; б) 1 харвар пшеницы требуется для того, чтобы засеять площадь в 15.625 м² (см. стр. 465, изд. 1885 г. *فهراد میرزا کتاب جام جم*). Эти сведения приводились автором для Иранского Азербайджана, но они могут быть применены вообще для Западного Ирана).

¹⁴ В. и-й, К аграрным отношениям в Курдистане, «Аграрные проблемы», кн. 1—2, МАИ, 1932, стр. 125; Н. Н-ская, К вопросу о классовой дифференциации в персидской деревне, там же, стр. 136, 138.

Сведения о 34 деревнях курдов сенджаби

Название деревни	Кому принадлежит	Местоположение (в км) западнее Керманшаха	Число семейств	Размер посевной площади в га	Урожай в т	Состав населения	
						по диалектам курдского языка	по религиозной принадлежности
1. Хурде зарди	Помещику	66	16	46.8	—	Сенджаби	Сунниты
2. Дуканан	»	—	10	25	14.4	—	—
3. Саларабад	»	54	40	68.7	—	Сенджаби	—
4. Сайевенд	»	54	20	31.2	18	»	—
5. Али абад	»	53	7	12.5	7.2	»	—
6. Тем тем	?	—	—	31.2	24	—	—
7. Дервишбеке	?	53	12	31.2	24	Сенджаби	—
8. Шейх Мустафа	?	54	12	56.2	43.2	»	—
9. Джуре	Помещику	38	20	62.5	60	—	Сунниты
10. Джаханабад	»	50	4	12.5	12	Сенджаби гурани, джафи	Шииты и сунниты
11. Хазре	»	40	12	37.5	36	»	—
12. Ниаваре суфли	»	59	36	43.7	42	Джафи	Сунниты
13. Ниаваре олийя	»	64	12	28.1	27	—	—
14. Хейбар	»	25	10	—	—	Гурани сенджаби	Шииты и сунниты
15. Калиджхани	»	36	30	—	—	Сенджаби, джафи	—
16. Мулькшах	»	53	8	—	—	Сенджаби, гурани джафи	Шииты и сунниты
17. Мир Азиз	»	50	16	—	—	—	—
18. Вали абад	»	55	10	—	—	Сенджаби, гурани	—
19. Дасте джа, центр рода Дасте джа	»	—	12	31.2	—	—	—
20. Лурха	?	56	10	—	—	Сенджаби	Шииты
21. Киявенд, центр рода Чалави	Смешанного владения (помещик и хурдема-лики)	54	20	—	—	Сенджаби, джафи	—
22. Малеглар	?	66	20	62.5	—	Гурани	—
23. Хафткуни	?	60	16	78.1	—	Сенджаби	—
24. Каре ал	Хурдема-лики рода Аббасвенд	55	7	15.6	9	»	—
25. Кумре суфли	» »	55	16	25	14.4	»	—
26. Кумре олийя	» »	55	8	25	14.4	»	—
27. Курпе	» »	54	20	25	14.4	»	—
28. Кини чарми суфли	» »	53	8	12.5	7.2	»	—
29. Кини чарми олийя	» »	53	16	25	14.4	»	—
30. Кини сейид	» »	52	10	15.6	9	»	—
31. Гальдаре	» »	52	16	21.8	12.6	»	—
32. Сабз Али хан	» »	54	50	75	43.2	»	—
33. Джафарабад	» »	42	24	62.5	60	Гурани, джафи	Шииты и сунниты
34. Джурабад	» »	80	24	—	—	Джафи	Сунниты
Итого			552				

Бедняки, живущие на землях хурдемаликов, засевают в среднем около 1 га и собирают по 600—900 кг зерна. Подсчитано, что на содержание крестьянской семьи требуется в год 975 кг¹⁵. Таким образом, мы видим, что бедняки, составляющие 60% населения, находятся в большой нужде. Крестьянин по необходимости должен лезть в кабалу к помещикам и ростовщикам, либо заниматься промыслами, либо оставлять земледелие и продавать свою рабочую силу.

Среди рабочих нефтяников Керманшаха, где преобладают курды, несомненно, имеются и курды сенджаби, поскольку Керманшах самый ближайший городской центр, где они могут искать работу. Вообще среди нефтяников юга Ирана много рабочих курдов. Курды бедняки занимаются также извозом. Коллюбакин еще в 1883 г. отмечал, что извоз был главным занятием курдов сенджаби¹⁶. В настоящее время в связи с развитием автотранспорта и автоперевозок значение извозного промысла уменьшилось, но не настолько, чтобы курды бедняки могли его лишиться. Следует заметить, кстати, что район Махидешт считается центром разведения особой породы лошадей¹⁷.

Вместе с распадом племени сенджаби уменьшилось и его богатство. Раньше это племя имело свыше 300 тыс. голов мелкого скота, а в настоящее время — от 100 до 150 тыс. голов¹⁸.

Итак, процесс оседания значительной части племени сенджаби на землю знаменовал собой новый этап в развитии общественно-экономических отношений среди курдов сенджаби. Этот процесс расслоения и распыления отдельных родовых объединений характерен не только для керманшахских курдов, но в еще большей мере для макинских и мехабадских курдов, которые в значительной части являются оседлыми. В настоящее время мы можем говорить о курдах Ирана как о народности, которая в известной мере еще сохраняет родовые пережитки.

Курдскими племенами давно интересуются английские империалисты. Они хотят использовать в своих целях противоречия между курдами и иранским правительством. Они подстрекают курдов против иранского правительства и, наоборот, иранское правительство против курдов. Путем шантажа и провокаций английские империалисты стараются оказывать давление то на одну, то на другую сторону в зависимости от ситуации. Их цель состоит в том, чтобы держать под своим контролем всю экономическую и политическую жизнь Ирана, влиять на внутреннюю и внешнюю политику иранского правительства.

Во время первой мировой войны у курдов Ирана искали поддержку германские империалисты, которым удалось склонить на свою сторону родовую знать племени сенджаби. В 1917 г. курды Кельхуры, Гураны и Авроманы разгромили племя сенджаби и другие курдские племена, вожди которых сотрудничали с турками и немцами¹⁹.

Формирование политического кругозора курдов в значительной мере происходило под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и успехов социалистического строительства в СССР, а также под влиянием побед, одержанных СССР в войне против гитлеровской Германии и империалистической Японии. Демократическое движение курдов в Мехабаде в 1946 г., увенчавшееся образова-

¹⁵ عدلت 1945, № 307, Реза Садыкияни, Крестьяне Ирана.

¹⁶ Сборник материалов по Азии, вып. IV, СПб., 1883, стр. 82.

¹⁷ یادگار год 4-й, 1947, № 6, стр. 80.

¹⁸ Там же, стр. 88.

¹⁹ «Бюллетень прессы Среднего Востока», Ташкент, 1932, № 13—14, стр. 114.

нием демократического правительства, было поддержано курдами Керманшаха, в частности и курдами сенджаби. Это свидетельствует о том, что Курдская демократическая партия, возникшая в то время, пользовалась влиянием далеко за пределами Мехабада.

В настоящее время американские империалисты стараются подчинить вождей племен Ирана, в том числе и курдских вождей, своему влиянию. В 1950 г. член Верховного суда США В. Дуглас под видом туриста совершил путешествие в Курдистан и другие районы, населенные курдами, кашкайцами и другими племенами, и имел встречи с руководителями этих племен. Насколько серьезное и большое значение придадут США деятельности среди племен Ирана, можно судить по тому, например, что в американском посольстве в Тегеране существует «отдел племен»²⁰. Этот отдел призван к тому, чтобы изучать племена Ирана с точки зрения их военного потенциала как силы, которую американские империалисты хотели бы использовать против демократического движения, против иранского правительства (когда это будет найдено уместным и необходимым), против Советского Союза — в общем плане подготовки войны на иранском плацдарме.

Американо-английские поджигатели войны глубоко ошибаются в своих расчетах. Народы Ирана прозрели и понимают, какую участь им готовят империалисты. Это относится, в частности, к курдам, которые не первый год ведут борьбу за свободу. Курды сенджаби имеют общие со всеми иранскими курдами цели борьбы за национальное освобождение не только курдов, но и всех других народностей Ирана от гнета американо-английского империализма. Это — борьба за мир и демократию, за создание подлинно народного демократического правительства в Иране, которое только и будет способно осуществить демократические преобразования в стране, в частности и в той ее части, которая населена курдами. Справедливое разрешение курдского вопроса на демократической основе еще сильнее сплотит всех трудящихся курдов и откроет им широчайшие возможности для развития экономической, политической и культурной жизни курдской народности в целом.

А. И. СОБЧЕНКО

ПЕРЕДАЧА СООБЩЕНИЙ НА БАРАБАНАХ У НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

(Использование традиционных средств связи в современной политической жизни Африки)

Одним из культурных достижений народов Африки является изобретение ими способа передачи сообщений при помощи барабанов. Способ этот является особенно удобным в условиях тропического леса, где использование световых сигналов невозможно. В основе этого способа передачи сообщений лежит так называемая тональность языка, или наличие музыкальных тонов, что является особенностью многих африканских языков.

Барабан как средство связи между отдельными деревнями и даже районами применялся и применяется в самых разнообразных случаях. Оповещение об опасности, войне, смерти или рождении, приказы вождей, предупреждение о появлении европейцев, европейского каравана или европейских чиновников — все это передавалось в соседние деревни при помощи барабана.

В наши дни это старинное средство связи приобретает особое значение. Барабанами созывают жителей окрестных деревень на митинги и собрания, организуемые Демократическим объединением Африки¹, для сбора подписей под Обращением Всемирного Совета Мира, оповещают население о налетах полиции или опасности, грозящей руководителям демократического лагеря. Например, по сообщению Конатэ Мамаду и Антуана Дорлан, членов Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира: «В конце января 1950 года они (французские колониальные власти.— А. С.) попытались арестовать председателя РДА² Феликса Уфуэ Буаньи. Известие об этом при помощи условного барабанного боя, заменяющего жителям нашей страны телеграф, было немедленно передано во все окрестные поселки. И за какие-нибудь два-три часа десять тысяч человек явились в селение Ямусукро, чтобы оградить своего любимого руководителя от покушений французских властей»³.

Сообщения, передаваемые на барабанах, понятны только местным жителям. Это своеобразная и очень сложная система сигнализации, которая непонятна не только для чиновников колониальной службы, но не вполне ясна даже для исследователей, специально занимавшихся этим вопросом.

Передаче сообщений на барабанах у народов Африки посвящено немало работ. Главнейшими из них являются работы Раттрея, Вестермана, Хепе, Некеса, Каррингтона и др. Большинство из этих исследовате-

¹ Демократическое объединение Африки — демократическая организация Французской Западной и Экваториальной Африки.

² РДА — сокращенное французское название Демократического объединения Африки.

³ Конатэ Мамаду и Антуан Дорлан, Нашу волю не сломить! «Литературная газета» от 15 марта 1950 г., № 22.

ей отождествляют способ передачи сообщений на барабанах с языком вообще. Основываясь на том, что народы некоторых областей Африки общаются между собой при помощи барабанов и, таким образом, передают свои мысли на расстояние, зарубежные исследователи называют передачу сообщений на барабане «барабанным языком» — *Trommel-sprache* или *drum language*. Каррингтон, например, прямо заявляет, что по существу, барабанный язык племени локеле — то же самое, что разговорный язык келе»⁴.

Однако некритическое отождествление языка с системой передачи сообщений на барабанах может повести ко многим недоразумениям. Дело в том, что утверждение о наличии какого-то «барабанного языка» невольно влечет за собою ряд неправильных выводов.

Раскрыть порочность подобных утверждений можно на основании гениальных указаний И. В. Сталина по вопросам языкознания, в которых он подчеркивает, что язык, являясь средством, орудием общения, в то же время непосредственно связан с мышлением.

«Язык, — говорит И. В. Сталин, — есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания. Будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе»⁵.

Далее И. В. Сталин указывает: «Реальность мысли проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с „природной материей“ языка, о мышлении без языка»⁶.

Эти указания товарища Сталина дают возможность вскрыть идеалистическую сущность взглядов зарубежных авторов, отождествляющих как называемый «язык барабанов» с языком. Из такого отождествления логически должны следовать два вывода: либо народы Африки могут мыслить на базе языка барабанов, то-есть способа связи, если же нет, то тогда язык, который, по мнению зарубежных исследователей, тождественен выдуманному ими «языку барабанов», является оторванным от мышления. И тот и другой вывод были бы просто абсурдом. Разнообразные способы связи, известные человечеству, могут иметь различную природу: точечно-линейная азбука Морзе, различного рода свистки, знаки, световые сигналы и пр. При помощи всех этих способов человек может передавать различные сообщения на расстояние, однако эти способы не могут служить базой для мышления и, следовательно, все они языком считаться не могут. Не может считаться языком также и способ передачи сообщений на барабанах.

Передача известий на барабанах — наиболее распространенный способ связи между деревнями. Для связи иногда используются не только барабаны, но и другие музыкальные инструменты: специальные дудки, флейты и даже колокольчики, но они не имеют такого значения⁷.

Барабаны, употребляемые для передачи сообщений, можно разделить на два вида (рис. 1): барабаны, деревянная долбленая основа которых обтянута кожей, и барабаны, сделанные целиком из дерева⁸.

⁴ Carrington, The Drum Language of the Lokele Tribe. «African Studies», 3, N 2, 1944, стр. 79.

⁵ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 22.

⁶ Там же, стр. 39.

⁷ Акка и другие низкорослые племена нередко пользуются прикрепленными к луку колокольчиками для передачи сигналов в высокой траве во время охоты.

⁸ Долбленные барабаны из целого куска дерева можно рассматривать так же, как «гонги». Поэтому термины «деревянный барабан» и «гонг» следует понимать как равнозначные.

Основа барабанов первого типа может быть разнообразна по форме: одни имеют форму цилиндра, другие напоминают опрокинутую вниз горлышком бутылку, но более всего распространены барабаны, имеющие основу в виде усеченного конуса. Верхняя, более широкая часть барабана обтягивается шкурой животных: козы, быка, буйвола, слона, антилопы, змей и даже рыб. Шкуру натягивают в сыром виде, тогда получается более тугая натяжка. В краях шкуры протыкают отверстия, в которые продевают крепкие лианы или ремешки, шкуру

Рис. 1. Типы деревянных барабанов, обтянутых кожей, из коллекции Музея антропологии и этнографии АН СССР: *а* — барабан цилиндрической формы, высота 52 см, Мабса (Западный Судан); *б* — барабан, обтянутый кожей с двух сторон, высота 57 см; *в* — барабан на ножках, Банту (Камерун)

прикладывают к верхней части барабана и натягивают продетыми в нее ремешками или лианами, которые закрепляются на корпусе барабана.

Существуют и другие способы крепления мембраны. Наиболее распространено прибивание шкуры непосредственно к основе барабана деревянными гвоздями или натягивание ее при помощи различного рода растяжек, которые привязываются к большим деревянным гвоздям, вбитым в корпус барабана.

По мере высыхания шкура натягивается все туже и туже. Иногда для того, чтобы иметь возможность регулировать натяжку мембраны, между растяжками и основой барабана вставляются деревянные клинья. От того, как туго натянута кожа, зависит высота звука, издаваемого при ударе по барабану.

При передаче сообщений барабанщики пользуются деревянными палочками, напоминающими в большинстве случаев крючок или молоток.

По величине барабаны для передачи сообщений значительно превосходят все прочие виды барабанов. Высота их колеблется от 1 до

1,5 м, а диаметр верха с натянутой на него мембраной — от 0,5 до 1,8 м и больше.

Такие барабаны широко распространены среди народов Гвинейского побережья и Камеруна. Ими пользуются кру, живущие в Либерии, агомейцы — в Дагомее, ашанти — на Золотом Берегу, эве — в Того и др. Передача известий в Западном Судане обычно производится на двух или трех барабанах, настроенных на различный тон⁹.

Для первого случая типичен способ передачи сообщений у ашанти. Деревянная долбленная основа барабана напоминает огромную бутылку, перевернутую горлом вниз. На верхнюю широкую часть корпуса натянута мембрана из кожи, снятой с уха слона. Оба барабана (рис. 2) у ашанти называются *нтумпане* (ntumpane), причем барабан низкого тона обычно называют «мужским» *нтумпане*, а высокого тона — «женским»¹⁰. *Нтумпане* устанавливают рядом, и им придают наклонное положение при помощи особых ножек-подставок.

Эве — соседи ашанти — передают известия на трех больших барабанах различного тона. Два из них называются *атупани* (atupani), а третий — *абуба* (abuba). Оба эти термина эве заимствованы из языка своих соседей тви. Два *атупани* взаимно дополняют один другой. По высоте тона различают «мужской» и «женский» *атупани*. «Мужской» барабан эве в противоположность «мужскому» барабану ашанти дает высокий тон, а «женский» — низкий. Разница в тоне достигается путем более тугой натяжки кожи на «мужском» барабане.

Оба *атупани* одинаковы по форме и размеру: диаметр 0,5—0,8 м, а высота 1—1,3 м.

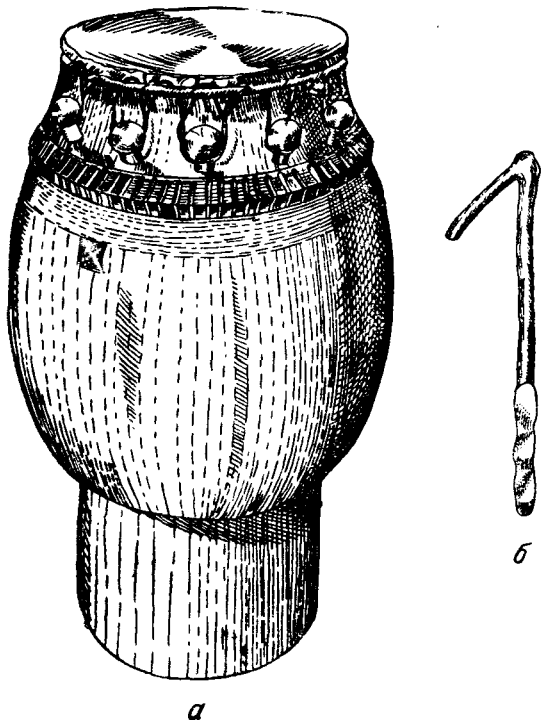

Рис. 2. *Нтумпане* ашанти (Золотой Берег):
а — барабан; б — барабанная палочка

⁹ Необходимо иметь в виду, что наличие барабанов, настроенных на два различных тона, еще не является доказательством существования передачи известий на барабанах. Так, например, по свидетельству В. Данилова, — советского врача, прожившего в Эфиопии два года (начиная с 1949 г.), среди местного населения распространены двутональные барабаны, называемые *корабо*, которые употребляются для сбивания такта на праздниках (см. В. Данилов, Два года в Эфиопии, «Новый мир», 1951, № 12, стр. 207). Однако в Эфиопии, насколько известно, передача сообщений при помощи барабанов отсутствует.

¹⁰ К наружной части мембраны «мужского» барабана прикрепляется небольшая железная пластинка, называемая *акаса* (akasa). Вследствие вибрации этой пластинки во время удара «мужской» барабан ашанти издает резкий дребезжащий звук. Раттрей высказывает предположение, что *акаса* прикрепляется к мембране для воспроизводства согласных звуков (см. R. C. Rattray, Ashanti, Oxford, 1923, стр. 252). С таким суждением нельзя согласиться, так как качество звуков, гласных и согласных, на барабане воспроизвести невозможно. Скорее всего дребезжащий звук, который появляется вследствие ударов железной пластинки о мембрану, позволяет, значительно лучше отличать звук «мужского» барабана от звука «женского», а это в свою очередь облегчает понимание передачи.

Барабаны привязываются к вбитым в землю кольям, наподобие ножек, один около другого, с таким расчетом, чтобы человек, стоящий между ними, мог свободно бить палками по туго натянутой мембране.

Абуба (abuba) по своим размерам значительно больше первых двух. Обыкновенно этот барабан обтягивается толстой шкурой буйвола и обслуживается отдельным человеком; он дает звук самого низкого тона.

Некоторые народы Западной Африки ведут передачу известий на одном барабане. Но в этом случае всегда пользуются барабанами (гонгами), которые сделаны целиком из дерева. Передача сообщений на таких барабанах производится на двух, трех и даже пяти различных тонах.

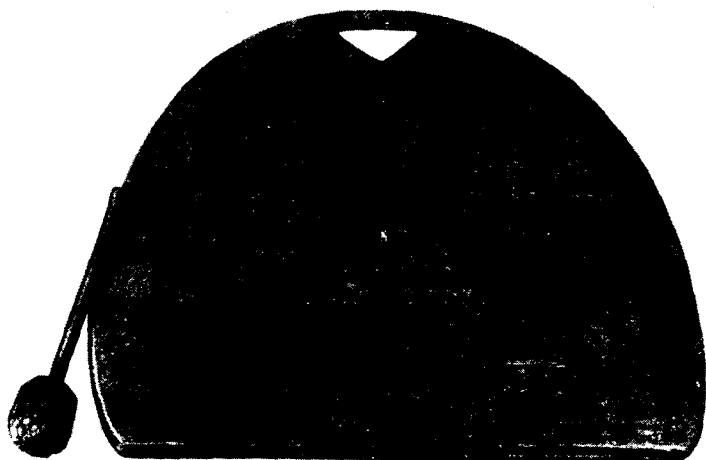

Рис. 3. Плоский деревянный барабан, высота 59 см (Северное Конго)

Деревянные барабаны или гонги также довольно разнообразны по размеру. В некоторых областях Французской Экваториальной Африки распространены небольшие барабаны около 0,40—0,80 м в длину. Но, как правило, предназначенные для передачи сообщений деревянные барабаны из Южной Нигерии, Французской Экваториальной Африки и Бельгийского Конго достигают громадных размеров. Иногда длина их колеблется от 1,7 до 3 м. Так, например, деревянные барабаны кеака, обанг и бакого (Камерун) достигают длины 2,40 м при диаметре в 0,65 м, у локеле (Конго) длина барабанов колеблется от 1,33 до 2,20 м при диаметре от 0,40 до 0,86 м, а у бушонго нередко можно встретить барабаны до 3,60 м в длину при диаметре 0,60 м. Барабаны бавенда из Камеруна также достигают длины 3,60 м.

Форма деревянных барабанов весьма разнообразна. У азанде (Северное Конго) преобладают плоские барабаны в виде полукруга (рис. 3). Они очень часто устанавливаются на лодках для передачи сообщений с одной лодки на другую. Это средство связи является довольно эффективным, так как звук очень хорошо распространяется по воде. Балуба используют для этой цели также плоские барабаны, но не полукруглой, а трапецевидной формы.

В низовьях р. Конго и некоторых районах Камеруна можно встретить деревянные барабаны в виде лодок со щелью наверху. Длина их достигает 1,5—2 м.

Однако наиболее распространены долбленные барабаны цилиндрической формы с прорезью в верхней части. Они различны не только по

размеру, но и по форме прорези. Повидимому, более сложные очертания прорези облегчают изготовление в барабане большего числа стенок различной толщины. В этом легко убедиться, если сравнить барабан экон, который имеет сложные контуры щели, с барабаном, имеющим узкую прямолинейную прорезь (рис. 4).

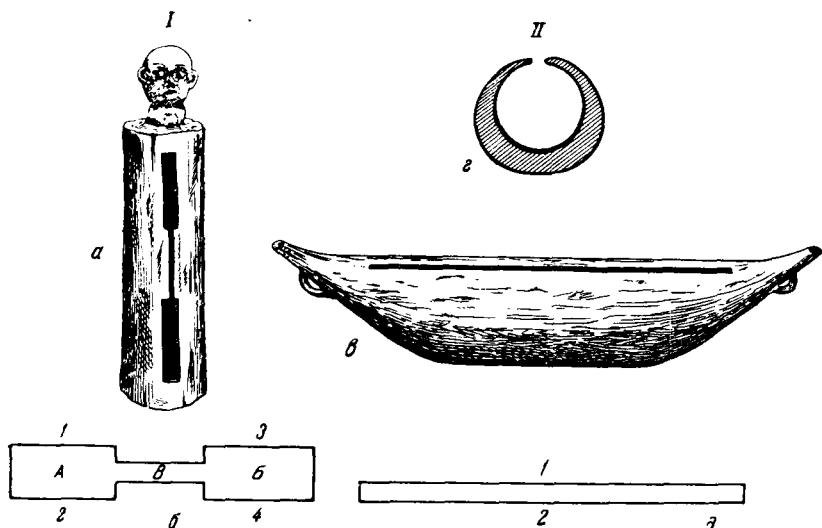

Рис. 4. Деревянные барабаны с различной формой прорези: I — сигнальный барабан экон: а — общий вид, б — форма щели; II — сигнальный барабан из Лоанго: в — общий вид, г — поперечный разрез, д — форма щели

В больших барабанах экон широкие щели А и Б обычно достигают 0,30 м ширины. Форма прорези дает возможность сделать четыре стенки (1, 2, 3 и 4) различной толщины, а это в свою очередь позволяет извлекать звуки различных тонов. Кроме того, удар по стороне В дает звук, отличный по тону от четырех остальных. Такое устройство барабанов позволяет вести передачу сообщений на пяти различных тонах.

Если нужно извлечь звуки только двух тонов, то делается длинная прямоугольная прорезь, идущая по верху барабана. В этом случае только две стенки (1 и 2) делаются различной толщины и при ударе палками дают два основных тона. Такой тип барабанов встречается у народов Южной Нигерии, Французской Экваториальной Африки и почти по всему Бельгийскому Конго. Из них наиболее характерны барабаны локеле, живущих в излучине р. Конго. Они употребляются для связи между отдельными деревнями и называются *боунгу* (bongu) или *бонгунгу* (bongungu).

Техника изготовления барабана довольно сложна. В длинном деревянном чурбане прежде всего выдалбливают продольную щель, а затем постепенно выбивают особым теслом древесину из внутренней части бревна, причем стенкам барабана придают обязательно различную толщину (рис. 5). При ударе палками тонкая сторона дает высокий тон, называемый у локеле «женским», а толстая сторона при ударе издает более низкий — «мужской» тон.

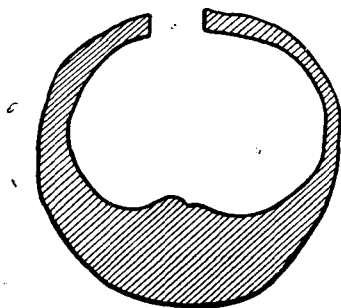

Рис. 5. Поперечный разрез барабана локеле (Конго)

У народов Гвинейского побережья, Камеруна и Конго большие сигнальные барабаны всех типов обычно устанавливают в центре деревни, около дома, где происходят собрания, или внутри его. Если барабан находится на открытом месте, то над ним обычно устраивают навес, предохраняющий его от дождя.

Большое значение для успешной передачи сообщений имеет выбор места для установки барабана. Для того чтобы звук был слышен как можно дальше, барабан устанавливают на возвышенном месте или даже на холме. Тогда звук распространяется над лесом, не встречая препятствий на своем пути. Жители селений, расположенных по берегам Конго и его многочисленных притоков, часто ставят сигнальные барабаны на самом берегу реки. Так, например, локеле всегда устанавливают свои барабаны на высоком обрывистом берегу с таким расчетом, чтобы продольная ось барабана была перпендикулярна берегу, причем «мужская» сторона была бы обращена вниз по течению реки.

Барабанщик при передаче сообщений пользуется специальными палками с каучуком на концах. Звуки, извлекаемые при ударе, могут быть слышны на расстоянии до 15 км.

* * *

Передача сообщений на барабанах — своеобразный способ связи — давно уже привлекал к себе внимание путешественников, посещавших Западную Африку.

Еще в конце XVIII в. об этом, например, упоминает Мунго Парк, один из первых исследователей Западного Судана. По его словам, у народов мандинго на праздниках барабанщики при помощи сигнальных барабанов руководили порядком праздника. В самом начале XIX в. Баудич, посетивший Золотой Берег в 1817 г., отмечал, что у народов ашанти при помощи флейт передавали различные сообщения¹¹. Баудич первый из исследователей отметил, что передача известий при помощи музыкальных инструментов стоит в связи с наличием музыкальных тонов в языке ашанти.

Первой серьезной работой, содержащей анализ системы передачи известий на барабанах, была статья лингвиста Вестерманна, посвященная передаче сообщений на барабанах у эве¹². Однако и в ней многие важные вопросы остались неразрешенными. Вслед за работой Вестерманна появился еще ряд исследований в этой области. Но авторы этих работ обычно ограничивались констатацией наличия передач на барабанах, не затрагивая принципов этого своеобразного способа связи.

Сведения, которые находятся в нашем распоряжении, нельзя считать достаточными. Однако они позволяют приблизительно определить область распространения передачи сообщений на барабанах. Она охватывает Сьерра-Леоне, Либерию, южные районы Французской Западной Африки, весь Центральный Судан и часть Восточного Судана. В нее входит все Бельгийское Конго и частично Северная Родезия (районы, населенные балуба).

¹¹ См. статью Jeffreys, Some Historical Notes on African Tone Languages. «African Studies», 4, № 3, 1945, стр. 135—146. Следует отметить, что Джефрис, как это часто бывает с английскими этнографами, полностью игнорирует работы на других языках, и поэтому самые основные работы по тональным языкам Африки и передаче сообщений на барабанах остались ему неизвестными. Он довольно подробно перечисляет мелочи, но совершенно умалчивает о работах на эту тему Вестерманна Хеппе, Некеса и других. Это свидетельствует об ограниченности в подходе к разрешению тех или иных проблем, которые берутся исследовать английские этнографы.

¹² Westermann, Zeichensprache des Ewevolkes in Deutsch-Togo, M. S. O. S. Berlin, 1907, стр. 1—15.

Как осуществляется передача известий на барабанах, какой принцип лежит в основе этого интересного способа связи и как далеко может быть передано то или иное сообщение, — вот круг вопросов, требующих рассмотрения.

В конце XIX и начале XX в. много писалось о том, что весть о взятии Хартума восставшими под руководством Махди суданцами в течение очень короткого времени была каким-то путем передана к графам Сьерра-Леоне. Сперва предполагали, что известие было передано посредством барабанов. Впоследствии предположение это оспаривалось без каких-либо доказательств.

Ряд вопросов, имеющих отношение к передаче сообщений на барабанах, и в наши дни является довольно темным. В большинстве случаев даже сейчас пытаются объяснить этот способ связи народов Африки наличием системы сигнализации, построенной по принципу азбуки Морзе, но, как будет показано ниже, для такого объяснения не имеется абсолютно никаких оснований. В большинстве случаев путешественники и исследователи, которые упоминали о передаче сообщений на барабанах, не были знакомы с звуковым и грамматическим строем африканских языков и поэтому не могли объяснить сущности этого способа связи. Многие из этих исследований носили чисто описательный характер. Типичны в этом отношении работы Гюнтера Тессмана, дающего в своих многочисленных исследованиях материальной культуры народов Камеруна (пангве, бафия, бали и других) подробнейшие описания барабанов, их формы, размеров и устройства, но почти ничего не сообщающего об их назначении.

Большое значение для объяснения многих вопросов, связанных с передачей сообщений на барабанах, оказало более глубокое исследование языков Гвинейского побережья, Камеруна и Конго. В результате этих исследований было установлено, что многие языки Африки являются тональными: в этих языках исключительно большое значение имеет музыкальное ударение или тоны различной высоты, от правильного употребления которых зависит смысл слова и фразы. В исследование этого вопроса значительный вклад внесли работы Кристаллера по языкам Гвинейского побережья — ашанти и фанте (группа акан)¹³. Кристаллер установил, что в этих языках имеются три тона: высокий, средний и низкий; однако он не поставил вопроса о роли музыкального тона в передаче на барабане. Задача эта была решена африканистом Вестерманном, который исследовал способ передачи сообщений на барабанах у эве и принципы, лежащие в ее основе¹⁴. Вслед за работой Вестерманна появляются труды других исследователей по языкам Судана и банту. В большинстве этих работ уделено большое внимание тональности африканских языков.

Появление в свет трудов такого рода облегчило задачу исследователей, интересующихся вопросом передачи сообщений на расстояние при помощи барабанов. Эти работы помогли выявить основу, на которой покоится этот древний способ передачи сообщений. В результате этих исследований было установлено, что в основе передачи сообщений при помощи барабанов лежит тональность — особенность звукового строя многих африканских языков. Поэтому анализ этой системы сигнализации должен проводиться в тесной связи с анализом тональности языков Африки. Наличие музыкального тона, позволяющее передавать известия посредством барабанов, отмечено во многих языках Западного Судана, Камеруна и Конго. Наибольшее значение тон имеет в языках Гвинейского побережья или языках группы ква. На языках этой группы гово-

¹³ Christaller, A Grammar of the ashanti and fante language, Basel, 1875.

¹⁴ D. Westermann, Grammatik der Ewe-Sprache, Berlin, 1907.

рят жители прибрежной полосы Гвинейского побережья от Либерии; дельты р. Нигера.

К группе ква относятся следующие языки: язык кру в Либерии, тили чи, фанте и ашанти на Золотом Берегу, ганг и гуанг в Того и Дагомее, языки йоруба, эдо, ибо, нупе в Нигерии и многие другие.

Языки Гвинейского побережья по своей структуре аморфные, одни сложные, с полным отсутствием каких-либо формальных признаков отличающих имя существительное от глагола. Они довольно богаты гласными звуками: так, например, язык ашанти имеет 10 основных гласных, язык ибо — 8 и т. д. При этом гласные могут быть долгими и короткими, чистыми и назализованными. Характерной особенностью языков этой группы является наличие музыкальных тонов, играющих исключительно большую роль в разговорном языке.

В языках Гвинейского побережья насчитывается от трех до семи музыкальных тонов. Так, например, в языках эве и ибо имеется до пяти тонов различной высоты: высокий, средний, низкий, повышающийся, понижающийся; в языках ашанти, фанте, йоруба и нупе — три тона: высокий, средний и низкий. В языках народов Камеруна имеется с трех до пяти тонов, в языках банту — три музыкальных тона: высокий, средний и низкий.

Тональность африканских языков, например, языка ашанти, ибо, эве и других, не следует смешивать с повышением и понижением голоса при произнесении фразы, что свойственно русскому и другим европейским языкам. В тональных языках Африки каждый слог в слове произносится тоном надлежащей высоты. Тональность не зависит от каприза или желания говорящего и не употребляется для эмоциональных или ораторских целей. Она является неотъемлемым и важным элементом языка, от которого зависит и правильное произношение слова и его смысловое значение.

Слова, одинаковые по звуковому составу, имеют различные значения в зависимости от того, какой высоты тон будет употреблен при произнесении отдельных слогов. Приведем несколько примеров¹⁵.

В языке ашанти (Золотой Берег)¹⁶:

osore — HVB	он молится,
osore — HNB	он поднимается
oware — HNN	он высокий
oware — HNB	он женится

Такое же положение мы имеем и в других тональных языках Западной Африки.

В языке ибо (Южная Нигерия)¹⁷:

akwa — BV	крик
akwa — HC	яйцо
akwa — BH	одежда
akwa — HN	мост

В языке эве (Дагомея)¹⁸:

ehu — HB	лодка
ehu — HN	кровь

¹⁵ Здесь и в дальнейшем для обозначения высоты тона, которым произносятся отдельные слоги слова, употребляются следующие условные знаки: В — высокий тон, С — средний, Н — низкий, П — повышающийся, П — понижающийся тон.

¹⁶ R. C. Rattrey, Указ. соч., стр. 250.

¹⁷ J. Ward, An Introduction to the Ibo Language, Cambridge, 1935, стр. 18.

¹⁸ D. Westermann, J. Ward, Practical Phonetics for Students of African Languages, London, 1933, стр. 163.

В языке йоруба (Южная Нигерия) ¹⁹:

tu — В	развязывать, освобождать
tu — С	фыркать, трещать
tu — Н	облегчать, успокаивать

В языке эфик (Южная Нигерия) ²⁰:

акра — НВ	первый
акра — ВВ	река

В языке мпангве (Французская Экваториальная Африка) ²¹:

ngi — П	поклонение огню, культ огня
ngi — (П)	горилла
fo — С	черная змея
fo — В	грызун

Из приведенных примеров видно, что правильное употребление тона соответствующей высоты при произнесении как отдельных слов, так и фраз не только важно, но и совершенно необходимо. В случае неправильного употребления тонов фраза приобретает иной смысл или становится бессмысленной.

Существенную роль как в живой речи, так и при передаче сообщений на барабанах в различных тональных языках Африки играют ударение на слове и паузы после слов и предложений. Эти средства, делающие язык более выразительным, знакомы русскому и другим европейским языкам. Так, например, предложение «я беру книгу» может получить различный оттенок в зависимости от того, на какое слово будет сделано ударение: «Я беру книгу», «Я беру книгу» и «Я беру книгу».

Назначение ударений на слове как в европейских, так и в африканских языках — сделать речь более выразительной. Однако в тональных языках Западной Африки употребление этого средства выразительности несколько иное: слово, которое должно быть выделено в данной фразе, просто произносится относительно громче, а при барабанных передачах — громче выстукивается.

Что касается пауз, то употребление их в суданских, камерунских и других языках носит тот же характер, что и в европейских. Особенно же большую роль паузы играют при использовании барабанов как средства связи, так как для того, чтобы содержание передачи было правильно понято, необходима исключительно четкая пауза в нужных местах. В этом случае паузы играют роль наших знаков препинания.

Кроме того, чередование звуков, пауз и ударения придают определенную ритмичность передаче.

* * *

Если послушать разговор на языке ашанти, ибо, эве или каком-либо ином языке с музыкальным тоном, можно сразу же уловить довольно сложную мелодию этих языков. Различные по смыслу фразы дадут различную мелодию, так как они состоят из разнообразных по значе-

¹⁹ Там же, стр. 166.

²⁰ J. Ward, The Phonetic and Tonal Structure of Efik, Cambridge, 1933, стр. 30.

²¹ G. Tessmann, Die Pangwe, Bd. I, Berlin, 1913, стр. 18.

нию слов, слоги которых произносятся тоном различной высоты. Если не принимать в расчет качественного различия гласных и согласных, то сложная мелодика фразы выступит еще резче. Получится своеобразное чередование тонов различной высоты, прерываемых небольшими паузами, а по высоте тонов и последовательности их представится возможность определить количество слогов в целой фразе. Например, фраза — военный призыв ашанти, с давних пор знакомый всему населению страны, в разговорном языке звучит следующим образом:

Asante kotoko mo nka ntoa.

Разбивка на слоги дает возможность определить количество слогов в этой фразе:

a—san—te ko—to—ko mo n—ka n—to—a.

Введение же условных значков высоты тона позволяет судить о высоте тонов и их чередовании.

Последовательность тонов в этой фразе такова: низкий, низкий, высокий, низкий, низкий, низкий, высокий, высокий, высокий, низкий, низкий, высокий. При записи условными знаками боевой призыв ашанти примет следующий вид:

Н—Н—В Н—Н—Н В В—В Н—Н—В.

Запись высоты тонов, чередования их и количества слогов в данной фразе дают представление также и о том, что может быть взято из языка для музыкального воспроизведения на барабане. По ней можно судить, что в основе этой барабанной сигнализации лежат элементы звукового строя языка. Точное воспроизведение различной высоты тонов, их последовательности, а также точная передача числа слогов и порядка слов составляют самое существенное при передаче известий при помощи барабанов. Использование же во время передачи пауз, ударения на слове, быстроты и медленности придает ей определенную ритмичность.

Передача принимается на слух в соседних деревнях и, если нужно, передается дальше точно таким же путем.

Однако передать то или иное сообщение значительно легче, чем прочесть его, так как принимающий известие должен учитывать довольно много условностей. Эти условности ограничивают возможности сигнализации при помощи барабанов. Так, при помощи барабана не могут быть переданы ни гласные, ни согласные звуки, а только тон слога и определенное число этих тонов, соответствующее числу слогов. Более того, иногда в передаче учитываются только два тона — высокий и низкий, хотя в языке их больше. Так, например, в языке ашанти имеется три тона: высокий, средний и низкий, при передаче же используются только два тона: высокий и низкий, которые воспроизводятся на двух барабанах²². В языке эве — пять музыкальных тонов, а передача ведется только на трех барабанах. К сожалению, исследователи передачи сообщений на барабанах почему-то не ставили себе задачу разрешить вопрос как о долгих и кратких гласных, так и об исчезновении некоторых тонов во время передачи сообщений.

²² Возможно, средний тон не опускается, а воспроизводится ударами палок по другим, определенным частям барабана, так как известно, что при ударе по различным частям барабана можно извлекать звуки, различные по высоте тона. Можно также предположить, что некоторые неосновные тоны, например, повышающийся и понижающийся, сливаются настолько, что не могут быть воспроизведены на барабанах.

И, наконец, ограниченность этого вида связи обуславливается тем, что в африканских языках с музыкальным тоном имеется большое число слов, одинаковых по числу слогов и тональности.

В языке ашанти (Золотой Берег) ²³:

o—su—H—B	дождь
a—no—H—B	рот
o—wu—H—B	смерть
a—ni—H—B	глаз

В языке келе (Конго) ²⁴:

lo—kon—do—H—H—H	лес
lo—mo—ta—H—H—H	маниока
bo—lem—ba—H—H—H	злой дух

В языке ибо (Южная Нигерия) ²⁵:

ok-e —H—C	крыса
ak-wa—H—C	яйцо
is-i —B—B	голова
ak-wa—B—B	крик

В связи с тем, что на барабане можно дать только тональный эквивалент слова и точное число слогов, приведенные четыре слова из языка ашанти будут восприниматься, как Н — В, т. е. по числу слогов, как два слога, а по тональности, как низкий — высокий, чередование низкого и высокого тона. В языке келе приведенные три слова разговорного языка имеют по три слога низкого тона: низкий — низкий — низкий.

У ашанти каждое из четырех приведенных слов следовало бы выбить на двух барабанах разного тона, и барабанщик сделал бы один удар по барабану низкого тона, другой — по барабану высокого тона. Указанные слова языка келе должны выбиваться тремя ударами по тороне деревянного барабана, издающей низкий тон. Аналогичный принцип будет применен для передачи приведенных слов у ибо и других народов.

Во всех подобных случаях слова будут совершенно непонятны, если их передать изолированно, так как звучание их будет совершенно одинаково. Поэтому передаваемое слово дается в сопровождении слов, точно определяющих его значение. Например, слова языка келе *lomota* — маниока и *bolemba* — злой дух имеют одинаковое число слогов и одинаковую тональность (слогов — 3, тональность Н—Н—Н), но слова, уточняющие их значение, различны, и именно это исключает возможность перепутать одинаковые по тональности и числу слогов термины. Слово *lomota* передается следующим образом: *lomota otika a kon'do* (Н—Н—Н—Н—В—Н—Н—В—Н) — маниока, которая остается на поле. Слово *bolemba* окружается иным контекстом: *bolemba blongo la loola loko'ke* (Н—Н—Н—Н—В—В—Н—Н—Н—В—Н—В—Н—В) — *bolemba* (злой дух), сын шипящей кобры и солнечного света. Тональность и число слогов этих двух фраз будут различны, и человек, припи-

²³ R. C. Rattrey, Указ. соч., стр. 248.

²⁴ Carrington, Указ. раб., стр. 79.

²⁵ J. Ward, *An Introduction to the Ibo Language*, Cambridge, 1935, стр. 18.

мающий передачу, поймет настоящее значение каждого из этих слов и фразы в целом.

Из приведенных выше примеров видно, что принцип, положенный в основу передачи известий на барабанах у народов Западной Африки, не имеет ничего общего с азбукой Морзе, в основе которой лежит передача букв точечным и линейным кодом.

Чтобы фраза, переданная на барабане, была понятна принимающим ее на слух, она должна быть лаконична и стереотипна. По свидетельству большинства исследователей этого вопроса, репертуар барабанщиков Западной Африки обычно состоит из большого числа стереотипных фраз. Эти фразы охватывают самые разнообразные области жизни африканцев и постоянно употребляются барабанщиками.

Ратрей утверждает, что если бы барабанщик попробовал передать что-либо сверх этих фраз, то сообщение не было бы понятно. Передача известий обычно ведется специальными барабанщиками, в обязанность которых входит и наблюдение за исправностью сигнального барабана. Вожди племен имели особых барабанщиков для передачи приказов и других важных известий. Однако в последнее время этот установившийся порядок, видимо, претерпевает некоторые изменения, так как в Конго и других частях Западной Африки передавать известия имеет право любой мужчина, знакомый с этим делом. По старинным обычаям, женщины, как правило, не допускаются к сигнальным барабанам, но в исключительных случаях, когда в деревне нет мужчин, они также имеют право передавать сообщения на барабанах.

Техника передачи на барабанах довольно сложна и разнообразна. В общем она сводится к следующему: вначале барабанщик обычно несколько раз выбивает позывные сигналы, затем — наименование деревни и имя лица, к которому он желает обратиться. Далее передается содержание дела, после чего выбивается на барабане имя лица, передавшего сообщение. Заканчивается передача серией ударов низкого тона. Так например, по свидетельству Каррингтона, при созыве жителей окрестных деревень на постройку моста у локеле на барабане выбивали позывные, представляющие собой ритмическое чередование звуков высоких и низких тонов²⁶: ke, ki, ke, ke, ke, ki, ke, ke — H—B—H—H—H—B—H—H и т. д. Но время от времени барабанщик выбивает на барабане тоны и число слогов следующей фразы разговорного языка келе: yatikeke botimbikili wa tokolokolo — приходите с деревянными жердями — ko nda bonoko wa Lotata — к устью реки Лотата.

Короткие передачи народа яунде (Камерун): H—H B H—H—H H—B—H—H—Ma—yi—ke ma—wu—li a ma—ne du—lu — я хочу отправиться в небольшое путешествие. Или: П H—H—H B—H B—B—H B—B—Za wa—wu—lu di—bi le—ki—di ki—di — приходи скорей ран утром.

По всей Западной Африке каждый мужчина, понимающий передачу на барабанах, имеет специальное «барабанное имя». Если нужно вызвать какого-либо мужчину из соседней деревни, то следует выбить на барабане определенную мелодию, означающую его имя. Вначале дают позывные, затем выбивается имя лица, к которому обращаются. В некоторых случаях позывные сигналы могут быть опущены. Так, например, если необходимо собрать жителей деревни, то сперва очень медленно пять или шесть раз выбивается на барабане слово «приходите», состоящее из двух слогов, первый из которых низкий, а второй — высокий. Затем в обычном темпе следует сама передача, далее снова то же слово и вторично в обычном темпе основная часть передачи. В таком порядке все известие выбивается несколько раз.

²⁶ ki — звук высокого тона; ke — звук низкого тона.

В особо важных случаях, например, при сообщении об опасности или войне, передача может быть еще короче ²⁷:

H—B	H—B	H—B
Bi—ta	bi—ta	bi—ta
Война	Война	Война

Наиболее важная часть сообщения всегда выделяется более медленной передачей и повторением. Передача ведется исключительно лаконичными фразами. Это, вероятно, способствует более легкому ее пониманию, а также более быстрому запоминанию мелодии всей передачи.

Наглядное представление о всех этих особенностях дает записанный на фонографе отрывок из ритуальной передачи у ашанти. Эта запись дает возможность понять технику передачи сообщений.

Для обозначения звуков различного тона, получаемых при ударе по барабану, воспользуемся опять буквами H и B, причем H будет изображать звук «мужского» барабана (низкого тона), а B — «женского» (высокого тона). Сочетания букв, не разделенные тире или просто достаточным интервалом, как, например, HB, BH, HH или BB, будут обозначать одновременные удары по барабану в таком порядке, как это указано знаками.

Таким образом, получается запись-схема тональности и количества слогов и слов, передаваемых на двух барабанах: «мужского» — барабана низкого тона и «женском» — высокого тона.

H—B—B H—H—B—B—B	Aboa Kokokuyinaka	Птица Кококияннака ²⁸
H—H—H—B	asamoa.	
H H H BB B	Ye gye wo die ben?	Как мы отвечаем на твоё приветствие?
H H H H—BH—H	Ye gye wo „Anyado“.	Мы приветствуем тебя (словом) „Аньядо“ ²⁹ .
H H H H—H—B B	Ye gye wa „Kyerema“	Мы приветствуем тебя как
	ba.	дитя барабанщика.
B—H—B B B H—B	„Kyerema“ ba da, nyane	Дитя барабанщика спит. Оно
H—H—H	anopa.	поднимается на рассвете.
B—B B—B B—B	tu tu tu tu tu tu.	Очень рано. Очень рано
		Очень рано
H H H—B B	Ye re kyero wo.	Мы обращаемся к тебе,
B—B B B B	Nso wo be hu.	И ты поймешь нас. •
H H H—B B	Ye re kyere wo.	Мы обращаемся к тебе,
B—B B B B	Nso wo be hu.	И ты поймешь нас.

Из приведенного примера видно, что передачи исключительно лаконичны по своему характеру. Они изобилуют повторениями фраз для того, чтобы привлечь внимание принимающих передачу на особо важные места и тем облегчить понимание сообщения.

Вопрос о том, как далеко может быть передано то или иное известие, еще и сейчас не решен удовлетворительно. Так как сообщения могут передаваться из одной деревни в другую, то дальность передачи теоретически не ограничена. Основное условие для этого — это наличие одного языка с единой системой тонов на всем пространстве передачи. Если на пространстве в сотни и даже тысячи километров существует

²⁷ Пример взят из языка яунде.

²⁸ Кококияннака — красивая птица с оперением темносинего цвета, живет в лесах Западного Судана. Она является тотемом барабанщиков ашанти. Ее не убивают и не употребляют в пищу. Ашанти считают, что она научила их пользоваться барабаном.

²⁹ Аньядо — слово приветствия для барабанщиков.

один тональный язык, то ни теоретически, ни практически нет препятствий для передачи сообщений с одного конца этой громадной территории на другой. При наличии этого условия известие может быть передано на барабанах примерно с такой же быстротой, как и телеграфом. Время, потребное для передачи сообщения из одного конечного пункта в другой в основном складывается из суммы отрезков времени, затраченного на прием и передачу известия в промежуточных пунктах.

Препятствием на пути передаваемого сообщения являются языковые границы. Но и этот барьер может быть преодолен, если новый язык — язык тональный и население этой территории имеет свой собственный способ передачи на барабанах, а также, если имеются барабанщики, способные понять переданное, перевести на свой язык, а затем передать дальше. Непреодолимой преградой для передачи известий, основанной на принципе тональности, следует считать области, где распространены языки, которые не знают музыкального ударения.

Как далеко практически могут быть переданы сообщения при помощи барабанов при существующих в Африке условиях? Возможна ли, например, передача из Хартума (Восточный Судан) до Сьерра-Леоне (Западный Судан)?

Большинство исследователей, не имея никаких точных данных, решают этот вопрос отрицательно. Однако такое решение, пожалуй, слишком категорично. Конечно, в широких масштабах передачи на таком большом расстоянии вряд ли осуществимы, но нет никаких оснований предполагать, что очень важные и краткие известия, подобные сообщению о взятии Хартума, не могут быть переданы. Ведь тональностью обладают не только языки Гвинейского побережья и районов, расположенных севернее, но и языки Камеруна, Северного, Южного и Восточного Конго, а также Восточного Судана. Границы языков с музыкальным тоном в общих чертах совпадут с границами распространения передачи известий на барабанах, основанной на принципе тональности. Кроме того, не следует забывать, что существует большое сходство внутри групп языков, например, в группе языков банту, языков кру, акан, тив и всех остальных. Необходимо учесть при этом, что везде имеются люди, которые знакомы и с языком соседнего народа и с его барабанной сигнализацией.

Талбот говорит, что у народов Южной Нигерии имеется некоторое количество «барабанных фраз», которые известны ибо, йоруба и другим народам этой части Африки. Эти фразы охватывают наиболее важные области жизни: сообщение об опасности, сбор в город и пр.³⁰ По свидетельству Вестерманна, эве многое могут понять из передачи на барабанах, которая ведется барабанщиками тви. Все это дает возможность предполагать, что передача известий на барабанах возможна даже на большом расстоянии и важное сообщение из нескольких слов может перелетать даже такие барьеры, как языковые границы. Поэтому нет никаких оснований категорически отрицать возможность передачи известий из Восточного Судана в Западный.

В условиях роста демократического движения этот древний способ передачи сообщений, как мы видели, зачастую становится средством связи между демократическими организациями и народом.

³⁰ Talbot, The peoples of Southern Nigeria, vol. III, London, 1926, стр. 809.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

П. И. КУШНЕР (КНЫШЕВ)

ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Изучение культуры и быта крестьян всегда составляло одну из важнейших задач русской этнографической науки. В программе 1847 г. для собирания сведений по этнографии русского народа, составленной Н. И. Надеждиным и разосланной Географическим обществом всем корреспондентам, рекомендовалось собирать сведения о тех «классах населения, в коих народные особенности сохраняются наиболее; таковы в племени русском: *весь так называемый простой сельский народ*, а также и средние классы горожан: мещане, купцы и разночинцы; одним словом, все те, о которых говорится, что они живут еще попросту, по-русски». Все последующие этнографические программы, преследовавшие цель изучения народной жизни, неизменно отмечали необходимость собирать сведения о крестьянстве. И это объяснялось тем, что у крестьян в дореволюционной деревне, где материальный, семейный и общественный быт гораздо дольше, чем в городе, сохранял свою традиционную форму, прочно удерживались старые национальные обычаи.

Дореволюционная русская этнография накопила большой опыт научного описания крестьянского быта; программы собирания материалов были тщательно разработаны и методы исследования уточнены во время полевых работ. Этими программами можно было бы воспользоваться и советским этнографам при изучении современного крестьянского быта, если бы объект этнографического изучения остался прежним; но советское, колхозное крестьянство совсем не похоже на старое крестьянство. И. В. Сталин в докладе о проекте Конституции Союза ССР на VIII Всесоюзном съезде Советов в 1936 г. говорил:

«Обычно принято говорить, что крестьянство — это такой класс мелких производителей, члены которого атомизированы, разбросаны по лицу всей страны, копаются в одиночку в своих мелких хозяйствах с их отсталой техникой, являются рабами частной собственности и безнаказанно эксплуатируются помещиками, кулаками, купцами, спекулянтами, ростовщиками и т. п. И действительно, крестьянство в капиталистических странах, если иметь в виду его основную массу, является таким именно классом. Можно ли сказать, что наше современное крестьянство, советское крестьянство, в своей массе похоже на подобное крестьянство? Нет, нельзя этого сказать. Такого крестьянства у нас уже нет. Наше советское крестьянство является совершенно новым крестьянством. У нас нет больше помещиков и кулаков, купцов и ростовщиков, которые могли бы эксплуатировать крестьян. Стало быть, наше крестьянство есть освобожденное от эксплуатации крестьянство. Далее, наше советское крестьянство в своем подавляющем большинстве есть колхозное крестьянство,

т. е. оно базирует свою работу и свое достояние не на единоличном труде и отсталой технике, а на коллективном труде и современной технике. Наконец, в основе хозяйства нашего крестьянства лежит не частная собственность, а коллективная собственность, выросшая на базе коллективного труда.

Как видите, советское крестьянство — это совершенно новое крестьянство, подобного которому еще не знала история человечества»¹.

Ясно, что изучать это новое крестьянство по старым этнографическим программам нельзя. В течение многих лет после коллективизации этнографы ограничивались изучением того старого, что сохранялось в колхозной деревне, но, начиная с 1947—1948 гг., Институт этнографии АН СССР приступил к изучению культуры и быта колхозного крестьянства. Были разработаны и опубликованы программы для сбора этнографических материалов по колхозам Казахской ССР (программа О. А. Корбе), Прибалтийских республик (программа П. И. Кушнера) и народов Поволжья (программа Н. И. Воробьева).

В журн. «Советская этнография» за 1948—1951 гг. появились многочисленные статьи-очерки (в общей сложности — более двух десятков статей) о жизни колхозного крестьянства разных национальностей. Этнографический материал, легший в основу этих очерков, был собран научными сотрудниками Института этнографии АН СССР во время их полевой работы. Аналогичную исследовательскую работу вели и другие этнографические учреждения нашей страны. Однако далеко не все опубликованные исследования оказались удачными, и это дало возможность некоторым этнографам старой, дореволюционной школы утверждать, будто советская этнография пошла по неправильному пути и что задачей советских этнографов попрежнему должно оставаться изучение только далекого прошлого и пережитков этого прошлого в современности («живая старина!»). Такая точка зрения глубоко ошибочна.

Предмет этнографической науки — изучение этнической или национальной специфики народов. Нации отличаются друг от друга не только по языку и условиям жизни, но и по духовному облику, выражающемуся в особенностях национальной культуры. Это в полной мере относится также к социалистическим нациям, возникшим в результате коренного преобразования прежних буржуазных наций, и к тем новым, социалистическим нациям, которые формируются из народностей лишь в период социализма. Период победы социализма, как учит товарищ Сталин, не создает еще условий для отмирания национальных особенностей и слияния наций, «наоборот, этот период создает благоприятную обстановку для возрождения и расцвета наций»² и национальных культур.

Национальные формы культуры изучают разные науки, но есть такие стороны национальной культуры, которых не изучает никакая другая наука, кроме этнографии: поселение и жилище, одежда, пища, народное творчество, уклад домашней жизни, быт во всем его многообразии. Без изучения этих сторон жизни народа никакая характеристика социалистической нации не может быть полной.

Этнографы не выполнили бы своих задач, если бы отказались от изучения современной культуры и быта народа. Такое изучение явится ценным вкладом в науку о нации, о закономерностях развития национальной специфики в условиях социализма и может иметь большое практическое значение. Задача состоит в том, чтобы, опираясь на имеющийся уже опыт, разработать новую методологию и новую методику этнографического изучения народной жизни.

На этнографическом совещании, состоявшемся в Москве в январе—

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 511—512.

² И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 345.

феврале 1951 г., были заслушаны и обсуждены 18 докладов об этнографическом изучении быта колхозного крестьянства и рабочих. Этнографическое изучение рабочих, как было признано единогласно всеми участниками совещания, не вышло еще из стадии первоначальных исканий, докладчики не могли предложить ни четкой методологии, ни особых методов сбора материалов, не уточнили даже объекта изучения. Вследствие этого было решено поставить вопрос о методах этнографического изучения рабочих на широкое обсуждение в печати и созвать в 1952 г. специальное совещание по этому вопросу. Но и методы этнографического изучения колхозного крестьянства не вполне удовлетворили участников совещания. В прениях по докладам отмечалось, что многие авторы докладов (и опубликованных в печати очерков) не сумели раскрыть национальную специфику крестьянского быта, показать достаточно отчетливо происшедшие в нем изменения. Так как подобные замечания высказывались в отношении большинства докладов, напрашивалось предположение, что имеется какая-то общая причина всех этих неудач и что, повидимому, дело не в личных недостатках работы отдельных авторов, а в несовершенстве методов исследования или в неудачном выборе объекта для этнографического изучения.

Докладчики называли свои исследования «монографиями», и действительно они старались дать всестороннее описание жизни того или другого колхоза и быта колхозников. Результаты, однако, получились неудовлетворительные.

Некоторая часть этнографов, мнение которой выразил проф. Г. С. Чистая, объяснила неуспех исследований тем, что они строились монографически. По мнению этих этнографов, многообразие тематики, охватывающей все вопросы производства, культуры и быта колхозного крестьянства, не под силу одному исследователю. Этнографическое изучение должно вестись по отдельным темам, охватывать более широкие районы, и тогда результаты будут иными. Объектами изучения могут быть жилище, семья, одежда, а не быт колхозников в целом.

Защитники монографического изучения в свою очередь отстаивали правильность применяемого метода, указывая, что быт и культура теснейшим образом связаны с производством и находятся от него в громадной зависимости, поэтому понять процесс формирования нового быта можно только в том случае, если будут выяснены значение и формы воздействия производства на все стороны быта. Отыравая быт от производства, исследователь метафизически отделяет следствие от причины.

И хотя в конце концов участники совещания согласились, что противопоставлять монографическое изучение тематическому не следует, основная причина неудачи, наличия которой отрицать нельзя, так и осталась невыясненной.

Г. С. Маслова объясняла недостатки публикаций и докладов краткой формой их; это объяснение было подхвачено некоторыми другими докладчиками. Однако, по моему мнению, причина неудачи не в этом. Конечно, в небольшой статье или в кратком докладе очень трудно отразить детали изучаемого этнографами процесса изменения быта колхозного крестьянства, но ведь авторы, как правило, не давали и обобщений. И если этих авторов обвиняли в том, что они не вскрыли этнической специфики быта тех народов, которые ими изучались, то это касается не только деталей, но и выводов, общих характеристик.

Чем отличаются почти все статьи-очерки этнографов по колхозной тематике? Прежде всего, своей схематичностью, скелетообразностью. Большинство статей представляет собой скупой перечень ответов на анкету. По характеру публикуемого материала видно, что материал этот собирался опросным путем, наспех, без дальнейшего изучения корней отмеченного явления, процесса его развития. Материал, следовательно, не изучен, а лишь разведан.

Во-вторых, также несомненно, что один из основных методов этнографического изучения — личные наблюдения исследователя — находился в загоне, ему не было придано настоящего значения. И такое явление объяснялось, вероятно, тем, что большинство этнографов, опубликовавших очерки, до смешного малое время потратили на изучение сложных процессов изменения быта в границах того «объекта», который они взялись изучать. Как правило, на полевую работу тратилось не более двух-трех недель, а некоторые «исследователи» ухитрились пробить в колхозе, который ими изучался, всего несколько дней. И если через год или два этнограф снова посещал этот колхоз, то и тогда он оставался в нем только два-три дня. Формально этнограф как будто «изучал» этот колхоз в течение нескольких лет, но в действительности он был там в общей сложности не более месяца. Мог ли исследователь обнаружить в результате такого изучения главное и основное в процессе изменения быта, в ходе развития социалистической культуры? Мог ли он сделать какие-либо научные обобщения?

Не только научных обобщений нет во многих опубликованных статьях-очерках, но нет и научных описаний. Что же это за этнографическое исследование, которое в результате полевой работы не дало достаточного материала, требующего описания? В тех же случаях, когда такие описания попадают в статьи по колхозной тематике, они касаются или вовсе не входящих в круг научного изучения этнографа явлений (описание колхозного производства как такового) или относятся к явлениям и объектам, давно уже описанным (и гораздо более тщательно и подробно) в старой этнографической литературе. А вот научного описания того нового, что характеризует быт колхозного крестьянства, в статьях очень мало.

Почему научное описание, как правило, почти не занимает места в этих очерках? Вероятно, потому, что у авторов не было времени длительно наблюдать быт и фиксировать его отдельные стороны с той точностью, какая требуется при этнографическом изучении. Если же этнографический материал собирается наспех и неполно, если этот материал не описан надлежащим образом, и исчезает база для научных обобщений. Тогда место научно обоснованных выводов занимает общая фраза, штамп, шаблон, отражающие не собственные выводы исследователя, а какие-либо ходячие, в общем, может быть, и правильные, положения, которые можно «сформулировать» без всякого этнографического изучения.

Дело, по-моему, вовсе не в том, монографически или тематически изучается быт колхозного крестьянства, а в том, изучается ли он глубоко, научно или поверхностно. И если значительная часть опубликованных очерков по этой тематике лишена исследовательских моментов, то это является прямым следствием поверхностно проводимой полевой этнографической работы.

Монографическое изучение быта требует от исследователя много сил и времени, но вполне осуществимо и оправдало себя. Я укажу на монографические исследования Тана-Богораза, Штернберга, В. Серошевского и др. Эти монографии дают богатейший материал о быте народов, изучавшихся исследователями. Ими затронуты все стороны быта, и это было возможно лишь потому, что исследователи жили среди изучаемого населения годами (правда, не всегда по своему желанию!). Для советского исследователя этнографический способ изучения народного быта является всегда доступным, но, к сожалению, применяется исключительно редко. Между тем для этнографа он часто становится обязательным — монографию по сложному объекту нельзя дать в слишком короткий срок; в особенности это касается изучения процессов изменения быта, никогда не проходящих молниеносно. Чтобы наблюдать их, нужно жить среди изучаемого населения в течение длительного времени.

Конечно, при бригадном (коллективном и комплексном) изучении объекта срок можно и сократить, но все же требуется наблюдать жизнь колхозного крестьянства в разные сельскохозяйственные сезоны. В тех случаях, когда исследованием занимается целый коллектив этнографов, необходима четкая общая программа и общее научное руководство. Только при таких условиях изучение отдельными специалистами селения и жилища, домашнего быта, общественного быта, народного творчества и пр. может привести к общим, согласованным выводам. Для подобного изучения (включая и предварительную разведку) потребуется не менее двух-трех лет. Вот почему монографическим изучением культуры и быта колхозников в том или другом селе или ауле не следует злоупотреблять: это большая и долговременная работа, которая отнимает у исследователя все его время на длительный срок и которая не может делаться мимоходом в порядке выполнения «очередных заданий».

С самого начала изучения так называемой колхозной тематики среди этнографов не существовало разногласий о том, что изучается не сам колхоз как форма хозяйственной организации, а культура и быт колхозников. Однако отсутствие на первых порах методических разработок (схематических планов, программ для сбора этнографических материалов и пр.) приводило к рецидивам неудачных опытов изучения этнографами колхозов в 1935 г. Исследователи начинали заниматься организационными вопросами колхозного строительства, историей классовой борьбы в деревне и пр., забывая подчас о национальной специфике быта и вообще о быте.

По мере продвижения изучения значительно четче выявлялись основные его задачи. Было признано, что основной целью разработки колхозной тематики является изучение процесса изменения быта колхозного крестьянства и роста его социалистической культуры. Во время полевой работы этнограф должен выявить подлежащий изучению материал, научно описать его, сопоставить, проанализировать, установить генезис и ход развития, чтобы получить возможность выявить движущие силы процесса изменения быта, борьбу нового со старым, сохранение национальной формы, новое содержание национальных форм.

Изучая быт колхозников, этнограф не может оставить вне поля зрения важнейшие факторы, влияющие на изменение этого быта, среди которых большое место занимают производство и экономика колхоза. Но одно дело — установить это влияние, а другое — заняться исследованием производственных или экономических процессов. Отсутствие опыта в использовании данных смежных дисциплин приводило нередко к тому, что этнографы начинали изучать урожайность, прирост поголовья, удойность, правильность использования в колхозе труда и материалов, выполнение колхозом производственных планов, постановлений Советского государства и партии Ленина — Сталина, касающихся колхозного производства. Не являясь специалистами ни в области сельскохозяйственного производства, ни в области колхозной экономики, этнографы делали много ошибок и, конечно, не могли глубоко раскрыть ни производственных, ни экономических процессов. Между тем читатель, введенный в заблуждение тем, что этнограф заявлял, будто он изучает колхоз «монографически», т. е. всесторонне, требовал от него полноты данных об этом колхозе и в первую голову о его производстве; приводимые этнографом случайные и к тому же недостаточно разъясненные цифры, относящиеся к колхозной экономике, также не могли удовлетворить читателя. Нельзя сказать, что увлечение цифровыми показателями, не используемыми позже в исследовании, преодолено этнографами полностью и в настоящее время.

И все-таки указанные выше ошибки оказались бы сравнительно легко исправимыми, если бы исследователи не сбились с основной своей темы — изучать народную жизнь в ее бытовых проявлениях.

ния х, а не «экономическое положение колхозного крестьянства» или «организацию сельскохозяйственного производства». Можно было бы несколько упрощенно определить задачу этнографического описания как показ советского образа жизни в деревне. Но перед этнографом стоит не только такая статическая цель, ему нужно исторически изучить изменение форм быта, появление нового содержания в старых формах и рождение новых форм, развитие социалистической культуры. Словом, кроме научного описания, нужно произвести научное исследование современной культуры и современного быта колхозного крестьянства.

Не все стороны быта и тем более культуры колхозников находятся в прямой зависимости от колхозного производства и от колхозной экономики. Разве социалистическое сознание колхозников формируется только под влиянием колхозной экономики? Разве на него не влияет советский строй в целом? Разве на него не влияет идеологическая роль партии Ленина — Сталина? Разве советская школа, изба-читальня, советская пресса, радио, кино и различные формы культурного обслуживания населения не помогают формированию этого сознания? А ведь от степени развития этого сознания зависит и быт. В советском социалистическом обществе сама экономика подчиняется человеческому сознанию (социалистическому сознанию!) — на этом основано наше плановое хозяйство. Как же можно целиком подчинять этнографическое изучение колхозного крестьянства задаче описания только тех процессов, которые протекают в колхозном производстве и колхозной экономике, — это значило бы сделать исследование однобоким. Это было бы рецидивом примитивного экономического в объяснении общественных явлений. И если даже колхоз берется лишь как территориальная единица, в границах которой живет крестьянское население, то и это неправильно. Колхоз — не столько территориальная, сколько хозяйственная организация. Крестьянство, которое изучает этнограф, живет не в колхозах, а в населенных пунктах — селах, деревнях, аулах, кишлаках, станицах и пр. Наряду с членами колхозов в этих населенных пунктах живут и нечлены — сельская администрация, сельская интеллигенция, рабочие МТС и соседних предприятий, причем нередко в одной и той же семье есть и члены и нечлены колхоза. Это все трудящиеся, жизнь которых на селе нужно изучать, — сельский быт складывается не без их участия. Более того, перечисленные нами группы населения являются в быту передовыми и наиболее активными.

Отсюда следует, что основной территориальной единицей при монографическом изучении должен быть не колхоз, а село, иногда группа близлежащих населенных пунктов. В этих населенных пунктах этнограф изучает формы поселения, типы жилищ, их внутреннее устройство и убранство, домашний быт и его особенности, вызываемые колхозным производством, семейные отношения, общественный быт, культуру, народное творчество — во всем многообразии их форм и генетическом развитии.

Изучать все это нужно этнографическими методами, не мудрствуя лукаво, твердо помня основную цель такого изучения — выявить процесс формирования социалистического быта и развития социалистической культуры, сохраняющей свои национальные формы.

Значит ли это, что культура и быт сельского населения в СССР должны изучаться лишь монографически? Нет, вовсе не значит. Монографическое изучение не может охватить всю территорию Советской страны, оно по необходимости должно быть сконцентрировано лишь на нескольких наиболее важных в смысле изучения объектах. На ближайшие годы Институт этнографии АН СССР наметил только четыре пункта такого монографического изучения. Но любая из сторон народной жизни, изучаемых этнографией, может исследоваться тематически, например, сельское жилище у определенных народов, одежда, пища, семья и брак, воспитание

детей, положение женщины в семье и в обществе, взаимоотношения поколений в прошлом и теперь, народное искусство, фольклор и другие более крупные и менее крупные темы и разделы,— все они изучаются и будут изучаться этнографами независимо от того, предполагается ли в каком-либо селе или ином населенном пункте поставить монографическое многолетнее изучение всех сторон жизни. От характера, а также от самого исследователя зависит распространить район изучения на целый народ или ограничиться какой-либо областью, районом, а может быть и отдельным населенным пунктом.

Методы тематического изучения не вызывают пока споров среди советских этнографов, а потому об этом можно в данной статье не говорить.

Н. И. ВОРОБЬЕВ

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Журнал «Советская этнография», печатая статью П. И. Кушнера «Об этнографическом изучении колхозного крестьянства», весьма своевременно организует обсуждение одного из важнейших вопросов советской этнографии. Уточнить вопрос о самом объекте изучения, разработать правильную методику сбора и обработки материалов необходимо как можно скорее. Жизнь идет вперед; построенное в нашей стране социалистическое общество в своем развитии быстро движется к переходу в общество коммунистическое; происходит интенсивная перестройка быта советских народов. Советская наука не имеет права отставать от жизни. Необходимо не только хорошо фиксировать процессы изменения в быту колхозного крестьянства, но глубоко анализировать происходящие перемены, выяснять пути строительства социалистического быта отдельных народов, выявлять перспективы дальнейшего развития этого быта, помогать строить его, а не только регистрировать уже создавшееся.

Социалистическая культура советских народов, а стало быть и их быт, создаются национальными по форме. Национальные особенности всей культуры в целом и быта как ее части не уничтожаются, а продолжают существовать и развиваться. Если в прошлом деревня, живя более замкнутой жизнью, являлась создателем и хранителем национальных традиций в быту, то это в той или иной степени остается и в настоящее время. Национальные формы социалистического быта обычно создаются в деревне, где сильнее национальные традиции, в том числе и хорошие традиции, которые в переосмысленном виде входят в социалистический быт и имеют все данные для длительного сохранения в нем. Если в условиях городов и рабочих поселков происходит быстрое нивелирование бытовых форм под влиянием быта, сложившегося в наших советских городах, то в деревне этот процесс идет медленнее, здесь дольше сохраняются веками сложившиеся национальные формы, удерживаются наиболее ценные, приспособленные к жизни данного народа традиции.

Изучение социалистического быта рабочего населения городов и поселков при предприятиях необходимо организовать как можно скорее, разработав для этого соответствующие методы, но одновременно надо продолжать исследование быта сельского населения различных национальностей, изменив методику исследования, приспособив ее к изучению нового советского колхозного крестьянства, так резко отличающегося по своей идеологии от разрозненного крестьянства прошлого.

Ознакомившись со статьей П. И. Кушнера и соглашаясь с большинством положений, изложенных в ней, нам бы хотелось высказать ряд соображений по данному вопросу, явившихся у нас в результате длительной работы по изучению как старого крестьянства (до коллективизации), так и современного — колхозного.

Прежде всего мы полностью согласны, что изучать этнографу надо в колхозе, а быт населения того поселка (села, деревни, аула и т. д.), где данный колхоз расположен. Подмена изучения социалистического быта колхозников изучением колхозного производства неудачна и не дает результатов. Этнограф не может изучать как следует технику и экономику колхозного хозяйства, а стараясь это сделать, он плохо изучает быт колхозников и вообще населения данного поселка. Но в то же время этнограф не имеет права отказываться от изучения колхоза, как хозяйственного объединения основной массы населения поселка. Колхоз прежде всего создает экономическую базу современного крестьянства, без которой немыслимо оформление его быта. Одновременно он, обновляя и организуя труд, создает новые социалистические трудовые привычки, дисциплинирует колхозников, в целом перевоспитывает их, прикладывает к месту старого мелкособственнического мировоззрения социалистическое сознание. Колхоз и социалистическую организацию труда в нем изучать необходимо, но надо все время помнить о колхознике, о влиянии колхоза на его сознание, а через него и на быт, а не ставить изучение производства и экономики колхоза как самоцель. Колхоз это только фон, правда, основной, для исследования перестройки всего быта на социалистических началах, а главной задачей этнографа является изучение и осмысление именно быта народов в его национальной специфике.

На этнографическом совещании 1951 г. большие споры разгорелись вокруг того, как изучать социалистический быт колхозной деревни — монографически или тематически. Необходимо сказать, что оба подхода хороши, если правильно организовать исследования, но в то же время оба они имеют и свои недостатки. Монографические исследования многосторонни. Они требуют более серьезной подготовки исследователя, но на практике чаще всего не одинаково охватывают все стороны быта. Обычно каждый исследователь имеет свои «любимые» вопросы и на остальное, естественно, обращает мало внимания, как бы считая это второстепенным. А ведь в быту нет второстепенного, все имеет свое место и должно быть изучено достаточно тщательно. Тематические исследования несомненно глубже, но иногда они ведут к искусственному вырыванию какого-либо элемента из всего бытового комплекса, изолируют его, мешая тем самым пониманию его развития. При тематических исследованиях все равно надо изучать весь быт в целом, только ставя в центр изучаемую бытовую форму или элемент.

При монографических исследованиях в большинстве случаев принято изучать один и при этом наиболее передовой колхоз, не обращая внимания на то, что делается рядом, за границами его земельной площади. С одной стороны, такой выбор объекта правилен, ибо хороший колхоз сильнее действует на быт населения, чем отстающий, но с другой — это слишком суживает изучение быта, слишком много придает значения влиянию именно данного колхоза, мешает обращать внимание на то общее, что производит перековку сознания людей и их быта в данной местности, у данного народа. Кроме того, не плохо бы одновременно с передовым изучить хотя бы один близко расположенный отстающий колхоз, ознакомиться не только с тем, что ведет вперед, но и с тем, что тормозит перестройку сознания колхозников, что мешает отстающему колхозу подняться и оказывать такое же благотворное действие на своих членов.

При изучении быта населения всегда выделяются своеобразные этнографические районы (можно их назвать и как-либо по-другому), в пределах которых население более тесно сближается между собой, имеет большую бытовую общность. Центрами подобных районов в условиях капиталистического периода чаще всего являлись базары. Население одного базарного района чаще общалось, устанавливались

дружественные отношения, которые затем через браки переходили в родственные. Исследования показывают, что в массе браки заключались раньше именно в пределах данных районов. В некоторых местах то же место занимал приход и т. п. Иногда такие районы складывались под влиянием пережитков каких-то древних родственных отношений. Так, у татар Заказанья до Великой Октябрьской социалистической революции сохранялись своеобразные округа, население которых совместно праздновало древний народный праздник дженен. Этот праздник являлся пережитком подобного же праздника, существовавшего у кочевых башкир, на который собирались в недалеком прошлом члены определенных родов и здесь совместно решали общеродовые дела. Население отдельных джененных округов у татар стояло ближе друг к другу, чем к людям из других таких же округов.

В настоящее время подобные районы также сохраняются. Их центрами нередко являются административные центры, а иногда, как и прежде, базары.

В этнографических районах быт населения близок, бытовые формы одних поселений как бы дополняют таковые же в других. Большей частью каждый такой район имеет свою бытовую специфику, хотя бы немного отличающую его от других подобных районов, что имеет обычно совершенно определенные причины, отличные от таковых же других районов. Возьмем Агинско-Менгерский и Балтасинско-Ципьинский этнографические районы у татар того же Заказанья. Они имеют некоторые отличия в жилище, питании, местных промыслах и т. д. Причиной этого является более позднее заселение Балтасинско-Ципьинского района татарским населением, большей примесью отатарившегося коренного населения (марийцев и удмуртов) с пережитками их специфического быта. Иногда устанавливаются районы усиленного межнационального сближения. Так, например, близ северо-западной границы Чувашской АССР (Сундырский район) весьма часты смешанные браки с марийцами, что отражается в быту населения этого района, в западной части (Красночетаевский район) больше сближение с русскими, в юго-восточной части республики — с татарами и т. д.

Поэтому при монографическом исследовании необходимо изучать не один колхоз или поселок, как бы велик он ни был, а именно подобный этнографический район, установить который довольно легко путем предварительной разведки из намеченного центра изучения. Это несколько расширит объект изучения, лучше поможет установить типологию бытовых форм, выяснит причины их образования именно в таком виде, какой специфичен для района, поможет избежать придания слишком большого значения чисто местным и иногда случайным явлениям, имеющимся в том или ином поселке.

Монографические исследования удобнее всего вести небольшим коллективом в три-четыре человека. Тогда участники распределяют между собой отдельные стороны быта, согласно их склонностям и интересам, и дело пойдет значительно быстрее, а, главное, изучение будет равномернее и глубже. Но при этом работа всех членов коллектива должна вестись по единой программе, под одним руководством, строго согласованно. Исследователи должны как можно чаще консультироваться между собой, обмениваться своими материалами, а кроме того каждый из них, имея свою область изучения, не должен отбрасывать совершенно материалы по другим вопросам, ему случайно попавшие, а фиксировать их и тотчас же передавать сведения о них соответствующему товарищу. Особенно важно создание таких коллективов при изучении быта небольшой народности или большой части крупного народа, когда приходится изучать не один этнографический район, а ряд их.

Серьезным вопросом является количество времени, необходимое для хорошего изучения быта,— все равно монографически или тематически.

Спорить о том, что самый лучший метод для этого стационарный, не приходится, но практически его трудно осуществить. Чтобы жить продолжительное время в определенном месте для сбора материалов, необходимо вести здесь какую-то работу, иметь службу в данном районе, конечно, не по специальности этнографа. Это, несомненно, даст возможность лучше сблизиться с населением, получить его доверие, войти в круг его интересов, полностью и глубже изучить его, но в то же время этнограф не будет иметь возможности отдавать все свое время исследованиям, ибо его будут занимать служебные обязанности по месту работы. Осуществить сочетание службы и проведения серьезных, многосторонних исследований весьма трудно — прежде всего для этого этнограф должен иметь две специальности: ученого-этнографа и какую-либо практическую. Чаще всего стационарные исследования проводятся местными людьми, но последние редко бывают достаточно подготовленными к проведению этнографических работ, и их сборы являются только подсоборными для специалистов сведениями корреспондентов.

Практически специалистам все же чаще приходится работать выездами — методом экспедиционным. Поэтому необходимо как можно лучше усовершенствовать этот метод. При монографических исследованиях, когда объектом является небольшой этнографический район, лучше всего посещать этот район несколько раз, в разные сезоны, оставаясь в нем недели две-три. Кроме того необходимо организовать сеть корреспондентов из местных людей, которые в промежутке между посещениями этнографа по его заданию вели бы некоторые наблюдения.

При экспедиционном исследовании более крупных территорий (территории обитания всего народа или крупной части его) необходимо разбить всю территорию на части и затем в каждой из них, а особенно в первый год исследований, посвятить значительное время для более детального изучения одного этнографического района. При изучении других районов уже можно применять метод сравнения, так как быт становится достаточно знакомым и в нем легче уловить общность с прежде изученным или его отличия. Желательно посещение уже изученных районов несколько раз, а также в различные сезоны года — это углубит познание. Конечно, хорошее изучение быта даже сравнительно небольшого народа требует многих лет работы, во всяком случае не менее 5—6 лет. Один же этнографический район можно при неоднократном посещении его неплохо изучить в 2—3 года. Многое здесь, конечно, зависит от опыта исследователя, но все же быстро, простым проездом, этнографические исследования вести нельзя, особенно всесторонне.

Нельзя также вести исследование быта, так сказать, в одной плоскости, т. е. изучая только современность, ибо все элементы, составляющие нацию, народ, в том числе и его быт, по выражению И. В. Сталина, «не с неба упали»¹, а являются результатом длительного развития в течение исторической жизни народа. Сбор материалов в одной плоскости даст лишь фотографию быта, а не его изучение и глубокое понимание. Необходимо изучать и историю быта, узнавать, как, под влиянием каких причин он изменялся, создавать при изучении современности некоторую историческую перспективу. Ведь социалистический быт в его национальных формах — не отрицание всего старого, он не строится на пустом месте. Нет, это дальнейшее развитие наиболее ценных форм его в новой исторической обстановке, в условиях новых социальных отношений. Не все в старом быту — «пережитки прошлого», теперь уже ненужного. Многое, что создал народ в прежнее время, есть основа его национального быта, которая переосмысливается в новых условиях, но не отбрасывается как ненужная. Это часть того вклада, который

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 336.

каждый народ, каждая нация, — все равно — большая или малая, внесит «в общую сокровищницу мировой культуры»². Надо только очень внимательно анализировать старое, проявлять большое политическое чутье в отборе того, что ценно и что ненужно, но без исторической перспективы глубоко познать быт народа нельзя. Народ не отказывается от своей прежней культуры — он перестраивает ее, создает много нового, но в то же время сохраняет и старое, что ценно и дорого ему как его национальная специфика, которая исчезнет только в отдаленном будущем, в период полного господства коммунизма на всем земном шаре.

Таковы некоторые соображения по затронутому вопросу, которые частично вносят добавления, а в большинстве развивают положения статьи П. И. Кушнера. В заключение еще раз отметим, что вопросом, поднятым нашим ведущим журналом, необходимо заняться весьма серьезно. Необходимо быстро и в то же время достаточно глубоко разработать методику этнографического изучения колхозного крестьянства, как можно скорее начать правильно организованные исследования социалистического быта советской деревни, быстро строящегося во всех уголках необъятного Советского Союза, у всех его многочисленных свободных народов.

Н. А. КИСЛЯКОВ

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ КОЛХОЗОВ

В своей статье «Об этнографическом изучении колхозного крестьянства» П. И. Кушнер отмечает, что все те работы, которые были написаны за последние годы по вопросу изучения культуры и быта колхозников, не удовлетворяют ни специалистов, ни широкие массы читателей, и в то же время показывают, что наши советские этнографы не нашли еще методов и путей изучения колхозного крестьянства, а также не сумели определить ту специфику, которая подлежит этнографическому изучению в советской деревне.

Основных недостатков, которыми объясняется указанная неудача, автор намечает три. Эти недостатки вкратце сводятся к следующему: 1) сроки пребывания этнографа в поле явно недостаточны; 2) этнограф, задавшийся целью изучить колхоз монографически, наряду с изучением культуры и быта колхозного крестьянства занимается также исследованием производственных и экономических процессов, что не является спецификой этнографического изучения; 3) объектом монографического изучения для этнографа должно являться село, а не колхоз.

Первое из этих трех положений безусловно правильно. При изучении того или другого объекта наездом, хотя бы и в течение двух-трех лет, без достаточно глубокого проникновения в жизнь колхозного крестьянства, без длительного наблюдения и осмысления происходящих в быту колхозника процессов, трудно, да, пожалуй, невозможно дать настоящее исследование, посвященное быту и культуре колхозного крестьянства. Всякий этнограф, бывавший длительно в поле, хорошо знает, что полевая работа логически подразделяется на две части, на два периода.

Первый из них состоит обычно в сборе материалов, основанном на усиленных расспросах, которые группируются этнографом в соответ-

² Речь товарища И. В. Сталина на обеде в честь Финляндской Правительственной Делегации, «Большевик», 1948, № 7, стр. 2.

твии с имеющейся у него программой; при этом расспросным путем собирается как материал по внешнему быту (описание одежды, жилища и т. д.), так и по вопросам, связанным с внутренним бытом (отношения в семье, общественные отношения, религия и культ и пр.). В зависимости от опытности собирателя, его знакомства с краем и бытом населения, иногда участия в работе нескольких человек, такой расспросный материал может быть собран более или менее быстро, в течение нескольких недель, иногда двух-трех месяцев. Непосредственные наблюдения в этот период, хотя и играют некоторую роль, но они занимают подчиненное, второстепенное положение.

Однако этот период полевой работы, позволяющий ознакомиться часто со всеми вопросами, предусмотренными программой, не дает еще этнографу возможности глубокого проникновения во внутренний быт, во взаимоотношения между членами семьи или членами того или другого коллектива. Наступает второй период, период наблюдения, в большинстве случаев требующий непосредственного вхождения этнографа в изучаемый коллектив, в семью и обусловленный длительным проживанием исследователя на месте. Только в результате такого наблюдения, длительной жизни среди изучаемого коллектива возможно глубокое знакомство с бытом населения, с его культурой, с теми общественными процессами и сдвигами, которые происходят в этом коллективе.

Несмотря на то, что среди советских этнографов имеется немало крупнейших специалистов по этнографии отдельных народов, хорошо знакомых с бытом этих последних, колхозная тематика, специфика быта колхозного крестьянства требует затраты большого количества времени на их изучение. Сроки же, обычно предусматриваемые для этого, оказываются явно недостаточными.

Соглашаясь, таким образом, с первым из трех указанных положений П. И. Кушнера и оставляя временно в стороне второе из этих положений, мы самым решительным образом выражаем свое несогласие с третьим из них. Видеть корень зла в том, что объектом изучения является колхоз, а не село, вряд ли правильно. Здесь следует указать на то обстоятельство, что территориально сплошь да рядом колхоз сливается с селом и весь быт (равно как и экономика) села есть в то же время и быт колхоза.

Неправильно, что колхоз является только хозяйственной организацией. Все те формы культурного обслуживания, о которых говорит автор, а именно, школа, изба-читальня, радио, кино и т. п., имеются в каждом колхозе; колхоз проводит общественную работу среди своих членов; наконец, в колхозах создаются и свои колхозные партийные организации. Таким образом, колхоз является не только производственным, но и общественно-политическим коллективом, и противопоставлять его селу, деревне неправильно. Правда, неправильно было бы впадать в другую крайность, совершенно игнорировать село, но нам кажется, что такого игнорирования и не наблюдается. Так, например, при изучении таджикского колхоза под Ленинабадом (здесь на территории одного селения имеются два колхоза) нами подробно записывалась история селения в целом, а также была проведена работа по ознакомлению с деятельностью сельского совета.

Наконец, следует отметить, что в нашей стране с каждым годом увеличивается число колхозных поселков, вырастающих на новых, вновь освоенных (орошенных) землях, в которых грань между колхозом и селом окончательно стирается.

Таким образом, объяснение имеющихся налицо неудач в изучении этнографии колхозного крестьянства тем, что объектом этого изучения был колхоз, а не село, представляется нам беспредметным.

Вернемся теперь ко второму положению автора, а именно к вопросу о том, какие стороны жизни следует изучать. Это положение из

всех трех нам представляется наиболее дискуссионным. Автор безусловно прав в том отношении, что экономика, агрономия, скажем от себя, и архитектура, а также целый ряд других отраслей не являются специальностью этнографа и последнему плохо удаются занятия этими отраслями. Однако, с другой стороны, мы не можем не вспомнить, что крупнейшие дореволюционные этнографы, на которых ссылается и наш автор, например, Тан-Богораз, Штернберг, Серошевский и другие, в своих монографиях по отдельным народам или областям оставили нам великолепные образцы подробных описаний производственной деятельности, архитектуры, наконец, экономики (правда, не владея марксистской методологией, они не могли дать правильного анализа изучаемых явлений) изучаемых ими народов. Вряд ли кого-либо из нас удовлетворило бы описание В. Г. Богоразом чукок, если бы в нем отсутствовала детальная характеристика оленного хозяйства, производственных процессов, орудий производства.

В чем же тут дело? Мы думаем, что дело заключается в том, что если старые этнографы сталкивались с примитивным производством, с примитивными зоо-агрономическими навыками, с примитивной экономикой, с примитивной архитектурой, то советский этнограф сталкивается с весьма усложнившимися явлениями, ставшими объектом изучения отдельных отраслей науки — экономики, агрономии, архитектуры, технических отраслей и т. п.

Это одна сторона вопроса. Другая же заключается в том, что, если в дореволюционное время в экономике господствовали стихийные процессы, а примитивные орудия труда веками сохраняли своеобразие, обусловленное историческими особенностями жизни того или другого народа, то наша советская экономика, наше советское хозяйство подчинено планированию, а на колхозных полях применяются тракторы и сельскохозяйственные машины, изготавливаемые массами на заводах и направляемые в различные концы Советского Союза.

Спрашивается, в силу всего сказанного, должны ли мы отказаться от составления монографий, освещающих быт, культуру и хозяйственную жизнь колхозного крестьянства? Думается, что не должны. Однако, к этой работе следует привлекать помимо этнографов также и других специалистов — агрономов, экономистов, архитекторов. Ведь никому не кажется странным, например, то обстоятельство, что наши знаменитые географы и естествоиспытатели П. П. Семенов-Тяньшанский, Н. А. Северцев, А. П. Федченко во время своих экспедиций собирали материал по различным отраслям знаний, вплоть до статистики и этнографии, а теперь, с усложнением науки, посылаются комплексные экспедиции, имеющие в своем составе географов, геологов, ботаников, зоологов и других специалистов.

С другой стороны, Союз наш так велик и многообразен, природные условия, формы хозяйства, национальные особенности советских народов настолько разнообразны, что нам нечего бояться повторений; если в Средней Азии и, скажем, в Сибири применяется трактор и культиватор, то это не значит, что наши монографии будут похожи одна на другую.

Таким образом, написание монографий по отдельным колхозам или группам колхозов по народам Советского Союза дело вполне возможное и выполнимое. Для этого не жаль потратить побольше времени и труда. К этому делу нужно привлекать и работников других специальностей, оставив за этнографом как непосредственное изучение культуры и быта, так и общее руководство всей работой. Вместе с тем не следует впадать в другую крайность и выбирать объекты для изучения, исходя только из высоких производственных показателей или только сообразуясь с тем, что сельскохозяйственные работы в колхозе на сто процентов механизированы, как это нередко имело место в прак-

тике этнографов за последние годы. При выборе объекта следует руководствоваться тем, насколько в том или другом колхозе велики сдвиги в области быта, культуры и идеологии нашего социалистического крестьянства, что в первую очередь и должно интересовать этнографа.

О. Н. ВОЗДВИЖЕНСКАЯ и Л. П. ЛАШУК

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Дискуссия по вопросам этнографического изучения колхозного крестьянства, открывшаяся на страницах «Советской этнографии», должна не только обобщить опыт нашей текущей работы и вскрыть ее недостатки, но и наметить новые пути ее развития. Основная задача дискуссии — выработка совместными усилиями четкой и правильной методологии и методики этнографических исследований в этой области.

Мы целиком согласны с мнением П. И. Кушнера и других товарищей, что серьезные недостатки в изучении колхозного крестьянства заключаются прежде всего в одностороннем, а подчас и неправильном подходе к изучаемому предмету, в чрезмерном увлечении «экономизмом» и производственным бытом и забвении основного принципа этнографической науки — исторического изучения народной жизни в ее культурно-бытовых проявлениях. Поскольку «культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества»¹, советские этнографы призваны изучать и описывать те коренные изменения, которые произошли в культуре и быте колхозного крестьянства в период построения социалистического общества и которые совершаются на наших глазах сейчас, в период построения коммунизма. Кроме того, поскольку в современных советских условиях национальные культурно-бытовые особенности народов не только не отмирают, а продолжают развиваться дальше, особо важное значение для этнографов приобретает также внимательное изучение процесса роста национальных культур, развития их национальных форм в условиях социалистического общества.

Однако, задачи этнографического изучения колхозного крестьянства этим не исчерпываются. На основе политико-экономической сплоченности и братского содружества между социалистическими народностями и нациями происходит культурный взаимообмен, который заметно изменяет лицо каждой народности и нации. Особенно интенсивно происходит обогащение национальных культур за счет проникновения в них русского языка и культуры. В частности, развитие культуры и быта народа коми, равно как и ряда других народов Приуралья, Поволжья и Прибалтики, происходит под мощным воздействием передовой русской культуры. Исследовать этот процесс — прямая задача этнографов.

Н. Н. Чебоксаров сформулировал и еще одну, не менее важную задачу этнографического исследования, заключающуюся в том, что «у многих народов, живущих по-близости, наблюдается ряд особенностей, не стоящих в связи с их этническими традициями, а характерных для большой историко-географической области, например, для Советского крайнего севера или для хлопководческих районов Средней Азии. Выявление этих зональных особенностей и их соотношения с особенно-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 21.

стями национальными — важный теоретический вопрос, который должен стать предметом нашего исследования»².

Действительно, исключительная общность в культуре и быте между ижемскими коми, усть-цилемскими русскими и колвинскими ненцами не объясняется простым заимствованием, а стоит в прямой связи с их совместным обитанием в определенной историко-географической зоне. Вместе с тем, каждая из этих групп имеет свои специфические особенности, присущие только ей. Выявление этих особенностей и соотношение их с особенностями зональными как раз и является одной из сторон нашей работы.

Таковы, на наш взгляд, основные задачи этнографического изучения колхозного крестьянства.

Вполне понятно, что для успешного выполнения этнографами этих задач требуется не только много труда и времени, но и особое умение правильно разобраться в сложных проявлениях культурно-бытовых особенностей изучаемого народа. Требуются и новые методы работы, так как, судя по содержанию и качеству опубликованных на эту тему статей, прежние методы себя не оправдали.

При чтении большинства упомянутых статей, страдающих исключительной схематичностью и анкетностью, создается определенное впечатление, что и материал для них собирался наспех, путем простого опроса, и ответы на вопросы программы записаны наспех. В действительности так оно и есть. В практике этнографов, особенно молодых, почему-то укрепилось глубокое убеждение, что чем больше ответов и выписок из хозяйственных книг колхозов будет сделано, чем больше различных сельских учреждений будет посещено, описано и сфотографировано, тем полнее советский образ жизни будет отражен в материалах. На проверку же оказывается, что сам образ жизни — культура, а еще в большей степени быт и новые формы сознания колхозников — остался в значительной мере не понятым и не отраженным.

Нам кажется, что с анкетным методом сбора этнографических материалов пора покончить.

Этнографическая программа — не самоцель, а рабочее руководство для самого этнографа, который был и остается не статистиком, а тонким и вдумчивым наблюдателем, фиксирующим в своих записях, зарисовках и фотографиях жизнь какого-либо народа во всей ее полноте и многообразии. Без такого подхода невозможно не только научное исследование, но и научное описание изучаемого предмета.

Вместе с тем, этнограф, как исследователь, не может ограничиться простой фиксацией существующего положения, а обязательно должен придерживаться в своей работе принципа последовательного историзма, т. е. не только правильно описать тот или иной элемент культуры, но и дать анализ его исторического развития. Игнорирование этого принципа нередко приводит к серьезным фактическим ошибкам. Например, сторонники гипотезы о «боярском» происхождении усть-цилемских русских ссылаются обычно на бытующую у них своеобразную парчевую женскую одежду «шушун» и «коротеньку». На самом же деле эта одежда присуща не только усть-цилемцам; в недавнем прошлом она широко бытовала среди русских Архангельской области, в частности, на р. Мезени. То же можно сказать в отношении ижемского женского головного убора «ёшуфки», который на поверку оказывается старорусской «ошивкой».

Но для того чтобы вскрыть исторические корни и генезис того или иного элемента современной культуры, этнограф должен хорошо знать прошлое изучаемого народа, его происхождение и этническую историю, его экономические и культурные связи с другими народами.

² См. «Советская этнография», 1951, № 4, стр. 214.

Несмотря на то, что культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития народа, по форме она долгое время сохраняет старые традиции и специфические черты прошлого. Например, многие культурно-бытовые особенности народа коми не могут быть поняты без учета его происхождения, его древних связей с Вятско-Камским краем и более поздних, но более мощных связей с русским народом.

Мы глубоко уверены и в том, что советский этнограф не может ограничиваться простой констатацией изменений, происшедших в жизни колхозного крестьянства. Этнограф обязан также отметить в его культуре и быте то, что будет развиваться в дальнейшем и что в недалеком будущем отомрет. Особенно внимательно следует присматриваться к таким явлениям, которые еще только рождаются, но в ближайшее время станут типичными в жизни наших колхозников. Как известно, товарищ Сталин учит: «Жизнь находится в непрестанном движении следовательно, мы должны рассматривать жизнь в ее движении и ставить вопрос: куда идет жизнь?»³.

В качестве примера возьмем хотя бы отношение колхозников коми к передовой технике. Если еще совсем недавно они недоверчиво относились к трактору, комбайну, а радио даже боялись, то теперь они сетуют на недостаток машин и радиоточек в том или ином колхозе. Применение в колхозном производстве Севера косы-горбуши заключается вовсе не в силе традиции, а в невозможности в ряде мест использовать косилку на заболоченных участках речной поймы. С проведением в недалеком будущем широких мелиоративных работ коса-горбуша навсегда исчезнет из быта колхозников Севера, как это, например, произошло с дедовской двурогой сохой. Национальный тип жилища коми в настоящее время сменяется более удобной, просторной и светлой русской избой. А вот глухая верхняя одежда — «малица» и «совик», не совсем удобная при ношении, будет сохраняться на Севере, вероятно, еще долгое время как наиболее приспособленная к местным климатическим условиям.

Конечно, выявить новые черты в культуре и быте гораздо труднее, нежели просто отметить, что в таком-то колхозе удоиность коров повысилась на 30%, а молодежь на вечорках поет «Катюшу» и танцует не кадрили, а вальс. Но при таком подходе исследовательский характер этнографической работы теряется, а ее результаты превращаются в сухой статистический отчет.

Любой этнограф знает также, что культура каждого народа имеет свою национальную форму, которая в наши дни продолжает развиваться и совершенствоваться, но, как справедливо отметил Н. Н. Чебоксаров, в «Советской этнографии» не появилось ни одной статьи, в которой был бы поставлен вопрос о том, в чем именно в культуре колхозников проявляются ее новые национальные формы. Вопрос этот не был поставлен, конечно, потому, что этнографы, как правило, весьма поверхностно знакомы с жизнью описываемого ими села или района, проведя в нем самое большее несколько недель, причем большая часть времени была потрачена на переписывание хозяйственных книг, посещение полевых бригад, МТС, животноводческих ферм и т. д.

Успех работы может быть обеспечен лишь в результате длительного и вдумчивого изучения объекта (села, района и т. д.), путем глубокого проникновения не только и не столько в цифровые данные, сколько в самую сферу хозяйственной, общественной, домашней и семейной жизни. В этой связи наиболее эффективен стационарный метод изучения намеченного объекта. В частности, такой метод мы ввели в практику своей работы и уже в течение ряда месяцев внимательно изучаем

³ И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 298.

жизнь нашего подшефного колхоза имени И. В. Мичурина. Тесная, почти повседневная связь с колхозниками и проводимая нами политико-воспитательная работа среди них позволяют нам иметь ясное представление не только о колхозном производстве, но и о новых формах общественного сознания колхозников, их культурных запросах и интересах, о семейном быте и многом другом.

Никто из этнографов в настоящее время, конечно, не сомневается, что изучать следует не только культурно-бытовые проявления колхозной жизни, но и колхозную экономику, которая как раз и является материальной основой социалистической перестройки культуры и быта. Но, как правильно отметил И. И. Потехин, у этнографа должен быть свой специфический подход к изучению экономики⁴.

По нашему мнению, в области экономики, помимо показа общих успехов колхозного производства, особое внимание следует уделить выявлению специфических особенностей хозяйства изучаемого народа и тем изменениям в экономике, которые непосредственно привели к перестройке быта. Специфика производства у народов Севера, например, представляет несомненный интерес для этнографа.

Столь же интересно проследить взаимосвязь между изменениями в хозяйстве и в быте. В частности, народ коми, единый по своему происхождению и языку, не имеет единства в хозяйстве и быте, так как его отдельные группы живут в различных природно-географических условиях и имеют различное хозяйство. Повышение роли земледелия в южных районах Коми АССР в советское время привело к упадку охоты и отхожих промыслов, а это в свою очередь привело к сложению прочного земледельческого быта. Мужчина, в прошлом охотник, рыболов и отходник, превратился в земледельца. Животноводческо-оленоводческое направление в экономике северных районов (при сохранении рыболовного и охотничьего промыслов) не только способствует росту благосостояния колхозников, но и вносит в их быт определенные новые черты. Так, переход некоторых групп большеземельских ненцев от чисто кочевого оленеводства к оседлому животноводству и рыболовству на Печоре привел к существенным изменениям во всем их быте.

Любую сторону колхозной экономики (рост посевных площадей, применение машин, увеличение поголовья скота и улучшение его качества и т. д.) необходимо также рассматривать с этнографической точки зрения, т. е. в плане показа тех изменений, которые она произвела в самой жизни колхозников. Но, как уже отмечено некоторыми товарищами, было бы абсолютно неверно все изменения в культуре и быте советского крестьянства выводить непосредственно из роста колхозной экономики. Такие, например, явления, как рост национального самосознания и расцвет национальных культур, грамотность населения и культурное обслуживание его избами-читальнями, клубами и т. д., от колхозной экономики непосредственно не зависят. В этих сферах колхозной жизни ведущую роль играет национальная политика советского государства и политико-воспитательная работа культурно-просветительных учреждений, советской школы, печати, кино и радио. Они же способствуют выработке социалистической идеологии в широких слоях колхозного крестьянства. Забывать об этом — значит допускать в своем исследовании грубую методологическую ошибку.

Нам кажется, что этнографам следовало бы обратить сугубое внимание и на то, как и каким образом влияют на изменения быта колхозников большие государственные новостройки (города, заводы, электростанции, каналы, железные дороги). Например, в связи с созданием на территории Коми АССР Печорского промышленного района, новых городов и поселков и проведением Печорской железнодорожной маги-

⁴ См. «Советская этнография», 1951, № 4, стр. 212.

жили в глухих в прошлом печорских селениях, с их замкнутым бытом и низким уровнем культуры, произошли серьезнейшие преобразования, охватившие все стороны жизни местного крестьянства.

Наконец, нам хотелось бы остановиться на вопросе о том, какой объект следует избирать для этнографического изучения. Вполне соглашаясь с товарищами, что изучать следует колхозное село, мы, тем не менее, считаем, что такой объект слишком узок и мало что дает для широких обобщений. Узок не только потому, что каждое колхозное село неразрывными нитями связано с соседними селениями, районом и всем народом, но и потому, что типичное для данного села далеко не всегда типично для всего народа и даже для соседнего района. Выявить какие-либо национальные черты, культурно-бытовую специфику народа можно лишь путем кропотливого анализа и сопоставления материалов по целому ряду селений в каждом районе в отдельности и по области или республике в целом. При изучении таких народов, как, например, якуты, коми, карелы, отличающихся исключительным разнообразием хозяйства, материальной культуры и быта, подобный метод является наиболее оправданным и эффективным.

Практика прошлых лет показала, что мы имеем много статей об отдельных колхозах — крошечных частичках больших народностей и наций, но ни одной обобщающей работы о народе или нации в целом нет. Ценность подобных статей для этнографии вызывает законное сомнение. У этнографов, надо полагать, накопилось уже не мало материалов, чтобы от малозначительных статей перейти к действительно ценным и нужным обобщающим работам.

Таковы в основных чертах наши замечания и соображения по вопросу об изучении колхозного крестьянства.

«Советская этнография» поступила совершенно правильно, открыв на своих страницах дискуссию по этому крайне важному и актуальному вопросу. Выработав новые исследовательские методы, советские этнографы смогут разносторонне изучить культуру и быт колхозного крестьянства, внося тем самым ценный вклад в науку о развитии социалистических народностей и наций.

Н. П. ГОРБАЧЕВА

К ВОПРОСУ О ПЕРЕСМОТРЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ МОРГАНА

Перед советскими этнографами и археологами стоит задача критического пересмотра периодизации Моргана и построения на основе марксистско-ленинской методологии новой, более совершенной периодизации, отвечающей уровню современных знаний.

Известно, что периодизация Моргана была использована Энгельсом в его классическом труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства». При этом Энгельс предельно четко указал на значение этой периодизации: «Морган был первый, кто со знанием дела попытался внести в предисторию человечества определенную систему, и до тех пор, пока значительное расширение материала не заставит внести изменения, предложенная им периодизация несомненно останется в силе»¹.

Состояние этнографии и исторической науки в 1870-х гг., когда Морган разрабатывал свою периодизацию, далеко не соответствует уровню современных знаний. Советская наука накопила несравненно более богатый этнографический и археологический материал, который на многое заставляет взглянуть по-иному. И, самое главное, советская наука имеет возможность строить свои положения на основе марксистско-ленинской методологии и прямых высказываний Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина о первобытном обществе.

Советские этнографы и археологи должны провести глубокий всесторонний анализ основ моргановской периодизации. Но необходимо всячески предостеречь от того, чтобы этот пересмотр не сводился лишь к критике отдельных мест, выхваченных из контекста, так как это может внести путаницу даже в понимание труда Энгельса о происхождении семьи.

Прежде чем приступить к пересмотру и анализу периодизации Моргана, нужно отдать себе ясный отчет в том, для каких целей она была построена.

Морган ставил себе целью выявить историческую последовательность возникновения культурных явлений в первобытном обществе — как у древних его представителей, так и у современных, для чего и сопоставлял этнографический материал с историческим. Вследствие разновременности возникновения культурных явлений у отдельных конкретных народов и племен, применение абсолютной хронологии в общей теоретической периодизации, особенно для наиболее низких ступеней развития человечества, оказалось невозможным. Но тем не менее в конечном счете периодизация Моргана имела целью облегчить в дальнейшем историческое исследование культуры каждого отдельного конкретного народа и восстановление хронологической последовательности при изучении этнографического материала. Время показало все несовершенство попытки Моргана решить этот вопрос. Но сама задача как нельзя более актуаль-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1950, стр. 20.

1а. Именно решение этой задачи и должно быть конечной целью построения новой периодизации, и эту цель нельзя упускать из вида при пересмотре периодизации Моргана.

Критический анализ периодизации

Л. Г. Моргану предъявляют в основном три упрека: 1) внеисторичность, 2) схематизм построения периодизации и 3) несущественность или неуниверсальность признаков, на которые он опирается при характеристике отдельных ступеней развития общества и для обозначения границ перехода с одной ступени на другую².

Обвинение во внеисторичности я рассматриваю как недоразумение. Глубокую ошибку Моргана видят в том, что он «признал для применения этой периодизации фактор времени «несущественным»³. Но ни о каком «факторе» у Моргана нет и речи, он говорит лишь о том, что приравнивает одновременно возникавших культурных явлений у различных народов важно состояние каждого племени, а время несущественно⁴.

Действительно, если сравнивать начальный период истории древнего Египта и доколумбовские культуры в Мексике и Перу, то хронологический принцип окажется совершенно неприменимым, так как мы имеем здесь дело с первыми самобытными государственными образованиями в Восточном и Западном полушариях, не только разделенными территориально огромным расстоянием, но и складывавшимися в разное время. То же можно сказать и относительно сравнения культур палеолита и неолита с культурами современных отсталых народов мира. А возможность именно таких сравнений и сопоставлений и имел в виду Морган, когда он строил свою периодизацию. Упорядочение представлений о последовательности в развитии и смене культурных явлений, как уже говорилось выше,— главная задача периодизации Моргана. Равные по степени развития культуры могут разделяться огромными расстояниями и образовываться разновременно, и для сравнения их время действительно «несущественно».

Не понимать этого, значит, вообще не понимать задач пересмотра моргановской периодизации. Она была единственным мостом, служившим до сих пор для сравнения археологического (и исторического) материала с этнографическим. Пусть этот мост был ветхим, шатким и с провалами. Пусть устарела его конструкция. Но этот мост все-таки существовал и, худо ли, хорошо ли, выполнял до некоторой степени свою исключительно сложную задачу. Поэтому считать ошибкой Моргана то, что он пытался сравнивать разновременно существовавшие культуры, нельзя. Отказаться от возможности производить такие сравнения — значит порвать всякую связь между археологической и этнографической наукой и вновь вернуться к хаотическим представлениям о культуре разных народов, к произволу в определении высоты их культурного уровня и порядка возникновения отдельных культурных явлений. Именно такой хаос представлений царит в буржуазной науке, а наиболее реакционные из буржуазных исследователей вовсе отрицают возможность увязки археологического материала с этнографическим и вообще исторического изучения этнографических явлений. По их стопам мы идти не можем. Для нас этнография прежде всего историческая наука, и мы должны дорожить всем, что так или иначе помогает нам изучать и сравнивать этнографический материал с историческим. Поэтому обви-

² См. «Об этнографическом наследстве Ф. Энгельса», «Советская этнография», 1950, № 3, стр. 5; «Этнографическое совещание 1951 г.», «Советская этнография», 1951, № 2, стр. 224.

³ «Этнографическое совещание 1951 г.», стр. 224.

⁴ Л. Г. Морган, Древнее общество, или исследование линии человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации, Л., 1934, стр. 11.

нять Моргана во «внеисторичности» за попытку выполнить эту задачу — неправильно. Но вместе с тем необходимо проверить, исправить и усовершенствовать его приемы и, где следует, заменить их новыми.

Второе обвинение — схематизм периодизации. Но не всякая схема вредна. Вредны схемы, не имеющие корней в конкретном материале, выдуманные, бессодержательные. Обвинять Моргана в бессодержательности без предварительного изучения того материала, на котором он основывался при построении своей схемы, конечно, нельзя. Однако, критический огонь направляется пока на формальную сторону построения схемы Моргана, на его терминологию, на принятую им разбивку двух периодов на три ступени каждый. Указывается также, что нельзя применять термины «дикость» и «варварство» для обозначения периодов первобытной культуры, так как эти названия несовместимы с действительной сущностью исторического процесса. Действительно, внешняя форма, в которую облекает свою периодизацию Морган, очень условна. Следует добавить, что сами по себе термины «дикость» и «варварство» имели в древности, да и сейчас сохраняют в общечеловеческом пренебрежительное и презрительное, порой даже бранное значение. Но какие бы основания ни имел Морган для разбивки своих периодов на три ступени, настоящее состояние нашей науки не только позволяет, но и обязывает нас критически пересмотреть как число этих ступеней, так и их содержание и название. Дело тут не в одной лишь смене терминов. Эту смену нужно обосновать глубоким анализом всего материала. Дело не в форме, а в содержании. И это содержание нужно исследовать.

Но, наряду с недостатками, периодизация Моргана даже и по форме имеет некоторые достоинства. Это, во-первых, краткость в наименовании периодов; во-вторых, ясное выражение поступательного движения культуры (само название «ступени» и обозначения их от низших к высшим); и, наконец, в-третьих, понятность терминов и возможность перевода их на другие языки. В какую бы форму ни отлилась новая периодизация, эти достоинства следует учесть.

Третье обвинение — неправильность, несущественность и неуниверсальность «признаков» Моргана. Поверхностно к этим признакам подходить нельзя. Чтобы критиковать их, нужно сперва дать себе отчет в том, что собственно представлял собой сам Морган и с каких позиций он подходил к своему материалу. Маркс и Энгельс ценили Моргана как материалиста. Но сейчас без обвиняков иногда называют Моргана идеалистом⁵. В чем же тут дело?

В «Предисловии автора» и в начале первой главы «Древнего общества» Морган показывает себя убежденным защитником эволюционизма, сторонником единства «человеческой расы» (т. е. человеческого рода). Он считает, что интеллект развивался в результате изобретений и открытий, что человечество проложило себе дорогу из состояния дикости к цивилизации благодаря медленному накоплению опыта. В этой части своего труда Морган выступает как последовательный материалист. Он не сумел только найти термин «производственный опыт», установленный потом классиками марксизма. Но, по существу, именно о нем он и говорит. Вся его периодизация и все «признаки» основаны на изучении развития производственного опыта человечества. Несовершенство и недостаточность археологических и этнографических сведений, которые были доступны Моргану, привели его ко многим заблуждениям и к ряду неправильностей при построении периодизации. Но это не снижает основной его заслуги — умения видеть за вещным выражением «признаков» человека и его производственный опыт. За это так высоко и ценили его основоположники марксизма. И это обязывает нас отнестись со всею

⁵ См. В. С. Сорокин. Некоторые вопросы истории первобытного общества «Советская этнография», 1951, № 3. стр. 148.

думчивостью и с полным вниманием к критике «признаков» Моргана. Нельзя оценивать их формально, следует разобрать, какую сторону производственного опыта отражает каждый из них.

Заслуги Моргана не должны, однако, скрывать от нас недостатки его работы и непоследовательность его взглядов. Переходя к рассмотрению «домашних учреждений», а именно: 1) «управления» (род, фратрия, племя), 2) «семьи» и 3) «идеи собственности», Морган заявляет, что эти явления развились из «немногих первоначальных зародышей мыслей», что эти три группы явлений не имеют прямой связи ни между собой ни с группой «изобретений и открытий» и развиваются параллельными линиями. По мнению Моргана, явления группы «изобретений и открытий» находятся друг к другу в отношениях «прогресса», а явления каждой из трех групп «учреждений» — в отношениях «развертывания». В итоге Морган приходит к выводу, что здесь имеются «две самостоятельные линии исследования»⁶.

Таким образом, Морган высказанное им мнение о том, что человеческий интеллект развился вследствие изобретений и открытий, благодаря медленному накоплению опыта, — не сумел обобщить и распространить на все явления общественной жизни. Его «домашние учреждения» развиваются из каких-то доопытных и внеопытных «зародышей мыслей», неизвестно почему и откуда появившихся и существовавших у человека уже на самой низшей ступени развития. Отсюда можно вывести заключение, что Морган по своим взглядам был не последовательным материалистом, а дуалистом, так как придерживался в отношении происхождения и развития «домашних учреждений» идеалистических взглядов.

Это обстоятельство не могло ускользнуть от внимания классиков марксизма. Энгельс в предисловии к первому изданию «Происхождения семьи» говорит о переработке им экономического обоснования взглядов Моргана⁷. Переработка Энгельса устранила многие недостатки моргановской работы. Параллельные ряды исследования Моргана превратились в связный и взаимопроникающий общий процесс развития производительных сил и производственных отношений, что Энгельс сформулировал в девятой главе «Происхождения семьи». Без учета этой переработки нельзя проводить и пересмотр периодизации Моргана. Необходимо, конечно, и дальнейшая переработка в свете накопленных в течение более чем полувека, прошедшего со дня смерти Энгельса, этнографических и исторических фактов и в свете позднейших высказываний Ленина и Сталина.

Но так как Моргана критикуют в отрыве от классического труда Энгельса, то это приводит к тому, что самой основной ошибки Моргана — его дуалистических взглядов и его «параллельных рядов» не замечают вовсе, или клеймят его как законченного, ярко выраженного идеалиста. Это, конечно, тоже неправильно, так как он был настолько честным исследователем, что, несмотря на путанные общие взгляды, его описания истории развития «учреждений», основанные на наблюдениях над бытом североамериканских индейцев, оказались по существу материалистическими, чего сам Морган не заметил, но что прекрасно увидел Энгельс.

Возвращаясь к «признакам» Моргана, следует отметить, что они требуют особенно бережного и внимательного отношения, так как это наиболее выдержанная в принципе материализма и обоснованная часть его работы. Знанию дела у Моргана должно быть противопоставлено такое же знание дела у современных исследователей. Иначе могут получиться не положительные, а отрицательные результаты.

⁶ Л. Г. Морган, Древнее общество, стр. 3—4 и 5—6.

⁷ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 5.

Для примера можно взять несколько «признаков» Моргана, вызвавших наиболее резкие критические замечания.

Больше всего упреков ставится известному «употреблению в пищу рыбы»⁸. Но Морган поставил этот признак в непосредственную близость с «умением пользоваться огнем», а Энгельс уточнил это и прибавил к рыбе раков, ракушек и т. п., — все, что, по мнению этнографов того времени, не могло употребляться в пищу в сыром виде, без предварительного приготовления на огне. Не касаясь вопроса по существу, надо обратить внимание на то, что в дни Моргана и Энгельса начало освоения огня относили к гораздо более поздней эпохе, чем это оказалось в действительности и о чем так ясно говорит нам мощность слоя кострищ синантропа. Таким образом, не только употребление рыбы, но и само умение пользоваться огнем (несмотря на огромное значение огня в истории материальной культуры) неприменимы в качестве критерия для определения перехода на среднюю ступень дикости.

«Лук и стрелы» получили отвод за «неуниверсальность»⁹. Однако, если быть последовательным, то надо было обьявить и все остальные признаки неуниверсальными. Так просто «лук и стрелы» из числа признаков устранить нельзя. И. В. Сталин, рисуя картину развития производительных сил от древних времен до наших дней, отмечает: «Переход от грубых каменных орудий к луку и стрелам и в связи с этим переход от охотничьего образа жизни к приручению животных и первобытному скотоводству...»¹⁰. Большое значение, придаваемое И. В. Сталиным луку и стрелам, обязывает тщательно исследовать связи между ними и приручением животных и скотоводством. По выяснении этих связей нужно либо добавить к луку и стрелам эквиваленты этого оружия там, где оно отсутствовало, либо отказаться вообще от системы «вещных» признаков, заменив ее другой. В этом последнем направлении никто еще ничего конкретного не предлагал.

Гончарство считается либо только неуниверсальным, либо к тому же и «несущественным» признаком¹¹. Морган сам придерживался того мнения, что гончарство в домашнем хозяйстве имеет меньшее значение, чем многие другие занятия. Но он считал, что гончарство характеризует начало оседлой жизни и значительное развитие простых производств. В первом он ошибался. Оседлая жизнь началась задолго до изобретения гончарства. Об этом говорит культура синантропа, и это с полной несомненностью подтверждают костенковские жилища. Во втором Морган прав, хотя он представлял себе развитие технологического процесса изготовления гончарной посуды иначе, чем мы это представляем сейчас.

Но помимо всего этого гончарство говорит нам еще о многом другом. Во-первых, гончарство указывает на начало освоения нового материала — глины и вместе с тем — нового вида производства. Во-вторых, оно улучшило способ приготовления пищи и открыло возможности сохранения ее не только в сыром, но и в приготовленном виде и на более долгий срок, чем это было прежде. И, в-третьих, что самое главное, но на что никто не обращает внимания, — гончарная или другая посуда из дерева или иного материала, способная удерживать воду, освободила человека от необходимости каждый раз идти к естественному источнику воды, когда ему нужно было напиться. Проблема снабжения питьевой водой не менее важна, чем проблема питания. А между тем ни в археологии, ни в этнографии она еще не исследовалась.

⁸ «Об этнографическом наследстве Ф. Энгельса», стр. 5.

⁹ Там же.

¹⁰ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, 1945, стр. 554.

¹¹ «Об этнографическом наследстве Ф. Энгельса», стр. 5.

Вспомнив при этом, что археологи пользуются находками остатков гончарной посуды как руководящим признаком для определения культуры и хронологизации ее там, где отсутствуют другие основания, мы должны признать возникновение гончарства или его эквивалентов не только существенным, но и очень важным критерием для определения известной степени развития материальной культуры (по периодизации Моргана — это начало нижней ступени варварства).

Строительство из камня и кирпича-сырца считается несущественным признаком¹². Морган сам считал его неуниверсальным и привлекал в качестве показателя перехода к средней ступени варварства только для Западного полушария. Такое строительство действительно не везде встречается, но оно все-таки есть и в Западном и в Восточном полушариях. Там, где оно было открыто, оно отражает новое достижение человечества в области обработки материалов — камня и глины. Оно показывает, что человек настолько повысил технику добычи камня и обработки глины, что может позволить себе уже не только изготовление мелких предметов, т. е. орудий труда и гончарной посуды, но даже и постройку жилищ из этих материалов. Все это характеризует уже высокий уровень производительных сил.

Земледелие при помощи орошения тоже относят к числу «несущественных» признаков¹³, но это уже совершенно непонятно. Морган отнес его к числу «западных» признаков, хотя оно встречается в равной степени в обоих полушариях и лежит в основе хозяйства древнейших государств мира. Оно несколько не менее важный признак, чем мотыжное и плужное земледелие. Недооценка этого признака указывает на общую недооценку проблемы исследования первобытного водоснабжения. А это, к сожалению, приходится констатировать как у археологов, так и у этнографов.

Первые шаги по искусственному орошению имеют не меньшее значение, чем изобретение железного плуга, но были сделаны раньше. Похоже на то, что плуг был впоследствии изобретен там, где не было ирригации, и это уравнивало возможности развития того или другого способа земледелия. Во всяком случае, этот вопрос нуждается в изучении. Но ясно, что «земледелие при помощи орошения» — критерий первостепенной важности и не должен быть отнесен к несущественным.

Таким образом, «признаки» Моргана требуют гораздо более серьезного и глубокого анализа, в результате которого некоторые из них окажутся гораздо более важными, чем это представляется на первый взгляд его критикам и даже представлялось в свое время самому их автору. Но при этом, возможно, откроются другие недостатки и ошибки Моргана. Как на пример, можно указать на то, что, принимая для Запада в качестве критерия для определения средней ступени варварства земледелие при помощи орошения, Морган для Востока принял приручение животных, потому что, по его мнению, оно там предшествовало всякому, и даже мотыжному, земледелию¹⁴. А это ни в какой мере не вяжется с археологическими фактами.

Наряду с критикой и анализом отдельных «признаков» Моргана, необходимо еще обратить внимание на всю систему этих признаков. Каковы бы ни были основания для каждого признака в отдельности, достаточно серьезные или ошибочные, но в общем эти признаки представляют собой пестрое собрание на первый взгляд ничем не связанных между собой критериев. Это уже само по себе является недостатком. Кроме того, даже там, где эти признаки правильно характеризуют ступень раз-

¹² «Об этнографическом наследстве Ф. Энгельса», стр. 5.

¹³ Там же.

¹⁴ Л. Г. Морган, Древнее общество, стр. 16, 18, 26.

вития культуры, они имеют непреложное значение только для совершенно самобытно развивающихся культур, т. е. самых древних, археологических. Современные народы, изучаемые этнографией, не поддаются классификации по признакам Моргана, вследствие неравномерности развития этих народов, особенно резко проявляющейся под влиянием колониального гнета европейцев. Однако эта неравномерность, хотя и в меньшей степени, существовала и до европейской колонизации. Народов, развивающихся самобытно, без влияния соседних культур, уже к началу XIX в. оставалось очень мало. Все это заставляет поставить вопрос не только о пересмотре отдельных «признаков» Моргана, но и о перестройке всей системы их и о подыскании более верных критериев для определения уровня культуры и общественного развития, которого достигли современные народы мира или древние его обитатели.

Построение новой периодизации

При построении новой периодизации, взамен устарелой моргановской, нужно прежде всего установить твердые и ясные цели, к которым необходимо неуклонно стремиться, чтобы достигнуть положительных результатов. Новая периодизация должна отвечать следующим требованиям:

1. Она должна быть свободна от недостатков периодизации Моргана: условности терминологии в наименовании периодов и этапов; бессистемности в построении критериев, показывающих переходы от низших этапов к высшим; неправильности самих критериев и т. д.

2. Она должна сохранить положительные стороны периодизации Моргана, построившего ее на изучении исторического развития производственного опыта первобытного человечества и поставившего перед собой задачу установления правильного исторического порядка в появлении культурных достижений человечества и сравнения состояния культуры родов, племен и народностей, существовавших в различные времена и на различных территориях, а иногда разделенных и временем, и пространством. Со стороны формы желательно сохранить удобность и краткость наименования периодов или этапов, ясность и переводимость терминологии и четкое выражение поступательного движения культуры.

3. Новая периодизация не должна быть вторым, улучшенным изданием моргановской. Она должна отвечать современным задачам дня, служить целям, которые Морган не мог еще перед собою ставить, и открывать новые возможности для дальнейшего развития советской науки. Она должна звать вперед, а не тянуть назад.

В задачи новой периодизации следует включить сопоставимость одновременно существующих разного типа и с разным характером хозяйства культур, лежащих в пределах большой территории и находящихся в постоянных взаимосвязях, непосредственных или происходящих через посредство общих соседей. Это даст исследователям возможность восстановить конкретный процесс зарождения и развития мирового хозяйства и позволит легко переключить исследование от относительной периодизации к прямой хронологической последовательности.

Само собой разумеется, что в основу новой периодизации должен быть положен принцип построения периодов и этапов в зависимости от исторических изменений способа производства, в соответствии с методологией марксизма-ленинизма и особенно с указаниями И. В. Сталина в его работе «О диалектическом и историческом материализме».

Конкретные предложения по построению новой периодизации сводились до сих пор к следующему (в основных чертах):

1. Выделение особого периода «человеческого стада»¹⁵, т. е. периода формирования человека как биологического типа под непосредственным влиянием труда; в течение этого периода складывались, повидимому, предпосылки для образования родового строя.

Это предложение представляется вполне закономерным и обусловленным.

2. Построение по принципу археологической классификации «сообразно со способами хозяйственной деятельности человека», причем в основу различия одного периода от другого предлагалось положить принцип изменения форм производства»¹⁶. Под «формами производства» археологи подразумевают формы орудий и технику.

Однако давать перевес археологической классификации перед этнографической нельзя, потому что такая классификация непригодна для сравнения археологического материала с этнографическим. При предпочтении археологических приемов этнографическим упускается из виду одна из основных целей построения новой периодизации — ее призвание служить средством сравнения различных культур.

Кроме того, принцип выделения «форм производства» есть принцип о существовании упрощенский. Для определения перехода от одного периода к другому мало одних «форм», а нужно учитывать весь способ производства и способ добывания средств к существованию.

Многие археологи уже теперь, т. е. до пересмотра периодизации Моргана, отказались от ее применения и употребляют только специфически археологические термины для наименования периодов первобытно-общинного строя. Но, если уже поставлен вопрос о пересмотре периодизации Моргана как устарелой, то вполне закономерно поставить и вопрос о пересмотре классификации Мортилье.

Термины «шелль», «ашёлль», «мустье» и другие имеют право на существование как наименования, указывающие на определенные археологические культуры, но они неуместны в общей этнографо-археологической периодизации в качестве определения времен и периодов. Они словесны, не выражают сущность дела и непередаваемы ни на какой язык. Заменять ими «ступени» Моргана это значит ухудшать, а не улучшать периодизацию.

Что касается основного деления больших археологических периодов на «камень», «бронзу» и «железо», т. е. по признаку материала орудий труда, то и с ним согласиться нельзя хотя бы уже потому, что эти материалы не повсеместно имеются. Это деление считают безупречным, потому что в одном из примечаний к главе пятой первого тома «Капитала» К. Маркс отозвался о нем положительно. Однако он похвалил его не без оговорки. Маркс указал, что историческая наука знает еще очень мало развитие материального производства, «следовательно основу всей общественной жизни», и в то же время подчеркнул, что применяющееся в археологии деление доисторических периодов разработано на основании естественно-научных изысканий¹⁷. Из этого явствует, что археологическое деление базируется не на том, что является «основой всей общественной жизни». Тщательный анализ всего текста пятой главы поддерживает настоящее утверждение; из него следует, что материал не является элементом производительных сил общества. Он представляет собою предмет труда, подвергшийся уже некоторой обработке. Примерами могут служить: плод, сорванный с дерева, рыба, выловленная из воды, убитое животное, палка, отломанная от дерева, — в том

¹⁵ «Об этнографическом наследстве Ф. Энгельса», стр. 5; «Этнографическое совещание 1951 г.», стр. 224—225.

¹⁶ «Этнографическое совещание 1951 г.», стр. 224—225.

¹⁷ К. Маркс, Капитал, т. 1, 1949, стр. 187.

случае, если они не непосредственно пускаются в дело, а подвергаются дальнейшей обработке¹⁸.

Без материала, конечно, невозможно никакое материальное производство, а потому скидывать его совершенно со счета не приходится. Совершенно правильно также подмечена последовательность в достижении и умении обрабатывать названные материалы. Там, где имеется обработка железа, нельзя относить культуру к низшим ступеням (или этапам) развития общества. Но из этого не следует, что в обратном случае, т. е. там, где обработки металла нет, мы обязательно имеем дело с очень отсталой культурой. Здесь надо учесть отсутствие или недоступность добывания (в условиях первобытно-общинного строя) этого материала на месте и обратить внимание на технологический процесс обработки имеющихся материалов и на качество изделий.

В настоящее время принципа построения периодизации по материалу уже нельзя придерживаться, потому что он оказывается совершенно бесполезным и бесполезным для сравнения находящихся во взаимосвязях, одновременно существующих, но различных по типам культур. От третьего до первого тысячелетия до н. э. включительно в Северной Африке, в Европе, и Азии сосуществовало и развивалось множество культур. Одни из них археологи относят к неолиту, другие — к бронзе, третьи — к железу, рассматривая их в отдельности, без учета взаимосвязей. При помощи одной археологической периодизации, построенной по принципу материала, нельзя объяснить общий процесс развития этих культур.

3. Разделение первобытно-общинного строя по принципу развития родового строя, причем последовательность отдельных эпох ставится в зависимость от смены матриархального рода патриархальным, что непосредственно отражается даже в названии эпох¹⁹.

Этот принцип тоже неправилен, потому что он, как уже указывал на это в свое время Энгельс, не дает достаточно характерных признаков для разделения периодов²⁰. Происходит это потому, что правовые отношения между мужчиной и женщиной, хотя и отражают способ производства, но зависят от многих причин и особенностей, от разного характера основной отрасли производства, от степени оседлости и т. д. Они складываются различно внутри каждой этнической группы. У одних из таких групп, стоящих на одной и той же ступени развития, матриархат уже давно сменился патриархатом, у других еще продолжает развиваться. Принцип смены матриархата патриархатом совершенно непригоден для сравнительного анализа, а тем более для понимания общей картины взаимоотношений между родами, племенами, народностями. Он только запутывает исследователя. Предлагающие положить этот принцип в основу периодизации обычно ссылаются на то место в работе И. В. Сталина «Анархизм или социализм?», где он указывает на смену матриархата патриархатом в связи с развитием первобытного земледелия и скотоводства. Но это место нельзя принимать как указание для построения периодизации, потому что оно служит И. В. Сталину только в качестве отправного пункта исследования для того, чтобы непосредственно за ним задать вопрос: «Но как совершалось это развитие: сознание ли вызывало развитие «природы» и «общества», или, наоборот, развитие «природы» и «общества» вызывало развитие сознания?» На это следует ответ: «Неправильна та мысль, будто идеальная сторона, и вообще сознание, в своем развитии предшествует развитию материальной стороны»²¹.

¹⁸ К. Маркс, Капитал, т. 1, 1949, стр. 186.

¹⁹ «Об этнографическом наследстве Ф. Энгельса», стр. 5; «Этнографическое совещание 1951 г.», стр. 224—225.

²⁰ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства стр. 20.

²¹ И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 311, 313.

В своей позднейшей работе «О диалектическом и историческом материализме» И. В. Сталин, характеризуя развитие производительных сил производственных отношений, вообще не упоминает о матриархате и патриархате²². Все это показывает, что основывать деление периодов первобытно-общинного строя на матриархате и патриархате нельзя.

Для того чтобы найти правильный принцип для построения периодизации, нужно прежде всего не упускать из виду, что в основе ее лежит развивающийся способ производства и что конечной целью ее является возможность сравнения различных культур и выяснение взаимоотношений между родами, племенами и народами. Эти взаимоотношения могут быть и мирными, и враждебными, но в итоге они все-таки приводят к обмену производственным опытом, к усовершенствованию методов работы и орудий труда или же к специализации племен на том или ином виде производства, что опять таки приводит к поднятию культурного уровня. Развитие хозяйства, как и развитие взаимоотношений, происходит не сразу, а постепенно и последовательно, и этой последовательностью надо воспользоваться для построения системы определяющих критериев, логически связанных между собой.

У конкретных народов характер хозяйства может быть различным, но на первых порах это недостаточно ясно выражено. В период «человеческого стада» только зарождались бродячие группы, а оседлость в определенном месте была лишь эпизодической. Ни обмена, ни войны не могло быть за отсутствием излишков продукции, а также средств и условий для нападения на соседей.

Затем, с развитием отдельных видов производства, сперва — охоты и рыбной ловли, а позднее — и мотыжного земледелия, начинает развиваться стремление пограбить соседей, а также «обмен подарками», что происходит далеко не систематично. Постоянной военной организации нет, а споры и мирные сношения наблюдаются только между ближайшими соседями — родственными родами. Это период, когда организация первобытного общества ограничивается только родом.

С усовершенствованием способа производства, в связи со специализацией некоторых этнических групп по отдельным видам производства, особенно у земледельческих групп, прибегающих к искусственному орошению, у скотоводов и у тех, которые стали впервые обрабатывать медь и бронзу, появляются, с одной стороны, излишки определенных видов продукции, а с другой стороны, — острый недостаток в других ее видах. Это стимулирует обмен или побуждает к нападениям, заставляет усовершенствовать какие-либо виды производства, создавать специальное оружие для нападения и обороны и приводит к слиянию отдельных родов в более крупные объединения — племена, которые представляют собою более высокую степень организации первобытного общества. Некоторые племена выдвигаются вперед, а другие начинают заметно отставать. Роли тех и других могут впоследствии перемениться, но в общем и целом процесс образования племен захватывает и вовлекает все новые этнические группы, превращая все большое число родов в племена. Процесс этот очень сложен, и его необходимо специально исследовать.

Все это приводит к новому усовершенствованию способа производства, к укрупнению хозяйства, к потребности в рабочей силе для проведения крупных ирригационных сооружений, для добычи металлов, нужных в качестве орудий (железный плуг) и оружия. В результате — войны из-за рабов и захват территорий с подчинением местного населения. Захват территорий сперва производился только непосредственными соседями или сравнительно недалеко обитавшими племенами. После приручения лошади появилась возможность совершать далекие

²² И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 554—555.

набеги. В связи с этим племена оказываются уже недостаточно крупным объединением. Появляются союзы племен. К этому периоду на общей территории могут уже проживать не только родственные по крови роды, но и другие группы населения, а родственные прежде группы родов могут быть отрезаны друг от друга, попасть в разные объединения и пойти различными историческими путями развития. Новый принцип объединения по территориям приводит к образованию по признаку территориальности нового типа общественных объединений, а именно — народностей, и к началу государственных объединений.

Таким образом, становится ясным, что для разделения первобытно-общинного строя на периоды лучше всего применить признак, показывающий степень и характер организации всего общества, а именно — род, племя, народность.

Племя могло образоваться только после того, как экономическое развитие общества подготовило это образование и взаимоотношения между отдельными родами потребовали объединения их в племена. Племя, как и всякое явление общественного порядка, имеет свою историю, свое начало и конец. Оно представляет собой одно из звеньев в развитии организации общества. Эта точка зрения вполне подтверждается новейшей работой И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании», в которой он совершенно ясно говорит о развитии «от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным»²³. Отсюда ясно, что племя образовалось позднее, чем род, потому что допустить изначальное существование какого-то «безъязычного» племени, конечно, нельзя.

Если принять за основу периодизации первобытно-общинного строя характер объединения общества или характер общественного управления, то последний период этого строя нужно будет назвать или «периодом союза племен», или «периодом образования государства», или «периодом образования народностей». Это необходимо обсудить и уточнить, но ни в коем случае этот период нельзя называть периодом «разложения родового строя». Такое наименование часто применяется, но для периодизации оно не годится, потому что оно имеет отрицательный характер, а периодизация должна показывать поступательное движение культуры. Вообще точную терминологию новой периодизации и точное число «периодов», или «эпох», или «этапов» и т. п. предстоит еще разработать коллективно. Здесь предлагается на рассмотрение только общий принцип построения периодизации.

Этот принцип позволяет распутать запутанный клубок отношений между различными этническими группами с различными типами хозяйства в Европе и Азии в период, предшествовавший появлению государственных образований, т. е. III—I тысячелетия до н. э. И неолит, и бронза, и железо одинаково вовлекаются в единый общий процесс образования мирового хозяйства. К этому времени, когда большинство прежде отдельных родов уже консолидировалось или интенсивно консолидируется в племена, в некоторых центрах начинается образование государств. Небольшие же этнические группы, оставшиеся в стороне от налаживающихся торговых путей или вытесненные соседями в горы, леса и пустыни, а также за пределы эйкумены — к северу и к югу, в трудно доступные места, отрываются от общего процесса, и развитие их идет поэтому замедленными темпами. Но оно все-таки идет, несмотря на тяжелые условия, несмотря на невозможность усовершенствовать орудия труда вследствие отсутствия материала. Важнейший элемент производительных сил — сами люди. Они не только создают новые виды орудий, но и совершенствуют свое умение владеть уже имеющимися в наличии.

²³ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 12.

Периодизация, основанная на принципе организации общества, должна будет, следовательно, состоять из следующих этапов или периодов: 1) первобытного стада, 2) рода, 3) племени, 4) союза племен. Установлением предложенного принципа в построении периодизации устраняются многие трудности и открываются новые возможности для сравнения культур древности и современности.

Но племен и народностей мира так много, окружающие их условия так разнообразны и неравномерность в развитии так велика, что на практике исследователь, даже и при новой периодизации, может стать втупик, не зная, куда отнести конкретную историческую или этнографическую культуру: к высоко развитым или к отсталым народам. Поэтому надо принять за правило, что при изучении современного народа этнографы должны руководствоваться не чертами отсталости, а ведущими сторонами хозяйства или организации общества. В некоторых случаях критерием могут служить исчезнувшие признаки высокой организации общества, если они документально зафиксированы историей. Как на пример, можно указать на наличие военной организации у чукчей в прошлом. Чукчи уже давно стали мирным народом, но это, конечно, не значит, что они вернулись к первобытному состоянию. Этап (или период) образования племен ими был уже пройден.

Приемлемый и пригодный в археологическом исследовании принцип определения степени высоты развития первобытной культуры по признакам материального быта не годится для этнографии, потому что в настоящее время нельзя уже встретить действительно первобытности. Народности и племена, подвергшиеся насилию, захвату или угнетению со стороны других народов, временно отбрасываются в отношении материального быта назад, и даже бывает так, что угнетатели стараются уничтожить их культуру и вытравить всякую память о прошлом из сознания таких народов. Но, если только угнетенное племя не слишком малочисленно и не гибнет все без остатка физически, — никакие усилия угнетателей никогда не смогут истребить до конца приобретаемого тысячелетиями производственного опыта народа и народных знаний. Рассеянные иногда в различных местах и в различных производствах, этот опыт и эти знания сохраняются в крупицах, и наступает время, когда они начинают собираться вновь, интенсивно развиваться, наверстывая упущенное, и быстрыми темпами двигать вперед культуру угнетаемого народа.

Среди африканских экваториальных народов до колонизации их европейцами были и такие, которые уже объединились в государства и имели письменность. Европейские захватчики, выступавшие в роли «культуртрегеров», замалчивали это обстоятельство и всячески подчеркивали отсталость и неразвитость негрских народов и племен. Однако события последних лет со всей очевидностью показали лживость этих утверждений. Несмотря на жесточайшее угнетение, на ужасающие материально-бытовые условия, сила сопротивления колониальному гнету все время растет, и в этих условиях роды объединяются в племена, а племена — в народности. Именно на эту ведущую сторону развития современных народов мира должна обращать внимание этнография, а не на признаки отсталости. Отдельные такие признаки могут встречаться и у самых передовых народов. По ним нельзя судить об их культуре.

В такой же мере и археологи, начиная с периода развития междуплеменного обмена, должны обращать особенное внимание на эту сторону показаний археологического материала, а не довольствоваться отнесением культуры к неолиту, энеолиту или к бронзе. Иначе может оказаться, что культуры, по существу «равноправные», развивавшиеся в постоянном контакте одна с другой, получают разную оценку. Одни из них будут признаны более высокими, а другие — несправедливо «занижены», хотя бы на деле все они находились в исследуемый момент на одном и том же этапе развития.

Изложенные нами положения не представляют чего-то законченного и полного. Не освещен и не затронут ряд проблем, так или иначе связанных с вопросом о периодизации Моргана и с историей развития первобытного общества, в частности, вопрос об общественном состоянии человека стадного периода. Принято считать, что это состояние изучению недоступно. Однако при правильном построении исследования, в процессах общественного развития в этом периоде можно будет делать не только предположения, но и некоторые заключения. Все это, как проверка, оценка и разработка изложенного выше,— дело компетентного коллектива исследователей.

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

И. А. ЗОЛОТАРЕВСКАЯ

ВИЛЬЯМ ДЮБУА

В апреле 1951 г. к федеральному суду США был привлечен 83-летний ученый Вильям Дюбуа, член Всемирного Совета Мира. Ему и возглавляемой им общественной организации — Информационному центру сторонников мира США — предъявили обвинение в «неамериканском образе мыслей и действий», иначе говоря, в пропаганде мирных идей.

Виновность Дюбуа с точки зрения правительства Трумэна усугубляется тем, что большую часть своей жизни он посвятил борьбе за равноправие негритянского народа. Особую ненависть американских расистов вызывает то обстоятельство, что Вильям Дюбуа, негр по происхождению, является одним из образованнейших и уважаемых людей Америки.

Научная деятельность В. Дюбуа связана с несколькими университетами — Файхским, Гарвардским, Уильберфорским, Пенсильванским и университетом в Атланте, где он с 1891 г. был профессором истории и экономики. Его научные интересы сосредотачиваются на одной из важнейших и политически острых проблем американской жизни — негритянской проблеме. Первая из его научных работ — докторская диссертация «Пресечение работорговли Соединенными Штатами Америки» («Suppression of slave trade of the United States of America, 1638—1870»), была впервые издана в 1896 г.

Уже в этой своей ранней работе Дюбуа выступает с обличением английского правительства, правительства США и других стран, которые, несмотря на принятый закон о запрещении работорговли, поощряли ввоз негров в страны Америки, а законы по ограничению ввоза рабов в английские колонии Северной Америки Дюбуа объясняет не прекраснотушим колониальным властей, хотя он предварительно и выдвигает этические и экономические причины запрещения ввоза рабов, но страхом рабовладельцев перед восстаниями.

В 1889 г. была напечатана работа Дюбуа о неграх в Филадельфии («Philadelphia negro»), где он, разносторонне исследуя положение всех групп негритянского населения Филадельфии, пытается проникнуть в социальную сущность проблем негритянского вопроса.

В 1903 г. вышла его работа «Душа черного народа» («The souls of the black folk»), состоящая из очерков — памфлетов, в которых вскрываются острые социальные проблемы жизни негров; в 1909 г. появляется его книга о борце за освобождение негритянского народа Джоне Брауне («John Brown»), в 1911 г. — «Поиски золотого руна» («Quest of the silver fleece»).

Вызывает интерес небольшая книга проф. Дюбуа «Негр» («The negro», 1915). Он опять возвращается к теме книги «The souls of the black folk» и в доступной форме излагает историю негритянских народов Африки, развития работорговли и описывает положение негров в странах Америки. Отдельная глава книги посвящена культуре африканских народов. Здесь Дюбуа выступает как этнограф, он разбирает богатое разнообразие культуры народов Африки от пигмеев до племен, создавших высокую цивилизацию с плавкой железа, развитой торговлей, замечательными памятниками архитектуры и изобразительного искусства. В главе «Торговля людьми» Дюбуа рассказывает, как расовые признаки негров были использованы для обоснования работорговли, широко практиковавшейся с 1450 по 1850 г. Только с 1680 по 1688 г. одна английско-африканская компания послала в Африку 249 невольничьих кораблей, которые вывезли 60 783 негров. «Было высчитано, что из каждой сотни, отправленной из Африки, только около 50 выживали и могли быть трудоспособными работниками за океаном»¹, — писал Дюбуа.

¹ W. E. B., Du Bois. The negro, New York, 1915, стр. 157.

Дюбуа считает, что под влиянием работорговли, практикуемой европейскими колонизаторами, в восточных странах также развилась торговля людьми, продолжавшаяся еще в XX в. Затем автор обрисовывает положение негров в Вест-Индии, странах Латинской Америки и США. В связи с этим интересно исследование в области этнографии негров США, результаты которого сведены в этой книге. Дюбуа показывает как в условиях рабовладельческой системы Юга менялся весь жизненный уклад негров, их общественные и семейные отношения. В Америке они лишены были права на семью, и их личная жизнь была всецело подчинена расчетам плантатора на выведение здорового работоспособного потомства. Общественная жизнь негров также претерпела полное изменение. Вместе с тем Дюбуа показывает рост национального сознания негров и их участие в войне Севера с Югом, имевшей «величайшее, всемирно историческое, прогрессивное и революционное значение»².

Заканчивается книга главой «Негритянские проблемы». Дюбуа справедливо рассматривает принудительный труд в колониях как новый вид рабства. Экономический принудительный труд зиждется на земельном ограблении, налогообложении и на системе непрямого управления, при помощи которого осуществляются задачи колониальных властей. Дюбуа раскрывает истинный смысл этой системы, показывая, что колониальные власти поддерживают только те общественные институты, которые могут быть им использованы для закабаления народов Африки.

Уже тогда, в 1915 г., проф. Дюбуа высказал замечательную мысль о необходимости объединения в борьбе со всеми видами рабства всех рабочих, независимо от цвета кожи³. Негры Африки и Америки пробуждаются, говорит Дюбуа, не для того, чтобы следовать за Гарви и другими буржуазными националистами. «Боле дальновидные негры уже чувствуют приближение единения: единство рабочего класса повсюду, единство цветных народов, новое единство людей... пока черные труженики остаются рабами, белые рабочие не могут быть свободны», — заканчивает проф. Дюбуа свою книгу о неграх⁴.

Эта книга перекликается с более поздней, изданной в 1939 г. и посвященной современному положению народов Африки, росту освободительного движения и идеологическому обоснованию борьбы за равноправие — «Черные раньше и теперь». («Black folk then and now; an essay in the history and sociology of the negro races», New York, 1939).

В этом разрезе интересно предпринятое под руководством Дюбуа издание специальной энциклопедии, касающейся всех вопросов, связанных с историей, этнографией, антропологией, искусством, экономическим состоянием, общественной и политической жизнью негров («Encyclopedia of the negro», New York, 1946). Во вступительной статье первого тома, написанной Дюбуа совместно с другим редактором Гаем Джоном, критикуются расистские выступления в печати. С возмущением цитируют редакторы высказывание одного из профессоров Гарвардского университета, который пишет о неграх, что хотя «в Африке они имели также много шансов в длинном течении истории создать комплекс форм культуры, который белая раса имеет повсюду, но им еще ничего не было создано». Заявляя, что ничего, кроме певцов, негры среди знаменитых имен не имеют, этот профессор зачеркивает, таким образом, длинный ряд ученых, писателей, общественных деятелей из среды негров.

Заканчивая введение, Дюбуа заявляет, что ничто так не поможет уничтожить предрассудки, как научные факты.

Наставляя на необходимости добросовестного, свободного от предрассудков изучения истории американских негров, их современного положения и их перспектив в будущее, Дюбуа создает труды по истории негров, их самоотверженной борьбе за освобождение от рабства, показывает, какую большую роль сыграли негры в победе Севера против рабовладельческого Юга. Вопросы борьбы негритянского народа за свое освобождение в войне Севера с Югом освещаются Дюбуа в его капитальном труде «Черная реконструкция» (Black reconstruction. An essay towards a history of the part which black folk played in the attempt to reconstruct democracy in America 1860—1880», New York, 1935).

Проведенный конгрессом закон о реконструкции Южных Штатов предоставил освобожденным негритянским массам возможность принять участие в политической жизни страны. Были созданы конституционные конвенты, в которых заседали депутаты негры наравне с белыми, запрещалось лишение избирательных прав под предлогом цвета кожи или пребывания в рабстве в прошлом. В период реконструкции негры южных штатов в союзе с бедняками и при поддержке демократических кругов Севера создали самоуправление в ряде округов бывшего рабовладельческого Юга, занимая государственные должности; при их участии были созданы демократические конституции в некоторых штатах Черного пояса. Буржуазия Севера пошла на временную поддержку демократических требований негров, опасаясь реваншистских устремлений бывших рабовладельцев. Но как только буржуазия Севера договорилась с южными

² В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 51.

³ W. E. B. Du Bois. The negro, стр. 237.

⁴ Там же, стр. 250.

плантаторами, на Юге начался открытый террор против негров, уничтожение завоеванных ими свобод.

Яркое изображение периода реконструкции дает американский писатель-коммунист Говард Фаст в одном из своих лучших исторических романов «Дорога свободы».

В буржуазной американской литературе период реконструкции (1865—1867 гг.) изображается как время хаоса, грабежа и насилий, которые «дикие» негры якобы совершали над белыми, как только почувствовали себя свободными. Фальсификация истории и, в частности, событий периода реконструкции имеет целью оправдать дискриминацию негров, их экономическое порабощение, показать негров неспособными к политической деятельности, обреченными в силу исторических и биологических причин на подчинение.

В заключительной главе, названной автором «Пропаганда истории», проф. Дюбуа указывает на то, что американские историки, вопреки истине, вычеркивают период реконструкции из истории США. Дюбуа рассказывает, что, когда ему заказали статью о неграх в «Encyclopedia Britannica», раздел о реконструкции был редактором исключен. «Белые историки,— писал Дюбуа,— приписывают ошибки и неудачи реконструкции невежеству и продажности негров. Но негры настаивают на том, что лишь благодаря лояльности негров и только благодаря одним настоящим неграм Юг был присоединен к союзу; установлена новая демократия для белых и для черных и созданы общественные школы»⁵. Он приводит также известные слова Линкольна: «Без военной помощи освобожденных негров война против Юга не могла бы быть выиграна».

Выступая против фальсификации истории, Дюбуа призывает к изучению уроков прошлого: «Было несправедливо с моральной точки зрения и регрессивно с экономической создавать рабство в США в XVIII в. ...Теперь перед лицом нового рабства, устанавливаемого повсюду в мире под другими названиями и обликами, мы обязаны усиленно подчеркнуть этот урок прошлого».

Особенно важное значение имеет разработка проф. Дюбуа вопроса о негритянской нации. Сам некогда отдавший дань буржуазному национализму и бывший основателем известной националистической организации «Ассоциации содействия прогрессу цветного населения», проф. Дюбуа, однако, расхолился во взглядах с реакционной верхушкой этой организации, левое крыло которой он возглавлял.

С ростом негритянского пролетариата национально-освободительное движение негров Америки принимает новые формы: во главе его становится негритянский пролетариат, руководимый коммунистической партией, которая ведет борьбу за освобождение негров одновременно с общей борьбой американского пролетариата за демократическую Америку, против усиливающейся реакции американского империализма. Лучшие представители американской интеллигенции связывают свою судьбу с борьбой трудящихся США, овладевают марксистской теорией. Вспомним Теодора Драйзера — крупного американского писателя, публициста и общественного деятеля, который под конец своей жизни вступил в ряды коммунистической партии США. И проф. Дюбуа, будучи честным человеком и добросовестным ученым, не мог не понять, что правда на стороне негритянского и американского пролетариата. Это помогло ему правильно решить такой сложный вопрос, как вопрос о негритянской нации.

Во введении к посланию, направленному Ассоциацией содействия прогрессу цветного населения в Организацию Объединенных Наций в феврале 1947 г., Дюбуа писал: «Так называемая группа американских негров, абсолютно ничем не отличающаяся в физическом отношении от своих сограждан американцев, обладает сверх всего сильно развитым наследственным культурным единством, выработанным состоянием рабства, общими страданиями, продолжительной дискриминацией и ущемлением политических и гражданских прав и в особенности экономическим и социальным неравноправием. Главным образом этот факт и определил вклад негров в американскую культуру — их ритмику, музыку, народные песни; их религиозные верования и обычаи; их дань американскому искусству и литературе; их участие в защите своей страны в каждой войне на земле, на суше и в воздухе, и в особенности их упорный и продолжительный труд, направленный к процветанию и умножению богатств американского континента».

Дюбуа указывал на то, что, несмотря на крайне тяжелые условия, в которых находились и сейчас живут негры США, они «вдохновлялись на отчаянные и зачастую успешные попытки достичь намеченной цели, заслужить уважение мира и доказать ему свою способность участвовать в достижениях современной цивилизации. В результате не имеется почти ни одной области американской культуры, в которой негры не отличались бы, несмотря на все неблагоприятные для них условия». Вопрос о негритянской нации Дюбуа, хотя и далекий от компартии США, решает в соответствии с ее положениями. Генеральный секретарь компартии Фостер, выражая генеральную линию компартии по негритянскому вопросу, определяет негров США как молодую нацию, рост политической сознательности которой тормозится режимом дискриминации во всех областях жизни. Фостер подчеркивает, что в то же время режим дискриминации является причиной нарастания сознательного движения за самоопределение на юге США в так называемом Черном поясе.

⁵ W. E. B. Du Bois. Black reconstruction, стр. 715.

«Численность нашего населения,— писал проф. Дюбуа в обращении к Организации Объединенных Наций,— равняется численности населения Аргентины или Чехословакии или всей Скандинавии... Численность негров приближается к численности населения Египта, Румынии и Югославии. Мы имеем больше населения, чем Канада, Саудовская Аравия, Эфиопия, Венгрия или Голландия... Только с точки зрения численности мы, следовательно, являемся такой группой, которая имеет право заявить о своих требованиях».

Дюбуа не принадлежит к числу кабинетных ученых: на протяжении многих десятилетий своей научной деятельности он выступает как активный борец за счастье своего народа, научно обосновывая право негритянского народа на свободное существование. С борьбой за равноправие негров связана научная, публицистическая, литературная деятельность Дюбуа и его работа как общественного деятеля.

Профессор Дюбуа — один из активнейших участников движения за мир в США. Он является председателем «Информационного центра сторонников мира», созданного в 1950 г. в Нью-Йорке. Общество это ставит своей целью: знакомить широкие массы простых американцев с международным движением за мир, публикует документы демократических организаций и выступления прогрессивных общественных деятелей, способствуя разоблачению клеветы и грязи, которой, не скупясь, продажная желтая пресса обливает сторонников мира, Советский Союз и страны народной демократии. Именно Информационный центр сторонников мира в США опубликовал Декларацию Международного Красного Креста и Стокгольмское воззвание о запрещении атомного оружия.

Сам проф. Дюбуа часто выступает в печати, бичуя поджигателей войны перед лицом, простых людей Америки, и призывает американский народ открыто выступить против войны. «В наше время,— говорит проф. Дюбуа,— война — это зло, и мы должны открыто бороться против него, чтобы выиграть время и спасти миллионы жизней, обеспечивающих прогресс человечества. Те, кто во всеуслышание требует: мира, чтобы избежать безумия войны, ...видят, что гонка вооружений не обеспечивает безопасности и пытаются достигнуть упорочения мира не такими нелепыми средствами, как новые насилия, а иными способами, например, всеобщим разоружением»⁶.

«Расовая теория немцев,— писал И. В. Сталин,— и практика расовой ненависти привели к тому, что все свободолюбивые народы стали врагами фашистской Германии. Теория расового равноправия в СССР и практика уважения к правам других народов привели к тому, что все свободолюбивые народы стали друзьями Советского Союза»⁷. Расисты с Уолл-стрита спешат повторить роковую ошибку гитлеровской Германии, забывая о неминуемом разгроме, который ждет поджигателей войны. Народы, жаждающие мира, среди них и народы Америки, с надеждой смотрят на оплот мира — Советский Союз. Несмотря на преследования, честные мужественные люди поднимают свой голос против клеветы на Советский Союз, разоблачают лживые измышления об опасности, которой якобы подвергаются страны Атлантического блока со стороны СССР и стран народной демократии, указывают на настоящих агрессоров.

Проф. Дюбуа в одной из статей незадолго до ареста писал: «Сегодня из всех стран на земле единственно США хотят войны, готовы к войне, вынуждают другие народы воевать...» Горькой иронией звучит его заявление по поводу предъявленного ему обвинения как агенту иностранного государства: «Прискорбно, что мы должны прийти сегодня в зал суда для того, чтобы выслушать обвинение в „преступлении“, которое, по существу, не может быть преступлением,— в защите мира и дружбы между американским народом и народами всего мира. Эти обвинения являются позорным признанием перед всем миром того факта, что наше правительство считает мир вредным, а его защиту — преступлением... Я уверен в том, что каждый американец, стремящийся к миру,— негр или белый, католик, еврей или протестант — три миллиона людей, подписавших Стокгольмское Воззвание сторонников мира, и еще десятки миллионов других присоединятся к нам в нашей борьбе за право отстаивать мир»⁸. При энергичном участии Дюбуа был проведен сбор подписей под Стокгольмским Воззванием. Три миллиона американцев не побоялись открыто заявить о своем отрицательном отношении к политике Уолл-стрита, приведшей к войне в Корее.

Горячий патриот, большой ученый, подвергается гнусным преследованиям охраны Гувера. Его прекрасная деятельность на благо человечества объявлена «неамериканской». Лакеи Уолл-стрита несказанно позорят Америку и американский народ, объявляя стремление к миру «неамериканским», противоречащим принципам пресловутого «американизма».

Реакционное руководство Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, верное субсидирующим его боссам с Уолл-стрита, действуя по их указке, дважды выводило проф. Дюбуа из Национального Совета ассоциации, так как его деятельность была признана опасной для американского империализма.

Деятели науки, культуры, движения за мир, прогрессивная печать требовали освобождения доктора Дюбуа от позорного для американского народа процесса. Двести

⁶ См. Дженнингс Перри. «Преступление профессора Дюбуа». «В защиту мира». № 4, сентябрь 1951 г., стр. 21.

⁷ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, 1950, стр. 47.

⁸ «Литературная газета», № 114 от 25 сентября 1951 г.

профессоров, писателей, артистов, священников потребовали от правительства Трумэна прекратить преследование сторонников мира и Дюбуа в первую очередь. На Народном конгрессе в защиту мира, происходившем в Чикаго с 29 июня по 1 июля 1951 г., Дюбуа был избран одним из председателей национального комитета по руководству движением борьбы за мир в США.

В статье «Преступление профессора Дюбуа», помещенной в журнале «В защиту мира», Дженнингс Перри пишет: «Всему земному шару угрожает страшная опасность, и мы не имеем права заглушать голоса людей, которые выдвигают предложения для защиты мира, ибо слишком пронзителен вой поджигателей войны, нестерпимы бряцающие оружия и грохот пушек»⁹.

Суд над проф. Дюбуа и другими членами Информационного центра сторонников мира в США состоялся с 1 по 20 ноября. Клеветническое обвинение, состряпанное с целью опорочить движение за мир, провалилось. Выступивший в качестве защитника Маркантонио разоблачил подоплеку обвинения, вскрыл истинное лицо, поддерживавших обвинение Рогге, Ласки и других, опорочивших себя связями с Тито или американской охранкой «деятелей». В дни суда, протекавшего с большой остротой, множество организаций, представляющих профсоюзные массы, негритянское население, деятелей науки и искусства, требовали оправдания Дюбуа. Под давлением широкого общественного мнения как в Америке, так и в других странах, а также ввиду неопровержимых данных, представленных защитой, суд был вынужден отвести обвинение и прекратить процесс. Оправдание проф. Дюбуа и его соратников — большая победа сторонников мира в Америке и во всем мире. Она еще раз показывает, что американским империалистам будет не так легко развязать новую войну.

М. Н. ШМЕЛЕВА и Е. В. СЕМЕНОВА

НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ В МОДЕЛИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ ОДЕЖДЫ

Формы народной одежды складываются на протяжении длительного времени под влиянием различных факторов. Географические условия, занятия населения, его исторические традиции, связи с другими народами — все это накладывает свой отпечаток на формы национального костюма. Так, пенцы носят мешкообразные меховые кухлянки, материал и покрой которых стоят в тесной связи с суровым климатом Крайнего Севера и охотничьим промыслом. Для охотника, часами сидящего в снегу и подстерегающего дичь, такая одежда наиболее удобна. Свободный покрой платья туркменки и наличие в ее костюме штанов с широким шагом были обусловлены в значительной степени кочевым образом жизни туркмен в прошлом. Наличие в костюме грузинок вышивок металлической нитью и шелками, а также применение большого количества металлических украшений, шелковых и шерстяных тяжелых тканей, что придает этому костюму известную массивность и изысканность, объясняется развитием различных домашних и кустарных ювелирных, металлообрабатывающих, шелкоткацких и других промыслов. Таким образом, формы национальной одежды представляют собой не случайное, а вполне закономерное явление, обусловленное всей жизнью народа или нации, именно поэтому они обладают большой устойчивостью.

Однако устойчивость формы национального костюма не означает ее неизменности. Народная одежда составляет часть национальной культуры народа, которую нельзя отделить от его экономической жизни, от истории его развития. Национальная культура как проявление психического склада людей данной нации изменяется под влиянием развития условий ее материальной жизни. В постоянном процессе движения и изменения находится и национальная одежда.

Примером может служить одежда восточнославянских народов СССР (русских, украинцев, белоруссов). Сто лет назад, в середине XIX в., комплекс национального костюма этих народов был связан в основном с индивидуальным хозяйством, в котором был еще очень силен натуральный уклад. В подавляющем большинстве случаев одежда изготовлялась самими крестьянами в своем хозяйстве или же сельскими ремесленниками, еще не порвавшими с землей и не перешедшими к производству товаров исключительно для рынка. Для различного рода рубаш, сорочек, понев, запасок плахт, свиток, шуб и т. д. употреблялись льняное и конопляное дмотканное полотно сукно из овечьей шерсти, овчины, сыромятная кожа и т. д. Окраску полотна, шерсти и шерстяных тканей производили также домашним способом растительными красителями. Все это, несомненно, в значительной степени обуславливало конструкцию одежды, ее расцветку, характер украшений.

Но с развитием капиталистических отношений в России, с усилением расслоения в деревне и ростом промышленности, с заменой натурального хозяйства товарным для изготовления одежды все шире начинают применяться покупные фабричные материалы — сукно, хлопчатобумажные, шелковые и другие ткани, кожа, фетр и т. д. Применение этих материалов неизбежно должно было наложить свой отпечаток на характер национального костюма. Большая ширина фабричных тканей вызвала изменения в конструкции одежды, пестрые ситцы стали быстро вытеснять вышивку, требующую кропотливого, усидчивого труда и большого искусства. На смену старым формам пришли новые, более соответствующие новым условиям жизни.

Однако колоссальные изменения в одежде восточнославянских народов, произошедшие за последние 100 лет, не уничтожили ее национальный стиль, ее национальную специфику. В настоящее время, когда мощное развитие советской индустрии: повышение материального уровня трудящихся уничтожили потребность в изготовлении одежды домашним способом, национальная специфика выражается более всего в характере орнамента, в излюбленных расцветках, в манере ношения той или иной части костюма, в силуэте одежды, т. е. в общем контуре фигуры, одетой в национальный костюм. Интересно отметить, что силуэт, как показывают этнографические материалы, обладает особенно большой стойкостью национальных особенностей. При мером может служить женский костюм близко родственных между собой двух восточнославянских народов: русского и украинского. Спокойный, плавный и строгий

силуэт русской одежды и сейчас можно отличить от более подобранного, легкого, с более резкими линиями украинского силуэта, хотя составные элементы и того и другого костюма (широкая юбка и блузка) очень сходны между собой. Различие в силуэте достигается тем, что украинка, как правило, заправляет подол блузки в юбку, что подчеркивает талию, русская же, наоборот, носит блузку «на выпуск», несколько скрывая талию. Благодаря способу ношения блузки современная украинская одежда напоминает по силуэту старинный украинский костюм с сорочкой, плахтой или запаской, корсеткой и т. д., а силуэт современной русской одежды своей массивной плавно расширяющейся книзу формой сходен с силуэтом русского костюма с косоплиным сарафаном или нагрудником («занавеской»).

Все это свидетельствует о том, что, несмотря на коренные изменения в народной одежде под влиянием использования новых промышленных товаров, она продолжает сохранять и в настоящее время свой национальный колорит, свою национальную специфику, хотя средства выражения этой специфики теперь иные, чем прежде.

В дореволюционной России в условиях капитализма с его конкуренцией в потоне за прибылями учет национальной специфики одежды производился стихийно, без всякой системы и научного подхода. Отсюда замену старых изготовленных дома предметов одежды новыми промышленными изделиями, которая наблюдалась в России в конце XIX и начале XX в., не всегда можно считать удачной. Правда, народ сам отбирал из промышленных товаров то, что более соответствовало его потребностям, но зачастую отдавалось предпочтение дешевым товарам, не отличавшимся хорошим вкусом и художественными достоинствами форм, рисунков и расцветок.

В Советской стране подобное явление не должно иметь места. У нас с каждым годом растет выпуск промышленных товаров, с каждым годом все прочнее входит в быт одежда, изготовленная на швейных фабриках, в мастерских и ателье, и это не должно искусственно заглушать традиции национального костюма и вести к нивелировке народной одежды. Советский народ должен получать с промышленных предприятий одежду не только удобную, прочную и красивую, но также и отвечающую его национальным вкусам.

Изучением одежды, законов ее развития и изменения занимается Институт этнографии Академии Наук СССР. В этом направлении многое сделано его научными сотрудниками, много ценных материалов накопилось в его архивах. Первые попытки использовать эти материалы, наблюдения и научные выводы для практических целей были сделаны в 1949—1951 гг. Так возникло сотрудничество Института этнографии Академии Наук СССР и Общесоюзного Дома моделей.

Общесоюзный Дом моделей Главшвейпрома Министерства легкой промышленности представляет собой производственную моделирующую организацию. Его коллектив художников-модельеров ведет теоретическую и практическую работу: разрабатывает методы моделирования и на основе этого создает разнообразные модели мужской, женской и детской одежды.

Развитие светского искусства моделирования одежды идет по пути освоения исторического наследия в области народной одежды. Речь идет не о возрождении старинного костюма в его прежней форме, пропорциях и цветовом решении, а о творческой преемственности прогрессивных традиций народной одежды в современном костюме с учетом развития промышленности, техники изготовления и новых форм быта советского народа.

Коллектив художников Общесоюзного Дома моделей изучает образцы одежды народов Советского Союза, творчески перерабатывает их и применяет в современном костюме.

В практику художников-модельеров прочно внедряются лучшие традиции народной одежды — например, возрастное разделение. В костюме всех народов мы встречаем эту традицию. Костюм пожилой женщины по строгости формы, сдержанности цвета и украшений существенно отличается от костюма молодой женщины и девушки. Народный костюм молодых людей обоего пола, как правило, изящен по силуэту, наряжен, украшен богатыми вышивками и яркими отделками.

Бесконечное разнообразие форм народной одежды позволяет художникам отбирать лучшие образцы. Но эта работа не может выполняться в отрыве от советских научных учреждений, занимающихся наукой о материальной культуре народов СССР. Отбор наиболее прогрессивных и устойчивых образцов народной одежды, которые зачастую бытуют и в наши дни, художники могут сделать, только пользуясь консультацией этнографа.

Прочная связь производства с научным Институтом помогает художникам в критическом освоении образцов народной одежды для их творческой переработки на новой, высшей социалистической основе.

Модели художников-модельеров свидетельствуют о том, что они усвоили метод преемственности традиций народной одежды. Создаваемые ими современные костюмы хранят то в общем силуэте, то в конструктивном или в декоративном решении черты, свойственные тому или иному национальному костюму.

Конечной целью работы творческого коллектива Общесоюзного Дома моделей является создание советского стиля одежды, советской моды, которая обновляется на базе творческой переработки традиций народной одежды многонационального Советского Союза.

Направленность в моделировании одежды едина по идее, но многообразна по форме. На основе метода преемственности и переработки лучших образцов народного костюма возникают новые формы одежды, отвечающие современным вкусам, а также общественному и бытовому укладу советского народа.

В дальнейшем намечается еще более тесная совместная работа творческого коллектива Общесоюзного Дома моделей и научных работников Института этнографии Академии Наук СССР. Возможно, например, привлечение художников к участию в научных этнографических экспедициях и к разработке материалов. Это принесет обоюдную пользу, так как художник этого профиля четко видит характерный силуэт костюма, его пропорции в отношении фигуры, характер ткани, конструкцию и крой, распределение декоративных пятен и свободно создает синтезированные силуэты, характерные для одежды той или иной национальности.

Что же касается решения вопроса о том, насколько тот или иной силуэт является прогрессивной формой в истории развития всей культуры данного народа, насколько он соответствует его этнографическим особенностям, географическим и климатическим условиям, то здесь слово принадлежит этнографу.

В результате совместной работы возникнут четкие, обобщенные силуэты разных видов народной одежды, выявится крой, конструкция, декоративные принципы и техника выполнения. Эти материалы представляют одинаковую ценность как для художников-моделеров, так и для этнографов.

Особенно необходима постоянная консультация этнографов при определении и отборе бытующих форм одежды, которые, естественно, наиболее интересуют художника-моделера как излюбленные народом, наиболее устойчивые и несущие в себе лучшие традиции народного творчества. Эти материалы художники могут получать, только изучая материалы новейших экспедиций советских этнографов. Не менее ценным начинанием будет организация просмотров и обсуждения моделей, созданных на основе переработки народного костюма совместно с научными работниками Института этнографии Академии Наук СССР. Несомненно, настало время поднять вопрос о создании фонда лучших моделей одежды, характерной для нашей эпохи.

Прикладное искусство моделирования одежды в советских условиях развивается на базе роста общей культуры народов СССР, социалистической по содержанию и национальной по форме, поэтому сохранение подлинных образцов разных видов одежды нашей эпохи является нужным и важным делом для художников-искусствоведов, этнографов и историков.

Б. А. Липшиц

А. Ф. КАШЕВАРОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АЛЯСКИ

В ряду русских исследователей Аляски часто упоминается имя А. Ф. Кашеварова (1809—1866)¹. Однако его деятельность до сих пор не получила широкого освещения в литературе. Незаслуженно забыты и произведения А. Ф. Кашеварова, которые представляют безусловный интерес для истории изучения Аляски вообще и, в частности, для истории ее этнографического изучения. Например, его статья «Заметки об эскимосах в Русской Америке» и в настоящее время является основной русской работой, посвященной изучению эскимосских племен северной Аляски.

Уроженец Русской Америки, креол по происхождению, А. Ф. Кашеваров в 12-летнем возрасте был направлен на средства Российско-Американской компании для обучения в Петербург. Его отдали сначала в частный пансион, а затем в Кронштадтское штурманское училище. По окончании последнего (1828) А. Ф. Кашеваров дважды совершил кругосветное плавание: в 1829—1830 гг. на судне «Елена» и в 1831 г. — на военном корабле «Америка». Во время первого кругосветного путешествия А. Ф. Кашеваров нанес на карту четыре острова в Маршалском архипелаге. В 1831 г. А. Ф. Кашеваров был зачислен прапорщиком в корпус флотских штурманов. После этого он вернулся в Русскую Америку и много раз плавал на судах Российско-Американской компании, исследуя воды северной части Тихого океана. В 1838 г. он возглавлял байдарочную экспедицию, организованную по приказу из Петербурга Российско-Американской компанией для обследования северо-западного берега Аляски. Экспедиция состояла всего из 28 человек, в распоряжении которых было пять трехлючных байдарок и одна двенадцативесельная байдарка. Участники экспедиции 23 июня 1838 г. вышли из Михайловского редута на бриге «Полифем», который довез их до мыса Лисбурн, расположенного к северу от залива Коцебу. От этого пункта начинался маршрут экспедиции, который шел вдоль берега к северу и к востоку от мыса Барроу. Продвигаться приходилось медленно из-за льдов и сильных ветров, особенно трудно было проходить во льдах большой и нагруженной байдаре. 14 июля у Ледяного мыса А. Ф. Кашеваров оставил байдару с половиной участников экспедиции, а сам со своим помощником Малаховым, толмачом-эскимосом Утуктаком и гребцами-алеутами двинулся в дальнейший путь. На байдарках А. Ф. Кашеваров дошел не только до мыса Барроу, но на 30 ит. миль (52,14 км) к востоку от него. В результате этой экспедиции были открыты залив Прокофьева, мыс Степового, залив Купреянова, мыс Врангеля. Побережье Аляски к востоку от мыса Барроу А. Ф. Кашеваров назвал Берегом князя Меншикова.

Материалы байдарочной экспедиции А. Ф. Кашеварова до сих пор представляют большой научный интерес. Он произвел астрономическое определение ряда пунктов, описал береговую линию, дал подробные сведения о местных жителях.

Уже в 1840 г. в журнале «Сын Отечества» был напечатан отрывок из отчета А. Ф. Кашеварова под заглавием «Обозрение берегов Северной Америки от мыса Баррова, совершенное русскою экспедициею в 1838 году».

В 1843 г. А. Ф. Кашеваров выехал в Петербург. Как опытного моряка, его прикомандировали к Гидрографическому департаменту Морского министерства и поручили составление атласа вод, омывающих Аляску и Восточную Сибирь.

Записка А. Ф. Кашеварова о составленных для этого атласа картах была опубликована под названием «Атлас Восточного океана»².

В 1844 г. Гидрографический департамент выпустил «Генеральную карту между параллелями северной широты 35° и 76°», в которой впервые фигурировали названия, данные А. Ф. Кашеваровым различным местам на севере Аляски. На этой карте обозначены также эскимосские селения, которые он посетил, и указано расселение эскимосских племен от мыса Тыкага (м. Хоп) до мыса Врангеля (м. Тангент): тыкагмют,

¹ Обычно год смерти А. Ф. Кашеварова указывается неверно: либо 1865 (по словарю Брокгауза), либо 1870 (по русскому биографическому словарю). А. Ф. Кашеваров умер в 1866 г. (См. некролог в газете «Кронштадтский вестник», 1866, № 112 (30 сентября)).

² «Записки Гидрографического департамента Морского Министерства», 1850, ч. VIII, стр. 191—210

силалинагмют, каклигмют. Это важное указание не всегда учитывалось: вместо названных А. Ф. Кашеваровым племен на картах обычно писали: «Эскимосы мыса Барроу».

Газета «Санкт-Петербургские Ведомости» в 1845 г. печатала отрывки из дневников А. Ф. Кашеварова. В этих дневниках содержится много интересных этнографических сведений. Например, касаясь вопроса об этногенезе американских эскимосов, А. Ф. Кашеваров сделал следующую заметку: «Чукчи, конечно, не из Америки перешли в Азию, и вероятнее полагать, что язык приморцев Северо-Западной Америки распространился там от *чукчей*»³. Эта заметка свидетельствует о научной проницательности автора.

Говоря о различных наречиях в языке эскимосов севера Аляски, автор сводит их к четырем основным группам: «кадьякское», «аглегмютское», «азиагмютское и «ма-легмютское»⁴.

В дневниках А. Ф. Кашеварова можно найти заметки об эскимосских песнях и плясках; там же подробно описано летнее жилище эскимосов. Большой интерес представляют описания встреч путешественников с эскимосами. Так, например, прекрасно можно представить себе эскимоса Кибишека, ловкого и опытного охотника, о котором автор рассказывает: «Кибишек, показав нам пятно на песчаной осыпи, имевшее около фута в диаметре, пустил из своего лука стрелу, которая попала прямо в середину пятна, находившегося от нас в 67 шагах. Кибишек нарочно стал так, чтобы дувший в то время довольно свежий ветер был ему сбоку: от этого более затруднялась стрельба. Надобно было рассчитать действие ветра на стрелу, которая при полете своем описала дугу. Кибишек тут же сказал нам с гордостью, что в расстоянии 10 или 20 шагов стрела его пролетает насквозь оленя. После этого он просил нас показать действие наших ружей»⁵.

Извлечения из напечатанных в «Санкт-Петербургских Ведомостях» отрывков дневника были помещены в том же 1845 г. в «Журнале Министерства Народного Просвещения» с примечанием от редакции, в котором указывалось что «дневник путешествия автора показывает личное знакомство его с описываемыми народами и странами, а подробности обнаруживают наблюдательность просвещенного человека».

На основе материалов дневников и путевого журнала А. Ф. Кашеваров создал свою основную этнографическую работу «Заметки об эскимосах в Русской Америке», о которой говорилось выше. Эта статья была напечатана в следующем (1846) году в двух номерах газеты «Северная пчела». В этой работе А. Ф. Кашеваров систематизировал записанные им во время экспедиции этнографические наблюдения. Он описал все эскимосские селения, расположенные на берегу Аляски между заливом Коцебу и мысом Врангеля (мыс Тангент). До тех пор в литературе не было никаких сведений об эскимосах этого района, тогда как другие эскимосские племена были уже описаны русскими путешественниками и исследователями.

Обстоятельно описывая суровые природные условия севера Аляски, А. Ф. Кашеваров отмечает: «...и эскимосу, в буквальном значении, определено бороться с холодом и голодом»⁶. Дальше автор показывает, как эскимосы приспособились к этим природным условиям, как они живут в борьбе с ними. Большую научную ценность представляют описания эскимосских жилищ, сведения о количестве жителей и жилищ в зимнем селении и в летнем стойбище эскимосов. Довольно подробно рассказано в статье о зимней и летней охоте, об орудиях охоты. Не менее подробные сведения даны об одежде и украшениях. Культура эскимосов севера Аляски описана сравнительно с культурой более южных районов.

Интересны заметки А. Ф. Кашеварова, относящиеся к общественному строю эскимосов. Он останавливается на распределении обязанностей между мужчиной и женщиной. Указывает на наличие некоторых пережитков полигамии: «Обычай эскимосов дозволяют отличным стрелкам и вообще хорошим промышленникам иметь по две, и даже, как мне сказывали, по три жены»⁷.

Любопытно следующее замечание А. Ф. Кашеварова: «Заметно, что отец имеет влияние и на взрослого сына, холостого»⁸. Это наблюдение подчеркивает роль отца в воспитании сына, роль отца как главы семьи. В то же время на юге Аляски у алеутов И. Е. Вениаминов отметил, что «воспитание детей обоего пола было обязанностью дяди с материнской стороны, который был обязан обучать своих племянников и племянниц, с самого малолетства и до полного возраста, приготавливая вполне их к будущему роду жизни, а потому каждый отец непременно отдавал своего сына шурину своему»⁹. Социальная организация эскимосов северных районов Аляски значительно отличается от социальной организации алеутов и конягов (эскимосы острова Кадьяк), где русские застали еще довольно сильные следы матриархата.

³ «СПб. Ведомости», 1845, № 190, стр. 859.

⁴ Там же.

⁵ Там же, № 193, стр. 873.

⁶ «Северная пчела», 1846, № 227, стр. 908.

⁷ Там же, № 228, стр. 912.

⁸ Там же.

⁹ И. Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. II, СПб., 1840, стр. 71—72.

После статьи «Заметки об эскимосах в Русской Америке» ничего из материалов экспедиции А. Ф. Кашеварова при его жизни не публиковалось. Лишь через 13 лет после смерти путешественника вышел из печати «Журнал, веденный при «байдарной» экспедиции, назначенной для описи северного берега Америки, 1838 г. июля с 5-го по 6-е сентября того же года начальником экспедиции корпуса штурманов подпоручиком Кашеваровым»¹⁰. «Журнал» А. Ф. Кашеварова был последним печатным сообщением о его героической экспедиции. В этом журнале, помимо повседневных наблюдений над состоянием льдов и направлением ветра, помимо указаний широты и долготы местности, описания берегов и заметок о встречаемой флоре и фауне, содержатся интересные сведения о встречах с эскимосами. О каждой встреченной группе эскимосов А. Ф. Кашеваров, как правило, сразу же записывал: к какому племени относятся эти эскимосы, что означает название этого племени в переводе на русский язык, на каком наречии эскимосского языка они говорят, чем занимаются, сколько их, где находится их постоянное жилище — зимник, где их летнее стойбище и т. д.

Все этнографические материалы А. Ф. Кашеварова несомненно составляют важный вклад в историю изучения эскимосов Аляски.

В 1850 г. А. Ф. Кашеваров в чине капитан-лейтенанта был назначен начальником Аянского порта. В этой должности он снова оказался на службе Российско-Американской компании, так как Аян был ее факторией.

Будучи искренним патриотом, А. Ф. Кашеваров не мог сочувственно относиться к распоряжениям главного правления Российско-Американской компании. Кашеваров служил прежде всего государственными интересам, тогда как представители главного правления часто действовали ради собственных прибылей.

Известно, что главное правление Российско-Американской компании не только не оказывало содействия исследованиям знаменитого русского мореплавателя Г. И. Невельского, но тормозило его работу на Дальнем Востоке. А. Ф. Кашеваров, горячо сочувствуя делу Г. И. Невельского, по долгу службы обязан был выполнять косные приказы главного правления, которое не хотело должным образом снабжать экспедицию Г. И. Невельского. Узнав об этом от А. Ф. Кашеварова, Г. И. Невельский вынужден был возбудить специальное ходатайство перед правительством, которое в конечном итоге увенчалось успехом.

В начале 1860-х годов, когда обсуждался вопрос о дальнейшей судьбе Российско-Американской компании, А. Ф. Кашеваров неоднократно выступал в печати с разоблачением деятельности главного правления.

В 1861 г. он писал: «Неужели мы, уроженцы [Российско]-Американских владений, должны вечно думать о пользе Р. А. компании, внушаемой нам с юных лет наших, и заглушать в самих себе естественное стремление, всякую идею о пользе родины, в смысле гражданственном?»¹¹

В своей статье «Что такое запуск и промысел пушных зверей в Российско-Американских колониях» А. Ф. Кашеваров резко критиковал организацию промыслов в Русской Америке. Российско-Американская компания выступила в печати со своими замечаниями по этому поводу.

В «Ответе на замечания главного правления Российско-Американской компании» А. Ф. Кашеваров указывал, что его родине не нужна «опека» Российско-Американской компании, что этот обширный и богатый край стоит самого серьезного внимания со стороны правительства. По его мнению, Русская Америка, выйдя из-под «опеки» Компании, должна стать равноправной частью Российского государства: «...каждая благоустроенная страна всегда руководствуется правилами, поставленными законом, для чего и необходим надзор правительства. Лишать такого благоустройства наш край... было бы несправедливо»¹².

Заканчивая свой «Ответ на замечания главного правления Российско-Американской компании», А. Ф. Кашеваров иронически заявил: «Притом же, довод правления, что мы еще не подготовлены к лучшей и независимой от Компании будущности, мы уже не раз слышали от некоторых защитников крепостного права, ныне, на счастье России, упраздненного»¹³.

Эта фраза, как и все остальное, написанное А. Ф. Кашеваровым, характеризует его как одного из передовых культурных деятелей России.

Во время службы в Аяне А. Ф. Кашеваров принимал участие в Крымской войне; за участие в отражении английских кораблей в 1854 г. был награжден орденом Владимира 4-й степени.

¹⁰ «Записки Русского Географического Общества», 1879, т. VIII, вып. 1, стр. 275—361.

¹¹ «Ответ г. Яновскому на его заметку о материалах для истории Российско-Американской компании». «Морской сборник», 1861, т. 44, № 7, отд. «Смесь», стр. 19—20.

¹² «Ответ на замечания главного правления Российско-Американской компании». «Морской сборник», 1862, т. 6, № 9, стр. 167.

¹³ «Ответ на замечания главного правления Российско-Американской компании». «Морской сборник», 1862, т. 62, № 9, стр. 168.

В должности начальника Аяна А. Ф. Кашеваров пробыл до 1856 г., после чего до 1862 г. опять служил в Гидрографическом департаменте. В 1862 г. был отчислен в запас, а в 1865 г.—уволен в отставку с производством в чин генерал-майора. Скончался 25 сентября 1866 г.

В настоящее время, когда американские авторы сознательно замалчивают достижения русских путешественников и исследователей в деле освоения Аляски, деятельность А. Ф. Кашеварова приобретает большой интерес. Необходимо собрать его работы, разбросанные по страницам газет и журналов прошлого века, и издать их отдельной книгой. Такая книга даст представление читателю о широком кругозоре этого путешественника и его замечательных исследованиях.

СПИСОК РАБОТ А. Ф. КАШЕВАРОВА

1. «Обозрение берегов Северной Америки от мыса Баррова, совершенное Русскою экспедициею в 1838 году».—«Сын Отечества», 1840, т. I, стр. 127—144.
2. «Отрывки из дневника, веденного при обозрении полярного берега Российской Америки по поручению Российско-Американской компании в 1838 году».—«СПб. Ведомости», 1845, №№ 190, 191, 192, 193.
3. «Заметки об эскимосах в Русской Америке».—«Северная пчела», 1846, №№ 227 и 228.
4. «Необыкновенное метеорическое явление в Беринговом море».—«Морской сборник», 1849, т. 2, № 12, стр. 834—837.
5. «Плавание судна „Зосима и Савватий“ 1797 года».—«Записки Гидрографического департамента», 1850, ч. VIII, стр. 556—562.
6. «Атлас Восточного океана».—«Записки Гидрографического департамента», 1850, ч. VIII, стр. 191—210.
7. «Ответ г. Яновскому на его заметку о материалах для истории Российско-Американской компании».—«Морской сборник», 1861, т. 44, № 7, отд. «Смесь», стр. 18—20.
8. «Что такое запуск и промысел пушных зверей в Российско-Американских колониях».—«Морской сборник», 1862, т. 58, № 4, стр. 86—92.
9. «Ответ на замечания главного правления Российско-Американской компании».—«Морской сборник», 1862, т. 62, № 9, стр. 151—169.
10. «Журнал, веденный при „байдарной“ экспедиции, назначенной для описи северного берега Америки, 1838 г. июля с 5-го по 6-е число сентября того же года начальником экспедиции корпуса штурманов подпоручиком Кашеваровым».—«Записки Русск. Геогр. Общ.», 1879, т. VIII, вып. 1, стр. 275—361.

Б. А. КАЛОЕВ

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ У МОЗДОКСКИХ ОСЕТИН

Осетины, переселявшиеся, начиная со второй половины XVIII в., из нагорной полосы Осетии в г. Моздок «для развития,— как гласил один из документов того времени,— на удобных землях хлебопашества и скотоводства», образовали в Моздокском районе четыре общества.

Первые осетинские переселенцы — пайта, вплоть до 1870-х гг. составлявшие одно общество, жили в Моздоке и на хуторах, большинство которых находилось на казенном участке № 141, протянувшемся от границ городской земли до р. Кумы и далее. Вторая группа моздокских осетин — ерашты — составляла два общества: Черноярское и Ново-Осетиновское, каждое из которых имело довольно большой участок земли, простиравшийся от Терека до Кумы. Четвертое общество составляла группа осетин, переселившихся в район Моздока в конце XIX — начале XX в. Они жили в 6—7 км от Моздока на двух хуторах — Веселый и Ново-Георгиевский. Общество это называлось Веселовским. Хутор Веселый находился на участке так называемой «Архиерейской казенной дачи», площадь которой, по сведениям наших информаторов, составляла 300 десятин. Земельный участок этот ежегодно делился между первыми обособившимися на хуторе осетинами, а более поздние переселенцы земли не получали и считались вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции на хуторе «временными». Некоторые из них арендовали участки у помещиков (Рудометкина, Панкратова, Сафонова и др.), зажиточных казаков и Моздокской городской управы. Многие из осетин названных хуторов не имели даже своего приусадебного участка и жили у своих родственников. Не имевшие усадеб не пользовались в обществе никакими правами. «Временный» не имел, например, даже права присутствовать на сельском сходе.

У более ранних осетинских переселенцев, особенно у ерашты, сначала земли было так много, что она не подвергалась переделу между членами общества. З. Сосиев в статье «Станица Черноярская» писал про ерашты: «В прежнее время, когда относительно количества населения земли было много, общество не стесняло отдельных своих членов в пользовании землею, и тогда существовала самая широкая вольница: каждый пахал и косил, где ему было угодно, пользуясь лишь правом захвата, но с увеличением населения и в виду желания каждого занимать место для эксплуатации ближе к станице или хутору, явилась необходимость ограничить права отдельных лиц в пользовании землею. Первый раз население выехало для дележа пахотной земли и сенокосных участков в 1863 году»¹.

До 1870-х гг. вся земля сельского общества, за исключением приусадебных участков, находилась в общем пользовании ее членов. Дом, хозяйственные постройки, иногда фруктовые сады, тутовые деревья, имевшиеся у некоторых ерашты на приусадебном участке, назывались мульком (имением) владельцев и находились в непосредственном владении отдельных семей. Следует, однако, отметить, что хотя усадебная земля и переходила по наследству, тем не менее она не считалась, например, у ерашты, частной собственностью домохозяина, так как ее нельзя было продавать или передавать по завещанию лицу, не состоящему членом общества ерашты.

Помимо приусадебной земли, осетинские общества ерашты владели четырьмя видами угодий: пашней (*хуымы зах*), сенокосом (*хосы зах*), лесом (*иумоейаг хъоед*) и выгоном (*соерзоет*). Осетины-пайта, жившие на участке № 141, не имели лесных угодий, а в результате захвата хуторских земель помещиками-колонизаторами многие хутора, находившиеся вблизи Моздока, в конце XIX в. потеряли и свои пастбищные угодья. Земельные угодья располагались вокруг или недалеко от села и станицы в определенном порядке. Выгон, как правило, прилегал непосредственно к самому селению; пастбища начинались от выгонной межи, сенокосные угодья располагались недалеко от села между пахотной и пастбищной землями. Леса ерашты находились вблизи их станиц на левом берегу Терека.

¹ З. Сосиев, Станица Черноярская, «Терский сборник», вып. 5, Владикавказ, 1903, стр. 68.

Выгон считался в общем, нераздельном пользовании всех членов общества и служил исключительно для выпаса скота. Пахотная земля делилась по качеству и месторасположению на отдельные части или клынья, распадавшиеся в свою очередь, на пай или душевные наделы. У осетин-цайта и у последних переселенцев, живших на хуторе Веселом, все виды угодий, за исключением пастбищ, делились по числу душ. По сведениям Сосиева, у ерашты «право на пользование станичными угодьями имеют только обывные души (мужчина с 17-летнего возраста) и вдовы (пользуются 1/2 паем, а если имеют малолетних сыновей или незамужних дочерей,—полным паем)»².

Каждый имевший пай на все время раздела считался его полным хозяином. Он им распоряжался по своему усмотрению: мог сеять, когда угодно и что угодно, мог и продать пай на год кому-нибудь из членов своего общества. В станицах ерашты, писал Сосиев, «каждый год около 1/3 пайщиков не пахут, пай их покупаются за дешевую цену (десятина от 50 к. до 1 р.) теми, кто нуждается в пахотной земле, и таким образом всякому есть возможность обрабатывать земли столько, сколько он может»³.

Срок передела зависел от решения общественного схода. Передел совершали весной, перед началом полевых работ. До передела созывали общественный сход, на котором обязаны были присутствовать представители от каждого двора общества. «Для пользования пахотными землями установился следующий порядок,—сообщает З. Сосиев,—ранней весной каждого года общество на общественном сборе решает, какой участок следует поделить между общественниками для пахоты под посев ярового хлеба (преимущественно проса) и для бахчей, выделяя для этого два участка; смотря по количеству десятин в наменных участках, каждый пайщик получает из каждого участка столько, сколько достанется по разделу всей площади на число всех пайщиков в станице. Полученные таким образом пайи остаются в пользовании лиц, их обработавших, в течение трех лет, затем земля идет под пастбу скота, а через три года под сенокос и вновь поступает под пахоту не раньше, как через 7—8—9 лет. Таким образом, под яровой хлеб ежегодно выделяются новые участки, разделяемые вышеуказанным способом на пайи, а прошлогодние участки, уже вновь не переделываемые, поступают иногда под озимь, а чаще всего опять под ярь, причем уже их не пахут, а сеют «наволоком», т. е. под борону. С поступлением земли под выпас скота значение пая уже утрачивается»⁴. Таков был севооборот и землепользование в станичных обществах ерашты, владевших крупными земельными угодьями.

Передел земли у осетин-цайта, имевших меньше земельных угодий, вызывал большие споры как между отдельными членами общества, так и между хуторами, причем севооборот здесь был не такой сложный, как у ерашты. Посев проса они производили ежегодно на одном и том же участке, что в результате сильно снижало урожайность. Земельные угодья цайта сначала распределяли по хуторам, а затем полученный участок делился между жителями хутора. При разделе пахотной земли обычно и у ерашты, и у цайта родственники и другие члены общества, работавшие на началах супруги, брали общий участок (*цумоейаг хай*) и совместно его заплачивали, а после пахоты уже делили по паям и каждый засевал и убирал свой пай самостоятельно. Сенокосные угодья сначала делили по жребью на несколько больших участков, потом каждый участок распределялся между пайщиками, жившими на одной улице или составлявшими одну родственную группу.

Лесные угодья, как уже отмечалось, среди моздокских осетин имели только ерашты. Осетины-цайта и последняя группа переселенцев, не имевшие своего леса, покупали его у Моздокской городской управы и у помещика Сафонова, владевшего огромными лесными массивами, расположенными недалеко от Моздока по обоим берегам Терека. До 1870-х гг., как указывает Сосиев, в станичных обществах на каждый пай был определен воз дров. Общий сход намечал в лесу определенный участок и устанавливал день рубки. В назначенный день все пайщики общества выезжали вместе на участок и по знаку старшего начинали рубку, при этом каждый старался нарубить как можно больше; в результате на долю пайщиков, которые не смогли по каким-либо причинам выехать в этот день на рубку, ничего не оставалось. В связи с этим общество на своем сходе выделяло новый участок леса, рубка которого совершалась по такому же принципу. После 1874 г., по данным Сосиева, порядок пользования лесными угодьями был изменен. «В этом году,—писал он,—около 1/3 части всего станичного лесного надела была поделена между всеми пайщиками на 12 лет. Но порядок этот не выдержал срока, так как большинство хозяев, преждевременно вырубив свои участки и стали похищать лес из чужих участков, или находились такие, которые, имея еще свои участки, рубили в соседних. Вообще способ этот вызывал много беспорядков, неприятностей, а потому в 1878 году был заменен другим способом пользования... весь юртовый надел разделен на 8 участков. Каждый участок ежегодно делится по длине просеками на 10—12 равных частей; затем измерениями по ширине определяется, сколько сажен достается на каждый

² З. Сосиев, Указ. раб., стр. 69.

³ Там же

⁴ Там же.

пай и на сколько паев можно сдать каждую просеку. Для дележа составляется особый список, где каждый пайщик (в настоящее время лесным паем пользуются только отбывные души и вдовы) записан под особым номером. В день дележа все выезжают к лесу и, условившись, с какой просеки начать дележ, кто-нибудь из общинников вынимает билетики с номерами до тех пор, пока не наберется столько номеров, на сколько паев предполагается разделить данную просеку. Записанные под вынутыми номерами фамилии получают выпавшие на их долю пай. Затем переходят к следующей просеке и т. д. Чтобы удовлетворить желание некоторых жителей иметь смежные пай для совместной работы, заранее в один билетик включаются несколько номеров и таким образом все, записанные под этими номерами, попадают в одну просеку. Группы, попавшие в одну просеку, делят свой участок между собою уже сами, что не представляет никаких затруднений. Если в какой-либо просеке лес окажется хуже, чем в других, что определяется заранее, то в этой просеке на пай нарезывается больше, чем в других просеках»⁵.

Кроме земледелия, у моздокских осетин, главным образом у цайта, было широко развито скотоводство. Хутора и станицы, как правило, нанимали общего пастуха, заключая с ним договор. В станицах это делалось на скоте, а в хуторах на *ныхасе*⁶. Окончательный расчет с пастухом домохозяева производили осенью, когда скот загонялся в зимние стойла. Пастуха *рады кзомгас* (очередной пастух) кормили поочередно владельцы скота по несколько дней, соответственно числу принадлежавших им голов скота. Один обед давался за пастбу одной коровы или двух овец. Расчет с пастухом производили большей частью деньгами. Пастух нес ответственность за утрату скота и за потраву полей. За пропавшую скотину пастух обязан был уплатить хозяйну ее стоимость; то же самое было с потравой полей. Скот содержался на общем выпасе, находившемся, как было сказано, недалеко от селения. У цайта многие хутора, находившиеся близко один от другого, имели общий выпас, на котором содержали весь рабочий и мелкий скот. Для выпаса конских табунов отводилось особое место. В станицах ерашты пастбищные угодья обычно были постоянными, на хуторах же, в частности у осетин-цайта, они, переходя под пахотную землю, ежегодно менялись.

В начале второй половины XIX в. происходит расслоение моздокских осетин, в результате чего, особенно среди осетин-цайта, появляются крупные скотоводы, табунщики, которые, захватывая илц скупая за дешевую плату землю хуторян, широко используют труд осетин-бедняков и ногайских кочевников. С появлением богатых скотоводов пределы земли стали сопровождаться горячими спорами, доходившими иногда до драки. Так, например, было на хуторе Дартуй, где крупные скотоводы Тапсиёвы требовали во время передела земли от хуторян выдела большого участка земли под пастбище. Тапсиёвы скупали ежегодно за бесценок землю у большинства хуторян-бедняков, не имевших возможности обрабатывать свои наделы из-за отсутствия у них рабочего тягла и сельскохозяйственных орудий. В конце XIX в. некоторые крупные скотоводы поселились на отдельных хуторах, завладев большими и наиболее плодородными пахотными и пастбищными угодьями. Такими были, например, хутора Сокаев, Колиев и др. Наряду с расслоением, происходит также захват помещиками-колонизаторами земель цайта, кабардинцев и других горских переселенцев, живших на участке № 141. Колонизация земли осетин-цайта особенно усилилась с конца XIX в.

Архивные документы из фондов «Терского областного правления» в Государственном архиве Северо-Осетинской АССР ярко рисуют тяжелое экономическое положение хуторян в результате захвата их земель на участке № 141 казачьей верхушкой, помещиками и кулаками. Осетины и кабардинцы неоднократно подавали прошения на имя начальника Терской области с просьбой вернуть им земли, захваченные колонизаторами. Так, в 1904 г. выборные Пиевского сельского общества осетины Яков Каргинов, Егор Хатаев, Иван Караев и др. в своем прошении в Государственный совет писали: «По воле правительства, выраженной во всемиростивейшем манифесте, более 150 лет как предки наши, оставив свою родину, добровольно переселились на пустопорожную землю при г. Моздоке, участок под № 141. Затем грамотами ее императорского величества Екатерины II и императора Павла I участок № 141 предоставлен был нам, осетинам, но вот с 1845 года на упомянутый участок № 141 стал предъявлять свои претензии Моздокский казачий полк, и в 1886 году большая часть участка отобрана Терским областным правлением в пользу казаков Терского казачьего войска. Будучи вполне уверенными, что в данном случае войско поступило неправильно и часть казенного дарованного нам участка отобрана незаконно, после чего мы некоторую часть из отобранного участка распахали в 1894 году и сняли урожай, войско подало на нас иск, имея поверенным г. Чугая, но по определению Сената от 21 февраля за № 1095 — 1896 года дело решилось в нашу пользу... Итак, в настоящее время мы обладаем землею половины 141 участка... С незапамятных

⁵ З. Сосиев, Указ. раб., стр. 71.

⁶ *Ныхас* в дословном переводе — речь, беседа; в данном случае — собрание мужчин хутора.

времен мы люди непригодные к коммерции, и если земли не будет у нас в достаточном количестве, то мы с семьями должны погибнуть голодной смертью»⁷.

Таким образом, в конце XIX в. половина земли на участке № 141, на котором находились общинные владения горских переселенцев, в том числе осетин-цайта, была захвачена казаками соседних станиц, помещиками и Моздокской городской управой. Однако колонизаторские стремления этим не ограничились. В начале XX в. казаки, с ведома Терского областного правления, решили прибрать к своим рукам оставшиеся у общинников земли. «По предписанию Терского областного правления,— писали осетины,— в конце июня сего года предполагается размежевка названного выше участка, из коего отрезывалось в дополнительный надел ст. Червленной 3861 десятина, а на части остальной войско думает развести лес; будучи в таком оповещении, мы приступили к скорому изготовлению настоящей просьбы о недопуске такой неправильности»⁸.

В результате захвата земли переселенцев многие осетинские хутора, находившиеся главным образом вблизи Моздока, остались совершенно без земли. Такими были, например, хутора Казирова, Бразделева, Туманова, Бугулова, Медведева, Сенькина и др., земли которых отошли под городской выгон и частично перешли к казакам из станицы Луковской. Городской выгон, на котором находились хутора осетин и кабардинцев, был отдан Городской думой в аренду на десять лет богатому иногороднему купцу Заболотневу, который стал сдавать его в аренду хуторянам за высокую плату.

«Начать с того,— писали осетины и кабардинцы в 1904 г. в своем прошении на имя начальника Терской области,— что городской выгон в количестве десяти тысяч десятин, Моздокская городская дума семь лет тому назад отдала в арендное содержание на десять лет иногороднему купцу Заболотневу по 1 р. 50 к. за десятину, всего за двенадцать тысяч рублей из 15,458 дес. и 100 саженей 4-х верстного выгона гор. Моздока. А он эксплуатирует осетин и черкесов, требуя за уступленную землю в арендное содержание по 4 рубля за десятину, за усадьбную землю, на которой построены наши сакли, взимает с нас по 6 руб. за десятину. Кроме того, мы платим иногороднему Заболотневу за выпас на арендуемой им земле по 80 коп. за крупный скот, по 40 коп. за подтелка и по 30 коп. за овцу. Нужно ли после этого не называть, что такое положение нашего быта идет в разрез высочайших повелений, выраженных в грамоте 1799 года; а ведь в таком безвыходном положении мы осетины и черкесы находимся, составляющие Городское общество, более сотни лет»⁹.

Осетины и кабардинцы, жившие в указанных хуторах, неоднократно просили начальника Терской области разрешения переселиться в глубь степи на участок № 141, однако вследствие захвата здесь земель казаками и помещиками-колонизаторами им было отказано и в этом.

Захват земель осетин и кабардинцев и подчинение ряда их хуторов казачьим станичным правлениям по существу привели к распаду сельских общин этих народов. Извлеченный нами из архивов материал ярко характеризует тяжелое и бесправное положение хуторян в рассматриваемое время. Так, например, в одном из прошений на имя начальника Терской области осетины и кабардинцы писали: «Администрация для удобства управления подчинила нас, осетин и черкес, различным станичным правлениям. Указанная мера не принесла желательных результатов, последствия же для нас получились весьма вредные. Для иллюстрации нашего вывода возьмем несколько примеров: родственники везут тело покойника на кладбище, откуда необходимость представления медицинского свидетельства принуждает их отправляться в станицу Стародеревскую. Хорошо, если родственники богаты, тогда они имеют возможность без особого ущерба для себя совершить прогулку в станицу Стародеревскую. Но справедливость требует представить и худшее положение и в то же время более частое, а именно, когда родственники покойного бедны: бывают случаи, когда им приходится нанимать подводу для доставления тела покойника на кладбище, и кроме того, беднякам этим приходится отправляться в Стародеревскую станицу с целью взять свидетельство. То, что осетину или черкесу, которые лечат своих больных в Моздоке и здесь же хоронят своих покойников, приходится отправляться в станицу, находящуюся иногда в почтительном расстоянии, только из-за представления медицинского свидетельства, безусловно глубоко ненормально по существу. Возьмем другой пример, жителю хутора Большой Осетиновский необходимо продать лошадей или быков. Как ему нужно поступить в данном случае? Отправиться в Стародеревское станичное правление засвидетельствовать там, что он является законным владельцем лошадей или быков. Хуторянину нередко приходится исключительно из-за выполнения этой канцелярской формальности оставаться ночевать в станице, боясь, что по пути следования в Моздок его могут ограбить. Провести ночь в станице, где нет ни одного знакомого или родственника, это значит подвергнуться лишнему расходу»¹⁰. В заключение осетины и кабардинцы просили начальника областного правления «собственного общественного правления с правом схода».

⁷ Госархив Северо-Осетинской АССР, ф. Терское областное правление, 1-е распоряд. отд., 1-й стол, св. 187, д. 5456-а, ч. 2, 1904, л. 205.

⁸ Там же, л. 206.

⁹ Там же, л. 83.

¹⁰ Там же, л. 31.

Неоднократные требования осетин и кабардинцев о разрешении им самостоятельного общественного правления вынудили начальника Терской области пойти на уступки. В 1904 г. хутора горских переселенцев, находившиеся на участке № 141, были объединены в три сельских общества, причем каждое общество занимало определенный надел земли. Таким образом, весь участок № 141 одновременно с образованием сельских обществ был разделен на три неравных надела, на каждом из которых находилось соответствующее число хуторов с сельским самоуправлением. Так, первый надел был определен четырем осетинским хуторам: Джикаева, Пиева, Хатаева и Дартуй, с образованием на хуторе Пиева сельского правления. Остальным 24 хуторам были определены остальные два участка с образованием двух сельских обществ и разделением хуторов на две группы — северную и южную. В состав северной группы включалось 16 хуторов: Кизилов, Большой Осетиновский, Стародымыкин, Богданский, Колиев, Сакаев, Каргинов, Никитин, Лукожева, Тантисов, Грузинский, Абреков, Пшеунетов, Чхеидзе (католический), Цециев, Агабатыр и Тарасов. В южную группу входили: Екатериновка, Туков, Хохлачев, Новый (магометанский), Авалов, Абрамкин (Испиров), Доблетов и Томазов. Сельское правление для северной группы было образовано на хуторе Багданкина, а для южной — на хуторе Авалова¹¹.

В архивных документах подчеркивается, что земли между указанными хуторами «распределены крайне неравномерно: в некоторых приходится не более 3 десятин, в других 4 десятины и максимум — 8 десятин на двор»¹². Такими, например, были хутора Екатериновка, Туков, Хохлачев, Новый, Абрамкин, Авалов, Доблетов, Томазов, Большой Осетиновский и Кизилов¹³. Богатые осетины-скотоводы и табунщики Дзедзиевы, Колиевы, Хестановы и др., сами проживая постоянно в Моздоке, заняли под хутора значительные участки. Необходимо отметить, что в состав новых сельских обществ входили, наряду с осетинскими, и кабардинские хутора. Кроме того, в некоторых хуторах, входивших в новые сельские общества, население было смешанное. Так, например, хутора Тантисов, Соколов, Лепилин, Губсоков, Томазов, Тарасов и др. были с осетино-кабардинским населением.

Еще в более тяжелом положении находились последние переселенцы, составлявшие, как было сказано, Веселовское общество.

В фондах «Терского областного правления» хранится прошение «временно оседло-проживающих» из хутора Веселый, которое они писали в 1903 г. начальнику Терской области, прося помощи. «Самые беднейшие из нас, — говорится в прошении, — за неимением таковой кукурузы, сбывли свой скот и другое имущество для покупки семян на обсеменение полей и на покупку для той надобности земли, ибо собственной земли у нас нигде пахотной и сенокосной ни малейшего клочка не имеется, через это собственно переселились из гор сюда на плоскость... с целью приписаться здесь коренными, но увы, нам ныне отказано в этом, и мы поставлены теперь в самое затруднительное положение, все временно оседло проживающие в селе Веселом 41 семейство, а также и не имеющие здесь оседлости, находимся в стеснении и в земельном отношении и в других насущных потребностях, средств к жизни мы совершенно не имеем и каких-либо заработков для снискивания насущного куска хлеба»¹⁴.

О тяжелом экономическом положении осетинских переселенцев свидетельствует и документ, относящийся к более позднему времени, а именно прошение, поданное в 1911 г. осетинами из хутора Ново-Георгиевский на имя атамана Моздокского отдела. Оставшиеся в связи с неурожаем в районе «голодными и холодными», они просили помощи и при этом для большей убедительности приложили к прошению подворный список, ярко иллюстрирующий бедственное положение переселенцев.

Приведенные материалы — одна из многих иллюстраций того бесправного положения, которое было уделом нерусских народностей в царской России.

¹¹ Госархив Северо-Осетинской АССР, д. 5456-а, л. 156.

¹² Там же, л. 158.

¹³ Там же, л. 160.

¹⁴ Госархив Северо-Осетинской АССР, 1903, св. 63, д. 1907, л. 1.

Е. М. ЗАЛКИНД

ИЗ ИСТОРИИ ОБЫЧНОГО ПРАВА ЗАПАДНЫХ БУРЯТ

Во второй половине XVII в. и особенно к концу столетия местная администрация, взявшая в свои руки судопроизводство среди бурят и вынужденная при этом считаться с существовавшими у них правовыми нормами, проявляет значительный интерес к обычному праву обитателей Прибайкалья. Насущными потребностями было вызвано составление «Скаски», значение которой как исторического источника было высоко оценено в нашей литературе¹. Почти одновременно со «Скаской», в 1699 г., был составлен тайшами и «лучшими людьми» многих западнобурятских родов первый писанный свод обычного права западных бурят, в течение недолгого времени применявшийся в судебной практике иркутских воевод. К сожалению, от этого первого свода пока найдены лишь три небольших фрагмента².

Научное значение этих ранних памятников обычного права бурят хорошо выяснено С. А. Токаревым³. Они снабжают нас многими сведениями, ценными для исследования общественного строя западных бурят, в ту пору еще сохранявшего ряд архаических черт, в частности рабовладение, почти не зафиксированное в более поздних документах. Поэтому всякая публикация вновь обнаруженных документов не может не привлечь к себе внимания исследователя, интересующегося прошлым Бурят-Монголии.

Именно эти соображения и побуждают нас ввести в научное обращение несколько документов, отражающих правовые нормы западных бурят в конце XVII в.⁴. Считаю нужным оговориться, что настоящая статья отнюдь не претендует на исчерпывающее освещение темы, затрагивая лишь некоторые вопросы, нашедшие отражение в нашем документальном материале.

Большая группа дел связана с уплатой выкупа за убийство и увечье. Как можно судить по документам, случаев кровной мести в это время не встречается совершенно и за убийство полагался лишь выкуп (анза). Однако в случае неуплаты анзы еще не исключена была возможность кровной мести. Об этом говорится в челобитии потомков «Балаганского острогу мужика Зивы» на убийцу их отца: «Велите государи... ево Харина казнить смертной казнью или взять нам на нем Харине за него Зиву по нашим братским правам головушку полную, как у нас ведетца, чтоб впредь у нас в том иного смертного убийства не учинилось»⁵.

Размер анзы не был твердо установленным. В одной мировой записи 1690 г. указывается: «...договорились взять нам... за убийство отца моего поголовщины по своему иноземскому извычаю и по правам двести двадцать скотин конни и рогатым скотом»⁶. Однако этот «извычай» допускал значительные колебания. В 1689 г. ясашный бурят Алачей помирился с убийцей своего брата Тутагаем, на поголовщине 300 голов скота⁷. Также 300 голов заплатили в 1689 г. за «убойную голову» буряты Олзенского рода⁸. В другом случае, в деле об убийстве, совершенном из озорства, стороны договорились об уплате 150 голов⁹. Наконец, мы встречаемся и с определением истцами поголовщины в количестве 120 скотин, опять же со ссылкой на «их братской извычай»¹⁰. Но и это не низшая грань: в документе, изданном С. А. Токаревым, указан вдвое меньший размер анзы — 66 голов¹¹.

¹ С. Токарев, Памятник обычного права бурят XVII века, «Исторический архив», II, 1939.

² Публикуются нами в «Ученых записках Ленинградского гос. университета».

³ С. Токарев, Указ. раб., предисловие.

⁴ Все ссылки, где это не оговорено особо, даются на материалы фонда Иркутской приказной избы, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов (Москва).

⁵ № 257, л. 2.

⁶ № 181 (ст. 587), л. 19.

⁷ № 133 (ст. 157), л. 9.

⁸ № 509 (ст. 587), л. 18 а.

⁹ № 301 (ст. 432), л. 56.

¹⁰ № 538 (ст. 184), л. 8.

¹¹ С. Токарев, Указ. раб., стр. 33.

При иске за убийство сородича размер поголовщины опускается значительно ниже этих цифр. В одном подобном деле поводом к убийству послужила ссора из-за мелких краж скота. Отсюда можно заключить, что случаи похищения собственности сородича уже встречались в бурятском обществе того времени. Более того, упомянутое дело свидетельствует, что не только убийство чужеродца, но и смерть, причиненная намеренно члену своего рода, оплачивалась поголовщиной. Истец, принадлежавший, как и ответчик, к Бабаевскому роду, заключает мировую словами: «...и я Куячка на нем Галбанке по нашим брачным правам за свойство, как и в иных родах бывало, за отца своего иск свой весь сполна взял при многих брачных людях и впредь мне Куячку на него Галбанку... не бить челом и отца своего убийственной головы не отыскивать, потому что и в иных родах во Батаночком и в Кубурдеевском и в Балаганском в Онготовском родах бывали такие убийства промеж собою и больших головщин не бывало, потому что за свойство»¹². Подтверждением может служить мировая 1690 г. по делу об убийстве бурятком Онгоева рода своего однородовича, по которой размер анзы определялся всего в 20 голов скота¹³. Очевидно, подобные дела не раз возникали в прошлом, если к концу XVII в. успела сложиться определенная традиция, на которую содержится ссылка в цитированном документе. Эти материалы являются ярким свидетельством далеко зашедшего разложения родовых отношений.

Значительно меньшим был выкуп за холопов. Здесь действовал принцип: голова за голову. Бурят Ченоручского рода Конко Ковин бил челом на бурята Хенгельдурского рода Шарому Камнагадаева, ложно обвинившего его в убийстве двух белых холопов. «А взял с меня холопа твоего он Шарамойка за тех вышеписанных поклевных холопей двоих холопей моих да три скотины: быка большово да корову добрую да коня доброво»¹⁴.

Наряду с поголовщиной за убийство, полагался выкуп, гораздо меньший по размеру, за нанесение тяжелых побоев и членовредительство. Примеры этому довольно многочисленны. В 1690 г. бурят Онгоева рода Цакур Чохуев взял с обидчика за увечье, причиненное своему отцу, 20 скотин¹⁵. Верхоленский мужик Бодохой Бахутов получил 15 голов скота «за его изломленную руку»¹⁶. Анза в 20 скотин была взыскана с бурята Харбатовского рода Тыкея «за бесчестье и за увечье руки»¹⁷.

В некоторых случаях выкуп за увечье рассматривался как возмещение расходов на лечение. В 1696 г. «верхоленской ясачной брацкой мужик Кайтальского рода» Аласей Данчеев, возбуждая иск против ясачного же мужика Ченорутского рода Хобона Тухеханова («бил он Хобон меня, холопа твоего, изувечил и пинал меня и топтал под грудь и разбил печень»), подкрепляет свой иск приложением росписи скоту и деньгам, израсходованным на «лечбу»¹⁸. Бурят Хонгодорского рода Херенцей Додоков бил челом на своего однородовича Угуя Багуева: «В прошлых годах наехал на меня он Угуйко напрасно и бил и увечил и приломал голову всю. И от того убийства лечась, я издержал своего скота семь скотин...»¹⁹ Претензии Додокова ограничивались взысканием 7 голов, без всякой доплаты за увечье²⁰.

Однако общей нормой обычного права было требование уплаты анзы за членовредительство. Указание на это находим в челобитной бурята Онгоева рода Саяхоя на его однородовича Зимея, «...он Зимейко... бил отца моего Челоя смертным боем и бив голову проломил и коня под ним резал. И ныне отец мей Челой от тех его зимейковых побой лежит болен и скорбует третий год... Велите, государи, по розыску в том... за увечье отца моего и за пролежные годы по нашему иноземскому изычаю доправить скотом»²¹.

Анза уплачивалась не только при преступлениях, направленных против личности, но и в качестве штрафа за кражи, главным образом за похищенный скот. И здесь размер анзы обнаруживает некоторые колебания, но преобладает цифра в семь голов. Утверждение: «по их иноземской вере за тое (украденную) лошадь анзы семь лошадей»²² — вполне соответствует истине. Однако в одном документе находим: «по на-

¹² № 203, л. 24.

¹³ № 182 (ст. 236), л. 7.

¹⁴ № 405 (ст. 521), л. 15. На резко проявляющуюся градацию между свободным и рабом указал уже С. А. Токарев (Указ. раб., стр. 41).

¹⁵ № 182 (ст. 236), л. 7.

¹⁶ № 301 (ст. 432), л. 73.

¹⁷ № 452, л. 13.

¹⁸ № 250, л. 28.

¹⁹ № 324, л. 8.

²⁰ «Увечного должен обидчик за свой счет вылечить», — предусматривают обычаи западных бурят. У хоринцев соответствующее положение более детализировано: лечение производится за счет обидчика, но если больной в течение 6 месяцев не выздоровеет, то получает анзу в размере 50 голов. По получении анзы потерпевший и его родичи не могут более предъявлять какие-либо претензии, «хотя он умрет или выздоровеет» (см. «Сборник обычного права сибирских инородцев», издание Д. Я. Самоквасова, Варшава, 1876, стр. 98 и 112).

²¹ № 182 (ст. 236), л. 6.

²² № 360, л. 60—61.

шему иноземскому извычаю водитца вместе наказанья за кражу на ворах на скотину по три скотины анзы имать»²³. Вообще штраф за кражи был у бурят значительно ниже, чем у монголов. Монголо-ойратские законы 1640 г. предусматривали анзу в размере 15 девятков скота за верблюда, 10 девятков за коня, 8 девятков за кобылу и т. д.²⁴ Это, несомненно, отражало более высокий уровень развития феодальных отношений у южных соседей бурят — монголов и ойратов. Что же касается самих бурят, то в их правовых установлениях отмечается на протяжении XVIII в. тенденция к снижению анзы, разорительно ложившейся на хозяйство. В начале XIX в. анза у бурят Идинского, Тункинского, Балаганского и Кудинского ведомств равнялась 4 головам скота, у верхоленских и селенгинских бурят — 3 головам, у хоринцев — 1 голове²⁵.

Стремление ограничить анзу и ликвидировать старые тяжбы ощущается и в опубликованной С. А. Токаревым «Скаске братских лутчих людей Соса Багунова с товарищи», где предусматривается за «воровство прежних голов взыскивать анзы по одной скотине за скотину»²⁶.

Что же являлся плательщиком анзы и кому она выплачивалась? В делах о краже ответственность носила индивидуальный характер: вор платил штраф потерпевшему. Но возмещение за убийство было часто непосильно для одного хозяйства, и при уплате анзы виновному помогали его ближайшие родственники и сородичи.

В уже цитировавшейся мировой челобитной 1690 г. содержится прямое указание на круг плательщиков анзы: «и ныне мы, холопы ваши, меж собою сыскав правду, помирились, а на миру договорились взять нам Харатуйку да Кибыкенку на них Буре с братьями и с родом за убийство отца моего поголовщины»²⁷. В указе окольного Ф. Головина по одному делу об убийстве находим: «...а за поголовщину, чтоб меж братьями ссор не было, взять с того рода, которого тот убоец, поголовщины сто двадцать скотин, чтоб то было братским людям не в тягость»²⁸.

Что род в целом нес ответственность за убийство, совершенно сородичем, — даже в том случае, если его связи с родом давно порвались. — свидетельствует следующий любопытный документ: «Великим государям... бьют челом верхоленские ясашные брацкие мужики шуленга Аню Батунаев с родники своими. В прошлом, государи, во 160 (1652) году брацкий мужик Моджи Олзенова роду дался в срок к брацкому ж мужику к Оленге да к Обызаю. И он Оленга выдал за него Моджи нерестку свою замуж. И прижил он Моджи с тою женою своею, а с его невесткою трех сыновей, большого сына зовут Баенга. И тот его сын Баенга в прошлом во 196 (1688) году весною их Обызаева и Оленгина роду убил мужика, именем Табу. И в нынешнем, государи, во 197 году они Обызай и Оленга били челом... в том убийстве мужика своего, будто он Моджи ушел к ним из нашего роду. А он Моджи не нашего роду и живет у них со 160 году и по се число и с детьми от нас в дальном розстоянии, днищах в двух... И по тому их ложному челобитью велено на нас за убийство мужика Табы доправить коней и рогатого и всякого мелкого скота доброво двести двадцать скотин напрасно, потому что он Моджи ушел к ним и дался в срок не из нашего роду, а родники его, которые были, и те все примерли»²⁹. Не вдаваясь в разбор существа дела, следует отметить, что полный отрыв на протяжении 37 лет от рода не снимал, с точки зрения истцов, с последнего ответственности за действия его сочлена. И никакого значения не придается тому, что фактически убийца вырос в том роде, против которого он совершил преступление, и был связан с ним родством по матери. О силе традиции свидетельствует то, что ответчики не пытаются поколебать самый принцип и всю свою аргументацию сводят к тому, что Моджи «дался в срок» не из их рода.

Взыскание поголовщины производилось в пользу ближайших родственников убитых по мужской линии: сыновей, братьев и т. д. Но свидетельством значительного уже потрясения основ родовых отношений к концу XVII в. является то, что встречаются случаи, когда анза выплачивается жене потерпевшего. Так, мировую, определяющую размер годовщины за убитого мужика Зиву, подписывает его жена Аранзейко, которой и выплачивается договорное количество скота³⁰. Косвенным указанием на новизну этого явления может служить то, что хотя Аранзейко и выступает вполне самостоятельно при заключении мировой, в иске, предъявленном убийце, она ставит на первое место имя своего сына.

Существовал определенный порядок выплаты анзы, не допускавший расчета скотиной низкого качества. Полагалось вносить выкуп «по третям», т. е. равной долей

²³ № 236, л. 75.

²⁴ К. Ф. Голстунский, Монголо-ойратские законы 1640 г., СПб., 1880, стр. 47.

²⁵ Д. Я. Самоквасов, Указ. раб., стр. 72, 95, 129, 151.

²⁶ С. Токарев, Указ. раб., стр. 46.

²⁷ № 181 (ст. 234), л. 19 (подчеркнуто нами. — Е. З.).

²⁸ № 538 (ст. 184), л. 9.

²⁹ № 538 (ст. 184), л. 14.

³⁰ № 257, л. 23.

хорошего, среднего и плохого скота. Упоминание одного из документов: «и у розделки взяли у него Бакунайка добрым и средним и плохим скотом по третям сто тридцать скотин»³¹ — является типичным.

Обычно переговорам об уплате анзы и ее размере предшествует угон скота потерпевшими у обидчиков или их ближайших родственников, что вынуждало последних идти на мировую. Во-первых, нередко угонялось большее количество скота, чем полагалось в качестве выкупа, во-вторых, постоянные набеги и похищения лишали обидчика возможности вести нормальное существование. В 1692 г. бурят Анюй обвинял бурят Ользонского рода в отгоне у него из табуна 50 лошадей. Ответчики, оспаривая размер иска, признавали факт ночного нападения, объясняя его похищением у них скота Анюем. Судя по существовавшей традиции, их заявление, что они «брали за свои кони за кобылу кобылу, за коня коня», едва ли соответствует истине³². Заключению мировой по делу об убийстве в 1693 г. бурята Негугаева предшествовал угон скота у убийцы³³. Бурят Бохон Бурнуев жалуется на Бочехона Бухуруева, что последний, заподозрив его в краже лошади, «приехал с родом своим, угнали у него Бохона осьмнадцать лошадей да рогатого скота осьмнадцать же скотин»³⁴. Не довольствуясь таким количеством скота, Бочехон «отнял сильно» у истца его сноху. На угон скота как на своего рода процедурную меру, предшествовавшую заключению мировой, прямо указывают в своем челобитии буряты Онкотоевского рода «А ныне проведали подлинно, что убил он Молахайко. И по своему буряцкому изыскаю отогнали мы, холопи ваши, у племянника его Кульгунка табун лошадей, чтобы они за тем табуном пригнались и учинили с нами мир»³⁵.

Спорные дела решались двумя способами — третейским разбирательством и дальней шерти (присяги) на священных местах. В первом случае избирались одно или несколько лиц — «общая правда», на которых полагались обе стороны. Этот способ выяснения истины был, повидимому, не всегда надежен. Так, при разборе дела по обвинению бурята Харина в убийстве все три посредника дали первоначально показания в пользу ответчика. Но уже на следующий день они подтвердили факт убийства, объяснив свое поведение тем, «что вчера они сказали неправду для того, что говорили де им Култуну с товарищи братские люди, его Хариновы сородичи и хлебоядцы, идинской братицой мужик Сосой Багунов с товарищи, чтоб де его Харина в допросе поберечь и подобрить»³⁶. Можно предполагать, что человек, имевший зависимых от него «хлебоядцев», мог подкрепить просьбы своих сородичей и соответствующими случаями дарами, влиявшими на беспристрастность «общей правды».

Более распространенной процедурой для определения виновности являлось принесение шерти. Повидимому, наиболее почитаемым местом для шертования был «Усть-Ангарский камень» (он же «Шеманский камень на морской стреме») — скала, стоящая посреди Ангары в ее истоке; еще и в недалеком прошлом служившая буртам для дачи клятвы. Но упоминаются и другие места для шертования: шаманский камень ниже Верхоленска³⁷ и «Колон озеро»³⁸. Выбор места для дачи шерги зависел от местожительства тяжущихся и традиции. На силу традиции указывает значительно более поздний документ — приговор, вынесенный в 1823 г. главной конторой Верхоленского ведомства по тяжбе некоего Бодонцова с шуленгой Кужиновым: «...привести по иновечерскому обряду к божбе на шаманском месте, где пожелает проситель Бодонцов, но токмо где с издревле положено оные бывшим старейшинством в том же Верхоленском ведомстве называемых, выше Верхоленска и внутри ведомства в трех местах, а не в другом каком, ибо и по нашему братскому закону считается во вред опущать божбу куда-либо в постороннее место»³⁹. Обряд шертования описывается следующим образом: «...и тот ясашный верхоленской Бакунайка у того шаманского камня по своей вере клялся и тот камень обымал»⁴⁰. Этот обряд сохранялся, судя по позднейшим этнографическим описаниям, вплоть до того времени, когда самое шертование стало отходить в область преданий.

Чрезвычайно интересно, что к шертованию приводился не сам ответчик или истец, а один из ближайших его родственников. Хотя шуленги нескольких родов в ответ на запрос острожной администрации показали, что «у них де иноземцов так водитца, что де в воле бывает у истца, хотя сам к шерти поедет или кого пошлет»⁴¹, но во всех документах, где речь идет о шерти, в качестве шертовальщиков фигурируют родственники тяжущихся. По делу о покраже овцы бурятом Гулюгуном к даче шерти был назначен его племянник Дарбай, но, поскольку последний отсутствовал,

³¹ № 301 (ст. 432), л. 58.

³² № 250, л. 6—9.

³³ № 301 (ст. 432), л. 56.

³⁴ № 182 (ст. 236), л. 3.

³⁵ № 181 (ст. 234), л. 9.

³⁶ № 257, л. 10.

³⁷ № 405 (ст. 521), л. 27.

³⁸ № 203, л. 25.

³⁹ Гос. архив Бурят-Монгольской АССР, ф. 4, № 1447, л. 35.

⁴⁰ № 143 (ст. 271), л. 24.

⁴¹ № 405 (ст. 521), л. 95.

он был заменен братом ответчика⁴². Истец Ильбей послал к «божбе» своего брата⁴³. По иску бурята Ченоруцкого рода Бакуная Алакова с бурята «Хенкыдырского рода» Тургана Музинова в 16 головах скота, недоданного в приданое, «к шерти был приговорен» дядя ответчика Турбей Болоев⁴⁴. Бурят Буяновского рода Баран Батахаев, возбуждая иск в покраденной овце, послал к шерти своего племянника⁴⁵. Лишь в одном деле ответчик изъявлял согласие явиться сам к шертованию и настаивал на личной же явке истца, но последний отговорился тем, что «приводить к шерти его, ответчика, своего холопа или сородича пошлет»⁴⁶.

В приводе к шерти сородича нетрудно обнаружить живые черты родового строя. Но обособление семьи, естественно сопутствовавшее разложению родового строя, которое к XVII в. зашло у бурят-монголов уже очень далеко, вызвало ограничение круга лиц, могущих шертовать за своего сородича, его ближайшими родственниками. Однако такое ограничение было, повидному, недавнего происхождения. В этом свете показателен конфликт, возникший при посылке к шерти Алехчином Батахаевым, обвиненным в убийстве, некоего Машки Бакунаева. Истец отвел эту кандидатуру, ссылаясь на то, что Машка не состоит в близком родстве с Батахаевым. Были запрошены шуленги, которые разошлись во мнениях. Шуленга Ашахабатского рода признал Машку правоспособным, ибо он с ответчиком «одного роду, одной пятидесяти»⁴⁷. Шуленга же «Кугурдеева роду» не согласился со своим коллегой: «А бакунаеву сыну Машке за ответчика Олекчинка к шерти итти нельзя для того, что де в их братских правах за убитого человека давать к шерти из ближних родственников, а не из дальних»⁴⁸. В результате для дачи шерти было назначено другое лицо.

Право на шертование за сородича ограничивалось одним разом, но лишь в случае выступления по делам равного значения. В споре между ответчиком и истцом о назначении к шерти Шебухана Буркиева первый утверждал: «дать его, Шебуханка, нельзя, потому что де по их братским извечаям один человек также за одного человека в другой ряд к шерти не ходит». Но истец возражал: «для чего ему, Шебуханку, о человеке не шертовать, по лошади де он, Шебуханко, за него ответчика шертовал». К этому последнему суждению присоединились и запрошенные по делу шуленги⁴⁹.

Существовало еще одно ограничение, обуславливавшееся взглядом на шертование как на тяжелое и ответственное дело: старики, как правило, к шерти не допускались. «...а старым де было Кучейку и его ответчикову брату Галюганке к шерти нейти», — говорится в одном документе⁵⁰.

Весьма многочисленны случаи неявки к шерти, рассматривавшиеся как свидетельство вины. Примером может служить следующее заключение: «А Бакуйнака Алаков сродича своего к божбе в том приданном скоте божитца не привел... И по сыску ему Бакунайку в том деле отказано против братских прав»⁵¹. Аналогична жалоба Барана Батахаева на непривод его племянника истцом к шерти⁵². Иногда уклонение от шертования сопровождалось признанием вины и заключением мировой. Так, в 1690 г. «мунгальские выходцы» Гаму-батор с товарищами украли у мунгальского же выходца Ухутая Гумурзина три коровы. По челобитью пострадавшего воры были приготовлены к даче шерти. «И они «Гаму-батор и зайсан с товарищи, зная кражи своей вину, к шерти не пошли, а отдали они три ж коровенки»⁵³. О страхе перед последствиями шертования и о серьезном отношении к этому акту свидетельствует заявление группы бурят; «...у нас де того мужика, который к шерти идет, из юрты не пушают, потому что де по нашей вере дело большое»⁵⁴.

Приведенные данные частично восполняют пробел в изучении обычного права западных бурят, освещая его нормы, сложившиеся в тот период, когда пережитки родовых отношений еще играли большую роль в жизни бурятского общества.

⁴² № 203, л. 25.

⁴³ № 201 (ст. 514), л. 113.

⁴⁴ № 405 (ст. 521), л. 95.

⁴⁵ Там же, л. 14.

⁴⁶ Там же, л. 32.

⁴⁷ № 450 (ст. 598), л. 11.

⁴⁸ Там же, л. 19.

⁴⁹ Там же, л. 3, 4, 10, 11.

⁵⁰ № 203, л. 25.

⁵¹ № 405, (ст. 521), л. 27.

⁵² Там же, л. 14.

⁵³ № 236, л. 75.

⁵⁴ № 145 (ст. 271), л. 24.

В. А. БДОЯН

КРОВНОРОДСТВЕННЫЙ «АЗГ» И РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ У АРМЯН

Термином «азг» обозначается у современных армян группа родственных семей, происходящих от одного отца по нисходящей линии и ее разветвлениям. Отсюда же берет начало термин «азганун» — фамилия (буквально «имя азга»).

Корень «азг» происходит от пахлавийского термина «азг», значения которого: «ветвь», «отпрыск», «родство», «группа», «построение в ряд». В феодальной Армении, до изобретения армянского алфавита и письменности термин «азг» имел ряд различных значений, которые из устной речи перешли как в перевод библии, так и в литературу. По данным библии и армянских историографов, термином «азг» обозначались следующие понятия: 1) животного и растительного вида; 2) пола людей; 3) общественного слоя; 4) группы людей, имеющих одно и то же занятие; 5) отдельной языковой группы; 6) отдельной народности; 7) отдельного вероисповедания; 8) отдельного государства; 9) армянской одной ступени «родства» (одного «пуа», одного колена); 10) большой семьи; 11) рода; 12) племени; 13) племенной группы; 14) армянского нахарарства (удельного княжества); 15) понятие всей Армении в целом — как общего «дома», общего «крова», и, наконец, 16) понятие нации.

В настоящее время «азг» воспринимается армянами главным образом как обозначение нации, но в данной статье мы рассматриваем именно кровнородственный азг в соответственном значении этого термина.

Синонимом «азг» является «дас». Хотя дас и является чисто армянским термином, он не получил развития для обозначения родства. Корень «дас» стал постепенно обозначать общественные слои и классы. Во многих местностях параллельно с термином «азг» употреблялся иранский термин «тахум» или «тохум», означающий «семья», турецкие термины «сой» (племя, род, поколение) и «канахоп» (повидимому, — «канахуп», от «кан» — кровь, «ахуп» — течет, т. е. «текущая кровь»). наконец, арабское слово «тайфа» (толпа, народ). Все эти термины ныне вышли из употребления.

Из вышеприведенного семантического ряда нас интересует лишь то значение азга, которым выражаются родственные отношения. Нас интересует сущность того небольшого коллектива, который состоял из кровных родственников и представлял собой разновидность формы, которую проф. М. О. Косвен называет термином «патронимия».

Помимо кровных родственников, членами азга считались все те лица обоего пола, которые удочерялись или усыновлялись либо принимались в дом в качестве невестки или «тынпеса», «домашнего зятя». Тынпеса, «домашний зять», становился членом дома своей жены и ее азга. Девушки и женщины, которые, вступив в брак, уходили из отчего дома, считались вышедшими из своего азга. Вступившая в брак женщина оставалась лишь «соплеменницей» для своего бывшего азга. Она принималась в азг своих свекра и свекрови как полноправная родственница. Отсюда дети дочери для ее родителей и для всего ее азга не представляли собой той близости и ценности, какую представляли для азга дети сына.

Учитывая указание проф. М. О. Косвена, что «общность патронимии выражается в частности в том, что некоторыми видами земли и некоторыми угодьями патронимия владеет и пользуется коллективно»¹, армянский азг можно считать более поздней формой патронимии. Действительно, армянский азг не практиковал системы общинного пользования землей и землевладение было подворным. При этом многие межсемейные, внутриродовые столкновения возникали на почве частного землевладения. Несмотря на подобные распри, коллективная, защита частной собственности каждой семьи была одним из основных признаков азга. Чем более сплоченным был азг, тем более обеспеченными оказывались входящие в него семьи и в материальном и в моральном отношении.

Одним из залогов этой сплоченности, если и не первостепенного значения, было в XIX в. общее «имя азга», «азганун», что не было присуще азгу в более ранний

¹ М. О. Косвен, Очерки по этнографии Кавказа, «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 119.

период. Пока родственный азг армян существовал в условиях феодального общества, у них не было фамилий в нашем смысле. Вместо фамилии указывалось либо отчество, либо название месторождения. Например, «Вартани Аваг» означало, что Аваг был сыном Вартана, «Газар Парпеци» означало, что Газар был из парпи был «парпиец»². Как свидетельствуют архивные и историографические материалы, в позднем средневековье, примерно с начала XVI в., стали выявляться зародыши образующих фамилию частиц, не переходя, однако, еще в их общеармянское окончание. Такими частицами — окончаниями, указывающими на родство, были: *анц, ец, енц, иц, инц, унц, онц*³. С развитием торгового капитала в конце XVIII и в начале XIX в. возрождаются окончания *ян* и *унц*, которые присоединялись к именам средневековых удельных князей и означали принадлежность к данному коллективу. Путем присоединения этих окончаний к имени деда составляли фамилию. Впоследствии в них стало явно преобладать окончание фамилии на *ян*.

Армянская фамилия происходит от имени родоначальника азга или от имени какого-либо его известного и выдающегося члена. Бывает, что фамилия ведет начало от прозвища какого-либо лица, как и от названия ремесла или профессии. С этим последним видом фамилий связан термин «маканун» — прозвище, являвшийся синонимом термина «азганун». Маканун означает буквально «наслоение на имени», т. е. «наименование» (частица «мак» означает «на»).

В конце XIX и в начале XX в. значительная часть армянских фамилий происходила не от имени родоначальника, а от названия ремесла, профессии либо от прозвища. Все же имя деда по отцу составляет обычную основу армянских фамильных имен.

В XIX в. преимущественно в западных провинциях Армении, где сравнительно дольше сохранялись пережитки родоплеменных традиций, имя деда по отцу обычно переходило ко всем последующим поколениям. Значительная часть местных семей и поныне продолжает сохранять свои фамилии более чем полуторавековой давности. В XX же веке, преимущественно в восточных провинциях Армении, где пережитки родоплеменных традиций в период русского владычества и под влиянием русской культуры стали исчезать значительно раньше, каждое третье поколение, считавшееся членом данного азга, получало свое отдельное фамильное имя по имени своего деда.

Одной из характерных черт азга была смежность домов членов азга, сосредоточенных в одном и том же квартале — «таг». Вплоть до середины XIX в. эти небольшие родственные кварталы селений сохраняли стремление к обособленности и всеми мерами старались препятствовать доступу в свою среду посторонних семей. Но ко второй половине этого века и в особенности к концу его, когда родственные связи стали ослабевать, азг стал отступать от своих традиций. Разоряющийся крестьянин бросал село своих предков и переселялся в город. Не всегда случалось при этом, что богатые члены азга, дабы предупредить проникновение в свой квартал посторонних семей, покупали дом и участок земли переселяющегося родственника. Когда становилась неминуемой продажа дома и земли посторонним, старались совершить продажу так, чтобы поселяющаяся в квартал азга новая семья имела хотя бы некую связь с ним по свойству и кумовству или же по материнской линии.

Ниже приводим состав квартала — тага, принадлежавшего азгу Барсегенц, в бывшем Гарни Бассарском уезде, в нынешнем селе Шаумян Арташатского района. В квартал этого азга проникли посторонние семьи. Ныне квартала этого уже не существует. В 1949 г. мы восстановили его состав путем расспросов у хорошо осведомленных стариков:

1. Дом Тевоса — из азга Барсегенц } братья.
2. Дом Нерсофа — из азга Барсегенц }
3. Дом Маргара — из азга Барсегенц.
4. Дом Маркры — дяди по матери Маргара, из азга Ахверденц.
5. Дом Вираба — из азга Барсегенц (Азизян).
6. Дом Алексана — из азга Хазыт, кума Барсегенц.
7. Дом Хачо — из азга Барсегенц.

В том же селе Шаумян совершенно обратную картину представлял собой азг Гарибенц, в чьем квартале до начала XX в. не было посторонних. Вот состав квартала этого азга:

1. Дом Авага — из азга Гарибенц — Гарибян.
2. Дом Тумаса — из азга Гарибенц — Гарибян.
3. Дом Артена — из азга Гарибенц — Гарибян.
4. Дом Аракела — из азга Гарибенц — Маярян.

² Окончания *еци* у армян и *ец* у русских совпадают; ср. с русскими окончаниями в словах: ереванец, ленинградец и т. д.

³ См. Купчие и разные другие архивные документы по хозяйственным сделкам ч. 1. Составил А. р. А б р а м я н, Ереван, 1941, стр. 6, 18, 151, 157; Дневник Закария Агулецц, Ереван, 1938, стр. 29, 68, 115, 131, 165, 166.

5. Дом Акоба — из азга Гарибенц — Шахгелдян.
6. Дом Габриэла — из азга Гарибенц — Шахгелдян.
7. Дом Егора — из азга Гарибенц — Акобян.

Как родственные между собой, так и просто соседские кварталы были взаимно связаны стенными отверстиями — «акнат» (от «ак» — око, ср. окно), проделанными в смежной, соединяющей два дома стене. Через стенные отверстия семьи — члены азга и азги-соседи, не выходя из дома, общались друг с другом и оказывали взаимные услуги. Акнаты имели еще и оборонительное значение, притом не только для одного или нескольких азгов, но и для всего села. При любых случайностях весть передавалась чрезвычайно быстро, сообщаясь через акнаты совершенно незаметным для чужих людей образом. Вести, вопросы и ответы достигали от одного края квартала до другого и в случае необходимости поднимали на защиту весь родственный коллектив. Тем же способом распространялось все радостное и печальное в жизни квартала. Указанная особенность патристических кварталов восходит к отдаленной древности. Как обнаружили раскопки в Кармир-Блуре, акнаты, этот прообраз своего рода «телефонной» связи, были известны еще в урартском обществе. «Телефонная» система акнатов известна была также азербайджанцам. На наш запрос по этому поводу проф. И. М. Джафарзаде ответил, что и теперь еще можно встретить остатки стальных отверстий вида акнатов в селах Согуб и Джими Конахкендского района, равно как и в других селах Азербайджана. При посредстве этих отверстий и там оказываются взаимные соседские услуги.

Во главе азга стоял «азги метц», старший азга, обычно из более зажиточной семьи азга. Он давал всему азгу советы и указания и был обычно ходатаем по делам притесняемых членов азга. Старший азга назывался в разных местах по-разному: белобородый азга, прадед, столп азга, тайфы или тахума (тайфа — связь по родству, кумовству, свойству; тахум — семья), «котук» — ствол, «ами» — по-арабски дядя по отцу, дэдä — по-турецки дед. Назывался он иногда и модернизированным титулом «ишхан» — князь.

Все эти титулы присваивались тому главному лицу, которое играло определенную роль в хозяйственной и общественной жизни азга, — его главе. В начале XX в. функции «старшего азга» в среде армян восточных провинций уже почти отжили. Среди же зарубежных армян, заброшенных в глухие уголки мира, функции его сохраняются до сих пор. Репатрированные в 1946 г. из Ирана (из Султанабадского села Гусейнабад) армяне сообщали, что в их среде «старший тайфы» назывался «пап» — дед. Роль папä была немаловажной в жизни тайфы и хотя он не был выборным, его слушались все члены тайфы. Пап был обязан представлять перед властями от имени отдельных членов тайфы по земельным или иным делам. Закон, правильнее говоря, помещики Султанабада, на земле которых, словно крепостные, работали армяне, признавали представительство папа, хотя, конечно, далеко не всегда выполняли его просьбы.

В конце XIX в., когда выросла армянская буржуазия, армянский родственный азг перешел в новую стадию своего развития. Бывший «белобородый азга», т. е. почитаемый всеми старик, бывал вынужден подчиняться тому члену азга, который, хотя был моложе его, но являлся обладателем большего богатства, был «власть имущим», был «ишханавор», «княжил». Власть таких богачей распространялась часто за пределы азга, начинала господствовать над всем сельским обществом и нередко становилась орудием в руках власти государственной. Таких-то и величали титулом «ишханавор мард» — власть имущий человек. Этим главам азга капитализм придавал новое содержание и новую форму, чем разрывал те родственные узы азга, которые еще питались феодальными порядками.

Помимо общих хозяйственных дел, в частности земельных и оросительных вопросов, семьи азга обращались к старшему азга по целому ряду вопросов своей частной жизни: по вопросам брака, постройки дома, заключения какой-либо сделки, по спорным вопросам межсемейным и внутрисемейным, по семейному делу и тому подобным поводам. Бывали случаи, когда старший азга договаривал от намечаемого брака и разрушал брак, заключаемый против его воли, точно так же, как и принимавшие торговые и иные сделки. Бывало и так, что старший азга затрачивал массу энергии и труда на то, чтобы убедить родителей какой-либо девушки выдать ее замуж во враждебный азг и этим положить конец взаимной вражде с другим азгом, скрепив с ним узы свойства. Нравственно-воспитательную работу среди женщин проводила особая женщина, которую называли: «метц майр», «мам» или «нана» (бабушка).

Всему азгу и каждому его члену было присуще сознание «чести азга». Все члены азга защищали его интересы, и азг всей своей мощью брал под свою защиту каждого члена. Люди, затронувшие или оскорбившие честь всего азга либо одного из его членов, сурово наказывались. Обычными нарушениями чести азга бывали проступки в отношении женщин. Посторонним не разрешалось разговаривать с молодыми девушками и женщинами. Тяжким преступлением было оскорбление их непристойными словами. Тем более преступным считалось похищение одной из девушек азга, в особенности уже просватанной невесты. В таких случаях за действия виновника отвечали не только члены его семьи, но и весь его азг. При таких об-

стоятельствах поднимались все совершеннолетние мужчины обеих сторон. Бились лицами, а иногда и холодным оружием. Бои, возникшие в защиту чести женщины, как и из-за земельных вопросов, в защиту детей, оканчивались нередко смертельным исходом. Все это приводило к кровной мести, длившейся долгие годы. Существовало два действительных средства, пресекающих месть, а именно — выдача замуж во враждебный азг одной из своих девушек, либо уплата большой денежной компенсации, хотя многие были убеждены, что «кровь деньгами не смыть». В выплате денежной компенсации азг виновного не участвовал, он возлагал эту выплату на самого виновника. Когда ставился вопрос о выдаче замуж девушки в целях устранения мести, то нередко на эту жертву шел кто-либо из родственников виновного.

Способность азга защищать свои интересы обуславливалась силой его физической сопротивляемости. Отсюда — необходимость большого числа мужчин. Следовательно, рождение мальчика вызывало ликование, а рождение девочки — общую печаль. Женщина, рожающая девочек, не пользовалась тем почетом и уважением, как рожавшая мальчиков. Враждебные азги радовались, когда в семье азга-противника рождались девочки. «Девочка — светильник для чужих, раб чужих», — так характеризует это армянская поговорка.

Взрослые азга с самого начала воспитывали в мальчиках смелость и навыки кулачного боя. Едва достигнув юношеского возраста, мальчик получал наставления от своих родителей и других взрослых своего азга, как устрашать, колотить и наказывать детей другого азга. В результате подобного воспитания юноши, по примеру взрослых, в случае возникавших во время игр споров и недоразумений затевали бои с пращами. Эти бои поощрялись мужчинами обоих азгов, что придавало им яростный характер. Нередко бои юношей превращались в межазговые бои взрослых, что приводило уже к тяжелым последствиям. Азг воспитывал в юноше защитника отчего дома и азгских интересов. Девушки в свою очередь готовились азгом к защите женской чести, к тому, чтобы высоко держать честь своего очага и своего азга. Но в случае надобности женщины во время боя снабжали своих борцов палицами и прочим допускаемым обычаем оружием. Никто из обеих борющихся сторон не позволял себе, однако, поднять руку на женщину.

Слабые азги группировались на основе выскиваемых самых дальних родственных связей или на началах кумовства. Право на участие в подобных межазговых группировках давало и «братание» юношей и девушек разных азгов путем высасывания друг у друга крови из надреза на мизинцах. Акт братания иногда скреплялся и церковью, поэтому такой союз назывался также «братством во евангелии». Побратавшиеся таким образом азги, если даже и не всегда состояли в союзе, то во всяком случае при посредничестве своих побратавшихся членов сохраняли нейтралитет по отношению друг к другу.

Характерной особенностью азга была взаимопомощь. Она оказывалась во время постройки дома, выполнения многих сельскохозяйственных работ, во время обручения и свадьбы и пр. Однако обычай «помочи» превращался нередко в ширму для прикрытия эксплуатации. Не имевший плуга или тягловых животных бедняк становился фактически батраком своего родственника-кулака за то, что одолжил у него на полдня пахоты плуг и быков.

Идеологическая сила азга как целого, объединяющего преемственные поколения одного очага, проявлялась и в том, что после смерти данного поколения последующее потомство продолжало поддерживать взаимные связи. Азг обычно не имел своего отдельного кладбища, но на общих кладбищах он создавал ряды могил своих членов.

Стремление к изоляции и сплоченности кровнородственного азга исчезло среди армян окончательно в СССР вследствие уничтожения питающей его частной собственности. Перестав в наши дни быть оплотом индивида, азговые связи в Армянской ССР перешли в такую форму родственных связей, которые способствуют согласию и миру между родственными и соседними семьями.

Х Р О Н И К А

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ

19 июня 1951 г. состоялась защита кандидатской диссертации научн. сотрудн. Государственного исторического музея С. К. Жегаловой на тему: «Крестьянское жилище Нижегородской губернии в середине XIX века». Официальными оппонентами выступили: доктор историч. наук С. А. Токарев и кандидат историч. наук Г. С. Маслова. Основной задачей диссертации было проследить изменения в жилище в зависимости от экономических условий жизни крестьянства в 50—60 гг. XIX в., в период интенсивного развития капиталистических отношений и классового расслоения в деревне. Источниками для работы послужили: представляющие значительную историческую ценность рукописные материалы архива известного писателя Мельникова-Печерского, возглавившего экспедицию по сбору статистических данных по Нижегородскому краю, издания Нижегородского статистического комитета, ряд других печатных изданий, в том числе и художественная литература (произведения того же Мельникова-Печерского, богатые этнографическими данными), этнографическая литература, дающая типологию жилищ и сравнительный материал, а также полевые исследования автора и коллекции Государственного исторического музея. Основное же руководящее значение при написании работы имел труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», широко использованный диссертанткой.

К числу достоинств работы оппоненты отнесли в первую очередь последовательно проводимый ее автором историзм и анализ связи развития жилища с комплексом других явлений, в особенности с хозяйственной жизнью края. Автором впервые обобщены данные о постройках одной из интереснейших в этом отношении областей Среднего Поволжья, сказала Г. С. Маслова. Дана обстоятельная характеристика архитектуры дома, его планировки, прослежен ряд процессов, происходивших в середине XIX в.: замена курной избы «белой» избой, развитие клети в горенку, наличие подсобных производственных мастерских, нередко соединявшихся с жильем, и т. д. Диссертантка прослеживает значительно большее расслоение крестьянства в промышленных районах по сравнению с земельными, что нашло отражение в постройках; она устанавливает связь в распространении «белых» изб с развитием промыслов, отмечает преобладание курных изб в сельскохозяйственных районах. Главное достоинство обсуждаемой диссертации, сказал С. А. Токарев, в том, что автор ее с особой рельефностью анализирует те стороны данной проблемы, которые обычно остаются в тени в этнографических работах: связь народного жилища и типов поселений с экономическим развитием, с социальной дифференциацией крестьянства, влияние развивающихся капиталистических отношений на изменения в формах жилищ. Но именно с этим достоинством данной работы связан, по мнению оппонента, и наиболее существенный ее недочет. Увлечение автора историко-экономическим анализом обусловило некоторую односторонность исследования. Почти совершенно вне поля внимания диссертантки осталась наиболее важная для этнографа сторона — выявление отражающихся в народном жилище историко-культурных этнических связей, национальных особенностей отдельных народов. Диссертантка не делает попытки выяснить, из каких этнических элементов — славянских и неславянских — сложилось население интересующей ее области, какие этнические традиции могли принести с собой эти различные компоненты, как они отразились в бытовых формах народных построек. Сложный этнический состав края (кроме русских — мари, мордва-эрзя, мордва-терюхане, татары) не мог не отразиться на постройках, их типе, планировке и т. д.; в диссертации же не выделены особенности жилища различных этнических групп населения. Диссертантка, отметила Г. С. Маслова, дает слишком общее определение жилища бывшей Нижегородской губернии как северновеликорусского. Между тем приведенные в диссертации данные позволяют выделить несколько комплексов: 1) комплекс южной культуры жилища (открытый двор, четырехскатная самцовая крыша, так называемый южновеликорусский план, общий с планом мордовского жилища); 2) ярко выраженный комплекс северновеликорусского жилища; 3) сильный слой (как в типе дома,

так и в планировке и других элементах), указывающий на связь с культурой Москвы. Вместе с тем в исследуемом жилище немало черт, составляющих характерные особенности построек Среднего и Верхнего Поволжья, отличающих их от построек других областей. В жилище бывшей Нижегородской губернии XIX в. еще ярко были выражены элементы, восходящие к древним местным традициям в виде жилища-полуземлянки, характерного для восточной части южновеликорусских областей и территории мордвы, отмечались традиции свайных построек, восходящие к неолитическому периоду лесной полосы Восточной Европы. С другой стороны диссертантка исследование развития жилища и поселений не ставит в связь ни с характером семьи того времени, ни с наличием общины. Между тем и общинный, и семейный быт населения несомненно отражался на постройках; середина XIX в. была тем переломным периодом, когда усилился процесс разложения большой семьи и общины.

В числе более мелких недочетов оппоненты указали на то, что диссертанткой мало внимания уделено хозяйственным постройкам; в разделе, посвященном технике строительства, несколько более разработан вопрос о типах конструкции крыши, но другие стороны освещены недостаточно; диссертанткой установлен ряд фактов о времени вытеснения домового резьбы, о ее мастерах, о связи ее с искусством корабельной резьбы, но недостаточно места уделено богатейшей орнаментике поволжской резьбы. Все указанные недостатки, подчеркнули оппоненты, отнюдь не обесценивают диссертацию С. К. Жегаловой и легко устранимы при дальнейшей подготовке работы к печати, чего она несомненно заслуживает.

В результате обсуждения представленной диссертации Ученый совет Института присудил С. К. Жегаловой ученую степень кандидата исторических наук.

26 июня окончившей аспирантуру Института этнографии Н. Р. Гусевой в защиту кандидатская диссертация на тему «Этнический состав населения южной Индии». Как указали официальные оппоненты — доктор историч. наук А. М. Дьяков и доктор биол. наук Г. Ф. Дебец, диссертантка, опираясь на учение И. В. Сталина о нации и национальном вопросе, сумела найти правильное решение поставленных перед собой задач. В результате критической разработки, систематизации и сопоставления многочисленных, но крайне запутанных данных английской статистики и этнографии Н. Р. Гусева выделяет в южной Индии четыре основных национальных массива — телугу, тамила, малаяли и каннара, затем небольшой народ тулу, насчитывающий до 600 тыс. чел., и ряд мелких по численности племен. Упомянутые четыре основных национальных массива, указывает диссертантка, стараниями английских колонизаторов изрезать страну множеством границ, удобных для целей их административной деятельности, оказались разделенными по разным административно-территориальным единицам, в результате чего нарушены единство исторического процесса их развития, целостность их экономики, их национальное единство и — чего в основном добивались колонизаторы, — нарушена целостность развития их национально-освободительной борьбы. Тем не менее в южной Индии в настоящее время имеет место острая антифеодалная и национально-освободительная борьба, и уже одно это, указал А. М. Дьяков, определяет актуальность работы, продланной Н. Р. Гусевой.

Оппоненты весьма положительно оценили представленную работу. Диссертантка сказала А. М. Дьяков, не ограничиваясь этнографическим описанием рассматриваемых ею народов, дает необходимые сведения и об их истории, экономике, литературе и искусстве, национально-освободительном движении; относительно последнего данные почерпнуты автором из индийской, главным образом коммунистической, печати. На примере южной Индии Н. Р. Гусева разоблачает реакционную национальную политику современного индийского правительства, являющуюся продолжением политики английского империализма. Рассматривая вопрос о кастах, диссертантка убедительно показывает, что у каждого из народов Индии кастовая система имеет свои специфические особенности, и фактически нет каст, общих для всех ее народов; даже такая якобы всеиндийская каста, как брахманы, делится на национальные группы, представляющие собой по существу отдельные касты. Установление этого факта является весьма действенным ударом по имеющей хождение в буржуазной литературе расистской теории каст; Н. Р. Гусева показала, что никакого этнического родства между представителями одинаковых профессиональных каст различных народов Индии нет. На примере южной Индии диссертантка опровергает также широко распространенное в буржуазной этнографической литературе мнение о чрезвычайной прочности кастовой системы, опровергает и протаскиваемое апологетами английского империализма представление о том, что численность каст непрерывно растет с развитием капитализма и ростом общественного разделения труда. Она показывает, что хотя имеются факты образования новых профессиональных каст (например, каста мороженщиков), все же основной тенденцией является постепенное «размывание» каст, особенно в городах. Интересны приводимые диссертанткой данные о попытках кастовой верхушки сохранить касту путем укрупнения, объединения ее с другими родственными по профессии кастами. Н. Р. Гусева показывает двойкий характер кастовых политических и культурно-просветительных организаций: с одной стороны они, будучи созданы по кастовому признаку, являются помехой для создания классовых организаций рабочих и крестьян и потому носят реакционный характер; с другой стороны, в некоторых случаях создание кастовых организаций — батраков, например, — служит первым

агом к активной защите ими своих классовых интересов. Организации же высших каст являются сугубо реакционными. Очень интересно, по мнению оппонента, показано в обсуждаемой работе переплетение довольно развитых в ряде районов Индии капиталистических отношений с сильнейшими пережитками докапиталистических формаций.

При в общем бесспорных достоинствах диссертации, сказал далее А. М. Дьяков, ней имеется ряд спорных мест и недочетов. Так, оппонент считает весьма спорным утверждение о том, что образование каст на юге Индии произошло в результате влияния брахманизированных народов севера. Это утверждение противоречит всей концепции диссертантки и в известной мере является отголоском теории, выводящей асты из религии индуизма. Кастовые системы получили особенное развитие именно на юге, на севере же не было такого резкого кастового разделения. Вызывает сомнение также мысль автора о том, что кастовое деление произошло в результате усвоения ремесла отдельными племенами и родовыми группами; это приводит к концепции племенного происхождения каст, сама же диссертантка доказывает, что только некоторые касты, главным образом не профессиональные и ремесленные, а батрацкие, осходят к племенам. В вопросе о возникновении каст оппонент стоит на точке зрения, что касты образовались в результате сословного деления индийского феодального общества. В работе не показана связь кастового деления с разделением труда внутри сельской общины; между тем, вероятно, именно сельская община явилась местом возникновения кастового строя. В работе приводится немало данных, заставляющих думать, что иерархия земледельческих каст отражает разные формы феодального земледержания, однако соответствующих выводов из этого автор не делает. Неудачным считает оппонент выражение «поглощение касты классом»: процесс здесь гораздо позднее, и не вся каста поглощается одним каким-либо классом, а развитие капитализма влечет за собой классовое расслоение внутри касты.

Г. Ф. Дебеч, дав высокую оценку диссертации в целом, заявил, что у него нет принципиальных возражений против основных положений диссертантки, но некоторые из этих положений, будучи в своей основе правильными, требуют большего обоснования. В выводах об этническом составе населения южной Индии Н. Р. Гусева целиком следует за лингвистической классификацией. Действительно, язык является, как известно, наиболее важным и характерным признаком нации. Коммунистическая партия Индии в последних постановлениях по национальному вопросу неизменно выдвигает требование создания национальных единиц; среди них упоминаются именно те народы, которые диссертантка считает основными в южной Индии и находящимися на пути к национальной консолидации. Однако, как ни важен критерий языка при определении нации, но он не единственный. Это особенно нужно помнить в отношении колониальных народов, борющихся за свое освобождение от империалистического ига. В процессе формирования наций в колониальных странах имеются специфические особенности, отличные от тех, которые имели место в капиталистической Европе. Одной из движущих сил национально-освободительной борьбы является борьба за свободное развитие национальной культуры. В ходе этой борьбы развивается не только классовое, но и культурное сближение отдельных народов, иногда различающихся по языку. В связи с этим в широких массах трудящихся наблюдаются тенденции к образованию общего литературного языка. Такое явление имело место, например, в Грузии, где грузинский язык стал литературным также для мегрелов и сванов, народно-разговорный язык которых сильно отличается от грузинского. Нечто подобное имеет место и в Индонезии. В Индии особенно ярко проявляется далеко идущая общность культуры разноразличных народов. Эта общность имеет глубокие исторические корни, она сложилась и укрепилась не только в борьбе против английского империализма, но еще раньше, в борьбе против завоевателей предшествующих эпох. Поэтому в вопросе о национальной консолидации народов южной Индии нельзя слепо следовать целиком за лингвистической классификацией, необходимо привлечь и другие данные.

В более подробных доказательствах, продолжал Г. Ф. Дебеч, нуждается и другой, тоже в общем верный тезис диссертантки. Она правильно указывает, что религиозные различия не имеют значения для определения этнического состава населения, что попытки выделения мусульманских групп в Индии являются одной из форм проявления антинародных тенденций как английской, так и индийской буржуазии. Однако религиозные различия, сами по себе не являющиеся признаком нации, иногда отражают глубокие различия в истории и культуре, с которыми нельзя не считаться. В своих заключительных выводах оппоненты признали, что в результате проведенной работы диссертантка написала нужный и полезный труд, издание которого внесет серьезным вкладом в индоведческую литературу. Н. Р. Гусевой присуждена степень кандидата исторических наук.

26 июня старший преподаватель Кыргызского государственного педагогического института А. Ф. Бурковский защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Техника современных домашних промыслов и ремесел в кыргызских колхозах». Работа, написанная на основе личных сборов автора в северных областях Кыргызии, с привлечением большого количества архивных и литературных данных, а также музейных коллекций, является первой попыткой дать систематическое описание кыргызских домашних производств и, по отзывам официальных оппонентов — доктора историч. наук

А. Н. Бернштама и кандидата историч. наук Е. М. Шиллинга, представляет собой солидный труд, интересный не только для специалистов, но и для более широкого круга лиц, занимающихся историей материальной культуры народов СССР. Структура работы и основное ее содержание тщательно продуманы. В основных главах даются обширные материалы, впервые вводимые в научный оборот в таком целом подборе. Перед читателем, сказал Е. М. Шиллинг, разворачивается ряд оригинальных киргизских производств в их настоящем и прошлом, описываются разнообразие технические приемы, инструменты и оборудование, производственные процессы и самые изделия; в ряде случаев даются характеристики и краткие биографии мастеров; высказываются соображения о дальнейших перспективах развития этих ремесел. Материалы некоторых разделов представляют особенный интерес, так как до сих пор были либо недостаточно, либо вовсе не отражены в существующей литературе. Данные А. Ф. Бурковского показывают, что у северных киргизов большее развитие получила техника валяния шерсти и сравнительно меньшее — техника шерстяного ткачества; этим северные киргизы сильно отличаются от соседних с ними узбеков и от народов Кавказа. Интересный материал представлен А. Ф. Бурковским в описании выделки кожаных сосудов и производства деревянного остова юрт. Своеобразный комплекс представляют тщательно собранные диссертантом во время полевой работы данные о златокузнечестве; по этому комплексу можно сделать ряд интересных историко-этнографических заключений.

В общем, заключил оппонент, А. Ф. Бурковский провел большую и успешно завершенную работу, результаты которой, представленные в обсуждаемой диссертации, было бы желательно опубликовать.

Замечания проф. Бернштама касались в основном исторической части работы. Оппонент считает нецелесообразным подробно останавливаться на данной Морганом периодизации истории первобытного общества и особенно на уже подвергнутой критике периодизации В. И. Равдоникаса. Здесь диссертант начинает слишком издалека. Позиции его гораздо более основательны и ближе к теме, когда он далее переходит к изучению высказываний В. И. Ленина и И. В. Сталина по вопросу о промыслах и ремеслах. Останавливаясь вкратце на особенностях ремесленного производства в рабовладельческий и феодальный периоды, диссертант не учитывает разницы в организации ремесла в Западной Европе и в Средней Азии. Неверно также переносить характеристику ремесла в оседлых районах и городах Средней Азии на кочевое полупатриархальное-полуфеодальное хозяйство, имевшее свои закономерности, несмотря на тесные связи кочевой и оседлой полосы, о чем правильно пишет диссертант дальше. По мнению А. Н. Бернштама, в условиях кочевых скотоводства, в условиях длительного отрыва от земледельческих оазисов во время летних перекочевки на пастбища создавались дополнительные условия для сохранения домашних ремесел, наряду с теми общесторонними причинами, о которых пишет автор. Е. М. Шиллинг отметил как недостаток работы чрезмерное ограничение автором своих задач: в рамках исследования нужно было бы включить в какой-то мере и рассмотрение художественной стороны производств, их истории и экономики. По мнению оппонента, автору, приводящему сравнительный материал главным образом по казахам, следовало бы больше внимания уделить сравнениям элементов культуры северных киргизов и узбеков, что дало бы ему возможность ярче оттенить специфические киргизские черты исследуемых ремесел. Высказав ряд замечаний более частного порядка, оба оппонента дали весьма положительную общую оценку обсуждаемой диссертации и высказали пожелание о ее опубликовании. А. Ф. Бурковскому присуждена степень кандидата исторических наук.

О. Корб

ВЫСТАВКА КИТАЙСКОГО ЛУБКА

В Ленинграде в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР в сентябре 1951 г. открылась выставка китайского лубка, подготовленная сотрудниками сектора Восточной и Южной Азии под руководством Г. Г. Стратановича.

Выставка вызвала заслуженный интерес посетителей Музея и встретила сочувственные отклики в ленинградской прессе.

Лубок издавна был в Китае одной из наиболее ярких народных форм национального изобразительного искусства. Дешевый, доходчивый, понятный по сюжету и оформлению широким слоям населения, лубок в миллионах экземпляров расходился по стране и был непременным украшением дома в дни праздников.

Выполнялся лубок обычно на рисовой бумаге в технике ксилографии (т. е. путем оттиска на бумаге изображения, предварительно вырезанного на доске и смазанного красками).

Основными центрами производства лубка в Китае были Пекин и Шанхай, где наметилась известная специализация школ мастеров лубка. Пекинские мастера

ерживались в рисунке традиционных приемов стилизации старинного лубка. Шанхайские мастера отходили к европейской манере передачи изображения, а в технике изготовления лубка — от ксилографии к олеографии (печатание хромолитографским пособием).

В самом Китае имеется бесчисленное множество образцов лубка, разнообразных по содержанию и технике исполнения. На выставке (насчитывающей 180 экспонатов) оказаны важнейшие виды.

Выставка состоит из двух разделов: китайского старинного лубка, отобранного из богатейшей коллекции, поступившей в Музей от академика В. М. Алексеева, и китайского современного лубка, переданного Музеем Обществом китайско-советской дружбы.

Старинный лубок, экспонированный на выставке, разбит по сюжету на следующие группы: 1) культовый, 2) благожелательный, 3) бытовой, 4) новогодний, 5) исторический и 6) пейзажный.

В разделе культового лубка представлены дешевые иконы, шаблонно и скупо изображающие божеств; иконы наклеивались на стену жилой комнаты и менялись перед новым годом, а изображения некоторых божеств, как, например, уди-шэнь — духа-хранителя местности, — выставлялись в небольших кумирнях китайских деревень и на дорогах.

Своей красочностью привлекает посетителя благожелательный лубок — искусная композиция изображений, символизирующих пожелания долголетия (символы: сосна, ирис, бамбук, персик и т. д.), богатства (пион, лошадь с драгоценностями, жаба-чань) и др.), многочисленного мужского потомства (плод граната), счастливого супружества (пара уток, феникс и дракон), успехов на служебном поприще (карп, ивовничья шляпа) и др. Иногда пожелания передаются омофонически, т. е. изображениями тех животных, птиц и т. п., иероглифы которых читаются созвучно с иероглифами «счастье» (сорока, бабочка), «богатство» (летучая мышь) и др.

Перед новым годом или свадьбой благожелательным лубком украшают комнаты, посылают его друзьям и знакомым.

Наиболее типичная картина в этом разделе — «Почетная старость», на которой изображен зал предков и в нем семья, собравшаяся чествовать прадеда. В правой части зала составлены два стола, на них третий, за которым расположились «шошюу» — сказитель, прославляющий прадеда, и музыкант — его помощник (перед «шошюуды» лежит сяньцзы). Вокруг прадеда — пять женщин, четверо мужчин разных возрастов и мальчуган.

На лубке «Пожелания счастья, долголетия и многочисленного мужского потомства» изображены три упитанных жизнерадостных мальчика. На головах у них, по обычаю, три косички, обвязанные красными шнурками. Изображение мальчиков — пожелание мужского потомства. В старой китайской семье обычно больше желали рождения мальчика, чем девочки, ибо мальчик — продолжатель рода, опора семьи. Один из мальчиков держит гранат — пожелание иметь столько детей, сколько зерен гранате, у второго мальчика — персик, символ долголетия, у третьего — плод фую, символ богатства.

С благожелательным лубком перекликается новогодний лубок, изображающий ародные празднества, особенно карнавалы, и зачастую содержащий (как сопутствующий элемент) благожелательные изображения и надписи. Таковы представленные в этом разделе картины «Новогодний уличный карнавал», «Домашний театр», «Карнавал во время праздника фонарей», «Новогодние гуляния в Шанхае» и другие.

Большое место в старинном китайском лубке занимают картины на исторические темы, воспроизводящие памятные события древности и недалекого прошлого. Наиболее распространены лубочные картины батального содержания. Таков, например, батальный лубок 1890-х гг., отражающий события франко-китайской войны 1884 г. — Парад перед сражением» и японо-китайской войны 1894—1895 гг. с изображением военных действий на острове Тайвань и в Корее — «Освобождение китайскими войсками Кореи» (штурм крепости, захваченной японцами), «Победа над японцами на острове Тайвань», «Разгром японских военно-морских и сухопутных сил на Пэнхуле-дао» (Пескадорских островах), «Допрос пленных японцев» и другие.

Большой интерес представляет лубок «Корейцы, поддержанные Китаем, противостоят врагам». На узком длинном лубке слева изображены китайцы и корейцы, встретившие врага — японцев — дружным залпом из огнестрельного оружия. Ряды японцев, расположенных на правой половине лубка, дрогнули, и многие уже начинают отступать.

Исторический лубок часто представляет собой иллюстрацию к историческим романам и произведениям фольклора. Оформлен он обычно как сцена из пьесы. Объясняется это тем, что трудящиеся Китая до образования народной республики, были в подавляющем большинстве неграмотными и знакомились с действующими лицами романов и преданий через театральные сцены (театрализованный лубок).

В этом разделе представлены иллюстрации к легендам «О том, как Юй Бо-я, отню разбив, протиснулся с понявшим звук» и «О трех могучих» («Чжаочжоуский вест»), к романам «Саньгочжи» («Ми Ду принимает Чжао Юя» и «Озеро лотосов»), «Прощай, Чантин», «Гора десяти драконов», к пьесам «Холм Будды», «Долгий склон», «Бьет в цветочный барабан» и др.

Бытовой лубок конца XIX в. (реалистический в основе) посвящен изображению картин городской жизни, домашнего быта, уличных сцен: «На р. Янцзы. Прибытие парохода», «Тяньцзинь. Набережная», «Вышивают панно», «В классе, когда наставник вздремнул», «На улице города зимой» и другие. Интересен лубок «Первая железная дорога», где изображен примитивный паровоз с четырьмя пассажирскими вагонами. Поезд подходит к станции. Паровозная бригада — два европейца в шляпах, пассажиры — китайцы. На станции группа китайцев с любопытством рассматривает поезд. Лубок достаточно убедительно говорит о раннем проникновении иностранного капитала в экономику Китая.

Пейзаж редко бывает самостоятельной темой лубка. Обычно он используется как фон. Представленный на выставке чисто пейзажный лубок отличается большой выразительностью, например, «На берегу озера», «Острова Пэнлай», «Зимний деревенский пейзаж», «Весенний пейзаж».

Рис. 2. «Слава героям производства!». Рабочие приветствуют героя труда, установившего новый производственный рекорд

Худ. Гуань Цзянь

Особое место на выставке занял современный лубок (1950), составляющий заключительный раздел выставки. С победой китайской революции и созданием Китайской Народной Республики лубок, как и все виды народного изобразительного искусства, получил наилучшие условия для развития. По характеру он примыкает к политическому плакату и широко используется для массовой агитации.

Изменился и самый внешний вид лубка. Хотя в некоторых случаях еще сохраняется старая манера передачи рисунка и используются привычные благожелательные символы, все же общий характер исполнения становится иным, вследствие изменения техники производства лубка, который стал выполняться в форме гравюры и печататься типографским способом.

Лубок перестает быть безымянным творчеством, над лубком работают мастера гравюры на дереве и линолеуме — Янь Хань, Гу Юань и другие. Имена их широко известны в народе.

Особенно значительны изменения в тематике лубка. Она стала целеустремленной и политически заостренной. Содержание современного лубка связано со всемирно-исторической победой китайского народа, открывшей новую эпоху в его истории. Лубок отражает строительство новой жизни в демократическом Китае, дружбу народов, борьбу за мир.

Современный китайский лубок распределен на выставке по следующим темам: 1) героическая борьба Народно-освободительной армии; 2) ликвидация помещичьего землевладения; 3) свободный труд на освобожденной земле; 4) китайский народ слепит свою коммунистическую партию.

Батальный лубок-гравюра передает эпизоды героической борьбы Народно-освободительной армии Китая — «Переправа через Хуанхэ», «Бои на Янцзы», «Освобождение Тайваня!»

Рис. 1. Конфуций странствует по удельным княжествам Китая (V в. до н. э.)

男男女女老幼都来拥护毛主席

Рис. 3. «Все народы Китая объединяются вокруг председателя
Мао Цзэ-дуна».

Худ. У Энъ

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Рис. 4. Крестьяне рассматривают плакат, посвященный советско-китайской дружбе.

Худ. Го Цзюнь.

Тепло звучит тема единства армии и народа. Эту тему ярко отражают лубки «Армия и народ — одна семья», «Армия помогает крестьянам в уборке урожая», «Крестьяне шьют обувь бойцам Народно-освободительной армии», «Письма и подарки бойцам Народно-освободительной армии».

Излюбленной темой современного лубка становятся демократические преобразования — «Союз рабочих и крестьян», «Выборы народной власти», «Выборы руководителей крестьянского союза».

Огромную работу проводят народное правительство и коммунистическая партия Китая по подъему промышленности, что нашло отражение в гравюрах: «Рабочие приветствуют героя труда, установившего новый производственный рекорд», «Техническое обучение ткачеству в кооперативной мастерской», «Слава героям производства!», «Приветствуют героя труда — участника совещания в Пекине».

Рис. 5. «Все силы на учебу, на подъем культуры!»

Худ. Сяо Су

Многообразно и красочно показаны в современном лубке земельные преобразования, в корне изменившие жизнь крестьян. Из лубков, посвященных этой теме, можно отметить «Расчет с помещиком», «Наделение крестьян землей», «Уборка урожая бригадой взаимопомощи», «Богатый урожай — результат свободного труда», «Благополучие пришло в крестьянскую семью».

Вот лубок-гравюра «На полях государственного хозяйства». Художник Дин Юй изобразил на первом плане на фоне созревшего хлеба часть перепаханного поля и трактор, который обступили крестьяне, крестьянки и дети, впервые видящие механизированную обработку земли. Справа идет уборка урожая комбайном. На втором плане, за полем, видны корпуса государственного завода.

В лубке-гравюре художника Чжан Цзянь-вэнь нашла отражение тема развития товарооборота между городом и деревней. Гравюра разделена на две половины. Справа изображен рабочий в синей спецовке с кипами разноцветной ткани на плече. Он ведет под уздцы лошадь, нагруженную частями сельскохозяйственных орудий. Слева изображен крестьянин с тюком хлопка на спине. Он ведет лошадь, на которую погружены мешки с зерном и овощами. Крестьянин и рабочий идут навстречу друг другу.

Дружба народов Китая отражена в лубках: «Крепнет дружба китайского и монгольского народов», «Да здравствует нерушимая дружба народов Китая», «Глава делегации народов провинции Синьцзян преподносит товарищу Мао Цзэ-дуну почетный халат как символ сплочения народов Китая вокруг коммунистической партии и правительства Республики».

Культурное строительство в Китайской Народной Республике отражено в лубках: «Учатся и взрослые и дети», «Народам Китая открыт путь к овладению знаниями», «Новые времена, новые песни».

С большой силой звучит в лубке тема борьбы за мир. Такова гравюра «Крестьяне подписывают Стокгольмское воззвание».

Ярко отражает китайский лубок любовь народов Китая к своему вождю и главе правительства Мао Цзэ-дуну. Этой теме посвящена гравюра «Народы Китая славят

коммунистическую партию и ее руководителя, вождя китайского народа — Мао Цзэ-дуна».

В лубке-гравюре художника Чжао Минь найдено выражение тема советско-китайской дружбы. Художник изобразил демонстрацию детей. Одни из них одеты в военную форму с касками на головах, другие — в одежду крестьян и рабочих. Высоко над головами дети несут портреты И. В. Сталина и Мао Цзэ-дуна. За портретом И. В. Сталина видны, советские государственные флаги, а за портретом Мао Цзэ-дуна — флаги Китайской Народной Республики. Между портретами на заднем плане транспарант с надписью: «Да здравствует советско-китайская дружба!».

Рис. 6. Крестьяне подносят подарки членам первой советской делегации деятелей науки, культуры и искусства

Худ. Дэн Шу

Таков современный китайский лубок и его тематика, отражающая грандиозные сдвиги, происшедшие в жизни великого китайского народа, идущего по новому световому пути под руководством коммунистической партии и ее вождя Мао Цзэ-дуна — верного ученика великого Сталина.

Н. В. Кюнёр
Г. А. Гловацкий

ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ НА МЕСТАХ ПОСЛЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ 1951 г.

Редакция журнала «Советская этнография» обратилась к местным этнографическим учреждениям с просьбой сообщить о работе, проделанной после прошедшего в январе — феврале 1951 г. Этнографического совещания, созванного по инициативе Института этнографии Академии Наук СССР. Ниже помещаем ответы этих учреждений:

Институт этнографии и фольклора Академии Наук Латвийской ССР

Осуществляя решения совещания советских этнографов, коллектив сотрудников Института этнографии и фольклора Академии Наук Латвийской ССР в течение 1951 г. проделал значительную работу по улучшению исследования этнографических проблем. На открытых заседаниях Ученого совета были обсуждены вопросы о состоянии и задачах латвийской этнографии в свете гениальных трудов товарища Сталина в области языкознания, в соответствии с решениями указанного совещания. Этим вопросам были посвящены также доклады проф. д-ра Р. Пельше, проф.

д-ра В. Чичерова и других на конференции фольклористов Советской Прибалтики (25—29 марта 1951 г.) и несколько выступлений проф. Р. Пельше на конференциях Академии Наук Латвийской ССР. Материалы этих совещаний частично опубликованы в республиканской печати (в частности, статья Р. А. Пельше «Труды И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ и фольклористика»), частично войдут в состав «Трудов» Института, подготовляемых к изданию. На заседаниях Ученого совета Института были проведены дискуссии по проблеме базиса и надстройки в народном искусстве, по вопросу о его национальной специфике и другие. С докладами на эти темы выступили проф. д-р Р. Пельше, канд. филолог. наук Я. Ниедре, канд. филолог. наук А. Озолс, научные сотрудники Института Б. Инфантьев, Х. Вайта и другие.

После Этнографического совещания в качестве центральной научно-исследовательской проблемы Института выдвинуто изучение быта, культуры и народного творчества рабочих и колхозников Советской Латвии. Это явилось основной темой научной экспедиции Института, проведенной в июне—июле 1951 г. в Бауском районе, а также многочисленных командировок сотрудников Института, осуществленных в 1951 г. в различные районы республики (Вальмерский, Огрский, Резекненский, Алуксненский, Кандавский, Тукумский, Алсунгский, Елгавский, Добельский, Бауский, Лигатский, Цесисский, Екабпилский и другие). В экспедиции и отдельных командировках были собраны обширные материалы по строительству колхозных центров, по народной одежде и орнаменту, по проведению различных советских праздников, по быту и культуре, а также по народному художественному творчеству (словесному, музыкальному, хореографическому и прикладному) рабочих и колхозников в различных районах Советской Латвии. Собранные материалы (600 листов описей, 200 фотоснимков, 40 зарисовок, 40 этнографических предметов, около 4000 единиц произведений народного творчества) являются ценным источником для выявления новых черт в социалистическом быте и культуре рабочих и колхозников Латвии, наглядно показывают борьбу и победу нового, социалистического, над старым во всех областях жизни латышского города и деревни. В экспедиции 1951 г. впервые был широко привлечен к научно-исследовательской работе актив этнографов и фольклористов: студенты Латвийского государственного университета, Латвийской государственной консерватории, Латвийской сельскохозяйственной академии, Латвийского педагогического института, а также работники Центрального исторического музея и методического кабинета Комитета по делам культурно-просветительных учреждений. Впервые был использован магнитофон для записи песен и рассказов.

В соответствии с решениями Этнографического совещания, работники Института во время и после экспедиции расширили сотрудничество с культурно-просветительными учреждениями (краеведческими музеями, библиотеками, народными домами). С этой целью в Бауском Доме культуры была проведена выездная научная сессия Института, во время которой его сотрудники: (проф. д-р Р. Пельше, канд. филол. наук Я. Ниедре и др.) ознакомили широкие круги города и района с основами изучения национальной культуры, с задачами и методами советской этнографии, с целью и работой экспедиции. На сессии был заслушан ряд докладов местных работников (учителей, музейных работников и др.) и создан научно-исследовательский центр для дальнейшего изучения этнографии района, а также для помощи творческой народной художественной самодеятельности; сюда вошли представители местных школ, культурно-просветительных учреждений и общественных организаций. Подобные центры в дальнейшем были созданы и в некоторых других районах республики (Алсунга, Лиелварде). Сотрудники Института с целью оказания помощи краеведческим музеям прочли серию докладов по вопросам собирания этнографического материала и их экспозиции, по вопросам помощи художественному творчеству; доклады прочитаны на конференциях и семинарах работников культурно-просветительных учреждений, на заседаниях Ученого совета Исторического музея и Музея народного быта Латвийской ССР, на заседаниях художественных советов Республиканского дома народного творчества. В целях лучшей координации работы в области этнографии и фольклора по инициативе Института созданы две координационные комиссии (по этнографии и по художественному творчеству), в которых принимают участие представители научно-исследовательских, культурно-просветительных учреждений и Союзов советских писателей, композиторов и художников Латвийской ССР.

Наряду с этой основной работой сотрудники Института разрабатывали вопросы историографии латышской этнографии (в частности, о роли русской науки в ее развитии), вопросы русско-латышских взаимоотношений в области народного творчества, вопросы истории латышского народного творчества.

Большое внимание Институт уделял подготовке кадров по этнографии, поскольку на одно высшее учебное заведение Латвийской ССР до сих пор этим не занимается. Институт организовал цикл лекций и семинарских занятий по общей этнографии (руководитель — Я. Ниедре) для сотрудников Института и республиканских музеев; сотрудниками Института заслушана лекция проф. П. Кушнера по вопросам исследования быта и культуры рабочих и колхозников Латвийской ССР.

Однако не все постановления Этнографического совещания Институт смог выполнить. До сих пор почти ничего не сделано в области исследования этногенеза и антропологии латышей, в области изучения их дофеодалной культуры и искусства.

Хотя Президиум Академии Наук создал с целью координации работ по этнографии, антропологии и истории специальную комиссию, однако она до сих пор никакой работы не провела. Латвийские этнографы рассчитывают на помощь центральных учреждений в разработке вопросов этногенеза и антропологии латышей.

В. Менце, Научный секретарь Института этнографии и фольклора Академии Наук Латвийской ССР

Сектор этнографии Института истории, археологии и этнографии Академии Наук Таджикской ССР

1951 год был первым годом работы после Этнографического совещания в Таджикистане он начался был обсуждением на Ученом совете Института истории, языка и литературы Таджикского филиала Академии Наук СССР сообщения о результатах совещания и о задачах, стоящих перед советскими этнографами, сделанного участницей совещания, канд. истор. наук А. К. Писарчик.

В этом году произошли значительные изменения в структуре Института. В связи с открытием в апреле 1951 г. Академии Наук Таджикской ССР, из бывшего Института истории, языка и литературы выделен сектор истории, преобразованный в самостоятельный Институт истории, археологии и этнографии, в котором создан сектор этнографии со штатом в шесть человек. Таким образом, этнографы Таджикистана получили большие возможности для расширения работы и выполнения стоящих перед ними серьезных задач.

Работа таджикстанских этнографов осуществлялась в истекшем году по следующим направлениям.

1. Изучение быта передового колхоза Ленинабадской области. Это работа, начатая с 1950 г., осуществляется Институтом совместно с таджикским отрядом Памиро-Ферганской комплексной экспедиции Института истории материальной культуры и Института этнографии Академии Наук СССР. От нашего Института в экспедиции работали: научный сотрудник Н. Н. Ершов и студентка Таджикского гос. университета М. Хамиджанова. Н. Н. Ершов занимался сбором материалов по сельскохозяйственным занятиям колхозников «Рохи Сталин» Ленинабадского района: полеводству, садоводству, виноградарству и животноводству, причем, в соответствии с указаниями совещания, большое внимание было уделено выявлению и фиксации рациональных народных знаний и многовекового опыта по выращиванию различных культур, применяющихся в современном колхозном хозяйстве. Аналогичный материал собирался и по животноводству. При этом подробно фиксировалась специальная терминология. Собранные материалы оформляются в научный отчет.

М. Хамиджанова собирала материал по современной колхозной семье.

2. Этнографическое обследование таджиков Ленинабадской области и всей Ферганской долины. Эта работа начата в истекшем году таджикским отрядом Памиро-Ферганской комплексной экспедиции маршрутным обследованием таджикских населенных пунктов в Канибадамском и Исфаринском районах Таджикской ССР и в Сохском районе Узбекской ССР. В маршрутном обследовании принимал участие научный сотрудник Н. Н. Ершов.

3. Обработка научного архива покойного чл.-корр. АН СССР и действ. члена АН Узбекской ССР М. С. Андреева. В 1949 г. начата обработка имеющихся в архиве этнографических материалов по таджикам верховьев Пянджа. Окончательно отредактирован и сдан в Издательство подготовленный М. С. Андреевым еще в 1946 г. первый том монографии «Долина Хуф», посвященный описанию старого быта населения одной из высокогорных долин западного Памира¹. Материал для этой монографии собирался автором с 1901 по 1943 г., когда состоялась последняя под его руководством экспедиция в верховья Пянджа. Являясь представителями того древнего оседлого населения Средней Азии, остатки которого в верховьях Аму-Дарьи сохранили до настоящего времени свои древние языки, хуфцы также сохранили свой особый диалект, входящий в шугнано-рушанскую группу языков, и некоторые особенности быта. В силу географической изолированности долины сильно архаизированный быт и строй жизни ее обитателей сохранялся там более устойчиво, чем в ряде других горных долин западного Памира. Подготовленная к печати работа М. С. Андреева, объемом свыше 20 п. л., снабжена иллюстрациями, предметным указателем и резюме на таджикском языке, а также предисловиями автора и редакции. С 1950 г. старшим научным сотрудником Института А. К. Писарчик ведется работа над оформлением материалов, собранных М. С. Андреевым для второго тома монографии, посвященного материальной культуре хуфцев. В истекшем году оформлялись материалы по основным занятиям хуфцев — земледелию и скотоводству.

¹ Автореферат этого тома монографии опубликован в «Рефератах научно-исследовательских работ за 1945 г. Отделения литературы и языка АН СССР», М.—Л., 1947.

4. Музейная работа. В декабре 1949 г., в дни празднования 25-летнего юбилея Таджикской ССР при Институте истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР был открыт небольшой научный музей археологии и этнографии им. М. С. Андреева. В основу этнографических фондов этого музея легли коллекции, собранные в 1948 и 1949 гг. Кулябской этнографической экспедицией, работавшей под руководством А. К. Писарчик. В 1951 году коллекции музея пополнились рядом новых приобретений из Ленинабадской области, большая часть которых сделана Н. Н. Ершовым во время его экспедиционной поездки. Приобретено несколько вышивок из селения Исфара и г. Ура-тиобе типа «сузани», «руи джо» и «джой-намоз»; наиболее ранние из них относятся ко второй половине XIX в., поздние — к первому десятилетию XX в. Приобретена коллекция мужских поясов «фута» с вышитыми концами и женских вышитых головных платков «румоли дока», бывших лет 50 назад в широком употреблении, а в настоящее время сохранившихся только в качестве принадлежности свадебного наряда невесты или траурного костюма молодой женщины (в зависимости от расцветки вышивки). Небольшая коллекция исфаринских вышитых тибетеек содержит экземпляр, вышитый около 30 лет назад (такие старые тибетейки являются большой редкостью), а также тибетейку с новым орнаментом, представляющим собой стилизованное изображение советского герба. Очень интересен приобретенный Н. Н. Ершовым в Исфаре мужской халат-безрукавка, сшитый во второй половине XIX в. из ткани местной кустарной выделки — «алоча». По своему покрою халат напоминает старинный русский опашень и те халаты с очень короткими рукавами, в какие одеты персонажи на старинных миниатюрах, например, у Бехзада, известного миниатюриста гератской школы XV—XVI вв. Осенью 1951 года научными сотрудниками Института Н. Н. Ершовым и З. А. Широковой была сделана выставка новых приобретений музея.

5. Подготовка кадров. В конце 1951 г. защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата историч. наук два аспиранта-этнографа: Н. Нурджанов на тему «Истоки народного театра у таджиков (по материалам Кулябской области)» и Б. Х. Кармышева. — «Этнографический очерк животноводства у локайцев. Младш. научн. сотрудник М. Рахимов работает над диссертацией на тему «Этнографический очерк земледелия Тавильдаринского района».

Н. Н. Ершов и А. К. Писарчик

Этнографическая работа в Армянской ССР в 1951 г.

В этнографическом отделе им. С. Лисициана Исторического музея Академии Наук Армянской ССР работает шесть научных сотрудников, из них два кандидата историч. наук, один кандидат филологич. наук, два младших научных сотрудника и один старший лаборант. Пятеро из них работают в области армянской этнографии, а один — канд. филологич. наук А. Авдал с 1944 г. занимается вопросами этнографии курдов Армении.

В области собирания предметов материальной культуры значительную работу ведут краеведческие музеи Еревана, Ленинакана, Кировакана, Гориса и другие.

Этнографические вопросы разрабатываются в основном в этнографическом отделе Исторического музея; этими вопросами занимаются также отдельные научные работники некоторых учреждений: Института истории Академии Наук, сектора фольклора Института литературы им. М. Абегяна, сектора искусств, сектора истории медицины Академии Наук, Государственного хранилища рукописей при Совете Министров Армянской ССР (Матенадаран).

Коллектив этнографического отдела Музея в первую очередь работает над следующими основными проблемами: быт и культура колхозного крестьянства и рабочего класса, советская армянская семья, история армянской этнографии, быт курдов езидов Армении. Выбор тем в последние два года отвечал целям коллективного исследования этих проблем.

По плану 1951 г. изучению колхозного крестьянства посвящены работы канд. историч. наук В. А. Бдоjana и младшего научного сотрудника Д. С. Вардumяна. Исследования В. А. Бдоjana «Колхозные народные жилища и подсобные постройки Армении», «Быт колхозной семьи» и Д. С. Вардumяна «Производственная, общественная жизнь и культура армянского колхозного крестьянства» составляют единое целое; авторы стремились выявить изменения в культуре и быте, происшедшие в условиях социалистического строительства, коренным образом преобразившего внутреннюю жизнь и внешний вид армянской деревни. Кандидат историч. наук Э. Т. Карапетян написала исследование «Быт и культура рабочих Армянской ССР», в котором основное внимание уделено росту и развитию рабочего класса и своеобразию их быта. Изучением быта рабочих занимается также младший научный сотрудник В. С. Темурчян, работающий над темой «Быт рабочих Ереванской текстильной промышленности». Канд. филологич. наук А. Авдал написал краткий очерк «Курды Советской Армении» и продолжает работать над темой «Куль и верования езидов и процесс их отмирания в советских условиях».

В связи с необходимостью собирания новых материалов для этих исследований научные работники были командированы весной и летом 1951 г. в Арташатский.

Котайский, Октемберьянский, Апаранский, Алавердский, Нор-Баязетский, Мартунинский, Аштаракский районы и на промышленные объекты Ленинанкана.

На Этнографическом совещании в Москве сотрудниками отдела было прочитано два доклада: В. А. Бдоян «Очерки по истории советской армянской этнографии» и Д. С. Вардumяна «Производственный быт лорийского колхозного крестьянства».

Для участия в научной сессии по этнографии Кавказа (в Махач-кала) этнографический отдел подготовил доклады: В. А. Бдоян «Кровнородственный «азг» и родственные отношения у армян»¹; А. Авдала «Курды Советской Армении»; Д. С. Вардumяна «Семейные отношения колхозников Армении»; В. Темурчяна «Ковроткачество в Армении». Подготовлены к печати статьи: В. А. Бдоян «Семантика термина «азг» и его социальные предпосылки»; Э. Т. Карапетян и Д. С. Вардumяна «Задачи советской армянской этнографии».

Д. С. Вардumян в настоящее время работает над темой для кандидатской диссертации «Быт и культура колхозного крестьянства Лорийского района». Вопросами этногенеза армянского народа занимается старший научный сотрудник Института истории кандидат историч. наук С. Т. Еремян. Старший научный сотрудник Сектора истории и теории искусств канд. искусствоведения С. С. Лисишян работает над монографией «Старинные пляски армянского народа»; лектор К. Мелик-Пашаян закончил работу «Богиня Анаит»; научный сотрудник Матенадарана А. Мнацаканян заканчивает работу «Растительные и растительно-животные мотивы армянского декоративного искусства».

На основе материалов, разбросанных в различных архивах, в литературе и периодической печати, этнографический отдел Музея предпринял в 1951 г. составление обширного научного сборника армянских народных игр. Над ним работают В. Бдоян и сотрудница отдела Н. Т. Торамян. Она же составляет этнографическую библиографию и продолжает начатую в прошлые годы работу по классификации этнографических предметов музейного фонда.

В. Бдоян

Антропологические исследования, проведенные Крымским филиалом АН СССР со времени Этнографического совещания в Москве

Одной из основных задач антропологических исследований в Крыму является изучение морфологических особенностей костных остатков древнего и средневекового населения Крыма в целях уточнения этнической принадлежности племен и народностей, населявших Таврический полуостров в те времена. Это поможет разрешению сложного вопроса о генетической связи между отдельными племенами и народами, населявшими территорию Северного Причерноморья, включая и Крым, в разные исторические эпохи.

В 1951 г. подведены итоги статистической обработке и исследованию костного материала, полученного в 1950 г. из раскопок в районе Инкермана (из Чернореченского могильника II—IV вв. н. э. и средневекового могильника у Каламиты XIII—XIV вв.). Составлен отчет о проведенных раскопках и собранном антропологическом материале. В статье «Новые антропологические данные о составе населения Неаполя Скифского и юго-западного Крыма древнего и раннесредневекового времени» изложены результаты исследования костного материала из могильника в долине Черной речки, а также результаты исследования черепов Неаполя Скифского II—I вв. до н. э. и I—III вв. н. э., Пычки и Чуфут-Кале, датируемых V—VII вв. н. э. О результатах исследования костного материала, добытого из раскопок в Крыму, помимо сообщения, сделанного на Этнографическом совещании в Москве, прочитаны доклады на конференции в Областном краеведческом музее гор. Симферополя и на совещании научных сотрудников музея Пещерных городов гор. Бахчисарая.

В 1951 г. продолжались раскопки Алуштинского средневекового могильника, начатые в предыдущем году. Из раскопок получен ценный антропологический и археологический материал. В Алуштинском краеведческом музее проведена антропометрическая обработка черепов из раскопок 1950 г. После раскопок 1951 г. проведены наблюдения за строительно-земляными работами на могильнике, в процессе которых обнаружен ряд неповрежденных могил, расположенных в более глубоких слоях могильника и представляющих более древний ярус. В этих могилах костный материал сохранился значительно хуже, тем не менее удалось обнаружить около 10 черепов удовлетворительной сохранности. Всего из Алуштинского могильника добыто около 70 черепов, значительная часть которых деформирована. По предварительным данным, вся серия черепов из могильника брахикранной формы; в деформированных черепах брахикранный выражен слабее. Черепной указатель на недеформированных черепах 85—87, на деформированных — 82 и ниже. Среди деформированных черепов имеется значительный процент детских. Все добытые черепа европеоидные, черепов с монголоидными признаками не обнаружено. Судя по археологическим данным, могильник в Алуште принадлежит позднесредневековому христианскому населению, о чем сви-

¹ В сокращенном виде публикуется в настоящем номере журнала.— *Ред.*

детельствуют наличие часовни и изображения крестов на кусках черепицы и каменных плитах.

Костный материал из могильника у древней крепости Каламиты обработан статистически и составлены сводные таблицы.

*К. Ф. Соколова, Научный сотрудник
Отдела истории и археологии Крым-
ского филиала АН СССР*

Республиканский краеведческий музей Марийской АССР

После Этнографического совещания в музее проведены работы по включению в экспозицию предметов этнографии дореволюционного прошлого марийского народа. Сюда входят: одежда, предметы быта и домашнего обихода, старинные музыкальные инструменты. В целях популяризации и выяснения степени развития вышивального искусства среди населения Йошкар-Ола летом 1951 г. были собраны образцы современных вышивок и оформлена их выставка. Приступлено к монографическому изучению истории развития и передового опыта укрупненного колхоза «За коммунизм» Волжского района, социалистического переустройства быта и культуры колхозников этого колхоза.

Развертывание музеем этнографических исследований крайне затрудняется отсутствием в его штате специалиста-этнографа.

*И. Исаков, Директор Республикан-
ского краеведческого музея Марий-
ской АССР*

Краеведческий музей Чувашской АССР

В июне 1951 г. Чувашский краеведческий музей совместно с Научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории организовал продолжение этнографической экспедиции по изучению современного колхозного быта с участием доктора историч. наук проф. Н. И. Воробьева (начальник экспедиции), научного сотрудника Института Н. Р. Романова, сотрудника Чувашского краеведческого музея А. Р. Симоновой. Этнографическое исследование проводилось в Чебоксарском, Марпосадском, Октябрьском, Цивильском, Урмарском, Яктиковском районах Чувашии. Этнографическая экспедиция проводилась музеем в течение трех лет, с 1949 по 1951 г., когда она была закончена.

Экспедицией изучались новый быт и культура колхозников, социалистические формы организации колхозного труда, отношение к труду основной части колхозников — все то новое, что дала крестьянину советская власть и коммунистическая партия. Кроме того собрано большое количество старинных украшений и национальных вышивок, старинные деревянные предметы быта (около 300 предметов), старинные свадебные платки, концы сурпана (тканые и вышитые), двойной сурпан, концы полотенец — тканые с кружевами и цельное сурпанное полотно, старинная женская рубашка с нагрудными вышивками, современные женские рубашки из красной пестряди, чулки шерстяные и суконные, образцы пестряди, образцы цветных халатов разных тонов, фартук, масмаки — вышитые головные украшения, целый комплект современных женских и мужских рубашек, «ама» — нагрудные украшения с напильником из серебряных монет. Приобретено около 100 фотографий на различные темы: быт отдельных колхозников, костюмы, колхозное производство и т. д.

После сбора материала на много улучшена и пополнена этнографическими предметами экспозиция отделов дореволюционного прошлого и советского периода. Помимо того по материалам, собранным в 1949—1951 гг. Чувашской этнографической экспедицией, намечено подготовить монографию «Чуваши», задача которой — дать характеристику современному быту чувашского колхозного крестьянства, рабочих промышленности и советской интеллигенции, показать те огромные изменения, которые произошли в них после Великой Октябрьской социалистической революции, проследить пути строительства чувашской культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

По материалам этнографической экспедиции составлено для публикации в 1952 г. монографическое описание двух деревень — Кильдишево, Советского района, и Новое Изамбаево, Комсомольского района, расположенных в различных частях Чувашской АССР, население которых в прошлом отличалось своеобразием быта. На примере этих деревень можно хорошо показать тот общий подъем, который переживает чувашская деревня. Характеристика дается на основании наших экспедиционных исследований и ряда других материалов, собранных ранее или известных из литературы.

Материалы собирались и обрабатывались: по вопросам хозяйства А. Р. Симоновой, по материальной культуре — Н. И. Воробьевым и А. Н. Львовой, по социальным отношениям и древней культуре — Н. Р. Романовым.

*С. Яндушкин, Директор Чувашского
краеведческого музея*

Смоленский областной краеведческий музей

После Этнографического совещания, в работе которого приняли участие два сотрудника Музея, этнографическая работа в Смоленском областном краеведческом музее значительно оживилась. Повысился интерес научных сотрудников к этнографии, к этнографической литературе, к музейным предметам, характеризующим быт и культуру народа.

В феврале 1951 года в Музее было проведено совещание научных сотрудников. Участник этнографического совещания заместитель директора по научной части Д. И. Будаев сообщил об основных вопросах, обсужденных на Этнографическом совещании, и о задачах Музея, вытекающих из решений совещания. Было выдвинуто предложение об организации экспедиции в передовой колхоз с целью изучения культуры и быта современной колхозной деревни, а также историко-бытовой экспедиции в северо-западные районы области.

Летом 1951 г. Музей организовал научную командировку в Слободской, Пречистенский и Велижский районы области, в результате которой фонды музея пополнились значительным количеством этнографических материалов (орудия труда, предметы быта, одежды и т. п.).

Составлена программа работы экспедиции по изучению экономики, культуры и быта колхоза имени Сталина Починковского района.

Сотрудники отдела фондов провели большую работу по инвентаризации и систематизации этнографических коллекций, собранных в свое время М. К. Тенишевой, основавшей в Смоленске Историко-этнографический музей, и другими собирателями. Фонды пополнились новыми этнографическими материалами. В частности, бывший партизан, работник Министерства просвещения БССР П. В. Муравьев передал в Музей большую коллекцию вещей и документов, многие из которых характеризуют народное творчество смолян в период немецкой оккупации, быт партизан в отрядах. Приобретены некоторые предметы народного быта, украшений и т. д. В экспозицию отдела дореволюционного прошлого помещены предметы обихода, домашняя утварь, одежда, орудия труда, относящиеся, главным образом, к XVIII и концу XIX — началу XX в. В Музее организована выставка Гнездовской археологической экспедиции, пополненная материалами археологической экспедиции 1950 г. Значительная часть экспонируемых здесь предметов представляет интерес и для этнографов.

*Д. Будаев, Заместитель директора
Музея по научной части*

Рязанский краеведческий музей

Рязанским краеведческим музеем совместно с Рязанским педагогическим институтом и Мордовским научно-исследовательским институтом летом 1951 г. проведена экспедиция, одной из задач которой было изучение Рязанской области и Мордовской АССР в этнографическом отношении. В экспедиции приняли участие: Н. П. Милонов (руководитель экспедиции), Б. А. Васильев (руководитель этнографического отряда), Н. И. Лебедева (изучение русского населения), И. Н. Ежова (изучение мордовского населения) и другие. В качестве художника работала студентка Г. Л. Шербакова.

Экспедиция охватила изучением десять селений Сасовского района Рязанской области, входящих в состав колхоза имени Крупской, Конобеевского района, колхоз имени Сталина и др., население которых носило в прошлом прозвище «москаля»; три гнезда вокруг селений Вяземка (по прозвищу «мещера»), Красная Дубрава (по прозвищу «ягуны»), Можары (по прозвищу «жиганы») и несколько селений юго-восточной части Мордовской АССР — мокшанских и шокианских. Предметом изучения были труд и быт в колхозах и те громадные достижения сельского хозяйства, которыми может гордиться ряд колхозов, а также этнографические традиции, сохранившиеся в материальной культуре современной деревни. Собранный экспедицией материал — записи, фотоснимки, зарисовки (по орнаменту тканей и одежде), планы и чертежи — характеризует весь комплекс культуры современной деревни и организацию труда в колхозах по бригадам.

При анализе культуры современной деревни ярко выявляется новая, социалистическая культура, накладывающая свой отпечаток на весь духовный облик колхозного крестьянства.

Экспедицией собран интересный материал по современной колхозной семье. Во многих этнографических явлениях прошлого прослеживается большое влияние культуры Москвы, начиная еще с XVI—XVII вв., отразившееся в одежде, жилище и обрядах. Вырисовывается культура так называемой русской мещеры и южновеликоруссов, в прошлом носивших прозвище «москаля».

Полевые материалы, собранные экспедицией, обрабатываются Б. А. Васильевым и его сотрудниками. Около 200 фотоснимков, зарисовки тушью и акварелью переданы учреждениям, принимавшим участие в экспедиции. 30 вещевых экспонатов переданы в Рязанский областной Краеведческий музей.

В 1952 г. экспедицию предполагается продолжить.

*В. Ерохин, Директор Рязанского
областного краеведческого музея*

Фольклорная экспедиция Саратовского государственного университета

В июле 1951 г. филологическим факультетом Саратовского университета организована экспедиция в заволжские районы области с целью сбора произведений устного народного поэтического творчества. В состав экспедиции вошли десять студентов 3—5 курсов филологического факультета, работавших под руководством В. Н. Архангельской. Экспедиция работала в двух районах: на родине писателя А. Н. Толстого и в районе действий Чапаевской дивизии в годы гражданской войны. Собраны воспоминания и биографические материалы об А. Н. Толстом; при этом зафиксированы особые чувства уважения к знаменитому земляку и гордости за него, которые испытывают колхозники родных писателю мест. Экспедиция по чапаевским местам явилась продолжением предыдущих поездок, связанных с той же темой. Записано много сказов и воспоминаний о В. И. Чапаеве и о боях за свободу и независимость молодого советского государства, проходивших в саратовском заволжье в те годы. Помимо этих материалов экспедицией собрано большое количество произведений советского фольклора (300 песен, около 1000 частушек).

Т. Акимова, Доцент Саратовского гос. университета

Фольклорная экспедиция в Удмуртской АССР

Фольклорная группа комплексной экспедиции, организованной Удмуртским научно-исследовательским институтом с привлечением представителя Дома народного творчества композитора Н. М. Греховодова, летом 1951 г. проводила работу в Кезском, Кулигинском, Дебесском, Карсовайском, Балезинском, Зуринском и Алпашском районах Удмуртской АССР, охватив 29 колхозов и других населенных пунктов. Записано около 200 песен и северных народных плясовых мелодий, много частушек и поговорок.

С улучшением материальных условий жизни колхозного крестьянства растет его духовная культура, выражением которой являются новые, прекрасные песни. Репертуар колхозной молодежи все больше обогащается новыми песнями, новой, живой и радостной музыкой, отражающими советский быт, условия жизни, взгляды, черты и чувства нового, явления советской действительности. В числе записанных экспедицией произведений народного творчества имеются песни о Великой отечественной войне и ее героях, о любимых вождях Ленине и Сталине, о великой Советской Родине, Советской Армии, о колхозном строительстве, а также старинные лирические и бытовые. Записан ряд частушек, пословиц и поговорок на современную тематику, ярко отражающих новый быт, социалистическое отношение к труду, стремление колхозников больше и лучше работать на благо любимой Родины.

Как и все народы мира, удмуртский народ ненавидит и проклинает поджигателей войны, единодушно поддерживает политику дружбы между народами. Вместе со всем прогрессивным человечеством удмурты единодушно подписались под обращением Всемирного Совета мира о заключении Пакта мира между пятью великими державами и в своих песнях говорят о том, что

Целый мир за мир встает,
Не быть войне!
Слава Великому Сталину!
Слава Советской Родине!

Население обследованных экспедицией районов радушно встречало ее, всячески помогало ее работе. Однако колхозная интеллигенция, исполнители песен и рядовые колхозники предъявляют счет к писателям и композиторам Удмуртии, требуя от них большего внимания к обработке удмуртских народных песен. Неоднократно высказывались пожелания шире пропагандировать новые русские и удмуртские песни путем издания сборников, записи на граммпластинки, снабжая ими все радиоточки, клубы, библиотеки, колхозные красные уголки и производственные участки, включая лучшие старинные народные и современные песни в программу по пению для изучения их в школах и клубах.

А. С. Белов, участник экспедиции по изучению устного народного творчества.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

«MAN. A MONTHLY RECORD OF ANTHROPOLOGICAL SCIENCE», 1950

Журнал «Man», издаваемый английским королевским антропологическим институтом, представляет собой месячные выпуски небольших статей, кратких заметок, сообщений, рецензий и корреспонденций, печатавшихся до 1901 г. в «Journal of Anthropological Institute», а с 1901 г. — отдельным изданием. Основатель «Man» — Майрз длительное время был и редактором этого журнала (1901—1903, 1931—1946 гг.). В 1951 г. журнал отметил 50-летие своего существования.

Журнал состоит из четырех разделов: 1) небольшие статьи (обычно две); 2) краткие заметки и сообщения; 3) рецензии; 4) корреспонденции. Рассмотрим их по порядку¹.

Среди небольших статей, помещенных в журнале в 1950 г., можно найти ценные по приводимому в них фактическому материалу. Таковы статьи о глиняных трубках в Камеруне (март), о бронзовой фигуре из Бенина (июнь), о хижинах у бемба (июль, август), о гончарстве у нага (сентябрь), о пиктографическом письме в Западном Судане (октябрь), о ксилофоне особого типа у йоруба (ноябрь) и некоторые другие. Однако этот фактический материал часто обесценивается неправильным истолкованием, доходящим иногда до абсурда.

Характерна в этом отношении статья Роз «Интерпретация некоторых наскальных изображений в северо-западной Австралии» (февраль).

В северо-западной Австралии встречаются наскальные изображения человеческих ног с шестью пальцами. Автор считает эти изображения реалистическими и утверждает, что шестипалость была результатом «рецессивных генов» в эндогамной общине. Что касается «вонджина» (изображений людей без ушей и рта), то он трактует их как изображения глухонемых и видит здесь влияние «других рецессивных генов». Австралийцы, если верить автору, были в прошлом почти все глухонемыми и шестипальцами. В этом утверждении сказывается, несомненно, закоренелый расизм автора по отношению к коренным жителям Австралии. В доказательство этой, с позволения сказать, «теории» автор приводит лишь один аргумент: «Я сам видел глухонемых и шестипалых в северной Австралии».

Статья Роз напомнила нам о книге некоего Эдгара «Первобытный мир, миф и человечество», вышедшей в Берлине в 1927 г. (рецензию на эту книгу см. в журн. «Antropos», 1927, стр. 652—654). Автор этой книги писал, что в мифах большую роль играют люди с глазами на лбу, со сросшимися пальцами и т. п. Такие люди, заявил автор, когда-то были на самом деле. Это было будто бы в палеозойскую (!) эпоху. Автор привел следующие данные о «палеозойском» человеке: на руках — по 6—7 пальцев: глаз (!) или глаза — на лбу; кожа частично покрыта чешуей, частично панцирем и т. д. Ясно, что статья Роз в «Man» является продолжением подобного рода «идей».

Знаменателен факт появления в журнале статей на тему о «контакте без конфликта», о котором все больше мечтают английские колонизаторы, изображая дело таким образом, будто борьба народов колоний за свое освобождение является результатом различия между национальными культурами народов, а не результатом колониальной политики английского империализма. Развивают эту тему чаще всего авторы, приглашенные из США. Недавно Герсковиц и другие напечатали в «Man» «программу» изучения процессов «аккультурации». В декабрьском номере за 1950 г. появилась статья о «Культурном контакте без конфликта в Лапландии» американца Персона, с примечанием редактора, что такие «контакты без конфликта» английские

¹ Статьи по антропологии и археологии мы исключаем из обзора.

этнографы должны поискать и в Африке. Поскольку в Азии таких «контактов без конфликта» теперь не найдешь, то авторы из США в апрельском номере за 1950 г. помещают статью с несколькими иным заглавием: «Антропологические исследования в Азии: американские рекомендации».

Необходимо в связи с этим отметить, что направление журнала за последние годы, под влиянием «американских рекомендаций», стало сильно изменяться. Чувствуется уклон в сторону тех лженаучных теорий, которые распространены ныне в реакционной американской этнографии. Журнал отражает общее положение, существующее в английской буржуазной науке.

Ньюман, рецензируя книгу «Энциклопедия суеверий», изданную в Лондоне (февраль, № 20), пишет, что авторы ее пользуются «ужасным жаргоном» американских журналистов. Например, известного английского игрока на бильярде они называют «мельбурнским Инманом» (Инман — американский игрок на бильярде). «Такое жеманство, — пишет Ньюман, — неуместно в серьезной работе и будет раздражать нервы многих». Однако следует иметь в виду, что мы имеем дело в данном случае отнюдь не с жеманством. Этот «мельбурнский Инман» появляется и на страницах «Мап», и притом в гораздо более важных вопросах, чем игра на бильярде.

Возьмем один пример. Журнал в июньском номере поместил статью об индийском варианте «комплекса Эдипа». Автор статьи Иравати Карве услышал эту «историю» от своей маленькой дочери. Та услышала ее от какой-то женщины, а последняя — от сестры своего мужа «около двадцати пяти лет назад». В этой «истории», полученной из столь «достоверного» источника, рассказывается о том, как сын женился на своей матери. Отца ему при этом, к огорчению для автора, не надо было убивать («сын женился на матери, не убив предварительно своего отца»), так как отца у него не было, он родился чудесным образом. «Такова, — пишет автор, — история... В конце ее, — добавляет он, — моя маленькая дочь и рассказчица смеялись над странностью случившегося». Но сам автор остался серьезным, подыскал несколько «параллелей» и послал «историю» в «Мап», а редактор «Мап» ее опубликовал.

Известно, что в писаниях современных американских этнографов комплекс Эдипа занимает большое место. Появление этой статьи в «Мап» весьма симптоматично — чувствуется влияние «американских рекомендаций».

Коснемся еще одной статьи, и на этом закончим обзор первого раздела. Эванс-Причард, президент Антропологического института, в статье «Социальная антропология, ее прошлое и настоящее» (сентябрь) критикует функциональную теорию и призывает английских этнографов к историзму. Но его «историзм» означает по существу отказ от признания исторических законов, отказ от какого-либо объяснения событий (этнография должна якобы «более интерпретировать, чем объяснять»). Правильно заметил Джель, что позиция Эванс-Причарда «вряд ли является шагом вперед по сравнению с позицией функционалистов» (декабрь).

Несколько слов о втором разделе — разделе кратких заметок и сообщений. Здесь печатаются сообщения о выходе новых журналов, о работе различных конгрессов, ассоциаций и т. п. Бросается в глаза почти полное отсутствие сообщений о работе советских ученых; единственным исключением является заметка «Современный прогресс в мичуринской биологии». Между тем в 1946—1947 гг. такого рода сообщения на страницах журнала имели место.

Третий раздел — рецензии, они занимают в журнале много места. В 1950 г. в журнале напечатано 180 рецензий на самые различные книги. Правда, многие из рецензий столь кратки, что подпись рецензента занимает почти столько же места, сколько сама рецензия. Тем не менее на этом разделе стоит остановиться подробнее. Этот раздел вскрывает одну крайнюю интересную особенность развития современной английской этнографии, которая характерна, пожалуй, для всей английской науки и отражает современный этап англо-американских отношений. Американские этнографы упорно протаскивают в английскую этнографию свои «новейшие» реакционные концепции. Английские этнографы пытаются сопротивляться, критикуют, отстаивают свои взгляды, но они не в силах остановить этот грязный американский поток.

В мартовском номере журнала напечатана рецензия на сборник статей, посвященный Рэдклиф-Брауну. Хотя сборник издан в Англии и посвящен английскому ученому, однако половина статей (из них три помещены первыми) принадлежит американским авторам, отягченным психорасизмом: Уорнеру, М. Мид, Бейтсону и другим; статья Бейтсона, помещенная в сборнике, была опубликована в США еще в 1936 г. Рецензент (Майрз) не может скрыть своего отрицательного отношения к статьям американских авторов. В сентябрьском номере помещена рецензия на сборник американских психорасистов «Личный характер и культурный уровень». О характере сборника говорят имена его участников: Клюкхоун, М. Мид, Р. Бенедикт, Кардинер, Кора Дю-Буа, Бейтсон, Горер и другие. Рецензент в общем отрицательно относится к сборнику, но считает все же, что сборник «отвечает очень реальной потребности, особенно английских специалистов».

В этом же номере помещена рецензия на книгу Хсю: «Under the ancestors shadow: chinese culture and personality». Рецензент указывает, что фактический материал Хсю ничтожен, а психологический анализ этого материала — сомнителен. Хсю использует свой материал «как основу для интерпретации личности в манере, предложенной Кардинером и Линтоном». Этого вполне достаточно, чтобы сделать его книгу ненаучной. Хсю находит в Китае пять мужских «конфигураций личности».

Рецензент отмечает: «Мне кажется, что Хсю применяет здесь сугубо специальные психологические понятия совершенно ненаучным образом».

В майском номере помещена рецензия на сборник «Психоанализ и социальные науки», изданный Рохеймом в США. Рецензент (Бренда Зелигман) отрицательно относится к статьям Рохейма, Клюкхоуна и других и вообще к психорасизму. «Какая польза для антрополога, — спрашивает она, — от того, что все поведение выводится из кормления детей или детской ревности? Какой свет бросает на литературу то, что все писатели страдают... ненавистью к матери? Какова может быть надежда на улучшение расовых отношений, если линчевание негров возводится к универсальному комплексу Эдипа?» Рецензент сожалеет, что изучение подсознательного «так мало бросает света на социальные науки». Нужно сказать, что и здесь критика подана в очень мягкой форме. Ведь в этом сборнике некий Стерба утверждает, что линчевание негров ведет якобы к прогрессу, так как, видите ли, чувство вины за убийство отца было будто бы отправным пунктом развития культуры в «первичной орде». Об этом Стербе, убийце с большой дороги, следовало бы поговорить подробнее.

В этом же номере помещены рецензии Бренды Зелигман на книгу Коры Дю-Буа «The people of Alog» и на книгу Рохейма «The eternal ones of the dream».

В книге Коры Дю-Буа, пишет рецензент, на фактическом материале «проверяется» понятие «основной личности», выдуманное Карднером и Линтоном. В общем рецензент неодобрительно отзывается о книге. «Основную личность» жителей острова Алог, пишет она, подробно изложив содержание книги, обуславливает якобы тот факт, что женщины не берут своих детей на поле. Но почему они поступают так, на это нет ответа. «Если бы вместо 300 страниц автобиографий, подробнейших отчетов о воспоминаниях, снах, драках и сексуальных отношениях, которые, должно быть, собирать было еще утомительнее, чем их читать, — пишет рецензент, — была исследована эта проблема, тогда больше света было бы брошено на основной тезис книги». Рецензент не дает критики психорасистского понятия «основной личности». Он утверждает только, что этот «тезис» не доказан. А ведь в этой книге на индонезийцев обрушен целый водопад клеветы. Рецензент фактически недоволен лишь тем, что эта клевета не «доказана». Как будто клевету можно доказать.

Книгу Рохейма рецензент не осмеливается излагать — настолько она бессмысленна. Но и критики на эту книгу рецензент не дает. Приведенные примеры весьма характерны. Американский психорасизм, проникающий в Англию, вызывает к себе в общем недоброжелательное отношение. Английских этнографов корбит все же цинизм американских «теорий». Но должной критики этих «теорий» английские этнографы не дают. А некоторые из них даже приветствуют эти «теории». Например, Раглан находит психорасистскую книгу М. Мид «Male and female» «очень интересной» (июнь). Он, напротив, критикует книгу Р. Лоуи «Social organization» за то, что Лоуи, отрицая развитие «первобытных» народов, допускает все же некоторые исключения. Нет никаких исключений, заявляет Раглан; «между дикостью и цивилизацией, — пишет он, — лежит водопад, который, если не говорить о чуждых влияниях, дикари никогда не пытались перейти» (август). Нетрудно видеть, что американский психорасизм находит в Англии сторонников.

В рецензии на книгу известного американского человеконенавистника — мальтузианца Фогга «Путь к спасению», снабженную предисловием еще более известного атомщика Баруха (разбор «идей» этой книги см. в журн. «Вопросы философии», 1950, № 1, стр. 245—248), Майрз рассыпается в похвалах людоеду Фогту (март). Он даже утверждает, что эта книга может помочь будто бы «спасти человечество». На англо-американском империалистическом жаргоне это означает «спасти империализм» ценой уничтожения миллионов простых людей. На страницах «Map» происходит сговор двух партнеров, замысливающих одно и то же черное дело.

В некоторых рецензиях, помещенных в журнале, приводятся интересные факты. Например, Каберри приводит из книги Невилля, служившего 25 лет администратором «отделения туземных дел» в западной Австралии, следующий факт. В одной из резерваций сгнили обеденные столы. Невилль попросил у правительства досок для столов — ему отказали. Тогда он пошел на хитрость: попросил досок для гробов. Ему дали, и он сделал из этих досок столы (декабрь). Этот факт ярко говорит о невыносимом положении коренных жителей Австралии, которым, по мнению правительства, нельзя жить, но можно умирать.

Лич в рецензии на три тома «Ergebnisse der Frobenius Expedition 1937—38 in die Molukken und nach Hollandisch Neu-Guinea» указывает, что второй том, вышедший в Германской Демократической Республике, прекрасно оформлен, в то время как третий том, вышедший в Западной Германии, напечатан на очень плохой бумаге и говорит «о скарденности авторитетов британской зоны» (июль). Разумеется, это надо понимать в том смысле, что в Западной Германии все средства идут не на мирное строительство, а на подготовку к войне.

Перейдем к последнему разделу — разделу корреспонденций. Здесь есть интересные заметки, например, заметка Стонора из порта Морсби (февраль). Но в общем этот раздел производит странное, несерьезное впечатление. Приведем два примера. В февральском номере напечатано краткое изложение доклада Уэйрайта о железе у банту. Между прочим Уэйрайт упомянул, что в Судане термин «белый» применяется по отношению к египтянам. Этому не поверил Раглан. В августовском номере появилась следующая корреспонденция: «Уэйрайт сказал в ходе своих неудачных

попыток выловить историю из мифа, что эпитет «белый» применялся на юге англо-египетского Судана к воинам Хартума и Египта. Я не знаю, о каком племени или племенах говорит Уэнрайт, и могу сказать только о том, что лотука 30 лет назад считали меня красным человеком, хотя я не был особенно румяным». Вот и все возращения Раглана, с подкрепляющим его единственным «фактом». Даже редактор «Мап» уразумел, что «его лордство» в этом вопросе ничего не понимает. Очень осторожно он решил намекнуть на это. «Не применяют ли,— робко спросил он (хотя знал, что применяют!),— примитивные народы термин «белый» к людям более светлой кожи, чем они сами» (там же). После этого Уэнрайт привел ряд фактов, когда термин «белый» применялся к египтянам, и заметил: «Я полагаю, что мои попытки не так неудачны, как сомнения его лордства». Непонятно, зачем все это нужно было печатать.

Другой пример: Брэдвуд в книге «Prehistoric Men» утверждал, что американские индейцы способны к изобретениям. Раглан грубо окрикнул Брэдвуда, откуда, дескать, он это знает. Брэдвуд ответил (все это напечатано в «Мап»), что это всем известно, но что Раглан может утверждать все, что он хочет. Утверждают же некоторые, что англичане произошли от 10 племен Израиля. При этом Брэдвуд писал: «Кажется, что та словесная дуэль, которая имеет место в нашем разделе корреспондентов, не всегда понятна нашим иностранным читателям. Лорд Раглан рычит (roars) на какое-нибудь лицо. Тогда наступает очередь этого лица крутить хвост его лордству (to twist his lordship tail)». Брэдвуд писал, что хотя он и не уверен в том, что в этом разделе правила именно таковы, но и он подвергся окрику со стороны Раглана. И далее Брэдвуд спрашивал: «Каков будет следующий ход в этой игре?» (сентябрь). Он конечно, не подозревал, что следующий ход будет сделан самим редактором. Последний заметил: «Сначала должны играть (play) корреспонденты; правила же, согласно принципам индуктивной науки, формулируются после» (там же). Это означает, очевидно, что «игра» в этом разделе ведется без всяких правил. Затем последовал «ход» Раглана. Он ответил только одной фразой: «Если кого и можно сравнить,— писал он,— с британскими изразлитами, то, очевидно, тех, кто претендует «знать» то, что для ученых является не более чем возможным» (октябрь). Создается впечатление, что присутствуешь при ссоре двух торговков, а не при споре двух ученых. Впрочем, какова «наука», таковы и нравы.

Рассматривая журнал в целом, нельзя не отметить исключительного пристрастия его к выявлению наиболее архаических черт в культуре народов колоний (пиктографическое письмо, деревянный ксилофон, хижины древнего типа и т. п.). Это неспроста: журнал стремится выдать эти архаизмы за черты современной культуры народов колоний.

Отдельная статья может более или менее правильно отразить тот или иной архаизм. Но журнал в целом, концентрируя внимание только на архаизмы, совершенно искажает действительное положение вещей. Журнал выполняет заказ английского империализма, рисуя народы колоний в виде «дикарей». Чем сильнее национально-освободительное движение народов колоний, тем более архаические, «дикарские» черты в культуре этих народов фигурируют на страницах журнала: древние могильные памятники индонезийцев (октябрь), шаманство у сакаев Малайи (август) и т. п. В марте 1951 г. журнал не постеснялся поместить статью об «Операции пиления зубов во Французском Индокитае». Разумеется, обычай этот как таковой давно отошел в прошлое и встречается лишь в виде исключения, да и сам «Французский Индокитай» отошел в прошлое, вместо него существует теперь Демократическая Республика Вьетнам. Но журнал не желает считаться с этим фактом.

В 1952 г можно с полным основанием ожидать появления в журнале статей о каких-нибудь архаических чертах в культуре народов Ирана, Египта, Судана и т. д., поскольку события, происходящие в настоящее время в этих странах, сильно беспокоят английских империалистов².

50 лет назад архаизмы в культуре народов Африки, Малайи, Индонезии были еще сильны. Но с тех пор народы этих стран, ценой огромных жертв и страданий, разорвали опутывающие их родоплеменные узы и теперь ведут борьбу против колониального гнета за национальное освобождение, ставят свои подписи под Стокгольмским воззванием о запрещении атомной бомбы, под требованием о заключении Пакта Мира. Не пиктографическое письмо и не древний деревянный ксилофон характерны теперь для культуры этих народов.

Правду не скроешь. Она находит свое отражение косвенно и на страницах «Мап».

В заметке о шаманстве у сакаев Малайи Уильямс Хунт пишет, что один из шаманов, наряду со старым средством передвижения духов — моделью лодки, использует новое средство — модель самолета. Эта модель, указывает он, точно воспроизводит

² Когда настоящий обзор был уже в печати, мы получили октябрьский номер «Мап» за 1951 г. В нем в качестве ведущей статьи помещена статья Уэнрайта «Египетское происхождение нагрудной пластины из Лагоса с изображением бараньей головы». Эта нигерийская пластина с давних пор хранится в Британском Музее, ее описание и фотография были даны в «British Museum Quarterly» в 1930—1931 гг. Но «Мап», очевидно, решил срочно «откликнуться» на события в Египте. С этой целью, за неимением новых материалов, он вновь опубликовал описание и фотографию нигерийской пластины.

тип самолета, «используемый» английскими колониальными войсками в «этом районе». Сделана была эта модель с целью магически освободить одного из сакаев, посаженного англичанами в тюрьму. Далее автор сообщает, что сакаи делают для детей игрушечные тележки с двойными задними колесами, как у тяжелых грузовых машин, «используемых» английскими колониальными войсками в «этом районе». Автор приводит все это как «интересный» пример влияния «современных идей» (!) на малайскую традиционную культуру. Он не сообщает о том, что делают английские военные самолеты и грузовые машины в Малайе, за что английские колонизаторы заключают в тюрьму сакаев. Но в общем разбойничьи «современные идеи» английского империализма, бранным которого является «Мап», читателю становятся ясны.

Н. Бутинов

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ

Англо-американская этнография на службе империализма, Сборник статей, Академия Наук СССР, Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. XII, М., 1951.

Издание сборника статей, разоблачающих современную реакционную англо-американскую этнографию, — несомненно факт положительного значения.

В зарубежной этнографии больше, чем в любой другой науке, с особой силой дают себя знать те «фурии частного интереса», которые, по яркому выражению Маркса, олицетворяют «самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души»¹. Новейшая буржуазная этнография — это прямое оружие разбойничьего американского империализма, готовящегося к новой мировой войне. Она призвана распространять в интересах Уолл-стрита самые гнусные расистские идеи о существовании высших и низших рас и о приоритете «стопроцентных американцев» или «англо-саксов» над всеми другими народами мира.

Вместе с тем реакционные этнографы империалистического лагеря выступают в качестве проводников космополитической идеологии, идеологии отрицания национального суверенитета больших и малых народов, идеологии, которая рекомендует всем нациям отказаться от своих законных прав и интересов в пользу... США.

Расизм и космополитизм это две стороны одной и той же человеконенавистнической растленной идеологии империалистического лагеря, и для представителей англо-американской буржуазной этнографии характерны поэтому в одинаковой степени и расизм и космополитизм.

Особо следует отметить прямое срастание буржуазных этнографических обществ с политическими организациями империалистической буржуазии. Многие американские и английские этнографы работают «по совместительству» в качестве чиновников колониальной администрации. Этнографические журналы США и отдельные издания в значительной степени зависят от журнальной корпорации «Тайм», во главе которой стоит воинствующий поджигатель войны миллионер Генри Льюс, выступивший еще в 1941 г. с расистски-космополитским лозунгом: «XX век — век Америки». Распространенная в США так называемая «доктрина» Толмеджа, который в свое время в качестве губернатора штата Георгия заявил, что один американский гражданин с белым цветом кожи «дороже 100 негров», открыто объявляет реакционную американскую этнографию своим главным «идейным» оружием. Наконец, общеизвестно, что некоторые американские «этнографы» состоят в бандитской террористической антинегритянской организации Ку-Клукс-Клан.

Можно поэтому со всем основанием сказать, что современные реакционные буржуазные этнографы в прямом, а не в переносном смысле — наемные приказчики Уолл-стрита. Они включились вместе с реакционными философами и социологами США и Англии, типа Рассела и Дьюи, в общий хор поджигателей войны. Борьба с реакционной англо-американской этнографией становится в наши дни частью той борьбы за мир, демократию и социализм, которая ведется миллионами простых людей во всех частях света.

Предлагаемый сборник состоит из пяти статей: общей, вводной статьи С. П. Толстого «Кризис буржуазной этнографии» и статей И. И. Потехина «Космополитизм в американской этнографии», Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина «Функциональная школа в этнографии на службе британского империализма», М. Г. Левина, Я. Я. Рогинского и Н. Н. Чебоксарова «Англо-американский расизм». Н. А. Бутинова «Психорасизм в американской этнографии».

Уже само название статей свидетельствует, что авторы сборника поставили своей целью разоблачить два главных «кита» новейшей буржуазной этнографии — расизм и космополитизм. Именно в этом плане и написана вводная статья С. П. Толстого «Кризис буржуазной этнографии». В этой статье убедительно и на большом конкретном материале показывается, что буржуазная этнография призвана удовлетворить разбойничьи интересы финансового капитала США и что поэтому она, с одной стороны, придерживается «традиционных» расистских аргументаций, а с другой стороны,

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 8.

оснащает их «наинouvelейшими» космополитскими рассуждениями на тему об «ограничении национализма» путем создания сильного мирового правительства.

В свою очередь С. П. Толстов отмечает «два направления» в современном американском расизме: прежнее — псевдобинологическое, которое в духе мальтузианства, социального дарвинизма, в духе Чемберлена и гитлеровских мракобесов ссылается на «законы» органической природы, «чистоту крови» и т. д., и новое — «культурно-историческое», аргументирующее расизм ссылками на приоритет «американского образа жизни», «западной цивилизации» и т. п. Между двумя направлениями американского расизма, как и между расизмом и космополитизмом, не существует принципиальной разницы; речь идет о стремлении «одурманить» поднимающиеся на борьбу миллионы простых людей в самой Америке и в других странах капитала бредовыми идеями фрейдизма и «социального дарвинизма», разжечь шовинистические инстинкты, натравить народы Запада на Советский Союз и страны народной демократии, якобы покушающиеся на идеалы «западной цивилизации». Рядом с военной истерией, атомным шантажом, подготовкой бактериологической войны идет распространение расистской отравы» (стр. 16).

Положительным моментом статьи С. П. Толстова является также подробная характеристика теоретических источников современной буржуазной этнографии. В частности, проф. Толстов правильно отмечает влияние Фридриха Ницше и Освальда Шпенглера на новейших американско-английских реакционных этнографов. В статье отмечается также влияние Фрейда и фрейдистов на буржуазную этнографию.

Жаль, однако, что автор статьи не остановился специально на «чисто американских» философских источниках современной американской буржуазной этнографии. К таким источникам в первую очередь следует отнести американский прагматизм в лице Джемса и Дьюи, с одной стороны, и американский персонализм во главе с Мэри Калкинс, Ройсом, Флюеллингом и К°, — с другой. И те и другие в одинаковой степени являются пропагандистами «американского образа жизни»; и те и другие всячески доказывают «право» банкиров и плутократов США на мировую гегемонию. В частности, для американских прагматиков типично утверждение, что дух «предприимчивости», дух «деловой активности», свойственный американским предпринимателям, якобы является главным признаком принадлежности к «высшей расе». Именно при помощи этих весьма откровенных аргументов бывший американский президент, поджигатель войны Гувер в своей бредовой книжонке «Американский индивидуализм» заявляет, что американские миллиардеры как самые предприимчивые люди являются образцом «высшей расы» и должны поэтому пользоваться главенствующим положением во всем мире.

Следовало бы также более подробно остановиться на католических влияниях в реакционной американской этнографии. С. П. Толстов правильно упоминает о распространении в США антинаучных идей патера Шмидта и его учеников, католических этнографов Зибера и Мюллера. Однако в статье нет специального разбора и разоблачения псевдонаучных «трудов» католических мракобесов от этнографии.

Значительный материал, разоблачающий космополитские бредни в американской этнографии, дан в статье И. И. Потехина «Космополитизм в американской этнографии». Эта статья, как и предыдущая, содержит большой фактический материал, написана с боевых, партийных позиций и удачно характеризует эволюцию американской буржуазной этнографии.

«Американская этнография, — замечает И. И. Потехин, — проделала головокружительное сафто мортале со стихийно-материалистических позиций Моргана до мистицизма Кребера и всей этнопсихологической школы. Темпы ее развития соответствуют темпам развития американского капитализма. Вместе с капиталом из Старого Света в Америку эмигрировали и буржуазные теории. Но, как американский капитал обогнал в своем развитии старые буржуазные страны Европы, так и американская этнография в своем падении обогнала буржуазную этнографию Европы» (стр. 29).

Особым достоинством статьи И. И. Потехина является противопоставление упадочнической буржуазной этнографии подлинно научной советской этнографии, сложившейся на прочном фундаменте пролетарского интернационализма и ведущей непримиримую борьбу против идей буржуазного национализма и космополитизма. В статье показано, что советская этнография имеет славные традиции борьбы с разнообразными расистскими и космополитскими теориями, что она опирается на лучшие достижения русской передовой этнографии, на великие труды Н. Г. Чернышевского, на такого деятеля этнографии, как Миклухо-Маклай.

Жаль, однако, что автор не остановился более подробно, а главное — конкретно, на борьбе таких мыслителей, как Радищев (последнему уделяется только три строчки), Белинский, Герцен, Чернышевский и Добролюбов, против космополитской идеологии.

Не мешало бы также дать в статье специальную критику космополитских идей Марра.

Правильно отмечая приоритет Льюиса Моргана по сравнению со всеми другими буржуазными этнографами, И. И. Потехин не показал одновременно слабых сторон Моргана, в частности, недостатков его периодизации.

Значительный интерес представляет статья Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина «Функциональная школа в этнографии на службе британского империализма».

В статье показывается, что эта школа — типичный продукт кризиса империалистической колониальной системы. Сторонники функциональной школы ставят этнографию прямо и непосредственно, без всяких «прикрытий», на службу империализму, подчиняют ее непосредственным задачам колониальной политики Великобритании. Авторы статьи справедливо отмечают принципиальную связь между функциональной школой в этнографии и философской концепцией так называемого холизма, творцом которого является небезызвестный оруженосец английского империализма фельдмаршал Сметс.

Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехин дают яркую критику холизма Сметса, показывают, что холизм представляет собой эклектическую похлебку из идей Платона и Лейбница, Фрейда и Бергсона, Маха и Авенаруса. В статье правильно отмечается не блещущая оригинальностью попытка Сметса поставить себя выше материалистов и идеалистов. На самом деле Сметс — злейший враг материалистического миропонимания. Он выступает против объективной причинности, против закономерности явлений природы и общественной жизни. Холизм Сметса в применении к обществу означает отожествление общественных процессов с организмом. Речь идет о прямом плагиате у Спенсера, о пропаганде пресловутой «теории равновесия». В конечном итоге «изобретенный Сметсом «холизм» служит ему и всему англо-саксонскому империализму верную службу» (стр. 47). Здесь же Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехин справедливо отмечают, что философия Сметса не только занята апологией английского империализма; вместе с тем она ставит своей задачей обосновать мировую гегемонию магнатов Уолл-стрита.

Переходя к конкретному критическому анализу функциональной школы в этнографии, авторы статьи справедливо и убедительно показывают, что эта школа является перенесением идей Сметса в этнографию. Другим источником функциональной школы Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехин считают идеалистическую философию и психологию В. Вундта. Кстати сказать, главный лидер функциональной школы Бронислав Каспар Малиновский был непосредственным учеником Вундта. Наконец, в работах Малиновского находят отражение растленные идеалистические идеи семантизма, прагматизма и бихевиоризма. «В результате получилась... беспомощная компиляция из бихевиоризма, фрейдизма, холизма, психорасизма и прочих видов современной англо-американской социологии, мешанина, в которую включена также и семантическая философия. Словом, функционализм включил в себя все наиболее реакционные учения эпохи империализма» (стр. 54—55).

Только крайний упадок буржуазной культуры, ее неслыханный развал, дошедший до самых высоких пределов, мог породить функциональную школу в современной буржуазной этнографии и не только породить ее, но и сделать одной из господствующих этнографических школ в странах империалистического лагеря — таков вывод из содержательной, партийной статьи Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина.

Нам представляется, что эта статья — один из наиболее ценных разделов предлагаемого сборника. Статья выиграла бы еще больше, если бы в ней было показано развитие функциональных идей в американской, а не только в английской этнографии.

Значительный материал, характеризующий сущность современного англо-американского расизма, содержится в статье М. Г. Левина, Я. Я. Рогинского и Н. Н. Чебоксарова «Англо-американский расизм». Кстати сказать, было бы лучше назвать «Американо-английский расизм», ибо, как это справедливо показывается в статье, Соединенные Штаты Америки выступают в настоящее время главным центром мировой империалистической реакции и расизм издавна пользовался в США особым покровительством властей. В этой связи не мешает напомнить, что первый фашистский закон о стерилизации был принят в США задолго до прихода к власти гитлеровских расистов, а именно — в 1907 г. Американский капитализм возник на рабстве негров, что опять-таки обусловило распространение расизма на американской почве. Именно под углом «приоритета» американских расистов над расистами других стран и написана предлагаемая статья. В ней дана характеристика таких воинствующих расистских выступлений, как выступление профессора Колумбийского университета Бержесса, утверждавшего «неспособность» народов Азии и Африки к созданию своих собственных независимых политических организаций.

Авторами статьи разоблачается также книга Мэдисона Гранта «Конец великой расы», представляющая собой своеобразный катехизис воинствующего американского расизма. Эта книга, впервые вышедшая в 1916 г., до сих пор пользуется в США особым «авторитетом» среди реакционных этнографов. В статье справедливо отмечается, что «и Розенберг, и Гюнтер с полным правом могли бы считать американца Мэдисона Гранта в числе своих идейных предшественников» (стр. 73).

Хорошо дана в статье критика американского биолога-расиста Осборна, а также реакционного антрополога Хутона — поклонника Ломброзо.

Наконец, М. Г. Левин, Я. Я. Рогинский и Н. Н. Чебоксаров уделяют специальное внимание разоблачению людоедской мальтузианской книги В. Фогта «Путь к спасению», вышедшей в Нью-Йорке с предисловием пресловутого Баруха, автора американского плана так называемого контроля над атомной энергией, ставящего своей целью передать всю мировую атомную промышленность в руки Уолл-стрита. В статье показывается, что книга Фогта — далеко не случайное явление в современной амери-

канской литературе. Речь идет об официальной попытке правящих кругов США аргументировать при помощи малюзианских бредней необходимость физического истребления свободолюбивых народов.

В разбираемой статье, так же как и в статье И. И. Потехина «Космополитизм в американской этнографии», приводится ряд характерных примеров, показывающих, как передовая русская общественная мысль издавна вела борьбу с зарубежным расизмом. В частности, в статье цитируются замечательные слова Пушкина, произнесенные им еще в 1836 г.:

«С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих... Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство нагло притесняющее общество; рабство негров посредн образованности и свободы...» (стр. 70).

Здесь же приводятся страстные слова Белинского, Герцена и Чернышевского против американских рабовладельцев-плантаторов.

Серьезным недостатком статьи М. Г. Левина, Я. Я. Рогинского и Н. Н. Чебоксарова является чрезмерное количество исторических экскурсов за счет современного материала. Статья значительно выиграла бы, если бы она была расширена за счет примеров из расистской теории и практики послевоенного периода.

Заканчивается сборник статьей Н. А. Бутинова «Психорасизм в американской этнографии». Статья правильно показывает, что американские мракобесы стремятся аргументировать свои реакционные псевдонаучные расистские концепции в этнографии при помощи ссылки на психологию, психотехнику, психиатрию и т. д. Психорасизм так же характерен для США, как биорасизм для фашистской Германии. Объясняется это, во-первых, тем, что психорасизм сложился на подготовленной биорасизмом почве. Целый ряд положений и идей им заимствован в готовом виде от биорасизма. Во-вторых, это объясняется тем, что психорасизм с самых ранних дней складывался как сугубо политическая теория в условиях направляющего контроля и поддержки со стороны американского империализма. Вынашивая планы завоевания мирового господства, американские империалисты старались предусмотреть не только материальные, но и идеологические условия их претворения в жизнь. Все реакционное, мистическое и ориентирующее на слепую веру, на подсознательное, на инстинкты они брали под свою опеку. Особенно большое значение придавалось психологии, психиатрии. Перед представителями этих наук ставилась задача: «установить» психику людей таким образом, чтобы они готовы были воевать с кем прикажут и за что прикажут» (стр. 101).

В статье приводятся и разоблачаются характерные высказывания таких реакционных социологов и этнографов США, как К. Хорней, Морено, Кун и К°.

Специальное внимание уделено в статье разоблачению фрейдизма, который пытается на американской почве превратить психологию человека в зоопсихологию и оклеветать борьбу прогрессивных сил, выступающих за мир, демократию и социализм, против сил реакции.

Несколько лаконичная по своему объему статья Н. А. Бутинова написана с правдивых, боевых позиций и дает в целом удачную характеристику распада буржуазной этнографии в странах империалистического лагеря.

К сожалению, автор не остановился на таких представителях американского расизма, как Бернард, Богардус и К°, которые играют в настоящее время руководящую роль среди американских реакционных сторонников психологического направления в социологии и этнографии.

Подводя итоги всему сборнику в целом, необходимо отметить, что он свидетельствует о серьезной работе наших этнографов, которые, наряду с позитивным развитием передовой этнографической науки, уделяют серьезное внимание и негативной задаче — задаче разоблачения растленных антинаучных идей буржуазных псевдоученых.

Нужно надеяться, что Институт этнографии не ограничится предлагаемым изданием и даст на эту тему еще ряд боевых партийных работ, в которых нуждаются не только советские этнографы, но и работники всех других отраслей знания. В частности, предлагаемый сборник вызовет интерес и у советских философов, историков, экономистов, а также у наших пропагандистских кадров, систематически разоблачающих лагерь поджигателей войны.

Вместе с тем следует посоветовать нашим этнографам, наряду с разоблачением реакционных представителей новейшей буржуазной этнографии, давать показ прогрессивных сил, которые имеются в каждой стране и которые вместе с широкими народными массами ведут смелую борьбу против расистской и космополитической идеологии правящих классов империалистического лагеря. Следует напомнить в связи с этим о большой борьбе против расизма, ведущейся в органах братских коммунистических партий, и нельзя не выразить сожаления, что эта борьба не получила освещения в разбираемом сборнике.

М. П. Баскин

НАРОДЫ СССР

В. Н. Белицер. *Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу*. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия, т. X, М., 1951.

Народная одежда — богатейший исторический источник, который характеризует не только творчество народа, его искусство, эстетические потребности и вкусы, но и исторический процесс. Сложившиеся в основных своих частях в глубокой древности, формы народной одежды и ее орнаментация не оставались неизменными. На длительном историческом пути они видоизменялись под влиянием внутреннего процесса развития общества и культурных взаимосвязей с соседями.

В этнографической литературе можно найти немало работ, посвященных исследованию одежды. Однако большинство этих работ носит чисто описательный характер или посвящено семантике орнаментальных мотивов одежды. К разрешению проблемы этногенеза одежда и ткани почти никогда не привлекались.

В рецензируемой книге анализ одежды и ее орнаментация дается на фоне исторического хода процесса формирования удмуртского народа, выяснения его этнического своеобразия, связей с окружающими народами и установления тех компонентов, которые участвовали в сложении удмуртов. Таким образом, эта работа вводит в научный обиход новый, хорошо истолкованный, исторический источник.

Положительной стороной работы является исчерпывающее привлечение материала не только этнографического, но и археологического. В первой главе автор анализирует элементы одежды, найденной археологами, и дает характеристику этнографических коллекций, как хранящихся в собраниях наших музеев, так и добытых в экспедициях самим автором.

Вторая глава знакомит с техникой изготовления материала — прядением и ткачеством, обработкой кож животных, валяльным производством, изготовлением лыковой обуви. Основные главы книги посвящены женской одежде, головным уборам, украшениям, комплексам женской одежды, мужской одежде, одежде бесермян, тканому и вышитому орнаменту.

Во всех главах работы автор выявляет своеобразие удмуртской одежды и элементы, общие с соседями, что является результатом культурных взаимосвязей или объясняется общностью происхождения. Автор все время обращается к археологическому материалу, прослеживая в нем корни удмуртской культуры. Так, в главе второй «Техника изготовления материала», благодаря использованию археологических данных, автор выявляет в этнографическом материале более древние и более новые компоненты. Это убедительно сделано в отношении мялок для обработки растительных волокон, прялок и ткацких станков. Подчеркнуто и русское влияние на удмуртов. Следует, однако, заметить, что ткацкий станок, описанный Палласом во второй половине XVIII в. и сохранившийся почти без изменения до Великой Октябрьской революции (стр. 24), несомненно, более примитивен, чем станок, остатки которого найдены в раскопках Донды-Карского городища X—XII вв., на что автор не обратил внимания. Почему-то при характеристике обработки кож животных не привлечен археологический материал, а он известен начиная с эпохи ананьинской культуры и кончая памятниками X—XIV вв. Следовало бы дать более подробную характеристику удмуртских лаптей и указать их отличие от марийских, мордовских и татарских. Отличается ли удмуртский лапоть только тем, что имеет острый приподнятый носок треугольной формы, напоминающий носок сапога, или и другими качествами?

Анализ женской одежды начинается характеристикой богатого женского погребения из могильника Чем-шай, принадлежащего удмуртке IX—XI в. Автор впервые публикует реконструкцию этого костюма из собрания Государственного Исторического музея в Москве. Указывая, что этот древнеудмуртский костюм отличается от костюма мари того же времени, известного по могильнику Бигер-шай, автор, к сожалению, не раскрывает, в чем же состоит это отличие, и для читателя оно остается неясным.

Подробнее рассмотрена одежда XVIII—XIX и XX вв., более точно установлена ее форма, области распространения, возрастная и социальная принадлежность.

В. Н. Белицер, несомненно, права, утверждая, что туникообразная рубашка удмуртов является наиболее старинной формой одежды и была связана у удмуртов с местными древними традициями, что находит подтверждение в археологическом материале. Она приводит аналогии этой одежде у других народов Поволжья — мари, мордвы и чувашей. Но, определяя широкое распространение этого типа рубашки от Прибалтики до Средней Азии и указывая, что эта одежда сохраняет для каждого народа своеобразные особенности в расцветке, характере отделки и орнаментации, автор не раскрыл этого своеобразия в отношении удмуртов.

Интересные соображения приведены относительно других типов рубашки, которые определяются хронологическими и локальными особенностями. Повидимому, автор прав, считая юбку поздним явлением в женском костюме. Во всяком случае в археологическом материале, даже сравнительно позднем, там, где можно проследить одежду женщины, юбки нет.

Автор привел ряд интересных соображений при разборе женских вышитых нагрудников. Однако едва ли можно согласиться, что более ранние образцы вышивались серебряными и золотыми нитями. И по технике изготовления, и по характеру орна-

мента нагрудники этого типа не древнее XIV в., как можно судить по археологическим данным. Орнамент нагрудников, изображенный на рис. 19, имеет аналогии в более раннем археологическом материале.

В. Н. Белицер на материале женской одежды убедительно показала элементы, возникающие в различные исторические эпохи под влиянием соседей, и более древние, восходящие ко времени I тысячелетия до н. э. Так, анализируя камзол с длинными рукавами, возникновение которого когда-то исследователи объясняли влиянием польского или немецкого костюма XIV в., автор на основании сопоставления с деталями скифского костюма, относит его появление в Прикамье к скифскому времени. Это в полной мере соответствует выводам археологов, историческим данным, исследованиям антропологов и языковому материалу. Связь со скифским миром подчеркнута и другими формами одежды — высоким головным убором с орнаментальным мотивом конских голов, распространенным в южных частях Удмуртской АССР. В отношении женской одежды автором достаточно убедительно выявлены древние компоненты и заимствования от соседей — марийцев, башкир, татар и русских.

Так же подробно освещены и головные уборы. Автор выявил локальные своеобразия этой части одежды, сходство с головными уборами соседних народов и своеобразия удмуртских.

Однако несколько неясной остается трактовка происхождения такьи. Автор считает аналогией ей шапочку из могильника Чем-шай и вместе с тем утверждает, что головной убор типа такьи развился из шлема, который служил головным убором степняков-кочевников Европы и Азии и использовался ими во время войны. Позже этот вид головного убора проник к населению, жившему на стыке лесной и степной зоны и был распространен в наиболее зажиточных слоях деревни.

Отмечая, что имеющийся материал позволяет связывать происхождение такьи со шлемовидными головными уборами, автор пишет, что куполообразные шапки-шлемы были известны у монголов (стр. 57). Нельзя не заметить хронологического разрыва в триста лет между шапочкой могильника Чем-шай IX—XI вв., с которой справедливо связывает автор современную такью, и монгольским шлемом. Едва ли широкие аналогии, приведенные в данном случае, помогают разрешению вопроса о происхождении такьи. Сферические шапочки, облегающие голову, известны на значительном пространстве Евразии. Их можно указать в археологическом материале первых веков Средней Азии, а также в Прикамье, где они встречаются в ломоватовской культуре VII—IX вв. Такого же типа шапочки изображены на каменных бабах Восточной Европы, подавляющая часть которых датируется VII—X вв. н. э.

Ряд соображений, высказанных автором в данной главе, показывает, что этот тип головного убора имеет очень древнее местное происхождение. В частности, об этом достаточно убедительно говорит то, что термин такья осмысливается удмуртами, как петушиный гребень. Автор прав, усматривая в этом аналогичное сопоставление женских головных уборов и птиц, наблюдаемое у многих соседних народов.

Много дает для выяснения проблемы этногенеза анализ других женских головных уборов, а также прически. Следует согласиться с автором, что айшон замужних удмурток связан с головным убором скифских женщин, известным, в частности, по пластинке из кургана Карагодеуаш. Но едва ли правильно связывать головной убор «подургу» с шапочкой могильника Чем-шай.

Хотелось бы отметить, что покрывало сюлык из тяжелой парчевой ткани с растительным орнаментом, распространенное среди удмурток Марийской и Башкирской АССР, необходимо отнести к влиянию татар.

К сожалению, очень мало остановился автор на характеристике обуви, не указав, и здесь, чем отличаются лапти удмуртов от подобной обуви соседних народов и русских.

В главе, посвященной анализу украшений, автор тоже обращается к археологическим данным. Но, к сожалению, привлекая материал могильника Чем-шай, В. Н. Белицер не отметила наблюдений профессора Казанского университета И. Н. Смирнова над поздними могильниками удмуртов XVII—XVIII вв., резко отличающимися от более ранних бедностью металлических украшений. Это наблюдение подтвердилось и более поздними археологическими исследованиями советского периода. Если сравнить материал могильников типа Вуж-шай, датируемых XVIII—XIX вв., с материалом X—XI вв., то эта разница резко бросится в глаза. Нельзя не заметить, что среди поздних украшений очень мало типично удмуртских; большинство их принадлежит к привозной продукции. Это отмечает и автор (стр. 71), указывая, что центром изготвления металлических украшений в XIX—XX вв. была Рыбная слобода (ныне Лаишевский район, Татарской АССР), откуда торговцы-татары развозили готовые изделия в самые отдаленные районы. В этом отношении татары продолжали традицию волжских болгар, торговавших с древними удмуртами. Отличие, однако, заключается в том, что поздние удмуртские украшения, в частности, изображенные на рис. 37, все представляют продукцию татарских ремесленников, в то время как в X—XI вв. болгарские и среднеазиатские привозные украшения были в меньшинстве.

Нельзя согласиться с интерпретацией привески — демдора (фиг. 3 на рис. 72). Изображение всадника, окруженного бегущими животными, должно быть сопоставлено с изображениями охоты на сасанидских блюдах, во множестве находимых на территории Приуралья. Автор не прав, утверждая, что конь всадника попирает нога-

ми пресмыкающихся и каких-то других животных. Расположение фигур бегущих животных не дает никаких оснований делать подобный вывод. Неверно сопоставление рисунка на данном демдоре с изображениями всадников, сидящих боком на конях, встречаемых в археологических материалах V—X вв. и в более ранних культурах на территории Прикамья. Этот мотив ничего общего не имеет с опубликованным демдором.

Глава «Костюмные комплексы в женской одежде» наиболее интересна для решения вопроса этногенеза удмуртов. Здесь определены северный и южный локальные комплексы. Первый имеет ряд своеобразных черт, свойственных только северному удмуртскому костюму, и элементы, сближающие его с одеждой луговых мари, мордвы-ерзи, некоторых групп чувашей, а также южных коми. Второй комплекс, распространенный в южных районах Удмуртской АССР, сохраняет, как убедительно показал автор, древние культурные элементы, восходящие к эпохе ананьинской культуры I тысячелетия до н. э., когда местные племена находились под влиянием скифо-сарматской культуры, и более поздние — татарские, бытование которых объясняется территориальной близостью удмуртов и татар. Определены и два других комплекса, представляющие варианты первых двух.

Отметил автор и элементы одежды, характеризующие принадлежность к различным возрастным группам. Достаточно полно отмечены в книге черты костюма, общие с одеждой мордвы, мари, чувашей, бесермян и даже татар. Это объясняется, по мнению автора, общностью происхождения, культурной близостью, одинаковым уровнем хозяйственного развития, одинаковыми природными условиями. Все эти народы были жителями лесной полосы, у всех у них земледелие вначале было подсечное, они возделывали примерно одни и те же культуры, а дополнительными занятиями для них служили лесные промыслы и разведение домашних животных (стр. 85).

В данном случае следовало бы отметить, что эти общие черты появляются с первых веков н. э. на значительной территории Среднего Поволжья и Прикамья, в то время, когда на этой территории складывается союз племен. Именно тогда возникло много общих черт среди украшений различных племен, населявших области от нижней Оки до средней Камы. Сходство форм земледельческих орудий, повидому, объясняется общими природными, в частности почвенными условиями. Но едва ли этот фактор может объяснить сходство орнаментальных мотивов и форм отдельных частей костюма. Скорее всего, в этом отношении сыграло большую роль политическое объединение, каким был союз племен первых веков н. э.

Касаясь культурных связей с другими народами, автор правильно определил культурное влияние скифо-сарматского мира, но, к сожалению, не остановился на влиянии аланских племен, которые в эпоху Хазарского каганата захватили в сферу своего влияния все Среднее Поволжье и Приуралье. Автор отмечает, что в развитии женского удмуртского костюма особенно большую роль сыграла русская культура, русский народный костюм. Однако, не мешало бы проследить это влияние не с конца XVI в., а указать и древнюю Вятку, основанную новгородцами, о чем говорит «Вятский летописец», дошедший до нас в ряде поздних списков XVIII—XIX вв. В этом документе описан поход новгородцев по Каме, Чепце и Вятке через земли удмуртов.

Интересен анализ и мужской одежды, данный в следующей главе. Детальный анализ большого материала позволил автору выделить два комплекса: северный и южный, соответствующие двум женским группам.

Интересно, что в северном костюме сохранились элементы, связанные с северной, лесной, охотничьей культурой, а в южном элементы скотоводческие — степенные. Автор особо подчеркнул, какую большую роль в развитии мужской одежды удмуртов сыграло многовековое общение с русским народом и его культурой. Хотелось бы отметить, что конусообразные шляпы, распространенные среди удмуртов Башкирской, Марийской и Татарской АССР, напоминающие головные уборы казанских татар, должны быть сопоставлены с коническим головным убором воина, изображенного на могильной плите из Ананьинского могильника.

Вполне обоснованно автор выделил в отдельную главу одежду бесермян, живущих в пределах Удмуртской АССР. Вопросу о происхождении бесермян посвящено немало исследований. Одни исследователи считали бесермян потомками булгар, попавших в среду финского населения, другие — отатарившимися удмуртами, третьи — остатками угров, которые населяли некогда Приуралье, а затем ушли в Венгрию, где есть маленький мадьярский городок Бессермен. Высказывалась мысль о близости слова бессермен с биармией и многое другое. Тщательный анализ позволил автору убедительно выделить комплексы мужской одежды, один древнейший, второй близкий костюму удмуртов и третий, получивший распространение только в последнее время. Особенно интересен анализ женской одежды бесермянок, в которой вскрыт ряд наслоений. Положение, к которому приходит автор, выделяя общие с костюмом удмурток более древние дотатарские элементы, уходящие своими корнями еще в булгарскую эпоху, весьма убедительно.

В данной работе получила блестящее подтверждение точка зрения, высказанная в свое время И. Н. Смирновым в статье «Бесермяне Вятской губернии». Близость бесермянских головных уборов, покроя одежды и вышивки к чувашским позволила автору прийти к хорошо обоснованному выводу о том, что бесермяне — потомки древнего населения, по всей вероятности, булгарского, жившего в бассейне Чепцы, где

они подвергались культурному воздействию удмуртов и татар, восприняли удмуртский язык, некоторые элементы удмуртской и татарской культуры, сохранив в одежде следы своего болгарского происхождения.

Последняя глава книги «Тканый и вышитый орнамент» дает ясное и четкое представление как о самом орнаменте, так и о технике его изготовления. В этой главе подробно изложены технические приемы орнаментации и узоры, характерные для северной и южной группы удмуртов, а также для бессермян. Автор подробно остановился на геометрическом орнаменте, в частности веревочном, известном на этой территории с I тысячелетия до н. э., и более древнем — зубчатом и точечном. Необходимо, однако, заметить, что важнее было бы определить не столько самые элементы орнамента, распространенные весьма широко, сколько узоры, состоящие из него. Тогда бы автору достаточно было указать на сходство удмуртского узора с ананьинским и более поздним, что отмечено им, в частности, на стр. 122, и не понадобилось бы привлекать орнаментацию народов Ассирии-Вавилонии, Греции и Византии.

Большую ценность для выявления этногенеза представляют стилизованные изображения животных. Автор прав, сопоставляя их с археологическим материалом X—XII вв. Следует согласиться, что трактовка коня в орнаментике удмуртов отражает связи со скифо-сарматским миром.

Выводы, к которым приходит автор, не могут вызвать возражений. Наиболее древними, бесспорно, являются геометрический орнамент и изображения животных. Растительные узоры связаны с влиянием татар, а вернее, булгар XIII—XIV вв.

Тщательный анализ различных элементов одежды, ее орнаментации и технических приемов изготовления позволил автору придти к определенным выводам по этногенезу удмуртов, изложенным в заключительной главе книги.

Убедительно выделяется северный комплекс, связанный с культурой древнего аборигенного населения рек Чепцы и Вятки. Хорошо обрисован второй — южный, комплекс сложившийся на стыке лесной и степной зон, где сильней ощущалось влияние степных скотоводческих культур. Следует поставить в упрек В. Н. Белицер, что вслед за А. В. Збруевой она объединяет Прикамье эпохи бронзы со Средней Азией, степными районами Западной Сибири, Северным Кавказом, Средним и Нижним Поволжьем в одну область древних степных культур (стр. 130). Едва ли можно говорить о том, что влияние бронзовых культур Средней Азии, Северного Кавказа, Западной Сибири было настолько сильно, что сказалось на сложении костюма или его орнаментации. Пожалуй, ошутими только элементы, заимствованные от скифских и сарматских племен и погавшие по наследству от ананьинской культуры. При характеристике удмуртской одежды нельзя пройти мимо большого воздействия булгар и позднее казанских татар.

Подводя итоги своему исследованию по этногенезу удмуртов, автор кратко отметил другие источники, позволяющие проследить процесс этногенеза, археологические данные, различные категории этнографических данных и пришел к хорошо обоснованным выводам о наличии двух комплексов одежды, соответствующих двум диалектам удмуртского языка. Эти два костюма в основном совпадают с территориальными границами племен вятка и келмес. Народная одежда несет в себе, помимо местных, другие черты, связанные с элементами, заимствованными у соседних народов, и отражает длительный исторический путь.

Исследование В. Н. Белицер значительно продвигает вперед изучение этногенеза удмуртского народа и по существу впервые дает историческую интерпретацию удмуртской народной одежды. К этой книге будут обращаться все занимающиеся изучением вопроса этногенеза народов Поволжья и Приуралья.

Книга хорошо иллюстрирована. Особо следует отметить высокое качество цветных иллюстраций, выполненных по рисункам художников Е. П. Пятницкой и Н. А. Юсова.

А. П. Смирнов

Г. С. Маслова, *Народный орнамент верхневолжских карел*, Академия Наук СССР, Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. XI, М.—Л., 1951.

Книгу Г. С. Масловой «Народный орнамент верхневолжских карел» можно считать первой научной работой по орнаменту народов Советского Союза.

Орнаментом русского народа и многих других народностей СССР интересовались и у нас, и за рубежом. Одни проявляли любительский подход, пользуясь небольшим конкретным материалом, они интересовались лишь элементами орнамента, любовались его красками. Другие (например, Геккель, Сирелиус) при обработке этнографических материалов создавали порочные реакционные концепции с националистическими тенденциями, пытались строить эволюционные ряды. Г. С. Маслова противопоставляет метод своих исследований методу буржуазных ученых, касавшихся народного орнамента. Она утверждает: «Развитие искусства определялось конкретно-исторической средой, мотивы орнамента — реальные образы, отражающие действительность».

В основу рецензируемого исследования положен материал, собранный Г. С. Мас-

ловей в ее многочисленных экспедициях. Ценность этого материала в том, что сбор его не был случайной фиксацией встречавшихся фактов. Г. С. Маслова уже в поле, на месте, анализировала орнамент, осмысляла его, давала ему объяснение. Описывая материал, она берет каждое явление во всей его сложности и выясняет время его возникновения, пути развития и характерные особенности. При выяснении времени возникновения того или иного явления автор, наряду с опросом населения и изучением территории распространения данного явления, использует исторические сведения и археологический материал. Это позволило довести многие элементы ретроспективно до эпохи бронзы и даже неолита.

Одна из главных задач автора — разбор смыслового значения орнамента. Интересны и ценны наблюдения над образами, первоначально связанными с верованиями. Так, Г. С. Маслова убедительно показывает, как иконографические композиции богини плодородия, первоначально связанные с культом растительности, теряли религиозно-культовое значение и постепенно заменялись жанровыми мотивами. По мнению Диница, древнее религиозное осмысление таких композиций у русских исчезло не ранее периода феодальной раздробленности; Г. С. Маслова устанавливает, что у карел оно продолжалось значительно дольше и затем повсеместно утратилось.

На основе анализа элементов узоров сорók автор разделяет все узоры на три группы: 1) изображающие животный и растительный мир, окружающий карел; 2) геометризованные узоры, восходящие в своей основе к изображению животных, растений, человеческих фигур и явлений природы; 3) чисто геометрические узоры, среди которых имеются и древние, и сравнительно поздние элементы, образовавшиеся в результате длительного процесса их изменения. (стр. 64).

В развитии орнамента карел Г. С. Маслова выделяет два течения: 1) процесс геометризации изобразительных элементов и 2) процесс все большего развития реалистических начал. Последнее определяет собой характер народного карельского орнамента.

Значительное место в книге уделено вопросам композиции и стиля, но в решении их есть недостатки. Композицию автор понимает только как связь элементов орнамента, мало освещен вопрос о взаимоотношении композиции с фоном, не затронут вопрос об окаймлении узоров. Для карельских узоров характерно почти полное отсутствие каймы, в то время как у других народностей, например, у русских восточной части Рязанской области и северо-западной части Пензенской области, а также у некоторых групп мордвы (с. Дракино) кайма сильно развита при слабом развитии узора.

Вопросы стиля затрагиваются вскользь. Не исследован вопрос о том, как создаются узоры, как они передаются, а материал для этого имеется; в ряде мест (например, в русских селах Рязанской и других областей) имеются целые полотна с вышитыми элементами узоров, по которым учат девочек шить. Мастерицы рассказывают, как они варьируют эти элементы, как передают их друг другу и т. д. Подобные данные было бы желательно получить и по вышивке верхневолжских карел.

Крупным недочетом работы надо признать почти полное отсутствие внимания к расцветке орнамента и связи ее с техникой и материалом. А вопросы окраски, цветовая гамма, очень важны для понимания орнамента. Окраске присущи специфические национальные особенности, которые надо было выявить более ярко и четко.

Сопоставляя орнамент карел с мотивами и сюжетами русского народного искусства, Г. С. Маслова доказывает исторически обусловленное родство русского и карельского орнаментов, опровергая таким образом положения финской буржуазной этнографии о единстве орнаментального искусства у всех финских народов. «Особенности вышивок полотенец, — пишет она, — говорят о тесной связи с русским населением на первоначальной территории и в Тверском крае». Самый факт переселения карел в Верхнее Поволжье после Столбовского мира, как справедливо указано в работе, объясняется близостью карел к русской культуре, естественной тягой карельского народа к русскому, как к могущественному другу, защищающему от врагов.

В книге подробно рассматриваются и специфические особенности карельского орнамента. Отмечается характерная для него насыщенность изображениями животных, расположенными горизонтальными и диагональными рядами. Такая форма орнамента неизвестна у других народов СССР. Датируя на основании археологических раскопок в Псковщине наличие в орнаменте изображения оленей X в., автор очень остроумно ставит вопрос об исчезнувшей веси егонской, оставившей след лишь в названиях рек и урочищ, и делает предположение об остатках элементов ее искусства в искусстве современных нам карел. Г. С. Маслова утверждает: «Слияние в процессе этногенеза принесенных карелами узоров с местными, близкими к ним образами создало сложный, богатый и разнообразный комплекс зооморфных узоров, нигде не получивших такого яркого выражения, как на территории Верхней Волги» (стр. 127).

Орнамент карел выявляет древние связи с Прибалтикой (восьмиконечная звезда), с Верхней и Средней Волгой и бассейном Оки (вышивка косым швом, с черным шелком в контуре); отмечается связь карел с Новгородом (двусторонний шов), с Суздалем (женская фигура в центре), со Смоленском (цветная перевить и ряд геометрических узоров), с Ярославлем XVI в. (строженные вышивки с цветным контуром). Все это богатство орнамента карел автор объясняет сложностью истории народа и края (стр. 136).

Отметим некоторые недостатки, относящиеся к качеству издания. В книге мал. цветных рисунков и выполнены они недостаточно четко, слабо выявлена фактура ткани, не передана техника вышивания (см. табл. XVI, рис. 1, табл. XXIII, рис. 1—2, табл. XXV). Также нечетки и все остальные рисунки. Не выдавшие подлинных вещей по этим рисункам не могут получить о них правильного представления. Правда, тщательно составленные надписи в некоторой мере исправляют этот недостаток, дают возможность разобратся в материале. Но это не разрешение вопроса при издании книг по орнаменту.

В целом книга Г. С. Масловой представляет собой ценный вклад в науку как по количеству и качеству собранного материала, так и по интерпретации его, методам работы и основным выводам. Помимо того, она является полезным трудом, толкающим к развертыванию работы по собиранию и изучению орнамента других народов Советского Союза.

Н. Лебедева

Т. А. Крюкова, *Марийская вышивка*. Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Государственный музей этнографии народов СССР, Л., 1951, 192 стр

Народное изобразительное искусство марийцев чрезвычайно богато отражено в вышивке. Марийский народ издавна славился своим умением вышивать, и созданные марийскими женщинами предметы одежды, головные уборы, покрывала являются высокохудожественными произведениями подлинного народного искусства. Поэтому издание специальной работы, посвященной марийской вышивке, представляет большой интерес не только для исследователя этнографа, художника, но и для широких слоев населения нашей страны. Опытный музейный работник Т. А. Крюкова лично собрала большие коллекции для Государственного музея этнографии народов СССР, лучшие образцы которых опубликованы в рецензируемом альбоме.

Альбому предпослано предисловие Л. П. Потапова и богато иллюстрированная (39 рисунков в тексте), вводная статья Т. А. Крюковой, посвященная анализу марийской вышивки. Альбом состоит из 49 таблиц с изображениями частей марийской одежды, головных уборов, различных бытовых вещей, украшенных вышитым орнаментом. 20 таблиц в альбоме сделано в красках. Предисловие и статья даны на двух языках: русском и марийском. Альбом богато и изящно оформлен; текст статьи и таблицы напечатаны на меловой бумаге.

Вводная статья Т. А. Крюковой представляет собой по существу пространное пояснение к приложенным таблицам. Она начинается введением, в котором автор рассказывает в общих чертах о богатстве и разнообразии марийского искусства, сообщает коротко о материале и технике, о творцах-исполнителях, а также о том, какие вещи украшаются вышитым орнаментом, подчеркивая при этом возрастные и локальные особенности вышивки.

Т. А. Крюкова высказывает интересные мысли о том, что искусство, в частности вышивка, возникла на ранних стадиях общественного развития из производственной практики человека в связи с развитием его мышления. Вышивка тесно связана с бытом народа, отражает его художественные вкусы и эстетические потребности.

Дальнейшие главы работы посвящены специально вышивке, расположенной на отдельных частях женской и мужской одежды: рубашках, кафтанах, головных уборах и поясных украшениях. Все эти главы написаны примерно по одному плану. Основное внимание в них уделено описательному материалу: расположению вышивки, характеристике орнамента, локальным особенностям. Специальные главы посвящены расцветке, терминологии и технике.

Во втором разделе статьи дано описание марийской вышивки после Великой Октябрьской социалистической революции. В этом разделе Т. А. Крюкова останавливается на организации вышивальных артелей, ассортименте выпускаемых изделий, новой советской тематике.

Автор книги — серьезный исследователь, известный своими интересными работами в области этнографии народов Поволжья, много лет специально занимающийся изучением марийского народа.

Однако с сожалением приходится отметить, что данная статья не лишена существенных недостатков.

Изучение народного искусства, в частности вышивки, нельзя отрывать от истории самого народа, его экономики и быта, вместе с которым искусство живет и развивается. В искусстве, как и в других видах народной культуры, существует преемственность. Новое развивается на базе старого. Автор же очень мало внимания уделяет развитию вышивки, не прослеживает тех изменений, которые происходят в ней на различных этапах общественного развития марийского народа. Пользуясь в основном материалами XIX и XX вв., Т. А. Крюкова для выяснения более ранних форм марийского искусства не привлекает археологический материал, который помог бы

установить развитие вышивки на более ранних этапах, определить материал, характер отделки, излюбленные мотивы в орнаменте и т. д. Крайне нечетко проведены также различия между вышивками более ранними, относившимися к XVIII в., и более поздними — конца XIX и начала XX в., когда в связи с проникновением капиталистических отношений в марийскую деревню наблюдалось падение вкуса, увлечение узорами с обертот брокеровского мыла. Правда, автор коротко упоминает об изменениях и расцветке и технике шитья (стр. 80), но совершенно не акцентирует на этом внимание читателя.

При описании вышивки горных, луговых и восточных мари автору следовало бы коротко охарактеризовать эти группы марийского народа и сказать об их культурных различиях.

В работе Т. А. Крюковой почти нет сравнительного материала. Марийская вышивка взята совершенно изолированно от художественных работ окружающих народов — русских, чувашей, татар и мордвы, — с которыми она имеет много общего в расцветке, технике шитья, общем оформлении узора и композиции. Вместе с тем не показаны и специфические черты, присущие только марийской вышивке. Говоря о вышивке на рубашках и головных уборах горных мари, нельзя было не коснуться почти тождественной вышивки у верховых чувашей-вирьял, с которыми горные мари имели тесные культурно-исторические связи в продолжение многих столетий и продолжают сохранять культурную близость вплоть до наших дней. Описывая вышивку на марийской сороке, следовало бы подчеркнуть близость как вышивки, так и самого убора к сороке русских, а также верхневолжских карел. В тексте совершенно не проведены параллели с другими видами марийского народного искусства; не указаны общие орнаментальные мотивы в ткани и вышивке, в резьбе по дереву, на металлургических украшениях и керамических изделиях.

В работе очень мало внимания уделяется анализу орнамента; автор не делает попыток раскрыть содержание и проследить трансформацию отдельных образов, объяснить распространение определенных узоров. Отмечая наличие таких изображений, как «предстоящие у древа» фигуры коней и оленей, автор должен был более подробно остановиться на развитии этих сюжетов, отметить их специфические черты в марийской вышивке, привлечь сравнительный материал.

Совершенно ничего не сказано об изображениях птиц, весьма специфичных для вышивки луговых мари на рубашках и головных уборах. Указывая на постепенную геометризацию животных форм, следовало бы показать этот переход в рисунках на отдельных фигурах.

Очень мало внимания уделено анализу геометрических форм. Хорошо было бы дать таблицу основных элементов и указать их терминологию. Такое же пожелание надо высказать и по отношению к технике шитья. Правда, Т. А. Крюкова подробно описывает разнообразные швы, встречаемые в вышивке, перечисляет их названия, но для большей наглядности следовало бы показать основные швы в таблице, дав их названия.

Высказав правильную точку зрения на происхождение и развитие искусства в своем вступлении, автор на последующих страницах работы отходит от этого положения и повторяет порочные взгляды Н. П. Гринковой о магическом воздействии наруканной вышивки на производительность руки и ее мощь. Выдвигая это положение и подтверждая его ссылкой на написанную еще в 1934 г. статью Н. П. Гринковой, проводящую антинаучные концепции Н. Я. Марра, автор тем самым показывает и свое неполное освобождение от влияния этих концепций.

Совершенно искусственно выделяет Т. А. Крюкова также главу, посвященную обрядовой вышивке, в которой развивает тему о магической и обрядовой «функции» вышивки. Вышивка же на обрядовой и культурной одежде по существу не имеет никакой специфики, а сохраняет в ряде случаев лишь наиболее архаичные формы. Гораздо целесообразнее было бы остановиться на праздничной одежде, на бытовых предметах: полотенцах, скатертях и покрывалах, которым уделено в работе очень небольшое место.

Многие определения, приводимые автором, расплывчаты и нечетки. Т. А. Крюкова очень часто оперирует термином «функция», вкладывая в этот термин самое различное содержание. Так, например, на стр. 15 и 21, говоря об иллюстрациях и терминологии, она указывает, что эти материалы помогают вскрыть «функцию данной вышивки в прошлом»; на стр. 39 пишет «о функциональной значимости вышивки»; на стр. 58, говоря о поясных украшениях, подчеркивает, что они представляли собой «поясные полотенца с вышитыми концами и выполняли обрядовую функцию на свадьбе». На стр. 66 читатель узнает, что «орнаментированные предметы одежды исполняли нередко в похоронном обряде обрядовую функцию», а на стр. 69 автор рассматривает «случай перенесения функциональной семантики». Можно привести еще и другие примеры, когда слову функция не дается четкого определения.

Еще в 1948 г. во время дискуссии по вопросам фольклористики на заседаниях сектора фольклора Института этнографии Академии Наук СССР С. П. Толстов, подводя итоги обсуждения, предлагал отказаться от термина «функция». Он указывал, что в это понятие насильственно включается все; что угодно, причем каждый понимает «функцию» по-своему. Этнографы и фольклористы, рассматривая функцию предмета, часто теряют из виду самый предмет. Не то же ли наблюдаем мы и в работе

Т. А. Крюковой, когда она, рассматривая различные функции вышивки, теряет из поля зрения самый предмет исследования?

Отмечая весьма существенные недостатки книги, нельзя отрицать и ее положительного значения. Публикация материалов по марийской вышивке, без сомнения, окажет влияние на дальнейшее развитие национального марийского искусства.

Учитывая это, необходимо всемерно совершенствовать практику издания работ по изобразительному искусству народов нашей многонациональной Родины.

В. Белицер

СТРАНЫ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Словацкие сказки. Перевод со словацкого Д. А. Горбова. Художественное оформление В. И. Таублера. ГИХЛ, М., 1950.

Фольклор словацкого народа, как и весь славянский фольклор, отличается большой художественностью, разнообразием и высокой степенью развития. СобираТЕЛЬСКАЯ работа в Словакии также была развита. Богат и иллюстративный этнографический материал, который может быть использован для фольклорных изданий. Между тем сборник «Словацкие сказки», хотя и заключающий много ценного, носит несколько случайный характер и не дает достаточно полного представления о богатстве народного творчества словаков. Случайность его характера объясняется тем, что рецензируемый сборник является в основном переводом школьного издания сказок, подобранных из пятитомного свода сказок Подивки, тексты которого были записаны собирателями с половины прошлого века, а отчасти из самого свода. Заимствование текстов из школьного издания сказок наложило на сборник особый отпечаток и снизило его научную значимость. Сказки школьного сборника, конечно, были подобраны с учетом потребностей средних учебных заведений в буржуазной Чехословакии. Отсюда притупление социально-острых моментов, характерных для народной сказки. Собиратели, редакторы, издатели старательно сглаживали «острые углы». Качество сборника снижает также то, что тексты, помещенные в нем, возможно уже во время записи (часть их была записана около 100 лет назад), подверглись редактированию. Собиратели в поисках наиболее древней «первоначальной редакции» по своему усмотрению отбрасывали в подлинных текстах все, что отражало современную действительность. Вследствие этого народный быт словаков даже того времени представлял в сказках архаизированным. При чтении текстов рецензируемого сборника это ясно ощущается.

Сборник «Словацкие сказки» содержит 28 текстов. Преобладают волшебные сказки (около половины), сатирически-бытовых — четвертая часть, кроме того, имеются сказки о животных и подбор преданий о Яношике.

Словацкие сказки — творчество народа, жившего в XIX в. в условиях развитых феодально-крепостнических отношений; эти сложные социальные отношения и отражены в сказках; влияние капитализма чувствуется в них гораздо слабее. Сказки отличаются в то же время глубокой народно-поэтической традицией.

Словакия в прошлом была страной по преимуществу отсталого сельского хозяйства, что резко отличало ее от индустриальной Чехии. Поэтому город в сказках бледен и условен, торговля упоминается только на ярмарках; основные действующие лица — крестьяне; изредка выведенные мастеровые — главным образом тоже деревенские ремесленники (кузнец, колесник, мельник, скорняк и т. п.).

Отходничество в сказках идеализировано: именно молодежь, ушедшую из деревни на несколько лет, ждут в пути необычайные удачи: «Кто по свету походит, тот всегда чего-нибудь раздобудет» (стр. 148). В этом сказалось стремление словацких крестьян вырваться из ограниченной скудной жизни деревни. Любопытно, что животных-путешественников хозяева избы, где они остановились на ночлег, принимают в темноте за мастеровых (очевидно, бродячих): рак — портной с ножницами (клешнями), утка — ткач с челноком (клювом), конь — сапожник с колодкой (копытом). Обычно место действия в сказках — замок (скорее напоминающий обыкновенную помещичью усадьбу, несмотря на золото и драгоценные камни, которыми он разукрашен) или крестьянская изба. При этом в большинстве сказок главным действующим лицом и в замке является так или иначе попавший туда бедняк — слуга или пленник; смысл сказки — посрамление им владельцев замка, а не условная роскошь жизни феодалов, их турниры, «волшебство» и пр. (сказки такого рода, хотя и есть в сборнике, но отличаются наибольшей книжностью и наименее художественны). Демократизм волшебных сказок роднит их с остальными сказочными жанрами словаков: наиболее насыщенными бытовым материалом и простыми по поэтике сатирическими сказками и животным эпосом. В фантастике сказок выступает извечная мечта народа о плодо-

творном труде, о техническом прогрессе (так, герой, которого серна ведет по лесу ночью, видит перед собой «живые огоньки» на кончиках ее светящихся рожек; чудесная мельница, доставшаяся бедняку, производит готовый хлеб, жаркое, фрукты при его заветном слове).

В сказках встречается отражение общественно-политического устройства, сохранившегося еще приблизительно до XVIII в.; в них появляются вербовщики в армию, суд сопровождается пытками на колесе, поджевиванием за ребро и т. д.

Жизнь слуг в замках очень тяжела, они страдают от беспредельной жестокости и произвола со стороны не только самих владельцев, но и более привилегированных слуг: так, лесника Янко, возбудившего удачной охотой зависть старшего лесника, тот приказывает ежедневно избивать шомполами («Лесник Янко и три собаки»); знахарь-отгадчик насильно заперт для гадания у «владелицы замка».

Отчетливо проступает в сказках социальный антагонизм трудовых слоев общества и их угнетателей. Противниками крестьянина (овчара, земледельца), королевского слуги (конюха, лесника, повара) выступает неизменно «пан» — землевладелец, феодал или «барыня», король, поп. Последние выведены всегда гротескно и ярко. Пан, у которого крестьянин перебил его челядь, в отчаянии: «Что я теперь делать буду без слуг? Если никто не станет на меня работать, я с голоду помру» (стр. 97). В другой сказке иронически говорится: «Ну, а завелись деньги, так и жена поумнела: разве богатые глупыми бывают?» (стр. 176). Королевская дочь, выданная отцом за лесника по данному королем обязательству, стыдится брака с ним и стремится причинить ему зло. О многом говорит включенная в сказку поговорка: «В лесу волк — барин».

Торжествует в сказках всегда представитель социально-угнетенной стороны: судья, желающий рассудить тяжбу богача с бедным соседом в пользу первого, оказывается одураченным («Женская мудрость»); попов работник заставляет своего жадного хозяина буквально глосать под его скрипку («Веселая скрипка»). Характерно пародийное изображение дворянских нравов и обычаев, например, дуэли. Волк вызывает на дуэль обманувшего его сапожника, причем секундантами того являются кот с «саблей» — хвостом и хромой пес. В этой же сказке звучит протест и против засилья церковников: волк-неудачник решает стать священником, — пока он выгнем отпевал издохшего козленка, привлеченные этим крестьяне избили его цепями.

Наибольшей социальной остротой в сборнике отличаются предания о народном герое XVIII в. Яношике. По стилю они близки к русским преданиям о Степане Разине. Это — тип «благородного разбойника, нападающего на замки и раздающего добычу беднякам. Характерен повод, по которому Яношику пришлось уйти в разбойники: к его отцу-крестьянину пришел помещик требовать налог, и Яношик, возмущенный поведением слуг, избил барскую челядь. Став атаманом, он помогает деньгами случайно захваченным в плен студентам, которых он сначала заставляет рассказать себе и своим «хлопцам» — «неученым они были», «чему в университете учат», — так велика его жажда знания. Выставленное против него войско он склоняет на свою сторону. Преданный, несмотря на свою почти полную неуязвимость, и схваченный врагами, он отказывается от предложения короля о переходе на его службу и идет на казнь с песней. Перед смертью он ничего не сказал ни о своих товарищах, ни о скрытых им кладах. Пойски этих кладов (например, груза дукастов, отнятых Яношиком у королевской скарны, везшей их в казну из чеканки) составляют содержание ряда преданий. В образе Яношика вольнолюбивый словацкий народ видел своего защитника, борца против помещиков-богачей и против иностранных поработителей, против которых сражался Яношик со своими «хлопцами».

Тексты преданий о Яношике отличаются по своей социальной заостренности от остальных текстов сборника, что не случайно, так как они частично взяты из другого словацкого издания и затем контаминированы.

Текстам сборника предпослано краткое предисловие. В нем декларативно говорится о «художественных достоинствах и содержательности» словацкого фольклора; без раскрытия на конкретном материале приведены две цитаты из А. М. Горького об оптимизме народного творчества и о необходимости для создателя образа народного героя самому участвовать «в творчестве действительности»; о социальном протесте, звучащем в фольклоре, сказано также общо, лишь с беглым упоминанием Яношика и Попельвара — представителей угнетенного крестьянства. Интерес представляет указание на общность словацких сказок с русскими.

Значительным недостатком является то, что предисловие не вводит читателя в историю и экономику народа, применительно к публикуемому фольклорному материалу. Соответствующий раздел предисловия желателен, так как он помог бы понять мировоззрение народа, отраженное в фольклоре, «обстановку», в которой он создавался и бытует. Без такого раздела отображение в сказках реальной трудовой жизни народа в определенный исторический отрезок времени во многом неизбежно ускользнет от читателя.

В сборнике же «Словацкие сказки», при полном отсутствии паспортизации, — известно даже, когда и в какой части Словакии был записан тот или иной текст, какие этнографические особенности района его записи могли здесь отразиться.

Мало дает для ознакомления с бытом словаков и иллюстративный материал книги: в ней имеются лишь заставки к каждой сказке в стиле народного орнамента.

в основном растительного. Обложка — двухцветная, под синюю набойку. Издание значительно бы выиграло, если бы были помещены рисунки и фотоснимки этнографического характера: типы словakov в национальных костюмах, жилище, орудия и утварь, пейзажи Словакии и т. п.

В языке сказок местами чувствуется литературная обработка, производившаяся собирателями с целью их «облагораживания»: несвойственный народной речи усложненный синтаксис с обильным придаточных, в особенности деепричастных, предложений, смягченная лексика, лишь с местами прорывающимися меткими и грубоватыми выражениями. Степень обработки некоторых текстов напоминает украинские сказки Гоголя (см. «На всех не угодишь»). Так, вводная часть к преданиям о Яношике — с точным географическим описанием местностей, где действовал отряд Яношика, — составлена, несомненно, самим собирателем, с целью показать просторы своей родины и занимаемое ею положение в центре Европы. «Представь себе обильные леса и водами пространство, омываемое Римавой, Сланей, Гроном, Горнадом, Попрадом, Вахом, Оравой, Турцем, Нитрой, Кисуцей и граничащее с Моравией, Силезией, польской Галицией, а на юге доходящее до Дуная. Вот там и появился в 1711 году настоящий Яношик» (стр. 33).

Несколько слов о переводе. В основном он отличается достаточной художественностью. Вообще Д. А. Горбов известен как добросовестный переводчик. Своеобразный колорит придает языку сказок сборника помещение глагола на последнем месте и сохранение этого даже в ритмизованных речениях в «общих местах»: конь начал «с борозды на борозду, с межи на межу, с полосы на полосу скакать» (стр. 120). Некоторые шероховатости все же останавливают внимание. Непонятно, что значит выражение «лепешки из золы», — вероятно, испеченные в золе, как об этом способе говорится в сказке «Три прачки». Не по-русски звучит выражение «изблизи стал мантий»; в то же время своеобразие словацкой народной речи нарушается русизмами вроде: «по гóрам, по долам», «смотрит как баран на новые ворота» (стр. 121). Неточность перевода дала противоречие: название сказки «Пастух Янко и прекрасная змея», а в тексте ее Янко «увидал под деревом страшную змею». Неудачен перевод понятия «знахарь» — «пророк».

Издание сказок словацкого народа в настоящее время, при интересе советской общественности к странам народной демократии, очень своевременное. Но картина Словакии, вырисовывающаяся в сказках, не соответствует ее состоянию на сегодняшний день. При издании старинных сказок, изменив и самый подбор их, надо было говорить, что это — прошлое народа, и дать хотя бы краткое описание происходящей сейчас в Словакии упорной борьбы за перестройку труда и быта, перспективы ее на будущее.

Можно пожелать, чтобы в ближайшее время был подготовлен и издан больший по объему, более современный по времени записи текстов, комментированный сборник словацких сказок, что дало бы возможность советскому читателю ближе познакомиться с народным творчеством Словакии.

Р. Лунец

НАРОДЫ АФРИКИ

A. T. Bryant, *The zulu people. As they were before the white man came.* Pietermaritzburg, 1949.

Автор книги — миссионер, проживший среди зулусов около полусотни лет. В течение многих лет он работал преподавателем языков банту в университете Витватерсранда (Южно-Африканский Союз). В 1903 г. он опубликовал зулу-английский словарь, в 1929 г. — капитальное исследование по зулусам: «Старые времена в Зулуленде и Натале». Настоящая книга является его последней работой, обобщающей его личные наблюдения и исследования в течение полустолетия. Автор использовал всю вышедшую до сих пор литературу по истории и этнографии зулусов. Рецензируемая работа может рассматриваться поэтому как последняя, наиболее полная сводка наших знаний по зулусам, какими они были до порабощения их английским империализмом, сделанная наиболее компетентным человеком.

Автор — не только знающий жизнь зулусов человек. В отличие от подавляющей части буржуазных историков и этнографов африканских народов, банту в частности, он человек честный, его симпатии на стороне зулусов. Свой труд он посвящает зулусам — «моим компаньонам и друзьям».

Давая обстоятельную, пространную характеристику антропологического типа зулусов, он восхищается их физической красотой, «Зулусы пользуются широко, известной и заслуженной репутацией очень красивых людей. Они и на самом деле красивы» (стр. 92). Автор дает правильное объяснение черного цвета кожи негритянского антропологического типа, указывая на его защитную функцию (стр. 100).

Книга посвящена описанию жизни зулусов до прихода белых колонизаторов, и потому автор не касается совершенно чудовищной политики расовой дискриминации и империалистической эксплуатации зулусов, осуществляемых англо-африкандерскими помещиками и капиталистами. Однако частные замечания и сравнения, разбросанные по всей книге, позволяя составить правильную оценку той «цивилизации», которую принесли зулусам английский империализм.

Так, например, автор прямо заявляет, что такие болезни, как туберкулез, тиф, проказа и другие, не были известны зулусам, они появились и получили широкое распространение в период английского империалистического господства. Ссылаясь на официальный документ — доклад Южноафриканского института медицины, опубликованный в апреле 1932 г., автор указывает, что 72% африканцев, работающих в шахтах Йоханнесбурга, больны туберкулезом (стр. 122). Автор опровергает живое утверждение родоначальника современных реакционных расистских теорий Гобино о том, что «цивилизованный человек физически сильнее дикаря» (стр. 124).

В заслугу автору надо поставить и то, что он призывает рассматривать историю страны как историю ее народа. «Сегодня мы требуем, чтобы история страны была историей ее народа, простых людей не меньше, чем великих, чтоб она давала нам их происхождение, их борьбу и завоевания, их жизнь и думы...» (стр. 72).

Автор книги — буржуазный исследователь, миссионер. Присущая ему ограниченность буржуазного мировоззрения, окрашенного в миссионерский цвет, оставляет яркий отпечаток на всей его работе. Можно не ставить в вину автору то, что он совершенно обошел вопрос об империалистическом порабощении зулусов, поскольку книга посвящена их прошлому. Имеется ряд других, и серьезных, пороков.

Автор стоит на позициях географического детерминизма. «Народы, индивидуумы и массы растут подобно животным и растениям: они приспосабливаются к окружающей среде, и эта среда делает их. *Nolens volens*, примитивный человек был и остается вынужденным питаться, одеваться, строить, говорить, жить, расти так, как определяет или позволяет его окружение. Независимо от его внутреннего сознания, его средства и возможности определены его окружением, он должен или приспособиться к нему, или умереть» (стр. 73). Для автора не существует таких понятий, как способ производства, производительные силы, классы и борьба классов, никаких специфических общественных законов развития. Эта порочная концепция определяет весь характер описания жизни зулусов.

Автор старается выставить зулусов в самом лучшем свете и потому идеализирует примитивную жизнь зулусов. Он отвергает теорию «золотого века» (стр. 183), но тем не менее дает картину счастливой Аркадии (одна из глав книги — шестая — так и названа: «Повседневная жизнь в Аркадии»). По существу он стоит на позициях старой, выдвинутой первыми миссионерами в колониях, теории «добраго дикаря». Это своеобразный расизм. Для автора зулусы — это особая раса (хотя об этом он нигде не говорит): она не хуже и не лучше белой расы, это не низшая и не высшая, а просто особая раса с особыми, только ей присущими, чертами.

Автор не придерживается общепринятых в науке определений рода и племени и путает их. Термин «племя» он применяет лишь условно, с оговоркой «если хотите» (стр. 2), предпочитая собственное название — «родовая семья» (т. е. семья родов). Совершенно неправильно называет он племенем шестимиллионный народ зулу — коса, говорящий на языке, относимом к группе нгуни, а зулусов — родом, кланом. Поэтому описание общественного устройства племени он дает как общественное устройство рода.

Автор, подобно многим буржуазным исследователям, модернизирует общественное устройство зулусов. Посвященную этому вопросу 12-ю главу он назвал: «Государство и король». Он проводит совершенно неприемлемые параллели между общественным устройством зулусов, Спартой и рабовладельческим Египтом эпохи фараонов. Вождя племени он превращает в абсолютного монарха и деспота (стр. 460), а его главного советника в премьер-министра.

Зулусы до XIX в. еще не знали классового деления общества: они никогда не имели рабов и не торговали рабами; можно было говорить лишь о начальных стадиях феодальной эксплуатации народных масс вождями племен и старейшинами родов. Не знали они и государства. Впервые родовое устройство зулусов заменяется политическим, государственным устройством во второй четверти XIX в. и связано с именами Чаки и Днигаана. Но автор дает описание общественного устройства зулусов, каким оно было до Чаки и Днигаана, называя введенные ими изменения переходом к «тирании» (стр. 460).

Автор совершенно неправ в отношении Чаки и Днигаана. Это были выдающиеся люди в истории зулусов XIX в. Проведенная ими перестройка общественной жизни зулусов, неизбежно сопровождавшаяся насилием, была вызвана угрозой английского империалистического вторжения. В результате деятельности Чаки и Днигаана зулусы создали такую военную организацию, которая позволила им оказать английским захватчикам упорное сопротивление, вызвавшее восхищение Ф. Энгельса («Происхождение семьи, частной собственности государства»).

Автор противопоставляет «деспотизм королей» зулусов английской государственной системе, которая якобы свободна от коррупции (стр. 462). Имеется в книге немало и других, не столь значительных недостатков.

Тем не менее следует признать, что автор безусловно выделяется из среды идеологических оруженосцев британского империализма как положительная фигура и крупный знаток зулусов, что книга дает исчерпывающую этнографическую характеристику зулусов и является крайне ценным пособием для этнографа и историка.

И. Потехин

Rebecca Hourwich Reyer, *Zulu woman. Christina, First wife of Solomon, king of the Zulu. The story of a modern woman's rebellion against polygamy*. N. Y., Columbia University Press, 1948.

Рецензируемая книга написана полтора десятка лет назад, но появилась в свет только в 1948 г., в издании Колумбийского университета в Нью-Йорке. Сам автор объясняет это тем, что до второй мировой войны он не мог найти издателя, так как всюду получал один ответ: Зулуленд¹ очень далеко от Америки, и эта книга не сможет заинтересовать американского читателя. Автор ставит на этом точку и не объясняет, почему теперь, после второй мировой войны, Зулуленд оказался «близко» к Америке и почему теперь книга об Африке пользуется спросом. Дополним объяснения автора.

Капиталсложение американских монополий в Южной Африке уже в 1948 г. вдвое превышало сумму довоенных капиталовложений. Экспорт из США в Южно-Африканский Союз увеличился в шесть раз. Американские поджигатели войны оказывают фашистскому правительству Маланга щедрую помощь в превращении Южной Африки в военно-стратегическую базу. Правительство Маланга отправило в Корею эскадрилью самолетов в помощь американским разбойникам, заявило о своей готовности присоединиться к агрессивному Северо-атлантическому пакту и т. д. В Южно-Африканском Союзе начата добыча урановой руды. Вслед за американским капиталом, американским вооружением и третьесортными товарами в Африку двинулись разного рода коммивояжеры, советники, разведчики, этнографы и писатели. Африканская тематика занимает ныне видное место в продукции всех американских издательств. Теперь сочли нужным издать и залежавшуюся рукопись Ребекки Рейер «Женщина зулу».

«Женщина зулу» — не научное произведение; это — беллетристически изложенная история жизни зулусской женщины Кристины Сибья, одной из жен верховного вождя зулу, с которой американская журналистка познакомилась в 1934 г. во время посещения Зулуленда. Тем не менее эта книга представляет определенный интерес для советского этнографа.

В книге довольно четко обрисована одна из многих марионеток английского империализма в Африке — «король» Соломон Динзулу. Уже с самого детства Соломона старательно готовили к его будущей роли: сперва на о. Св. Елены, куда был сослан его отец за подготовку восстания против англичан, а затем в самом Зулуленде, где Соломон воспитывался в миссионерской школе под руководством епископа Коленса и его дочерей. В 1913 г., после смерти отца, Соломон становится правителем Зулуленда, «королем» зулу.

К этому времени основная масса зулу была сконцентрирована в Зулуленде, в различных районах которого были разбросаны резиденции Соломона: в Зибиндини, Махашини, Нонгома и др. Соломон являлся владельцем больших участков земли, примыкающих к этим резиденциям, ему принадлежало довольно значительное количество скота, унаследованного от отца. В каждой резиденции находился скотный двор, куда приходил Соломон, когда требовалось уплатить лоболо за очередную жену. По возможности Соломон старался уклониться от уплаты лоболоа. Это ему удавалось тогда, когда он брал девушку из семьи простого соплеменника; иногда же он уплачивал часть лоболоа. Число жен Соломона установить трудно, так как сама Кристина не могла определить этого. По словам Кристины, в каждой резиденции Соломона находились жены и «девушки»; за первых было уплачено лоболоа полностью или частично, за вторых лоболоа не было уплачено, и иногда, правда, очень редко, они возвращались к своим родным.

В центре резиденции, окруженной камышовой изгородью, находилась хижина «короля», вокруг которой располагались хижины его жен. В начале своего правления Соломон жил в обычной зулусской хижине, которая отличалась от хижин простых зулу большим размером и внутренним убранством. Бронзовая кровать с постельными принадлежностями (простынями, подушками) и искусно вышитым покрывалом, стол, покрытый разрисованной клеенкой, стулья, буфет с фарфоровой посудой — такова внутренняя обстановка хижины «короля». Позднее Соломон выстроил себе кирпичный дом европейского типа в Махашини. Стены дома были украшены портретами членов английского королевского дома. В шкафах хранились бутылки с виски и дорогие сигареты. Одевался Соломон в европейский костюм, преимущественно военный, носил

¹ Резерват банту (зулу) в провинции Наталь Южно-Африканского Союза.

бриджи и сапоги. Своих жен также одевал в европейские платья. Для разъездов по Зулуленду в его распоряжении имелись автомобили. По приезду в свою резиденцию он собирал всех жителей: жен, «матерей» (всех жен своего отца Соломон называл матерями), своих сестер с их мужьями и т. д. Каждая женщина, приближаясь к «королю», опускалась на колени и снимала с головы кувшин с пивом. По знаку «короля» она выливала глоток пива и протягивала ему кувшин. Иногда «король» делал глоток и передавал кувшин или обратно женщине, или кому-нибудь из своих приближенных. После традиционного обмена приветствиями «король» сообщал присутствующим о разного рода событиях, которые произошли в Зулуленде за время его отсутствия. Затем просил кого-нибудь из «матерей» рассказать в свою очередь о событиях, которые произошли в резиденции за тот же промежуток времени. После этого «король» и его приближенные угощались пивом и расходились по своим хижинам.

В лице Соломона Динизулу мы видим своеобразного феодального правителя, восточного владыку с гаремом, и вместе с тем послушную марионетку в руках английского империализма. Южно-африканское правительство платило Соломону ежегодно 600 фунтов стерлингов, используя его в качестве поставщика дешевой рабочей силы на рудники и плантации, о чем пишет и Ребекка Рейер. Известно, что горнодобывающая промышленность имеет огромное значение в экономике Южно-Африканского Союза. Сотни тысяч рабочих рук ежегодно требуются для работы в рудниках Витватерсранда и др. В советской литературе несколько раз появлялось описание тяжелых условий труда рабочих банту на рудниках. «Женщина зулу» является лишь дополнительной иллюстрацией к этому.

Зулу работают под землей в крайне тяжелых условиях, под надзором полицейских, часто тех же зулу. В случае малейшей провинности рабочего наказывают: у него вычитают определенную сумму из зарплаты. Живут рабочие в перенаселенных бараках, лишенных элементарных удобств. Если на шахтах назревает недовольство и может вспыхнуть забастовка, предприниматели обращаются за помощью к «королю» зулу. Рейер пишет, что Соломон в таких случаях неоднократно приезжал на шахты. В честь приезжавшего «короля» устраивались празднества с музыкой, танцами и выпивкой, на которую не скупились предприниматели. Эти празднества «имели целью заглушить ростки возмущения», — пишет Ребекка Рейер.

Англичане намеренно спаивали Соломона, чтобы иметь послушное орудие для эксплуатации населения Зулуленда. Уже в возрасте 40 лет это был большой человек, проводивший весь свой досуг в пьянстве. В пьяном виде он избивал своих многочисленных жен. Некоторые из них не могли выдержать подобную жизнь в королевском краале и убегали. Так поступила и Кристина, первая жена Соломона, первоначально горячо им любимая. Соломон организовывал поиски своих жен при помощи английской полиции и телеграфа. Некоторых беглянок находили и водворяли обратно в «гарем» Соломона.

Умер Соломон в 1933 г. Как предполагает Кристина, он был отравлен кем-то из своих подчиненных.

Англо-африкандерские империалисты прилагают все усилия для сохранения родоплеменной организации и института вождя. Рейер откровенно пишет: «Племенная организация имеет глубокое значение для всей европейской экономической структуры, а за главой зулусского народа старательно ухаживают для того, чтобы использовать его в качестве поставщика рабочей силы и символа власти. С ослаблением власти короля может прийти племенной хаос, который будет гибельным для европейского общества.» (стр. 77).

В книге «Женщина зулу», часто против воли автора, перед читателем обнаруживается истинная сущность миссионерской деятельности англичан в Южной Африке. Во всех наиболее крупных поселениях зулу живут миссионеры со своими семьями. В менее крупных поселениях работают проповедники — зулу или «цветные». Миссионер имеет дом и усадьбу, на которой бесплатно работают зулу, принявшие христианство. Недалеко от миссионерского дома расположена миссионерская школа — круглая хижина с конической крышей, покрытой соломой. Школьная хижина отличается от прочих хижин только тем, что снаружи она побелена. Пол земляной. Только учитель сидит на стуле, ученики же сидят или просто на земляном полу, или на разостланных циновках. В большинстве школ не имеется даже грифельных досок. Миссионеры дают детям только самые элементарные знания грамоты, основная часть времени уходит на заучивание молитв.

Обычно миссионеры используют труд ребят в своем домашнем хозяйстве. Так, Кристина и ее старшая сестра Дэзи с самого раннего возраста обслуживали семью миссионера. Дэзи работала на кухне, стирала белье, носила тяжелые ведра с водой и т. д. Маленькая Кристина (ей тогда еще не было 10 лет) вставала в 6 часов утра и целый день няньчила ребенка миссионера, отлучалась только в школу, да и оттуда в перерыве между уроками забегала его покормить. Когда Кристине исполнилось 14 лет, ее послали обучать детей в селение за 20 км от дома.

Миссионеры смотрели на взрослых зулу и детей, которых они крестили и обучали в своих миссионерских школах, как на своих покорных и исполнительных слуг, обязанных выполнять любое их приказание и поручение.

Случай с Кристиной разоблачает лицемерие и ханжество миссионеров еще с одной стороны: проповедуя несовместимость полигамии с христианством, они закрывали

глаза на то, что воспитанный ими в христианстве «король» содержал гарем, и не находили нужным его осуждать за это. Они отпустили Кристину в его гарем, попытавшись при этом получить с «короля» взятку.

Хотя основное внимание автора обращено на описание жизни и быта «короля» Соломона и его многочисленных жен, в книге мы можем найти описание быта и жизни его соплеменников.

Вот перед нами одно из многих зулусских селений резервата. Низенькие хижины, подобно грибам после дождя, густо покрывают холмистую возвышенность. Селение состоит из нескольких краалей, ведущих каждый отдельное хозяйство. Крааль включает две-три хижины, в которых живут муж, его жены и дети. Возле хижины расположен небольшой участок земли, который обрабатывает муж, подготавливая его к посеву. Посев производят жены. Кукуруза и картофель, реже тыква — основные культуры, возделываемые в зулусском хозяйстве; некоторые выращивают табак для продажи. Мужья с помощью сыновей ухаживают за скотом, работают на близлежащих плантациях англичан или уходят на заработки на рудники. Им нужны деньги для уплаты налогов и покупки предметов первой необходимости. Внутреннее убранство зулусской хижины крайне несложно: циновки и гончарная посуда. Более состоятельные имеют деревянную постель, несколько грубо сколоченных стульев и стол. Однако это — уже роскошь, малодоступная большинству зулу.

В наиболее крупных селениях имеются лавка европейского купца, миссионерская школа, дома судьи и миссионера. Немногочисленные европейцы, живущие в зулусском селении, имеют кирпичные дома, огороженные забором; дома эти расположены несколько поодаль от зулусских краалей. Европейцы посещают краали зулу, когда им нужно нанять прислугу для работы в доме или рабочих для фермы. В доме европейца — радио, музыка, электричество, в хижинах зулу — темнота.

Зулу покупают европейские ткани и платья, женщины носят юбки и блузки, фабричную обувь. Это, однако, роскошь, для многих недоступная. У себя в краале, и особенно в рабочее время, они все еще ограничиваются каким-нибудь куском материи, обернутым вокруг торса.

Повторяем, книга Рейер — это беллетристика, однако она ценна для советского этнографа, так как в ней более или менее правдиво описана жизнь зулу и эксплуатация их английскими империалистами.

М. Райт

J. Faublée. *Ethnographie de Madagascar*, Paris, 1946.

Рецензируемая книга вышла в Париже в 1946 г. Автор ее — Ж. Фобле, профессор школы восточных языков и школы французских заморских территорий. В работе принимали участие сотрудник Музея человека Ж. Руже, которому принадлежит глава о музыке мальгашей, и профессор Парижского университета Р. Хартвег, написавший главу о расовом составе населения Мадагаскара. Предисловие к книге написано Марселем Коппе — в то время верховным комиссаром Республики на Мадагаскаре. Одновременно с выходом книги в Музее человека в Париже открылся зал, посвященный культуре мальгашей. Материалы книги должны были служить дополнением к экспозициям музея.

Автор книги не ставит научно-исследовательских задач. «Этнография Мадагаскара» — книга, рассчитанная на широкую читающую публику. В книге 16 коротеньких глав, каждая из которых посвящена описанию какой-либо определенной стороны культуры и быта мальгашей. Главы насыщены фактическим материалом, снабжены хорошими иллюстрациями. В этих иллюстрациях, отображающих коллекции Музея человека, и в подробной описи к ним — заключается основная ценность рецензируемой работы.

Однако читатель этой книги напрасно старался бы уяснить, что представляет мальгашский народ в настоящее время, каков его быт, его культура. Факты поданы так, что очень тонко и умело извращают действительность. При чтении книги создается впечатление, что автор поставил задачу — представить народ Мадагаскара в архаизированном виде. Само расположение материала уже внушает читателю мысль о примитивности культуры мальгашей. Книга открывается описанием способов использования «даров природы»: несколько глав посвящено сбору и использованию диких корней и плодов, охоте, рыболовству. На одной из первых страниц изображен пастух в набедренной повязке, выпасающий копьём дикие корни. Описания автора дополняют картину: пастух пользуется примитивными способами добывания огня и охотится с помощью сарбогана и пращи.

В следующих главах автор описывает земледельческую культуру и скотоводство на Мадагаскаре. Далее он останавливается на предметах ремесла, постройках, утвари и т. д., но почти не касается приемов, которыми пользуются мальгаше при изготовлении того или иного предмета. О технике ремесла автор не пишет. Пользуясь формальным приемом группировки сведений о предметах в зависимости от материала,

из которого они сделаны, автор сваливает в одну кучу такие ничего общего между собой не имеющие предметы, как деревянная столовая утварь и надгробные памятники.

И тут, как и везде, автор не упускает случая отметить черточку, характеризующую «примитивность» культуры мальгашей. Так, описывая ирригационное земледелие, он особо останавливается на обрядах, якобы долженствующих обеспечить богатый урожай риса. Говоря о резьбе по камню, автор утверждает, что это искусство возникло только под влиянием европейской культуры. Что касается ювелирного искусства, то оно, якобы, заимствовано из Индии.

Покончив с материальной культурой, автор знакомит нас с играми, танцами, развлечениями, фольклором, музыкой Мальгашей. Много места уделено религии. Однако в книге нет и намека на попытку выделить из самых разнообразных по происхождению и характеру элементов религиозных представлений те из них, которые уже ушли в прошлое, и те, которые еще бытуют. Вместо анализа — описание отдельных обрядов.

Очень бегло останавливается автор на вопросе об общественном строе разных этнических групп Мадагаскара в период первого соприкосновения их с европейцами и на последующей эволюции племен мерина — населения Центрального плато.

Заключительная глава работы посвящена вопросу о происхождении мальгашей. Как известно, эта сложная проблема не нашла еще разрешения в науке, а породила лишь многочисленные и малодоказательные гипотезы. Трудность проблемы состоит в следующем. Мальгашаи говорят на языке, близком к малайскому, материальная культура обнаруживает несомненное родство с культурой народов юго-восточной Азии. Между тем антропологический тип мальгашей очень сложен: наряду с монголоидным во всех этнических группах (в разной пропорции) распространен и негроидный тип, но отличный от типа банту восточной Африки. Каково происхождение народов Мадагаскара — задача, над которой бьются многие поколения ученых.

Профессор Фобле, коротко излагая суть различных гипотез, отказывается предложить свое собственное решение вопроса. Весьма осторожно он высказывает предположение, что древнейшее население Мадагаскара вряд ли можно считать по происхождению африканским. В доказательство автор прибегает к преданиям мерина, согласно которым предки последних, высадившись на острове, вступили в борьбу с народом вазимба, культура которого была якобы тоже южно-азиатского происхождения. Таким образом, Фобле древнейшее население Мадагаскара выводит из юго-восточной Азии.

Едва ли можно согласиться с такого рода выводами, тем более, что в самой книге содержатся материалы, противоречащие этому. Укажем один пример. Ж. Руже в главе о музыке на Мадагаскаре пишет, что музыкальная культура сакалавов (население западного побережья острова), особенно на острове Носси-бе, обнаруживает несомненное родство с музыкальной культурой негроидного населения Африки.

В заключение следует сказать, что и выход рецензируемой книги и открытие зала мальгашской культуры — явления знаменательные. Этот интерес колониальных кругов к далекому острову не случаен. Он обусловлен теми событиями, которые назревали на Мадагаскаре в то время. Послевоенный период на Мадагаскаре характеризуется подъемом антинимпериалистического национально-освободительного движения. Именно в 1946 г. создается демократическая партия Мадагаскара «Демократическое движение за возрождение Мадагаскара». В борьбе против империалистических захватчиков объединяются разные этнические группы населения. Колониальная администрация чувствует, как ускользает почва из-под ног, как колеблются основы колониального режима.

Появление в это время книги профессора Фобле и открытие зала мальгашской культуры должны были, видимо, по замыслу колониальной администрации, способствовать восстановлению «нормальных отношений».

Недаром в предисловии к книге Марсель Коппе распинаяется в вечной любви и дружбе к мальгашскому народу. Он пишет, что французов воодушевляют чувства глубокой симпатии к народам, населяющим заморские территории, что французскую колониальную политику отличает «мирное завоевание» (!), что книга должна показать мальгашам, с каким вниманием во Франции относятся к их обычаям и культуре. Истинную цену этих лживых слов показала кровавая расправа колониальных властей с народом Мадагаскара в марте 1947 г.

А. С. Орлова

СОДЕРЖАНИЕ

Борьба за мир и советская этнография	3
В. К. Соколова (Москва). Народное поэтическое творчество в борьбе за мир	9

Вопросы этногенеза и исторической этнографии

Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин и Т. А. Трофимова (Москва). Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза	22
Н. Н. Чебоксаров (Москва) К вопросу о происхождении народов угрофинской языковой группы	36
Б. О. Долгих (Москва). О некоторых этногенетических процессах (переселениях народов и распространении языков) в Северной Сибири	51

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

В. Н. Белицер (Москва). О формировании культуры верхнепечорских и нижнепечорских коми	60
Л. П. Потапов (Ленинград). К вопросу о национальной консолидации алтайцев	75
Я. Р. Винников (Москва). Белуджи Туркменской ССР	85

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

А. И. Першиц (Бийск). Хозяйственный быт кочевников саудовской Аравии	104
Г. М. Петров (Москва). Некоторые данные для характеристики курдов сенджаби в Иране	113
А. И. Собченко (Ленинград). Передача сообщений на барабанах у народов Западной Африки (Использование традиционных средств связи в современной политической жизни Африки)	120

Дискуссии и обсуждения

П. И. Кушнер (Кнышев) (Москва). Об этнографическом изучении колхозного крестьянства	135
Н. И. Воробьев (Казань). К вопросу об этнографическом изучении колхозного крестьянства	142
Н. А. Кисляков (Ленинград). К вопросу об этнографическом изучении колхозов	146
О. Н. Воздвиженская и Л. П. Лашук (Сыктывкар). О некоторых вопросах этнографического изучения колхозного крестьянства	149
Н. П. Горбачева (Ростов н/Д). К вопросу о пересмотре периодизации Моргана	154

Заметки. Сообщения. Рефераты

И. А. Золотаревская (Москва). Вильям Дюбуа	167
М. Н. Шмелева и Е. В. Семенова (Москва). Народные традиции в моделировании современной одежды	172
Б. А. Липшиц (Ленинград). А. Ф. Кашеваров как исследователь Аляски	175
Б. А. Калоев (Москва). Землевладение и землепользование у моздокских осетин	179
Е. М. Залкинд (Ленинград). Из истории обычного права западных бурят	184
В. А. Бдоян (Ереван). Кровнородственный «азг» и родственные отношения у армян	189

Хроника

О. Корбе (Москва). Защита диссертаций в Институте этнографии	193
Н. В. Кюнер, Г. А. Гловацкий (Ленинград). Выставка китайского лубка	196
Об этнографической и антропологической работе на местах после этнографического совещания 1951 г.	200

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Н. А. Бутников (Ленинград). «Man. A Monthly Record of Anthropological Science», 1950	208
--	-----

Вопросы общей этнографии

М. П. Баскин (Москва). Англо-американская этнография на службе империализма	212
---	-----

Народы СССР

А. П. Смирнов (Москва). В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов . . .	216
Н. Лебедева (Рязань). Г. С. Маслова. Народный орнамент верхневолжских карел	219
В. Белицер (Москва). Т. А. Крюкова. Марийская вышивка	221

Страны народной демократии

Р. Липец (Скопин). Словацкие сказки	223
---	-----

Народы Африки

И. Потехин (Москва). А. Т. Bryant. The Zulu people	225
М. Райт (Москва). R. G. Reyer. Zulu woman	227
А. С. Орлова (Москва). J. Faublée. Ethnographie de Madagascar	229

ОПЕЧАТКИ

В № 3 ЖУРНАЛА «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» ЗА 1951 г.

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
174	29-снизу	1556 г.	1558 г.
175	24-я "	И. А. Тургенева	И. С. Тургенева
175	12-я "	1856 г.	1858 г.

ВОЛОДОВСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА